

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1985

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, № 2, 1985

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

2(173)

Апрель — Май — Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1985

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *Э. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бангард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *Л. П. Маринович*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *В. И. Кузицин*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

М. А. Дандамаев

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

По письменным источникам невозможно нигде в мире проследить возникновение религии, поскольку она появилась на очень ранних этапах развития человеческого общества, еще задолго до изобретения письма. Однако клинописные и иероглифические тексты позволяют проследить ее эволюцию в Месопотамии и Египте в течение трех тысячелетий. По крайней мере к началу III тыс. до н. э. египтяне и шумеры создали уже подробно разработанные религиозные системы. В каждом городе почитался местный бог-покровитель, а после создания централизованных царств в этих странах возникли также культы верховных государственных богов.

Возникновение религии было длительным процессом обобщения зачастую совершенно фантастических представлений людей о явлениях природы и общественных процессах. Но с появлением государства религия стала наиболее существенной частью официальной идеологии. Религия освящала существующие общественные порядки и оправдывала их. С этой целью в некоторых странах происходило даже обожествление царей. Например, египетские фараоны обожествлялись начиная уже по крайней мере с III тыс. до н. э. Претендуя на земное воплощение бога Хора, они добавляли к своему имени его титул. Нарам-Суэн (2236—2200 гг.), создатель государства Аккад в Месопотамии, стал называть себя «могущественным богом» и велел изобразить себя на рельефах в головном уборе, украшенном рогами, которые являлись символом богов. Население должно было поклоняться Нарам-Суэну как богу, хотя до него никто из месопотамских царей не претендовал на такую честь, да и позднее у него в этом отношении были лишь единичные подражатели. Так, Шульги, который правил в Месопотамии спустя сто с небольшим лет после Нарам-Суэна, также добился своего обожествления, и в храмах ставились его статуи, которым надо было приносить жертвы. Однако, за исключением Египта, обожествление не было характерно для древневосточных стран. Даже персидские цари из династии Ахеменидов, которые создали первую в истории державу, простиравшуюся от Нубии до границ Северной Индии, считались лишь представителями богов на земле и не обожествлялись.

На всем протяжении древности почти во всех странах Ближнего Востока храмы были крупными землевладельцами и рабовладельцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д. Естественно, царская власть, за исключением отдельных кратковременных периодов, неизменно опиралась на поддержку храмов. В Египте храмы находились на государственном обеспечении. В конце III тыс. до н. э. в Южной Месопотамии храмовое хозяйство постепенно было поглощено царским, но уже с начала II тыс. приобрело самостоятельность.

* Доклад подготовленный к XVI МКИИ.

Цари постоянно дарили наиболее крупным храмам земли и военнопленных, которые обращались в рабов. Кроме того, вавилонские цари платили храмам десятину. Но после захвата Месопотамии персами в 539 г. до н. э. царская десятина храмам была отменена. Теперь храмы сами обязаны были платить государству значительные денежные и натуральные налоги овцами, крупным рогатым скотом, ячменем, финиками и т. д., а также снабжать продовольствием царских чиновников. В период персидского господства храмы должны были также выполнять государственные повинности, посылая своих рабов для работы в дворцовом хозяйстве в Вавилоне и других городах. В храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые следили за своевременной и точной уплатой государственных податей и выполнением повинностей. В руки царских чиновников был передан также надзор над храмовым имуществом, и они часто устраивали ревизию этого имущества.

В центральной царской канцелярии Персидской державы в Сузах существовало специальное учреждение для надзора над храмами. Например, предоставив Иерусалимскому храму ряд привилегий и финансовую поддержку, персидские цари одновременно приняли все необходимые меры, чтобы это святилище находилось под эффективным контролем государственной администрации. В частности, жрецы обязаны были молиться о жизни персидского царя и его сыновей. Даже весовые меры Иерусалимского храма утверждались персидскими царями. Последние установили также дневные выдачи содержания для персонала этого храма. В Египте персидская администрация в лице сатрапа осуществляла верховный надзор за назначением на жреческие должности.

В древних законодательных памятниках контрастно противопоставлены друг другу различные социальные сословия, привилегии и обязанности которых четко оформлены. В текстах этого жанра особенно характерно противопоставление свободных и рабов. Возникает вопрос: как идеологически обосновывалась необходимость держать в узде рабов и других представителей социальных низов?

На древнем Востоке в отличие от средневекового времени не существовали какие бы то ни было спиритуалистические учения, обещавшие загробное вознаграждение обездоленным и пугавшие нечестивцев и угнетателей загробными наказаниями. Хорошо известно, что в средние века и даже в более поздние времена эсхатологические учения о рае и аде в общем и целом, за исключением отдельных критических периодов, помогали держать в покорности угнетенные слои населения. Время от времени десятки тысяч людей ждали дня светопреставления и наступления давно обещанного небесного царства и жаждали проститься с обременительным и скоротечным земным существованием.

Древний Восток еще не знал таких эсхатологических учений и не имел представления о рае и аде. Не только в клинописной, но и во всей обширной ветхозаветной литературе ни рай, ни ад ни разу не упоминаются. Единственное посмертное вознаграждение, которое обещал Яхве своим преданным поклонникам, — это сделать их род неисчислимым, как морской песок или звезды на небе. И наоборот, за грехи нечестивцев предполагалось наказывать их детей и внуков до седьмого поколения.

Еще менее разработаны были представления о посмертном воздаянии за добродетельный образ жизни или за грехи в других древневосточных обществах. Хотя господствующая идеология внушала всем слоям населения необходимость почитания богов, соблюдение существовавшей в данном обществе морали, выполнение обязанностей, связанных с социальным статусом тех или иных членов общества, эта идеология не могла дать вообще никакого удовлетворительного ответа на вопрос, почему часто праведные подвергаются постоянным злоключениям, а нечестивцы преуспевают. Господствующей идеологии приходилось ограничиваться

бесперспективной попыткой внушить народу, что воля богов непостижима.

Более трех тысяч лет назад в Вавилонии были созданы две поэмы, которые получили в ассириологии условные названия «Теодицея» и «Невинный страдалец». Герои этих произведений ставят извечный вопрос: почему праведники бедствуют, а нечестивцы безмятежно наслаждаются жизнью? По вавилонским представлениям, миром правит верховный бог Мардук. Почитатели ждут от него справедливости, но тем не менее он допускает, чтобы даже самые преданные ему люди страдали. Праведник, который неукоснительно соблюдал все божеские установления и регулярно приносил жертвы, подвергается всяческому гонениям. Он жалуется, что не только боги, но и родные бросили его; горе и голод иссушили черты его лица; царь находится на стороне богатых, и из закромов бедных выгребают последние остатки; злодеи, которые не почитают богов, благоденствуют. На свои жалобы на несправедливость богов праведник получает только один ответ: смертные не могут постичь решения богов на небесах ¹.

Как известно, образу невинного страдальца посвящена и библейская книга Иова, мужа непорочного, справедливого и богобоязненного. Все дети его гибнут, он лишается своей земли, и огонь поражает его скот. Но он утешает себя сентенцией: «Бог дал, бог взял». Затем проказа и другие несчастья поражают Иова. Тем временем злодеи и нечестивцы проводят свои дни в счастье. Бог наполняет их дома добром, хотя они говорят ему: «Отойди от нас, мы не хотим знать тебя». Утешители Иова говорят ему: «Бог непостижим, пути господни неисповедимы».

Важной особенностью древних религий было то, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим традиционным богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. По той же причине в древности со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Представители различных народов могли жить бок о бок, вступать в деловые отношения друг с другом и заключать смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре других народов. Об этом свидетельствует бесчисленное количество фактов.

Например, когда в VI в. до н. э. была создана мировая Персидская держава, ее цари выступали поклонниками не только иранских, но также египетских, вавилонских, греческих и других чужеземных богов. В храмах этих богов приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны богов других народов. Обычно это объясняют политическими соображениями, стремлением не создавать лишних препятствий на пути к мировому господству и сохранению единства державы ². Однако такое объяснение несостоятельно. Тем более невозможно согласиться с исследователями, которые полагают, что персидские цари пытались заменить в завоеванных странах местные религии иранским зороастризмом ³. Известно, например, что персы приносили жертвы греческим богам «по эллинскому обычаю» с помощью местных жрецов и в огне боев, когда они воевали с греками на земле последних ⁴. Персы, будучи в Греции, считали, что небесными хозяевами этой страны являются эллинские, а не иранские боги, которые отнюдь не были всемогущими в чужой стране. Таким образом, хотя персидские цари считали своего Ахура-Мазду самым

¹ Ср. Lambert W. G. *Babylonian Wisdom Literature*. Oxf., 1975, p. 26.

² Ср. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика древнего Ирана*. М., 1980, с. 340.

³ См. литературу там же, с. 339.

⁴ Herod., IX, 37—38.

могущественным богом, они веровали также в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки⁵. Насколько эти правители были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, показывают эламские документы из Персеполя. Из них видно, что в городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахура-Мазды и других иранских богов, но также эламского бога Хумбана и вавилонского Адада. При этом, несмотря на то, что при перечне богов Ахура-Мазда упоминается всегда на первом месте, для его культа отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для эламского бога Хумбана. Как отмечает издатель этих текстов Халлок, экономическая администрация обращается со всеми богами как с равными⁶.

В VIII в. до н. э. ассирийцы уничтожили Израильское царство, депортировали значительную часть его населения в Месопотамию и на его место переселили жителей Северо-Западного Ирана. Очевидно, из-за непривычного климата переселенцы массами стали умирать от болезней. Ассирийскому царю доложили, что эти люди гибнут от нападения львов, потому что не знают, как следует поклоняться местному богу. Тогда он велел послать к ним жрецов Яхве, чтобы научить их традиционным обычаям почитания этого бога⁷. Естественно, иранцы и другие племена, переселенные на чужбину, считали, что теперь им бесполезно поклоняться одним лишь своим племенным богам, и отныне считали своим богом также небесного владыку той страны, где им суждено было жить.

Александр Македонский после завершения своего индийского похода велел эллинским жрецам и иранским магам совершить совместно богослужение и жертвоприношения⁸. Лишь только отсутствием догматической нетерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись IV в. до н. э., найденная в Малой Азии, говорит о бракосочетании вавилонского бога Бела и иранской богини Дайна-Маздаяснш (дословно: «маздаяснийская вера»). Бел обращается к своей супруге со словами: «Ты — моя сестра; ты очень мудра и прекраснее, чем другие богини»⁹. В свете всего сказанного легко понять и то глубокое почтение и уважение, с которыми Геродот относился к чужеземным религиям, и его боязнь говорить всуе о священных для других народов делах.

Для древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические или моральные мотивы, а полное отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси. Еретические учения не могут возникнуть при политеизме, так как всякий культ считается правомерным и имеющим право на существование. Раз признается многобожие, вполне логично и полезно в случае необходимости добавить к своим традиционным богам и богов чужеземных. В силу указанных причин древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии.

Конечно, нам известно достаточно много случаев, когда тот или иной правитель стремился выдвинуть на первый план культ какого-либо одного бога в ущерб культам других божеств. Например, с возвышением Вавилона к середине II тыс. до н. э. бог-покровитель этого города Мардук был объявлен верховным государственным богом страны. Или другой пример: когда в VII в. до н. э. к власти в Египте пришла династия, происходящая из города Саиса, культ его богини-покровительницы Нейт

⁵ Ср. *Bickerman E. The Edict of Cyrus in Ezra I.* — In: *Bickerman E. Studies in Jewish and Christian History.* V. 1. Leiden, 1976, p. 72 ff.

⁶ *Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets.* Chicago. 1969, p. 5.

⁷ IV Regn. 17: 24—27.

⁸ Arr., Anab. VII, 11, 8.

⁹ *Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik.* B. I. Giessen, 1903, S. 69.

стал играть выдающую роль в духовной жизни египтян. Последний вавилонский царь Набонид в середине VI в. до н. э. проводил значительные религиозные реформы, стремясь выдвинуть на первое место культ бога луны Сина в ущерб культу Мардука. Но он, конечно, продолжал поклоняться последнему и другим традиционным богам вавилонян и жертвовал в их храмы богатые дары. Иранский пророк Зороастр объявил Ахура-Мазду верховным богом, но тем не менее не отрицал и существования других божеств. В начале XIV в. до н. э. египетский царь Эхнатон ввел новый единый государственный культ — древнее фараоновское божество, но не в виде прежнего бога, а как солнечный диск под названием Атон. Культы прежних богов впали в немилость и лишились щедрой государственной поддержки. Само по себе это явление совершенно не типично для древних обществ. Но и в данном исключительном случае не было никакого запрета почитать других богов.

Еще в прошлом веке некоторые ученые высказывали совершенно неверное мнение, что древний Восток погиб из-за религиозного разделения людей, из-за презрения к культам иноверцев, затруднявшим контакты между людьми. В ряде современных трудов можно встретить утверждение, что религиозные распри в древних обществах ослабляли государственный строй¹⁰. Крупнейший западноевропейский историк древности Эдуард Мейер писал, что в древности иудеи, жившие на острове Элефантина в Египте, усердно занимались обращением прозелитов в свою веру¹¹. Однако в действительности прозелиты никому не были нужны в древности, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с ними отнюдь не безграничными благодеяниями своих богов¹².

Когда стало складываться учение о строгом монотеизме и в V в. до н. э. иудейские законоучители начали насильственно внедрять его среди своих соплеменников, был нанесен первый серьезный удар древним плюралистическим религиозным представлениям. Палочные удары, которые обрушились на тех, кто поклонялся наряду с Яхве финикийско-ханаанским божествам или заключал смешанные браки, встретили яростное сопротивление со стороны народа. Но после долгой борьбы, унижительных и мучительных наказаний, демагогии и важных экономических реформ удалось добиться торжества монотеизма. Тем не менее через весь «Ветхий Завет» красной нитью проходит утверждение о том, что иудеи, заключив с Яхве завет о верности ему как своему племенному богу, в течение многих столетий нарушали его и именно поэтому подвергались бесконечным карам.

Однако и после победы иудейского монотеизма речь шла только о попытке изолировать в культовом отношении один народ от остальных. Еще не делалось никаких попыток навязать другим народам культ Яхве. Наоборот, идеологи Иерусалимской общины, требуя от иудеев решительного разрыва с идолопоклонством других народов, не допускали представителей последних на богослужение в своем храме и были против того, чтобы окрестное самаритянское население поклонялось их племенному богу, ибо это означало бы необходимость делиться с ним милостями Яхве. В этом отношении монотеизм еще сохранял образ мышления, присущий древним общинным религиям.

Но с того времени когда христианство, одна из ранних мировых религий, стало господствующим, впервые возникли представления о ложных богах и различных формах ереси. Все религии, кроме христианской, были объявлены ложными, и древняя идеология была обречена на постепенную гибель. Естественно, эти же тенденции были характерны и

¹⁰ См., например, САН, v. IV. Cambr., 1969, p. 209.

¹¹ Meyer E. Der Papyrusfund von Elephantine. Lpz., 1912, S. 76.

¹² Ср. Bickerman E. Nebuchadnezzar and Jerusalem. — Proceedings of the American Academy for Jewish Research. V. XLVI—XLVII. 1979—1980. Jerusalem, 1980, p. 83.

для ислама — другой крупной мировой религии. Теперь целые библиотеки и многие произведения искусства были обречены на уничтожение или в лучшем случае на забвение¹³, ибо они не удовлетворяли требованиям новой идеологии, — явление, не имевшее прецедента в древневосточных обществах. Исчезла возможность идеологического маневрирования, и стал необходим селективный отбор идеологических догматов, подходящих для того или иного общества. Если существует один-единственный истинный бог, все, что неудобно ему, должно быть уничтожено.

Можно было предположить, что в древних обществах с множеством государственных, общинных, племенных, местных богов человек был обречен на бесконечное и непрерывное служение богам. Но на самом деле древний человек жил в довольно умеренном религиозном климате¹⁴, и служба богам в основном была обязанностью профессиональных жрецов, которые за это и получали свое вознаграждение. При этом многочисленные религиозные праздники были важным подспорьем для бедных слоев свободного населения, так как во время их они получали из храма калорийную пищу.

Центральная власть, как правило, не вмешивалась в личную жизнь населения и не следила за выполнением отдельными людьми религиозных предписаний. Они могли почитать любых богов, но обычно поклонялись традиционным богам своей общины. Лишь в Иудее пророки неоднократно осуждали почитание наряду с Яхве различных финикийско-ханаанских божеств. Однако борьба против культов последних в течение долгого времени была обречена на неудачу, так как многие иудейские цари сами благожелательно относились к этим богам.

Мы не располагаем свидетельствами источников о том, как государство карало преступления против религии. Разумеется, в те далекие времена человек находился в плену у предрассудков и глубокой веры, которая, правда, не мешала ему часто посягать на храмовое имущество, которое считалось собственностью богов. И пожалуй, «свободомыслие» древнего человека ограничивалось тем, что он осмеливался укорять богов в неблагодарности за те жертвы, которые они получали от своих адорантов, и за равнодушие и безразличие к судьбе и страданиям людей.

В «Псалмах» царя Давида, в своей основе восходящих к X в. до н. э., неоднократно говорится о «безумцах», которые не веруют в бога и отвергают его. Сомнительно, однако, что в те времена, действительно, существовали такие смельчаки, которые отрицали существование богов. Скорее всего, в этом произведении под «безумцами» имеются в виду те иудеи, которые не признавали своего племенного бога Яхве, но поклонялись ханаанским божествам Ваалу, Астарте и другим, примеров чему в «Ветхом Завете» много.

В ассирийских текстах VIII—VII вв. до н. э. встречаются собственные имена со значениями «не почитающий бога», «не боящийся бога» и т. д. В одном ассирийском тексте того же времени упоминаются 17 вавилонян, «которые не боятся бога». Однако этот лаконичный документ не содержит никаких пояснений, и его назначение неясно. Если эти люди, действительно, были безбожниками, их можно считать первыми известными нам вольнодумцами¹⁵.

¹³ Для краткости сошлемся лишь на следующий пример. После завоевания Персии арабами мусульманские священники велели сжечь все книги персов, ибо последние не могли стать правоверными, «пока они владеют книгами, посвященными естественным наукам, законам и вере в идолов. Сжегши книги, они, таким образом, наложили запрет на их науки» (см. *Лев Африканский*. Африка — третья часть света. М., 1983, с. 40).

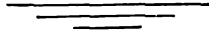
¹⁴ *Oppenheim A. Leo*. Ancient Mesopotamia. Chicago, 1977, p. 176.

¹⁵ См. *Дьяконов И. М.* «Безбожники» в Ассирии. — КСИНА, 86, 1965, с. 16—17.

THE STATE AND RELIGION IN THE ANCIENT NEAR EAST

M. A. Dandamayev

With the appearance of the state, religion became the most essential part of official ideology, sanctifying the existing social order and justifying it. With this purpose in view kings were sometimes deified. However with the exception of Egypt, deification was not characteristic of the ancient orient; even the Persian kings of the Achaemenid dynasty, creators of the first world power, were regarded merely as representatives of the gods on earth, they were not deified. In the ancient orient, unlike the Middle Ages, there were no spiritual doctrines whatever, no promises of reward beyond the grave for the wronged and deprived, no threats of punishment beyond the grave for the wrongdoer and oppressor. The ancient East had as yet no eschatological doctrines, no notions of heaven and hell. Though the dominant ideology prompted all layers of society to worship the gods, observe the rules of the prevailing morality and fulfil their obligations according to their status in society, this ideology could provide no satisfactory answer to the question: Why do the righteous suffer evils while the wicked flourish? The ruling ideology can only assure the people that the will of the gods is inscrutable. An important feature of ancient religions was that they were not dogmatic or intolerant of the beliefs of others. Hostility towards the customs, traditions and culture of other peoples was alien to antiquity. When the Persian empire was created in the 6th century B. C. her rulers held sacrifices not only to the Iranian gods but also to those of Egypt, Babylon, Greece and other foreign deities whose good will they cherished. Full freedom of religious belief was universal in the ancient orient and the reason for it was not a political or moral one, but the complete absence of any concept of a false faith, of any form of heresy. Heretical doctrines cannot arise where there is polytheism, since any cult is regarded as having its own internal justification, its right to exist. Only when Christianity, one of the early world religions, became dominant did there arise for the first time notions about false gods and heresies. These same tendencies are typical of Islam, another great world religion.

Е. С. Голубцова

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ*

Истоки религиозных представлений в античном мире появились на очень ранних этапах развития человеческого общества не только в Греции и Риме, но и во всех регионах тогдашней ойкумены. О путях возникновения религии можно судить ретроспективно — по греческой мифологии, преданиям и сказаниям, сохранившимся в ранней римской истории, мифам и легендам народов, населявших Восточное и Западное Средиземноморье. Древнейшая античная религия была созвучна религиям стадильно близких народов как религия кровнородственных и территориальных общин, почитавших своих родоначальников и покровителей, обожествлявших силы природы. Власть царей и вождей носила сакральный характер. Общины объединялись для отправления религиозных обрядов. По мере выделения знати и жречества имеет место усложнение культа, появление пантеона, развивается мифология — у греков интенсивно, у римлян в меньшей степени.

Греческая мифология дошла до нас главным образом в произведениях Гомера и Гесиода, а позже — в пересказе авторов классической и эллинистической эпох. Первоначально греческие боги почитались в виде животных, которых впоследствии они имели своими символами. Из локальных на ранних стадиях развития общества они превращаются во всемирных, что особенно ярко видно по «Теогонии» Гесиода. Культы основной триады греческих богов — Зевса, Афины, Аполлона, равно как и второстепенных, играли важную роль в политической жизни греческих полисов. Достаточно привести следующий пример: храм Аполлона в Дельфах явился центром, объединившим ряд городов. Для защиты святилища была создана так называемая Дельфийская амфикистия, куда вошли представители различных полисов. Этот союз со временем из религиозного превратился в политическую международную организацию. Следует учитывать, что греческая мифология с течением времени трансформировалась, что сказалось и на ее роли в политической жизни. «Функции» богов меняются в различные периоды. Например, Афина в раннюю эпоху имела эгео-анатолийские черты, как считает П. Дебор¹; в V в. она — покровительница города Афин, при первых Атталидах — главное божество Пергама, в эпоху империи — символ божественного происхождения римских императриц.

Религия в Риме, равно как и ее роль в жизни государства, заметно отличалась от того, что имело место в Греции. В Риме не было своей сложившейся мифологии, и первоначально боги являлись обожествленными силами природы. Ж. Дюмесиль² считал, что в раннем Риме мифология основывалась на делении общества на жрецов, царей и их приб-

* Доклад, подготовленный к XVI МКИИ.

¹ *Debord P. Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie greco-romaine. Leiden, 1982.*

² *Dumézil G. La religion Romaine archaïque. P., 1967.*

лиженных, воинов и трудовой народ. Ранняя римская религия была религией общины, ее боги были покровителями урожая и виноградарства, хранителями скота (быков, мулов, овец), они олицетворяли силы природы. Обожествлялись также деревья, роши, леса, на что указывал еще Фрезер³. В Риме, возникшем из территориальной общины⁴, религия была делом коллектива, всех полноправных общинников, а не индивидов. В более позднее время, в царский период, религиозные празднества устанавливали сами цари. Дионисий Галикарнасский сообщает, что Ромул назначил 60 жрецов, которые совершали обряды по фратриям и филам, а Нума поручил проведение одного из религиозных празднеств 30 курионам, которые приносили общие жертвы за фратрии. Ромул в каждой из 30 фратрий учредил очаг и назначил жрецов богини Весты. Нума добавил к ним еще один очаг между Капитолием и Палатином (Dion. Hal., II, 21; 64).

Человек в античном мире — будь то грек, галл, фракиец, римлянин, кариец и др. — не начинал ни одного дела, пока не узнавал «воли богов». Поэтому в древности были четко разработаны методы и приемы гаданий по полету птиц, внутренностям жертвенных животных, прорицания. К этому прибегали не только частные лица, но полководцы и цари, а позже римские императоры. Например, как сообщает Ливий, Ромул перед основанием Рима получил благоприятное предзнаменование, увидав 12 коршунов, что было истолковано авгурами как 12 веков величия Римского государства (Liv., I, 7).

Формирование религии шло параллельно с развитием общественных отношений, с постепенным переходом от родо-племенного строя с его общинным устройством к классовому обществу. С возникновением государства религия становится составной частью официальной идеологии. В античных полисах, как и в других государственных образованиях древнего мира, религия играла большую роль в политике, экономике, в области социальных отношений. Религия возвышала правителей над остальными людьми, оправдывала обожествление полководцев, царей, императоров, различных политических деятелей, способствовала созданию государственных культов с их обрядами и жреческими коллегиями.

Религии римской цивитас и греческого полиса имели свои характерные черты. Раздробленность Греции обуславливала большее значение локальных культов богов отдельных полисов, общин и храмовых объединений, а также дальнейшую разработку мифов о героях и богах — родоначальниках и покровителях городов и деревень. В Риме с объединением и покорением Италии получили распространение римские и итальянские культы. Постепенно приходят в упадок культы локальных божеств и героев, которые вытесняются ларами фамильных и соседских общин. Разработка мифологии обращается в сторону создания «римского мифа» об особой миссии Рима, идеологического обоснования его агрессии. В более позднее время, как отмечает Е. М. Штаерман⁵, централизация культа и формирование пантеона богов связано с усилением мощи Рима. На первое место выходят те боги, которые олицетворяют успехи римского государства.

Распространению «римского мифа» в немалой степени способствовало знакомство римлян с греческой мифологией, которая теперь должна была доказывать божественное происхождение римских политических деятелей. Обожествлялись полководцы, а затем и императоры, их жены, члены их семей. Важное значение приобрел миф об Энее как родоначальнике римлян, получивший поэтическую разработку и законченную форму

³ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

⁴ Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.

⁵ Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

в «Энеиде» Вергилия, где обосновано предназначение богами всемирное господство Рима.

Со времени Пунических войн исчезает целый ряд культов, имевших общинное происхождение, в первую очередь сельскохозяйственных, выдвигаются общегосударственные боги. Как считал Полибий (VI, 56. 8—12), римская религия была призвана держать в повиновении толпу. В эпоху Августа, с одной стороны, были восстановлены храмы, празднества и обычаи предков, *mos maiorum*, однако, с другой, была сделана попытка найти религиозное обоснование монархической власти⁶. В Египте, например, был сооружен храм в честь Августа, *Kaisáρειον*, в Пергаме воздвигнут храм, посвященный богине Роме и Августу. Август почитается как *Σωτήρ*, *Κτίστης*, *Ἐλευθέριος*, разрабатывается процедура его культа, который переходит потом в западные провинции — Нарбонскую Галлию, Германию⁷. В дальнейшем культ императоров получает широкое развитие и оказывает воздействие на жизнь Италии и провинций. Император является *δεσπότης τῆς οἰκουμένης*, «Нилос τοῦ κόσμου», он называется сначала сыном бога (*υἱὸς τοῦ θεοῦ*), а затем и богом (*θεός*).

Религии *цивитас* и *полиса*, этих двух форм городской общины античного мира, имели сходные черты: отсутствие или исчезновение религиозной системы, которая бы основывалась на велении божества, а не на долге гражданина; отделение права божеского от права человеческого (*ius divinum* от *ius humanum*); восприятие богов как составной части природы, а отсюда и отсутствие представления о сверхъестественном. Для гражданина и полиса и *цивитас* было обязательным исполнение обрядов своей общины, будь то фамилия, соседская община, город, хотя и при сохранении полной веротерпимости. Как говорил Цицерон в трактатах «О дивинации», «О природе богов», «О законах» — граждане должны были отправлять культы богов, но это не значило, что они должны в них верить. Римляне считали, что гражданские порядки важнее религиозных и сама община важнее, чем почитаемый ею культ. Они не насаждали насильственно свою религию ни в западных, ни в восточных покоренных ими областях, религия провинций устойчиво сохраняла те черты, которые имели место до появления там римлян. Лица, попавшие на чужбину, имели право отправлять свои местные культы, и римская религия этому не препятствовала.

В античном мире религия являлась цементирующей силой коллективов, как городских, так и сельских. Она играла ведущую роль в тех взаимоотношениях членов фамилии, которые регулировались не законом, а традицией — фамильные лары были хранителями *pietas*. Религия служила сплочению граждан во время различных бедствий — так было, например, в период второй Пунической войны.

Религия неоднократно являлась знаменем социальной оппозиции, народных выступлений против существующего режима. В качестве примера можно привести один из ярких эпизодов борьбы «бедноты и рабов» против Атталидов в Пергаме в 133—130 гг. до н. э.⁸ К движению, возглавленному Аристоником, примкнули угнетенные слои населения больших городских центров Западной Малой Азии, а также племена внутренней Анатолии. В движении большое значение приобретает культ «Справедливого солнца», который вообще нес большую «социальную нагрузку» и был широко известен в Восточном Средиземноморье. Согласно сообщению Страбона (XIV, 1, 38), Аристоник «собрал бедняков и рабов, которым обещал свободу, и назвал их гражданами города Солнца, гелиополитами».

⁶ Машкин Н. А. Принципат Августа. М., 1949.

⁷ Clavel-Lévêque. M. Le syncrétisme gallo-romain, structures et finalités. Roma, 1972.

⁸ Vavrinek F. Povstani Aristonikovo. — Rozprawy Ceskoslovenské Akademie ved, ročník 67, 1957, Sesit 2.

В историографии в течение последних 100 лет дебатруется вопрос о том, в какой мере идеология восставших была связана с утопией Ямбула и его государством Солнца. Одни ученые видели между ними непосредственную связь, другие ее отрицали, однако в настоящее время исследователи все чаще склоняются к мысли о том, что утопия Ямбула и идеология восставших имели общие корни. Их надо, видимо, искать в мировоззрении сельских жителей, которые в многочисленных надписях обращаются с молитвами к «Гелиосу Справедливому». Не меньшее значение в социальной жизни имели божества «священные и справедливые» (θεοὶ ἅγιοι καὶ δίκαιοι), а также богиня Δίκη, которая на рельефах изображалась в виде женской фигуры, держащей весы с двумя чашами. Имели место обращения к богам и в тех случаях, когда императоры требовали клятвой подтвердить верность своих подданных существующему порядку. Известно, например, что Августу, его детям и потомкам была принесена клятва жителями Пафлагонии «именем Зевса, Земли, Солнца и всех богов». Нарушившего ждала страшная кара — боги могли лишить его жены, детей, урожая и т. д.

Велика была роль религиозных культов при отпущении рабов на волю — на востоке империи это был, в первую очередь, культ Аполлона Лермена⁹, на западе — Фортуны, Геракла, Феронии и ряда других¹⁰. Особой популярностью у низших слоев населения пользовался культ Доброй богини (Вона Деа). Он, видимо, принадлежал к древнему культу богини-матери, матери-Земли, популярному у всех народов как Западного, так и Восточного Средиземноморья.

Античная религия — это не только религия государства и полиса, но и религия деревни, сельской местности, которая также являлась составной частью античного общества. Это относится, в первую очередь, к таким регионам, как Северная Африка, Сирия, Малая Азия, Южная Галлия, Фракия и др., которые имели общий высокий уровень культуры села и устойчивые религиозные представления населения.

Боги горожанина и крестьянина были одними и теми же, но отношение к ним было различным. На это указывает, например, Варрон (*De re rustica*, I, 1, 4), который называет сельскими богами Юпитера (небо), Теллус (Землю), Солнце и Луну, а также Цереру и Либера, дающих крестьянину пищу и питье, Минерву и Венеру, дающих оливки и овощи. В восточных областях Средиземноморья боги греческого пантеона являлись покровителями общины, ее сельского хозяйства, самого крестьянина, его близких, его скота и урожая. Характерным было то, что греческие боги, сохраняя свои имена, приобретали местные черты. Это были уже не олимпийцы, взирающие на всех с высоты. Общинник возносил к ним мольбы по любому поводу, который казался ему важным.

В западных провинциях Римской империи, как отмечает Е. М. Штаерман¹¹, община также имела своих богов, культовые ассоциации. Как греческие герои, они защищали свою общину на войне, давали ей хорошие урожаи и изобилие скота, учили ее и лечили в мирное время, охраняли ее социальный строй и его законы. Уроженцы западных провинций, уезжая в другие районы, продолжали почитать своих исконных божеств, соблюдать обряды и празднества своей родной общины. Впоследствии они богов-эпонимов своего племени или пага отождествляют с римскими богами, но сохраняют их имена и их функции. Характерным при этом в общине был дух коллективизма, ей был чужд индивидуализм представителей высших классов.

Важной силой в античном мире, правда, меньшей, чем на древнем Востоке, были храмы, жрецы, служители культа. Широко известна роль

⁹ Голубцова Е. С. Формы рабства и зависимости в Малой Азии. — В кн.: Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977.

¹⁰ Штаерман. Ук. соч.

¹¹ Штаерман. Ук. соч.

храмов в Греции, начиная с классического периода, храмы в Дельфах и Олимпии являлись хранилищами текстов важнейших договоров, заключенных между полисами о мире, союзе и войне. Тексты договоров хранились в храмах и других городов, выставлялись на площадях для всеобщего обозрения. В храмах же хранились и городские сокровища. В классической Греции они считались неприкосновенными для неприятеля, многие из них имели право асии.

Наряду с этим храмы в Греции исполняли традиционную роль банкиров и ростовщиков. Они давали деньги в кредит не только частным лицам, но и городам, а иногда даже государствам. В делосской надписи IV—III вв. до н. э. говорится, что храмы в Греции, и в частности храм Аполлона, располагали крупной земельной собственностью, вели большое хозяйство, имели мастерские, арендаторов и рабов. При храмах также проводились ярмарки, на которых оформлялись торговые сделки, оптовые закупки больших партий товара. Жрецы ряда крупных храмов в некоторых регионах осуществляли также государственную власть, как то имело место, например, в Комане. По свидетельству Страбона (XII, 2, 3), «жители города — катаонцы, они подвластны царю, но большей частью подчиняются жрецу. Обычно жрецы принадлежат к тому же роду, что и цари». В отличие от того, что имело место на Востоке, в Риме храмовое хозяйство не развилось, не было касты жрецов.

Во все эпохи государство контролировало деятельность храмов и либо накладывало на них подати и налоги, либо поощряло, давало земли, приписывало к храмам окрестные деревни с жившими там крестьянами. Интересна, например, серия документов, охватывающих период в пять—шесть веков. Первый по времени — эдикт Антиоха¹², в котором царь дарит в вечное владение храму Зевса Байтокайского деревню, находившуюся поблизости, и принадлежавшие ей земли. Доходы должны идти на жертвоприношение и на обогащение храма. Храму даруется также право асии. Следующий — декрет императора Августа, который разрешает рядом с этим храмом организовать ярмарку, где бы товары продавались беспошлинно и доходы от продажи поступали бы храму. И, наконец, рескрипт императоров Валериана и Галлиена (253—260 гг.), подтверждающий привилегии этого храма, которые устойчиво сохраняются на протяжении ряда веков.

В эпоху кризиса античного мира, резкой социальной дифференциации, обострения классово-социальной борьбы усиливаются центробежные тенденции в идеологической жизни. Попытки императорской власти усилить свои позиции и дать новое религиозное обоснование власти *dominus et deus* ощутимых результатов не приносят. Большие надежды императоры возлагают на развитие солярной теологии. Они объявляют себя аналогами «Солнца справедливого», который все делает для блага людей, верховными богами, «разумом мира» (как об этом пишет Дион Хрисостом). Провозглашается богоизбранность императоров, которые приносят людям «золотой век». Несмотря на это императоры были вынуждены считаться с теми слоями, которые почитали традиционно-римских богов, в частности, с популярностью Юпитера Капитолийского в армии, с оживлением провинциальных культов в основном в тех районах, откуда набиралась армия и происходила провинциальная знать.

Таким образом, религия играла большую роль во всех областях жизни античного мира. И греческие и римские божества «принимали участие» в войнах той или иной из враждующих сторон, являлись покровителями городов, отдельных государственных деятелей и полководцев. Культы и храмы представляли собой важную политическую, а иногда и экономическую силу. Обожествление императоров способствовало упрочению

¹² В документе не указывается, какой из трех Антиохов имеется в виду — первый (280—261 гг.), второй (261—247) или третий (223—187 гг.)

их власти, покровительства богов добивались все цари, начиная с Ромула. Центральная власть, как правило, не вмешивалась в религиозную жизнь ни горожанина, ни крестьянина. С эпохи формирования государства религия стала одной из важнейших форм официальной идеологии. В религиях античного мира не было обосновано угнетение бедного богатым, не аргументировалась необходимость повиновения низших высшим. Боги не предписывали рабам повиноваться своим господам — мотив, который позже стал одним из ведущих в христианской литературе. Совершенно новая эпоха во взаимоотношениях государства и религии наступила лишь с превращением христианства в государственную религию, когда церковь создала религиозную систему, освящавшую власть императоров и строй общества.

THE STATE AND RELIGION IN THE GRAECO-ROMAN WORLD

Ye. S. Golubtsova

The beginnings of religious notions in classical antiquity appeared at very early stages in the development of society, not only in Greece and Rome, but in all parts of the then known inhabited world. Of the ways in which religion developed we may judge only retrospectively, by Greek mythology, by legends and tales preserved in early Roman history, by the myths and deities of the Eastern and Western Mediterranean. No one belonging to the world of classical antiquity, be he Greek, Gaul, Thracian, Roman, Carian or what you will, embarked upon an enterprise, public or private, without consulting the will of the gods. This consultation had strict forms and methods of divination, by the flight of birds, the condition of the internal organs of animals, by oracles and auguries. Greek religion and mythology went through transformations and were much influenced by oriental and local cults, which had its effect on the role of religion in political life. The «functions» of the gods were different in different periods. Religion in Rome, and its role in the life of the state, was markedly different from what it was in Greece. Rome had no mythology of its own and originally its gods were deified, but not anthropomorphized, forces of nature. From the time of the Punic wars the old community cults, mainly agricultural, began to disappear and state gods came to the forefront. In the view of Polybius (VI 8—12) the Roman religion of that time was called upon to keep the «crowd» in order. For many centuries the Roman religion was distinguished by its tolerance of other beliefs. In the religions of antiquity the oppression of the poor by the rich was not an article of faith nor was it argued that the little man must obey the great. The gods did not admonish the slaves to obey their masters — a motif which later became a leading one in Christian literature.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A)

СВОД ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ*

11. CRATYLVS — КРАТИЛ

(s. V med.— IV init.?)

Testimonia omnia de eo et Heraclitismo eius
Свидетельства о нем самом и о его гераклитизме

VITA ET HABITVS — ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕР

(Crat.) 1

T 37

(a) Plat. *Cratyl.* 429 D 7 — E 9 (Burnet; Méridier) [→T 57],
post → T 71

ΣΩ. κομφοτερος μὲν ὁ λόγος ἢ κατ' ἐμέ καὶ κατὰ
τὴν ἐμὴν ἡλικίαν, ὧ ἐταῖρε. ὁμῶς μέντοι εἰπέ μοι τὸσονδ᾽
Ε ποτερον λέγειν μὲν οὐ δοκεῖ σοι εἶναι ψευδῆ, φάναι δέ;

ΚΡ. οὐ μοι δοκεῖ οὐδὲ φάναι.

ΣΩ. οὐδὲ εἰπεῖν οὐδὲ προσεῖπεῖν; οἷον εἰ τις ἀπαντήσας
σοι ἐπὶ ξενίας, λαβόμενος τῆς χειρὸς εἴποι· «χαῖρε, ὧ ξένη
5 Ἀθηναῖε, ὅς Σμικρίωνος Ἑρμογένεος», οὗτος λέξειεν ἂν
ταῦτα ἢ φαίη ἂν ταῦτα ἢ εἴποι ἂν ταῦτα ἢ προσεῖποι ἂν
οὔτω σὲ μὲν οὐ, Ἑρμογένη δὲ τόνδ᾽; ἢ οὐδένα;

ΚΡ. ἐμοὶ μὲν δοκεῖ, ὧ Σώκρατες ἄλλως ἂν οὗτος ταῦτα
φθέρῃασθαι.

СОКРАТ. Слишком тонкое рассуждение для меня и для моих лет, дру-
жище. Но скажи мне вот что: по-твоему, утверждать что-либо ложное
нельзя, а сказать можно? — КРАТИЛ. Нет, мне кажется, и сказать
нельзя. — СО. Ни заявить, ни назвать? Предположим, кто-нибудь, встре-
тивши тебя на чужбине и взяв за руку, заявил: «Здравствуй, гость
афинский, сын Смикриона, Гермоген!», утверждение это, или высказы-
вание это, или заявление это, или название такое относилось бы не к тебе,
а к этому вот Гермогену? Или ни к кому? — КР. Мне кажется, Сократ,
что он напрасно бы произносил все это.

E 5 cf. 384 A 8 ὧ παῖ Ἰπποκρίτου Ἑρμογένεος, Xen. Apol. 2 etc.

DK 65 A 1

[BTW] E 3 s. σοι ἀπαντήσας W || E 4 ξενίας codd. : ξένης Cobet || ὧ om. W

* Продолжение. Начало см. ВДИ, 1984, № 4. В настоящей, 11-й главе, посвящен-
ной гераклитовцу Кратилу, читатель найдет первое полное издание античных свиде-
тельств об этом незаслуженно забытом мыслителе, представленном у Дильса—Кранца
всего лишь семью текстами.

(b) 440 D 5 [→ T 108] (Socrates Cratylo)

ἔτι γὰρ νέος εἶ καὶ ἡλικίαν ἔχεις.

(Сократ Кратилу) Ты еще молод и у тебя еще много времени перед тобой.

DK 65 A 1

[BTW]

2

T 39

(a) Arist. *Metaph.* A 6, 987^a32 (Ross; Jaeger) [← T 22; → T 74, T 90, Arist.]

ἐκ νέου τε γὰρ συνήθης γενόμενος πρῶτον Κρατύλῳ καὶ ταῖς
Ἑρακλειτείοις δόξαις (sc. ὁ Πλάτων)...

Смолоду познакомившись близко первоначально с Кратилом и с (его) Гераклитовскими взглядами, (Платон)...

Appar. uide ad → T 90

T 40

(b) Alexandr. *in Arist. Metaph.* (987^a32) p. 49,21 (Hayduck) [→ T 75, T 91, Alex.]

... καὶ ἱστορεῖ (sc. Ἀριστοτέλης) ὅτι παρὰ μὲν Κρατύλου
ἔλαβε (sc. ὁ Πλάτων), συνήθης αὐτῷ γενόμενος ὄντι Ἑρα-
κλειτείῳ, ὅτι...

...и он (Аристотель) сообщает, что тот (Платон), познакомившись близко с Кратилом, который был гераклитовцем, воспринял от него убеждение, что...

≈ Asclep. *in Arist. Metaph.* (987^a32) p. 45,19 (Hayd.)

App. III uide ad → T 91

T 41

(c) Asclep. *in Arist. Metaph.* (987^a32) p. 44,22 (Hayduck) [→ T 76, T 92, Ascl.]

εἶτα ἱστορεῖ (sc. Ἀριστοτέλης) ὅτι πρότερον συνεγένετο
ὁ Πλάτων Κρατύλῳ τῷ Ἑρακλειτείῳ τῷ λέγοντι...

Далее он (Аристотель) сообщает, что Платон сначала общался с Кратилом гераклитовцем, утверждающим...

[ABCD]

T 42

(d) Procl. *in Plat. Crat.* 10 (p. 4,6 Pasquali) [→ T 54, T 63, T 100, Procl.]

... Κρατύλος τε ὁ Ἑρακλειτεῖος, οὗ καὶ Πλάτων ἠκροάσατο...

...и Кратил гераклитовец, учеником которого был Платон...

[ABFP]

3

T 43

(a) Diog. Laert. III, 6 (I, p. 123,7 Long) [→ T 97, Diog. L. 5^b]

τόντεῦθεν δὴ γεγινώς, φασίν, εἰκοσιν ἔτη διήκουσε (sc.
Πλάτων) Σωκράτους· ἐκείνου δ' ἀπελθόντος προσεῖχε Κρατύλῳ
3 τε τῷ Ἑρακλειτείῳ καὶ Ἑρμογένει τῷ τὰ Παρμενίδου
φιλοσοφοῦντι.

С этого времени, достигши, говорят, двадцати лет, он (Платон) был слушателем Сократа, а после кончины сблизился с Кратилом гераклитовцем и с Гермогеном, последователем философии Парменида.

(b) Anonym. *Proleg. in Plat. philos.* I, 3,15; 4,1 (pp. 7; 9 Westerink) [→ T 98, Anon. Prol. 1]

καὶ ταῦτα μὲν αὐτῷ (sc. Πλάτωνι) διαπράττετο ἄχρις ἐτῶν
εἴκοσι, μετὰ δὲ τοῦτο ἐφοίτησε Σωκράτει καὶ δέκα ἔτη παρ'
3 αὐτῷ ἐποίησεν, ἡθικὴν φιλοσοφίαν ἐμαθεῖν βουλόμενος...
(4) μετὰ οὖν τὴν πρὸς Σωκράτη φοίτησιν ἀπῆλθεν πρὸς τοὺς
Πυθαγορείους, τὸ δι' ἀριθμῶν τὰ πράγματα σημαίνειν παρ'
6 αὐτῶν κατορθῶσαι βουλόμενος· ὅθεν πολλῶν τούτων μέμνηται
ἐν τῷ Τιμαίῳ. ἐφοίτησεν δὲ καὶ Κρατύλῳ τῷ Ἡρακλει-
τεῖῳ καὶ Ἐρμίππῳ τῷ Παρμενιδεῖῳ, τὰ Ἡρακλείτου καὶ
9 Παρμενίδου δόγματα μαθεῖν βουλόμενος· ὅθεν καὶ δύο διάλογοι
γεγραμμένοι εἰσὶν αὐτῷ, ὃ τε Κρατύλος καὶ ὁ Παρμενίδης,
ἐν οἷς τῶν δογμάτων τῶν προειρημένων ἀνδρῶν μέμνηται.

И это было совершенно им (Платоном) до двадцати лет, после чего он пошел в ученики к Сократу, желая обучиться этической философии... (4) После же ученичества у Сократа он отправился к пифагорейцам, желая установить с их помощью числовое значение вещей; вот почему он о многом таком упоминает в «Тимее». Пошел он также учиться и к Кратилу гераклитовцу и к Гермиппу парменидовцу, желая обучиться учениям Гераклита и Парменида; вот почему он написал свои два диалога «Кратил» и «Парменид», в которых он упоминает учения вышеозначенных лиц.

[V] 8 Ἐρμίππῳ V: Ἐρμογένει Westermann (conl. ← T 43, l. 3)

(c) Olympiod. *Vita Platon.* 4 (p. 2,47 Westermann [ap. ed. Cobetianam Diog. Laertii] = VI, p. 192 Hermann) [→ T 99, Olymp.]

μετὰ δὲ τὴν τελευταίην Σωκράτους διδασκάλῳ πάλιν ἐχρήσατο
Πλάτων Κρατύλῳ τῷ Ἡρακλειτεῖῳ, εἰς ὃν καὶ διάλογον
3 ὁμώνυμον ἐποίησεν ἐπιγράφας Κρατύλος ἢ περὶ ὀρθότητος
ὀνομάτων. μετὰ τοῦτο δὲ πάλιν στέλλεται εἰς Ἰταλίαν καὶ
διδασκαλεῖον εὐρῶν ἐκεῖ τῶν Πυθαγορείων συνιστάμενον
6 Ἀρχύταν πάλιν ἔσχε διδάσκαλον τὸν Πυθαγόρειον *** ὁμώνυμον.
ἐνθα καὶ Ἀρχύτου μέμνηται.

После смерти Сократа, он (Платон) пошел еще в ученики к Кратилу гераклитовцу, о котором он написал одноименный диалог, озаглавив его «Кратил или О правильности имен». После этого он отправился в Италию и, найдя там школу, состоящую из пифагорейцев, взял еще в учителя Архита пифагорейца (<и Тимея, о котором он диалог написал> одноименный; там упоминается и Архит.

[sine appar. ap. Westerm.] 6 ***] (καὶ Τιμαίον, εἰς ὃν ἐποίησε διάλογον) ci. (cf. Cic. *De re publica* I, 16 [p. 11 s. Ziegler]: *sed audisse te credo Tubero, Platonem Socrate portuo ... in Italiam contendisse, ut Pythagorae inuente perdisceret, eumque et cum Archyta Tarentino et cum Timaeo Locro multum fuisse etc.*; [et ← T 44]) || 7 Ἀρχύτου] sc. ὡς τετάρτου ἀνωνύμου? (cf. *Tim.* 17 A 1 et *Attic. ap. Procl. in Tim.* I, p. 20 [Diehl])

Aeschin. *Socratic. uest.* 22 (Krauss) = fr. 50 (Dittmar) ap. Arist. *Rhet.* Γ 16, 1417^a38 (p. 226 Roemer²; p. 183 s. Ross)

... ὁ δ' ὄχιετό με
b ὑποβλέψας. καὶ ὡς περὶ Κρατύλου Αἰσχίνης, ὅτι διασείζων,
τοῖν χειροῖν διασειῶν· πιθανὰ γάρ, διότι σύμβολα γίγνεται
3 ταῦτα ἃ ἴσασιν ἐκείνων ὧν οὐκ ἴσασιν.

«...Он вышел, глядя на меня исподлобья». Или как Эсхин говорит о Кратиле, что тот (вышел?/разговаривал?), «шипя, потрясая руками» *. Такие подробности убедительны, ибо известное слушателям становится знаком, сообщающим им о неизвестном.

b 1 καὶ — 3] DK 65 A2

[ABCDQYZ] b 1 ὅτι] sc. ὤχετο cens. Krauss, sc. διελέγετο K. F. Hermann et al. || ὅτι διασιζών] fort leg. ὅτι διὰ σιγῶν (sc. ἐστὶ) uel ἔστι διὰ σιγῶν (cf → T 77) || 2 τοῖν A edd. : καὶ τοῖν codd. cett. || χερσὶν codd. : χειροῖν maluit Richards, acc. Ross

* Или (если верна конъектура διὰ σιγῶν) «хранит молчание, размахивая руками».

5

T 47

Procl. in Plat. Cratyl. 14 (p. 5, 11 Pasquali) [←T 26]

ὅτι ὁ μὲν Κρατύλος, ἐπιστημονικὸς ὢν καὶ βραχυλογώτατος,
ὅπερ ἦν ἐξαιρετὸν τῶν Ἑρακλειτείων, διὰ τὸ μὴ φθάνειν
3 τὰ πράγματα τῆι ἀστάτῳ ἐαυτῶν φύσει προλαμβάνειν αὐτὰ
βουλομένων, δι' ἐλαχίστων φαίνεται συλλαβῶν καὶ ῥημάτων
δι' ὅλο διαλόγου ἀποκρινόμενος.

О том, что Кратил, человек ученый и немногословный — благодаря чему он выделяется среди гераклитовцев, которые, не поспевая за изменившимися ввиду своей неустойчивой природы вещами, стремятся упредить их <речью (?)>, — явно ограничивается в течение всего диалога весьма скудными по числу слогов и слов ответами.

[ABFP] 2 Ἑρακλειτείων codd. || 3 an προλαμβάνειν <λόγωι> uel sim.? (cf. 1 βραχυλογώτατος, → T 78 (l. 22 s.), T 83 φθάνει γὰρ τὸν λόγον ἀμειφθέντα τὰ πράγματα)

DOCTRINA — УЧЕНИЕ

De recta nominum ratione — О правильности имен

6

T 48

(a) Plat. Cratyl. 427 D 7 — E 7 (Burnet; Méridier), post T 53

ΕΡΜ. ...νὺν οὖν

Ε μοι, ὦ Κρατύλε, ἐναντίον Σωκράτους εἰπέ πότερον ἀρέσκει σοι ἢ λέγει Σωκράτης περὶ ὀνομάτων, ἢ ἔχεις πηι ἄλλη κάλλιον λέγειν; καὶ εἰ ἔχεις, λέγε, ἵνα ἦτοι μάθῃς παρὰ Σωκράτους ἢ διδάξῃς ἡμᾶς ἀμφοτέρους.

5 ΚΡ. τί δαί, ὦ Ἑρμογενες; δοκεῖ σοι ράϊδιον εἶναι οὗτω καχὸ μαθεῖν τε καὶ διδάξαι ὅτιοῦν πρᾶγμα, μὴ ὅτι τοσοῦτον, ὃ δὴ δοκεῖ ἐν τοῖς [μεγίστοις] μέγιστον εἶναι;

ГЕРМОГЕН... Так вот теперь скажи, Кратил, стоя перед Сократом, правится ли тебе то, что Сократ утверждает об именах, или же ты, может статься, имеешь сказать что-нибудь лучшее? А если имеешь, то скажи, чтобы либо самому поучиться у Сократа, либо нас обоих научить. — КРАТИЛ. Ты что, Гермоген? По-твоему, легко так быстро научиться и обучить чему бы то ни было, тем более такому предмету, который считается из них величайшим?

Cf. 384 A 8 — B 2, C 6—8, 390 D 9—11

[BTW] E 5 δαί WB^{mr} : δὲ BT || E 6 μὴ TWB^{mr} : ἢ B || E 7 μεγίστοις om. Ven. 184, del. Burnet, Méridier : hab. BTW et add. altera manus Ven. 184.

(b) 428 B 2—C 1

ΣΩ. ...δοκεῖς γάρ μοι (sc. ὁ Κρατύλος)

αὐτός τε ἐσκέφθαι τὰ τοιαῦτα καὶ παρ' ἄλλων μεμαθηκέναι.

ἐάν οὖν λέγῃς τι κάλλιον, ἕνα τῶν μαθητῶν περὶ ὀρθότητος

5 ὀνομάτων καὶ ἐμὲ γράφου.

ΚΡ. ἀλλὰ μὲν δὴ, ὦ Σώκρατες, ὡσπερ σὺ λέγεις,
μεμέληκέν τέ μοι περὶ αὐτῶν καὶ ἴσως ἂν σε ποιησαίμην

C μαθητήν. seq. → T 65

СОКРАТ ...Ведь ты, кажется, (Кратил), и сам об этом размышлял, и у других поучился. Итак, если ты скажешь что-либо лучше, запиши и меня к себе в ученики по части правильности имен.— КРАТИЛ. Действительно, Сократ, ты верно сказал: я занимался этими вещами и, быть может, я возьму-таки тебя себе в ученики.

[BTW] B 4 τι T : τί B : ὅτι W || B 7 τέ ; οι BT : ἐμοὶ τὲ W

T 50

(c) 440 D 7—E 2, post T 108

ΚΡ. ...εἴ μέντοι ἴσθι, ὦ Σώκρατες,

ὅτι οὐδὲ νυνὶ ἀσκέπτως ἔχω, ἀλλὰ μοι σκοποῦμένωι καὶ

E πράγματα ἔχοντι πολὺ μᾶλλον ἐκείνως φαίνεται ἔχειν ὡς
Ἡράκλειτος λέγει.

КРАТИЛ ...Только знай же, Сократ, что и сегодня я не впервые это обдумываю и что, обдумывая и рассматривая эти вопросы, я склоняюсь к мнению, что дело обстоит гораздо скорее так, как это утверждает Гераклит.

[BTW] D 8 οὐδὲν νῦν W || καὶ del. Naber.

Ad T 49—50, cf. etiam T 53 (πολλάκις, ἐκάστοτε) et 384 C 9 (πολλάκις)

7

T 51

(a) Plat. *Cratyl.* 383 A 4—384 A 4 (Burnet; Méridier)

ΕΡΜ. Κρατύλος φησὶν ὅδε, ὦ Σώκρατες, ὀνόματος

5 ὀρθότητα εἶναι ἐκάστωι τῶν ὄντων φύσει πεφυκυῖαν, καὶ οὐ
τοῦτο εἶναι ὄνομα ἃ ἂν τινες συνθέμενοι καλεῖνB καλῶσι, τῆς αὐτῶν φωνῆς μῦριον ἐπιφθεγγόμενοι, ἀλλὰ ὀρθό-
τητά τινα τῶν ὀνομάτων πεφυκέναι καὶ Ἑλληνσι καὶ βαρβάροιςτὴν αὐτὴν ἄπασιν. ἐρωτῶ οὖν αὐτὸν ἐγὼ εἰ αὐτῷ Κρατύλος
τῆι ἀληθείαι ὄνομά ἐστιν ἢ οὐ. ὁ δὲ ὁμολογεῖ. «τί δὲ Σω-
κράτει;» ἔφη ἐγὼ. «Σωκράτης», ἢ δ' ὅς. «οὐκοῦν καὶ τοῖς5 ἄλλοις ἀνθρώποις πᾶσιν, ὅπερ καλοῦμεν ὄνομα ἕκαστον,
τοῦτό ἐστιν ἐκάστωι ὄνομα;» ὁ δὲ, «οὐκοῦν σοί γε», ἢδ' ὅς, «ὄνομα Ἑρμογένης, οὐδὲ ἂν πάντες καλῶσιν ἀνθρω-
ποι». καὶ ἐμοῦ ἐρωτῶντος καὶ προθυμουμένου εἰδέναι ὁ τι384 ποτὲ λέγει, οὔτε ἀποσαφεῖ οὐδὲν εἰρωνεύεται τε πρός με,
προσποιούμενός τι αὐτός ἐν ἑαυτῷ διανοεῖσθαι ὡς εἰδώς

περὶ αὐτοῦ, ἃ εἰ βούλοιο σαφῶς εἰπεῖν, ποιήσεις ἂν καὶ

ἐμὲ ὁμολογεῖν καὶ λέγειν ἅπερ αὐτός λέγει.

ГЕРМОГЕН. Кратил вот утверждает, Сократ, что каждой из существующих вещей присуща по природе естественная правильность имени и что имя — это не то, чем некоторые, договорившись так ее называть, называют вещь, заставляя звучать свой голосовой орган, но что некая правильность имен присуща естественно и грекам и варварам, одинаковая для всех. Тут я его спрашиваю, действительно ли ему имя «Кратил» или нет.

Он соглашается, что да. «А Сократу?», — спросил я. — «Сократ», — сказал он. — «Значит и всем другим людям такое имя каждому, каким мы каждого называем?». А он: «Только тебе», говорит, «имя не Гермоген, пусть тебя все люди так называют». Я его расспрашиваю и хочу знать, что он хочет этим сказать, а он ничего не разъясняет и темнит, притворяясь, будто у самого на уме на сей счет есть что-то такое, что, если бы он хотел это сказать, заставило бы и меня согласиться и говорить то же, что и он.

385 A 5 καὶ οὐ — B 2 ἅπασιν] Euseb. Praep. eu. XI, 6; Greg. Corinth. ap. Walz, Rhett. gr. VII, p. 1094

A 4 — B 2 ἅπασιν] DK 65 A 5

[BTW] A 7 αὐτῶν T Greg. : αὐτῶν BW Euseb. || φωνῆς μῦριον BT Eus : μῦριον φωνῆς W : φωνῆς μερίδα Greg. || B 2 εἰ αὐτῶι T, acc. Burnet : εἰ αὐτῶι πότερον BW : αὐτῶι πότερον Stallbaum, acc. Méridier || B 3 ἐστὶν ἢ οὐ om. T || ὁμολογεῖ τί δὲ (sed τί δὲ euanidum ap. B) BT : ὁμολογεῖ αὐτῶι γε τούτῳ ὄνομα εἶναι τί δὲ W : αὐτῶι γε τούτῳ ὄνομα εἶναι τί δαὶ add. B^{mr} || B 4 ἐγὼ om. T || B 6 τοῦτο B : τοῦτ' T : τούτῳ W || B 7 ὄνομά ἐστιν W

T 52

(b) 390 D 11—E 4 (Socrates loquitor)

καὶ Κρατύλος ἀληθῆ λέγει λέγων φύσει
E τὰ ὀνόματα εἶναι τοῖς πράγμασι, καὶ οὐ πάντα δημιουργόν
ὀνομάτων εἶναι, ἀλλὰ μόνον ἐκεῖνον τὸν ἀποβλέποντα εἰς τὸ
3 τῆι φύσει ὄνομα ὃν ἐκάστωι καὶ δυνάμενον αὐτοῦ τὸ εἶδος
τιθεῖναι εἰς τε τὰ γράμματα καὶ τὰς συλλαβάς.

(Сократ:) И Кратил истинно говорит, утверждая, что имена присущи вещам по природе и что не всякий человек может быть мастером-создателем имен, а только тот, кто вглядывается в природное имя каждой вещи и умеет облечь ее форму в буквы и слоги.

Euseb. Praep. euang. XI, 6 || D 9 — E 3 Greg. Corinth. ap. Walz, Rhett. gr. VII, 1094

[BTW] E 3 ὃν ὄνομα W || τὸ BW : τὸ τε T

T 53

(c) 427 D 3—7

ΕΡΜ. καὶ μὴν, ὦ Σώκρατες, πολλά γέ μοι πολλάκις
πράγματα παρέχει Κρατύλος, ὡσπερ κατ' ἀρχὰς ἔλεγον,
5 φάσκων μὲν εἶναι ὀρθότητα ὀνομάτων, ἧτις δ' ἐστὶν οὐδὲν
σαφὲς λέγων, ὡς τε μὴ δύνασθαι εἰδέναι πότερον ἐκὼν ἢ
ἄκων οὕτως ἀσαφῶς ἐκάστοτε περὶ αὐτῶν λέγει. seq. ←
T 48

ГЕРМОГЕН. И в самом деле, Сократ, Кратил меня часто весьма ставит в тупик, как я говорил в начале, когда утверждает, будто существует правильность имен, не говоря ничего ясного о том, что же это такое, так что я никак не пойму, нарочно он или неволью каждый раз так о них неясно говорит.

[BTW] D 6 πότερον TW : ἢ πρότερον B

T 54

(d) Procl. in Plat. Cratyl. 10 (p. 4,6, Pasquali) [←T 42; → T 63, T 100, Procl.]

ὅτι ὑπέκλεινται πρόσωπα νῦν. Κρατύλος τε ὁ Ἑρακλείτειος,
οὐ καὶ Πλάτων ἠκροάσατο, ὅστις ἔλεγεν τὰ ὀνόματα πάντα
3 φύσει εἶναι, τὰ γὰρ μὴ φύσει μὴδ' ὀνόματα εἶναι, ὡσπερ
καὶ τὸν ψευδόμενόν φαμεν μὴδὲν λέγειν. καὶ Ἑρμογένης...

О том, что присутствуют тут следующие лица: Кратил гераклитовец (учеником которого был и Платон), сказавший, что все имена даны вещам

по природе, ибо те, что не по природе, суть не имена, как когда мы говорим о лгуне, что он ничего не утверждает; и Гермоген...

[ABFP]

T 55

- (e) 16 s. (pp. 5,25; 6, 10; 17; 7, 18 Pasquali)
ὅτι καὶ Κρατύλου δόξης γέγονεν Πυθαγόρας τε καὶ Ἐπίκουρος, Δημόκριτος δὲ καὶ Ἀριστοτέλης τῆς Ἑρμογένους.
3 ἐρωτηθεὶς γοῦν Πυθαγόρας, τί σοφώτατον τῶν ὄντων; «ἀριθμὸς» ἔφη· τί δὲ δεύτερον εἰς σοφίαν; «ὁ τὰ ὀνόματα τοῖς πράγμασιν θέμενος». ἡνίκα τετο δὲ διὰ μὲν τοῦ ἀριθμοῦ
6 τὸν νοητὸν διάκοσμον τὸν περιέχοντα τὸ πλῆθος τῶν νοερῶν εἰδῶν... διὰ δὲ τοῦ θεμένου τὰ ὀνόματα τὴν ψυχὴν ἡνίκα τετο, ἥτις ἀπὸ νοῦ μὲν ὑπέστη... οὐκ ἄρα, φησὶ Πυθαγόρας,
9 τοῦ τυχόντος ἐστὶ τὸ ὀνοματουργεῖν, ἀλλὰ τοῦ νοῦ ὄρωντος καὶ τὴν φύσιν τῶν ὄντων· φύσει ἄρα τὰ ὀνόματα...
(17) ὅτι τὸ φύσει διχῶς· ἢ γὰρ ὡς αἱ τῶν ζώων καὶ φυτῶν οὐσίαι ὅλαι τε καὶ τὰ μέρη αὐτῶν ἢ αἱ τούτων ἐνεργεῖαι καὶ δυνάμεις, ὡς ἢ τοῦ πυρὸς κουφότης καὶ θερμότης ἢ ὡς αἱ σκίαι καὶ αἱ ἐμφάσεις ἐν τοῖς κατόπτροις· ἢ ὡς αἱ τε-
15 γνηθαὶ εἰκόνας εἰοικυῖαι τοῖς ἀρχετύποις ἑαυτῶν. ὁ μὲν οὖν Ἐπίκουρος κατὰ τὸ πρῶτον σημαίνόμενον ὠιστο φύσει εἶναι τὰ ὀνόματα, ὡς ἔργα φύσεως προηγουμένα, ὡς τὴν
18 φωνὴν καὶ τὴν ὄρασιν, καὶ ὡς τὸ ὄραῖν καὶ ἀκούειν οὕτως καὶ τὸ ὀνομάζειν, ὥστε καὶ τὸ ὄνομα φύσει εἶναι ὡς ἔργον φύσεως. ὁ δὲ Κρατύλος κατὰ τὸ δεύτερον· διὸ καὶ ἰδίῳ
21 φησιν ἐκάστου πράγματος εἶναι τὸ ὄνομα ὡς οἰκείως τεθὲν ὑπὸ τῶν πρῶτος θεμένων ἐντέχνως καὶ ἐπιστημόνως. ὁ γὰρ Ἐπίκουρος ἔλεγεν ὅτι οὐχὶ ἐπιστημόνως οὗτοι ἔθεντο τὰ
24 ὀνόματα, ἀλλὰ φυσικῶς κινούμενοι ὡς οἱ βήσσοντες καὶ πταίροντες καὶ μυκώμενοι καὶ ὀλακτοῦντες καὶ στενάζοντες. ὁ δὲ Σωκράτης [κατὰ τὸ τέταρτον σημαίνόμενον] λέγει φύσει εἶναι τὰ ὀνόματα, ὡς διανοίας μὲν ἐπιστήμονος ἔχοντα καὶ οὐχὶ ὀρέξεως φυσικῆς, ἀλλὰ ψυχῆς φανταζομένης, οἰκείως δὲ τοῖς πράγμασι τεθέντα ἐξ ἀρχῆς κατὰ τὸ δυνατόν·
30 καὶ κατὰ μὲν τὸ εἶδος τὰ αὐτὰ πάντα καὶ μίαν ἔχει δύναμιν καὶ φύσει ἐστίν· κατὰ δὲ τὴν ὕλην διαφέρει ἀλλήλων καὶ θέσει ἐστίν· κατὰ μὲν γὰρ τὸ εἶδος εἰοικε τοῖς πράγμασι,
33 κατὰ δὲ τὴν ὕλην διαφέρει ἀλλήλων.

О том, что Пифагор и Эпикур были того же мнения, что Кратил, а Демокрит и Аристотель — того же, что Гермоген. Во всяком случае, когда Пифагора спросили, какая из сущих вещей наимудрейшая, он сказал: «Число»; а (когда его спросили), что по мудрости второе, (он ответил): «Кто установил имена». Подразумевал же он под числом умопостигаемый мирострой, объемлющий все множество умопостигаемых форм... А под установившим имена он подразумевал душу, которая исходит от Ума... Стало быть, говорит Пифагор, творить имена — не кого угодно дело, а лишь видящего Ум и природу сущих: итак, имена суть по природе... (17) О том, что «по природе» (говорится об именах) в двух значениях: либо (, во-первых) как о сущностях животных и растений, целиком или отдельных их частей — или действий и способностей таких, как легкость и теплота огня, или как тени и отраженья в зеркалах, — либо, (, во-вторых,) как об искусственных изображениях, похожих на (изображаемые) образцы. Так, Эпикур согласно первому значению считал, что имена суть «по природе» в качестве действий природы, таких, как голос и зрение, и что как мы видим и слышим, так же мы и именуем, так что и имя — по природе, в качестве ее действия. Кратил же придерживался второго значения и потому говорит, что у каждой вещи свое собственное имя, как

бы отданное ей в частное владение теми, кто впервые искус(ствен)но и со знанием дела учредил имена. Ибо Эпикур говорил, что последние учредили имена не со знанием дела, а движимые природой, подобно кашляющим, чихающим, мычащим, лающим и стенающим. А Сократ говорит, что имена — «по природе» в качестве продуктов знающего мышления, а не природного побуждения, но что, поскольку их душа (лишь) выявляет, они изначально потенциально присущи вещам. Итак, в отношении формы они все и одну имеют потенцию, и суть по природе, а в отношении материи отличаются друг от друга и суть по установлению: ибо в отношении формы они похожи на вещи, а в отношении материи друг от друга отличны.

2 Epic. fr. 335 (Usener) || 2 Democr. DK 68 B 26 = Luria nr. 563 || 3 ἐρωτηθεὶς — 5 θήμενος] cf. Iambl. *Vita Pyth.* 82 (DK 58 C 4), Ael. *Var. hist.* IV, 17 (p. 70, 22 Dilts), Procl. *in Plat. Tim.*, p. 276, 16 (Diehl), *in Alc.* p. 528, 13 (Cousin) || 8 οὐκ ἄρα — 11 ὄντων] cf. Plat. *Crat.* 389 D 4 — E 1, 390 D 11 — E 4 [← T 52] || 14 cf. → T 56 (l. 8—14), Plat. *Theaet.* 206 D 2, *RP* 402 B 5 || 15—19, 22—26 Epic. fr. 335 (Usener)

[ABFP] 11 διχῶς scr. : τετραχῶς (ex δῆλως pro διχῶς) codd. || 12 ἢ <ὡς> Usener || 16 πρῶτον codd. : δεύτερον Usener, edd. || 18 <τὸ> ἀκούειν Gassendus || 19 ζεύτερον codd. : τέταρτον Usener, edd. || 22 πρῶτως ABF : πρῶτων P || 28 [] deleui (cf. ad l. 11, 16, 19)

T 56

- (f) Ammon. *in Arist. De interpr.* (16^a21, 29) p. 34, 20 (Busse) [→ T 64]
- καὶ ῥητέον ὅτι διχῶς λέγεται τὸ φύσει παρὰ τοῖς φύσει
εἶναι τὰ ὀνόματα διαταξαμένοις, ὁμοίως δὲ καὶ τὸ θέσει
3 διχῶς παρὰ τὸ θέσει αὐτὰ εἶναι τιθεμένοις· τῶν μὲν γὰρ
φύσει αὐτὰ εἶναι ἀξιούτων οἱ μὲν οὕτω τὸ φύσει λέγουσιν,
ὡς φύσεως αὐτὰ οἰόμενοι εἶναι δημιουργήματα, καθάπερ
6 ἤξιον Κρατύλος ὁ Ἡρακλείτειος ἐκάστωι τῶν πραγμάτων ὑπὸ
τῆς φύσεως ἀφωρίσθαι τι λέγων οἰκεῖον ὄνομα, ὡσπερ καὶ
αἰσθησθῆναι ἄλλην ἐπ' ἄλλοις τῶν αἰσθητῶν ὀρῶμεν τεταγμένην.
9 εἰσὶν αἰσθητῶν γὰρ τὰ ὀνόματα ταῖς φυσικαῖς ἀλλ' οὐ ταῖς τεχ-
νηταῖς εἰκόσι τῶν ὀρατῶν, οἷον ταῖς σκιαῖς καὶ τοῖς ἐν
ὑδασιν ἢ τοῖς κατόπτροις ἐμφαίνεσθαι εἰωθόσι, καὶ ὀνομά-
12 ζειν μὲν ὄντως τοὺς τὸ τοιοῦτον ὄνομα λέγοντας, τοὺς δὲ
μὴ τοῦτο μῆδὲ ὀνομάζειν ἀλλὰ φορεῖν μόνον, καὶ τοῦ ἐπι-
στήμονος τοῦτο ἔργον εἶναι, τὸ θηρᾶν τὸ ὑπὸ τῆς φύσεως
15 κατασκευασμένον οἰκεῖον ἐκάστωι ὄνομα, ὡσπερ τοῦ δῆϋ
βλέποντος τὸ ἀκριβῶς διαγιγνώσκειν τὰς οἰκειάς τῶν ἐκάστων
ἐμφάσεις. οἱ δὲ...

Дело в том, что постановившие, будто имена даны по природе, употребляют выражение «по природе» в двух смыслах, и в двух тоже смыслах употребляют выражение «по установлению» те, кто положил, что имена даны по установлению. Из считающих, что они даны по природе, одни понимают «по природе» в том смысле, что имена суть произведения природы, как считал Кратил гераклитовец, говоря, что каждой вещи определено природой собственное имя в роде того, как мы видим, что тому или иному ощущению поручены те или иные чувственно воспринимаемые вещи; ибо имена, мол, подобны природным, а не искусственным изображениям видимых вещей, как бы теням и отражениям в воде или зеркалах; и, дескать, по-настоящему именуют лишь те, кто пользуется такими именами, а те, кто — не такими, те не именуют вовсе, но только шумят; и дело, мол, человека ученого — находить уготованное природой имя, принадлежащее каждой вещи, подобно тому как дело человека с острым зрением — точно узнавать отражения, принадлежащие каждой из вещей. А другие...

[AFGM (Aldina)] 1 τὸ φύσει διχῶς λέγεται F Ald || 2 δὲ suppl. G² || 5 οἰόμενοι om. M || 6 κρατύλλος G Ald || 6 Ἡρ. AFG : καὶ ἡράκλειτος M Ald || 7 ἀφορίζεσθαι A || λέγων] λέγοντες M Ald || ὡσπερ suppl. G² || 11 s. ὀνομάζει A || 12 τοῦσι AFM : τὰ G || τὸ om. AM || λέγοντας AFMG² : ἔχοντας G¹ || 13 τοῦτο FG : τοιοῦτον AM || 14 ἔργον μόνον F || τῷ θηρῶν M Ald || 16 τῷ ἀκριβῶς M Ald

(a) Plat. *Cratyl.* 429 A 2—430 A 5 (Burnet; Méridier)

[← T 37; → T 70, T 71], post → T 66

ΣΩ. πότερον οὖν καὶ ταύτην φῶμεν τὴν τέχνην ἐν τοῖς ἀνθρώποις ἐγγίνεσθαι, ὡσπερ καὶ τὰς ἄλλας, ἢ μή; βούλομαι δὲ λέγειν τὸ τοιόνδε. ζωγράφοι εἰσὶν που οἱ μὲν χεῖρους,

5 οἱ δὲ ἀμείνους;

KP. πάνυ γε.

ΣΩ. οὐκοῦν οἱ μὲν ἀμείνους τὰ αὐτῶν ἔργα καλλίω παρέχονται, τὰ ζῶια, οἱ δὲ φαυλότερα; καὶ οἰκοδόμοι ὡσαύτως οἱ μὲν καλλίους τὰς οἰκίας ἐργάζονται, οἱ δὲ αἰσχίους;

10 KP. ναί.

B ΣΩ. ἄρ' οὖν καὶ νομοθέται οἱ μὲν καλλίω τὰ ἔργα αὐτῶν παρέχονται, οἱ δὲ αἰσχίω;

KP. οὐ μοι δοκεῖ τοῦτο ἔτι.

5 ΣΩ. οὐκ ἄρα δοκοῦσί σοι νόμοι οἱ μὲν βελτίους, οἱ δὲ φαυλότεροι εἶναι;

KP. οὐ δῆτα.

ΣΩ. οὐδὲ δὴ ὄνομα, ὡς ἔοικε, δοκεῖ σοι κείσθαι τὸ μὲν χεῖρον, τὸ δὲ ἀμεινον;

KP. οὐ δῆτα.

10 ΣΩ. πάντα ἄρα τὰ ὀνόματα ὀρθῶς κεῖται;

KP. ὅσα γε ὀνόματά ἐστιν.

C ΣΩ. τί οὖν; ὃ καὶ ἄρτι ἐλέγετο, Ἐρμογένει τῷιδε πότερον μὴδὲ ὄνομα τοῦτο κείσθαι φῶμεν, εἴ μή τι αὐτῷ Ἐρμοῦ γενέσεως προσήκει, ἢ κείσθαι μὲν, οὐ μέντοι ὀρθῶς γε;

KP. οὐδὲ κείσθαι ἔμοιγε δοκεῖ, ὦ Σώκρατες, ἀλλὰ δοκεῖν κείσθαι, εἶναι δὲ ἕτερον τοῦτο τοῦνομα, οὐπερ καὶ ἡ φύσις

5 [ἢ τὸ ὄνομα δηλοῦσα].

ΣΩ. πότερον οὐδὲ ψεύδεται ὅταν τις φῆι Ἐρμογένη αὐτὸν εἶναι; μή γάρ οὐδὲ τοῦτο αὐτῷ, τὸ τοῦτον φάναί Ἐρμογένη εἶναι, εἴ μή ἐστιν;

KP. πῶς λέγεις;

D ΣΩ. ἄρα ὅτι ψευδῆ λέγειν τὸ παράπαν οὐκ ἐστίν, ἄρα τοῦτο σοι δύναται ὁ λόγος; συχνοὶ γάρ τινες οἱ λέγοντες, ὦ φίλε Κρατύλε, καὶ νῦν καὶ πάλαι.

KP. πῶς γάρ ἄν, ὦ Σώκρατες, λέγων γέ τις τοῦτο

5 ὃ λέγει, μή τὸ ὄν λέγοι; ἢ οὐ τοῦτό ἐστιν τὸ ψευδῆ λέγειν, τὸ μή τὰ ὄντα λέγειν;

[D 7 — E 9 → T 37]

430 ΣΩ. ἀλλ' ἀγαπητὸν καὶ τοῦτο. πότερον γὰρ ἀληθῆ ἂν φθέγγεαιτο ταῦτα ὁ φθεγγόμενος ἢ ψευδῆ; ἢ τὸ μὲν τι αὐτῶν ἀληθές, τὸ δὲ ψεῦδος; καὶ γάρ ἂν καὶ τοῦτο ἐξαρκῶι.

KP. φοφειν ἔγωγ' ἂν φαίην τὸν τοιοῦτον, μάτην αὐτὸν

5 ἑαυτὸν κινῶντα, ὡσπερ ἂν εἴ τι χαλλίον κινήσειε κρούσας.

seq. → T 67

СОКРАТ. Ну а скажем ли мы, что это искусство (установление имен) бытует среди людей, как всякое другое, или нет? Я вот что хочу сказать. Живописцы вроде бы одни хуже, другие — лучше? И домостроители так же: одни строят дома лучше, другие — хуже? — КРАТИЛ. Точно. — СО.

И те, что лучше, те изображают живое и создают произведения красивее, а другие — дурнее? — КР. Так. — СО. Стало быть и законодатели также — одни создают более красивые произведения, а другие — более уродливые? — КР. Вот тут я уже не согласен! — СО. Значит ты не согласен, что одни законы лучше, другие — хуже? — КР. Нет. — СО. И, значит, похоже, что по-твоему и имена не были установлены одно более удачно, другое — менее? — КР. Нет. — Значит, имена все до единого установлены правильно? — КР. Те, что действительно суть имена. — СО. Так что же? Если вернуться к прежнему, скажем ли мы об этом вот Гермогене, что имя сие вообще не установлено для него, раз ему ничего не присуще от Гермесова рода, или что оно установлено, однако неправильно? — КР. По-моему, не установлено, Сократ, но только кажется установленным, а на самом деле принадлежит другому, чья природа соответствует имени. — СО. Так если кто скажет, что он Гермоген, тот и не солжет? Ведь такому не бывать: чтобы можно было сказать, что ты Гермоген, если ты не Гермоген? — КР. Как ты говоришь? — СО. Разве это твое рассуждение, разве оно не предполагает, что совершенно невозможно утверждать ложное? А ведь утверждающих множество, милый Кратил, и сейчас, и в прежние времена. — КР. В самом деле, Сократ, как это можно, утверждая утверждаемое, не утверждать сущего? Разве утверждать ложное не есть утверждать не сущее? [Далее см. ← Т 37] — СО. Сойдет и это. Произносящий это произносил бы истину или ложь? Или что-то истинное, а что-то ложное? С меня и этого было бы довольно. — КР. Я бы сказал, что он шумел бы, впустую приводя себя в движение, как если бы он тряс бронзовым тазом и бил по нему!

[BTW] 429 A 4 ζωιγράφοι T || A 7 καλλίω αὐτῶν (sic) τὰ ἔργα W || B 1 s. ἔργα αὐτῶν (αὐτῶν TW) BTW : αὐτῶν ἔργα trsp. Baier, acc. Méridier : [ἔργα] αὐτῶν Burnet || B 4 s. οἱ μ.—σαυλ. BT : οἱ μὲν χεῖρους οἱ δὲ βελτίους W || B 7 οὐδὲ δὴ — B 9 δὴ τα om. et in mg. add. W || B 12 καὶ om. W || C 1 τοῦτο del. Schanz || τι BT : τι ἄρα W || C 5 ἡ — δηλοῦσα del. Schanz || C 7 τοῦτον BT : τοῦτο W || D 5 ἡ W : ἡ B : ἡ T || [←T 37] || 430 A 2 ταῦτα om. T || A 3 καὶ om. W || ἔξαρχοὶ BW : —κοίη TB^{mr} || A 5 τι B : τις TW || χαλκίον BW : χάλκιον T : χάλκεον et χαλκεῖον B^{mr}

Т 58

(b) 430 D 1—E 2

D ΣΩ. ἴνα τοίνυν μὴ μαχώμεθα ἐν τοῖς λόγοις, ἐγὼ τε καὶ σὺ φίλοι ὄντες, ἀπόδεξαι μοι δὲ λέγω. τὴν τοιαύτην γάρ, ὧ ἐταῖρε, καλῶ ἔγωγε διανομήν ἐπ' ἀμφοτέροις μὲν τοῖς μιμήμασιν, τοῖς τε ζώοις καὶ τοῖς ὀνόμασιν, ὀρθήν, ἐπὶ δὲ 5 τοῖς ὀνόμασι πρὸς τῷ ὀρθῇ καὶ ἀληθῇ. τὴν δ' ἐτέραν, τὴν τοῦ ἀνομοίου ὁσίν τε καὶ ἐπιφοράν, οὐκ ὀρθήν, καὶ ψευδῆ ὅταν ἐπ' ὀνόμασιν ᾔη.

E КР. ἀλλ' ὅπως μὴ, ὦ Σώκρατες, ἐν μὲν τοῖς ζωγραφη-
μασιν ᾔη τοῦτο, τὸ μὴ ὀρθῶς διανέμειν, ἐπὶ δὲ τοῖς ὀνόμα-
σιν οὐ, ἀλλ' ἀναρχαῖον ᾔη αἰεὶ ὀρθῶς.

СОКРАТ. Итак, чтобы нам не ссориться из-за определений, поскольку мы с тобой друзья, согласись с тем, что я утверждаю. Ибо, что меня касается, приятель, то я называю такое распределение (когда изображение соотносено с тем, что оно изображает) в обоих видах подражания — в изображениях и в именах — «правильным», а в именах не только «правильным», но и «истинным», а другое, когда имеет место соотношение и сопоставление с неподобным, я называю «неправильным», а также «ложным», если речь идет об именах. — КРАТИЛ. Но как бы, Сократ, не оказалось, что такое возможно в произведениях живописи — неправильное их распределение, — а в именах — нет, но что они всегда и обязательно правильно распределены.

D 2—3 τοιαύτην... διανομήν] sc. τὴν ἐκάστωι τὸ προσήκον καὶ ὁμοιον εἰκόνα ἀποδιδούσαν (cf. 430 C 2—14)

[BTW] D 3 ἐγὼ καλῶ γε T : ἔγωγε καλῶ W || D 5 τῶι TWB^{mf} : τὸ B || D 8 ὅπως, ὡς Σ., μὴ W || D 8 s. ζωιγραφῆμασί T || E 2 οὐ BT : οὐκ ἔτι W || asi primit. om. W

T 59

(c) 431 D 2—432 A 4

ΣΩ. τί δέ ὁ διὰ τῶν συλλαβῶν τε καὶ γραμμάτων τὴν οὐσίαν τῶν πραγμάτων ἀπομιμούμενος; ἄρα οὐ κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον, ἂν μὲν πάντα ἀποδῶι τὰ προσήκοντα, καλὴ ἢ εἰκὼν ἔσται — τοῦτο δ' ἔστιν ὄνομα — ἐάν δὲ σμικρὰ ἑλλείπηι ἢ προστιθῆι ἐνίοτε, εἰκὼν μὲν γενήσεται, καλὴ δὲ οὐ; ὥστε τὰ μὲν καλῶς εἰργασμένα ἔσται τῶν ὀνομάτων, τὰ δὲ κακῶς;

KP. ἴσως.

E ΣΩ. ἴσως ἄρα ἔσται ὁ μὲν ἀγαθὸς δημιουργὸς ὀνομάτων, ὁ δὲ κακός;

KP. ναί.

ΣΩ. οὐκοῦν τούτῳ ὁ «νομοθέτης» ἦν ὄνομα.

5 KP. ναί.

ΣΩ. ἴσως ἄρα νῆ Δί' ἔσται, ὡσπερ ἐν ταῖς ἄλλαις τέχναις, καὶ νομοθέτης ὁ μὲν ἀγαθός, ὁ δὲ κακός, ἐάνπερ τὰ ἐμπροσθεν ἐκείνα ὁμολογηθῆι ἡμῖν.

10 KP. ἔστι ταῦτα. ἀλλ' ὄραίς, ὡς Σώκρατες, ὅταν ταῦτα

τὰ γράμματα, τὸ τε ἄλφα καὶ τὸ βῆτα καὶ ἕκαστον τῶν στοιχείων τοῖς ὀνόμασιν ἀποδιδῶμεν τῆι γραμματικῆι τέχνῃι,

432 ἐάν τι ἀφέλωμεν ἢ προσθῶμεν ἢ μεταθῶμέν τι, γέγραπται μὲν ἡμῖν τὸ ὄνομα, οὐ μέντοι ὀρθῶς, ἀλλὰ τὸ παράπαν οὐδὲ γέγραπται, ἀλλ' εὐθὺς ἕτερον ἔστιν ἐάν τι τούτων πάθῃι.

СОКРАТ. Ну а тот, кто изображает сущность вещей при помощи слогов и букв? В силу того же рассуждения, если только он передаст все надлежащие черты, разве не создаст он прекрасный образ, то бишь имя? А если он убавит кое-что или иной раз добавит, ведь получится тоже образ, хотя и не прекрасный? Так что и имена одни будут хорошо сотворены, а другие — дурно? — КРАТИЛ. Возможно.— СО. Тогда возможно и то, что один мастер по именам будет хорош, а другой — плох? — КР. Так.— СО. Но ведь имя-то ему было «законодатель»? — КР. Так.— СО. Тогда возможно, о Зевс! что, как и мастера всех прочих искусств, так и законодатели одни хороши, а другие — дурны, коль скоро мы согласились насчет говоренного прежде.— КР. Так-то оно так. Но смотри, Сократ, вот мы эти буквы — альфу, бету и любую другую — составляем в имена по всем правилам грамоты: если мы при этом что-то отнимем, или прибавим, или переставим, мы хотя и напишем имя, однако неправильно, и мы вообще даже напишем не его, ибо оно сразу станет другим, стоит нам так с ним поступить.

[BTW] D 2 δὲ BW : δαί TB^{mf} et W^{ss} || D 4 ἀποδιδῶ W || E 4 ἦν — E 7 νομ. om. et in mg. add. W || E 7 νομ. BW : ὁ νομ. T || E 8 ἐμπροσθε W || E 10 α. κ. τὸ β. BW : || ᾱ καὶ τὸ β̄ T || ἕκαστον B : ἐν ἕκαστον TW || E 11 ἀποδιδόμεν (sic) T || 432 A 1 <οὐ> γέγραπται Bekker, acc. Burnet || A 2 τὸ ὄν BT : τὰ ὀνόματα W || γ' ὀρθῶς W

T 60

(d) 433 C 3—10

ΣΩ. τὰ μὲν ἄρα καλῶς κείμενα οὕτω κεῖται· εἰ δὲ μὴ τι καλῶς ἐτέθη, τὸ μὲν ἂν πολὺ ἴσως ἐκ προσηκόντων εἴη γραμμάτων καὶ ὁμοίων, εἶπερ ἔσται εἰκὼν, ἔχοι δ' ἂν τι καὶ οὐ προσήκον, δι' ὃ οὐκ ἂν καλὸν εἴη οὐδὲ καλῶς

εἰργασμένον τὸ ὄνομα. οὕτω φαμέν ἢ ἄλλως;

ΚΡ. οὐδὲν δεῖ οἴμαι διαμάχεσθαι, ὦ Σώκρατες· ἐπεὶ οὐκ ἄρ᾽ ἐστι γέ με τὸ φάναι ὄνομα μὲν εἶναι, μὴ μέντοι καλῶς

10 γε κείσθαι.

СОКРАТ. Значит, прекрасно установленные имена устанавливаются так. А если они учреждены не прекрасно, они все равно большей частью будут состоять из надлежащих, похожих букв, если только это образы. Но в них будет и кое-что неподходящее, из-за чего они не будут прекрасными и прекрасно сработанными. Так мы говорим или не так? — КРАТИЛ. По-моему, не стоит спорить, Сократ, хотя мне не по душе утверждать, что вот это, мол, имя, но установлено оно не прекрасно.

[BTW] C 7 φάμεν BT : φῶμεν W || ἢ WB^{mr} : ἢ BT || C 8 μάχεσθαι T || C 9 με BT : μοι W

T 61

(e) 436 A 9 — C 2, post → T 68

ΣΩ. φέρε δὲ ἐννοήσωμεν, ὦ Κράτυλε, εἴ τις ζητῶν τὰ
B πράγματα ἀκολουθοῖ τοῖς ὀνόμασι, σκόπων οἷον ἕκαστον
βούλεται εἶναι, ἄρ' ἐννοεῖς ὅτι οὐ μικρὸς κίνδυνός ἐστιν
ἐξαπατηθῆναι;

ΚΡ. πῶς;

5 ΣΩ. δῆλον ὅτι ὁ θέμενος πρῶτος τὰ ὀνόματα, οἷα ἤγειτο
εἶναι τὰ πράγματα, τοιαῦτα ἐτίθετο καὶ τὰ ὀνόματα, ὡς
φαμέν. ἢ γάρ;

ΚΡ. ναί.

10 ΣΩ. εἰ οὖν ἐκείνος μὴ ὀρθῶς ἤγειτο, ἔθετο δὲ οἷα
ἤγειτο, τί οἶσι ἡμᾶς τοὺς ἀκολουθοῦντας αὐτῷ πείσεσθαι;
ἄλλο τι ἢ ἐξαπατηθῆσθαι;

ΚΡ. ἀλλὰ μὴ οὐχ οὕτως ἔχη, ὦ Σώκρατες, ἀλλ' ἀναγκαῖον

C ἦν εἰδότα τίθεσθαι τὸν τιθέμενον τὰ ὀνόματα· εἰ δὲ μὴ,
ὅπερ πάλαι ἔλεγον, οὐδ' ἂν ὀνόματα εἶη. seq. → T 72

СОКРАТ. Тогда давай представим себе, Кратил, человека, который изучает вещи, следуя за их именами и рассматривая, что каждое из них обозначает. Тебе не кажется, что ему грозит немалая опасность ошибиться? — КР. Как? — СО. Ясно, что первый учредитель имен, как мы уже говорили, давал вещам имена в соответствии со своим представлением о них. Так ведь? — КР. Так. — СО. Но если он имел неверное о них представление и назвал их в соответствии с ним, в чем же он способен убедить нас, следующих по его стопам? Ведь только в своих заблуждениях, не правда ли? — КР. Как бы не так, Сократ, и как бы не оказалось с необходимостью, что учредитель имен устанавливал их со знанием дела! Иначе, как я говорил раньше, это будут не имена.

[BTW] B 1 ἀκολουθεῖ TW || B 2 ὁ κίνδυνός W || B 12 ἀλλὰ — C 1 τίθεσθαι om. et in mg. add. W || B 12 ἔχη B : ἔχει TW

T 62

(f) 438 C 5—9, post → T 69

5 ΣΩ. εἶτα, οἶσι, ἐναντία ἂν ἐτίθετο αὐτὸς αὐτῷ ὁ θεός,
ὣν δαίμων τις ἢ θεός; ἢ οὐδὲν σοι ἐδοκοῦμεν ἄρτι λέγειν;

ΚΡ. ἀλλὰ μὴ οὐχ ἦν τούτων τὰ ἕτερα ὀνόματα.

ΣΩ. πόττερα, ὦ ἄριστε, τὰ ἐπὶ τὴν στάσιν ἄγοντα ἢ τὰ
ἐπὶ τὴν φεράν;

СОКРАТ. Следовательно, ты считаешь, что учредитель, этот гений или бог, сам учредил противоположные его собственному мнению имена? Или, по-твоему, мы до сих пор говорили впустую? — КРАТИЛ. Но те, вторые, были не имена! — СО. Какие, прекраснейший? Указывающие на покой или указывающие на движение?

[BTW] C 5 s. ὁ θεὸς ὧν W et in mg T^{mr} : ὁ θεῶν BT || C 6 τίς B || ἦ W : ἦ B : ἦ T || C 7 ἦν codd. : ἦ Méridier || C 9 φοράν BW : συμφοράν T (sed συμ punctis not. T^{mr})

T 63

(g) Procl. in Plat. Cratyl. 10 (p. 4,6 Pasquali) [←T 54]

Κρατύλος... ὅστις ἔλεγεν τὰ ὀνόματα πάντα φύσει εἶναι,
τὰ γὰρ μὴ φύσει μὴδ' ὀνόματα εἶναι, ὡσπερ καὶ τὸν ψευδός-

3 μενόν φαμεν μὴδὲν λέγειν.

Кратил..., сказавший, что все имена даны вещам по природе, ибо те, что не по природе, суть не имена, как когда мы говорим о лгуне, что он ничего не утверждает.

2 τὸν ψευδόμενον] cf. → T 71

[ABFP]

T 64

(h) Ammon. in Arist. De interpr. (16^a21, 29) p. 34, 28 (Busse) [←T 56 (11—13)]

καὶ ὀνομάζειν μὲν ὄντως (sc. ὡςτε Κρατύλος) τοὺς τὸ τοιοῦτον (sc. τὸ ὑπὸ τῆς φύσεως ἀφωρισμένον) ὄνομα λέγοντας,

3 τοὺς δὲ μὴ τοῦτο μὴδὲ ὀνομάζειν, ἀλλὰ φερεῖν μόνον

И, дескать, по-настоящему именуют (считал Кратил) лишь те, кто пользуется такими (т. е. определенными природой) именами, а те, кто — не такими, те не именуют вовсе, но только шумят.

3 ψοφεῖν] cf ←T 57 (430 A 4)

App. III uide ad ←56(11—13)

(Продолжение следует)

TRADITIO HERACLITEA (A)

Corpus fontium ueterum de Heraclito

S. N. Mouraviev

The present fraction of *Traditio Heraclitea (A)* (see VDI 1984,4, pp. 31—44) comprises the first half of Chapter 11 which is devoted to Cratylus the Heraclitean and will be the fullest critical edition ever published of the ancient evidence about him (50 texts as against 7 in Diels—Kranz).

И. Ш. Шифман

СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИЙ ГОРОД ХАТРА

(К истории переднеазиатского эллинизма)

Памятники материальной культуры и многочисленные (344 арамейские, в том числе посвященные, поминальные, подписи к статуям, три латинские, одна арамейско-греческая билингва) надписи, обнаруженные при раскопках северомесопотамского города Хатра, привлекли к нему внимание исследователей¹. Однако до настоящего времени изучение истории и истории культуры этого города концентрировалось преимущественно вокруг анализа памятников материальной культуры, изучения хатранского пантеона и решения отдельных проблем, возникавших по ходу комментирования надписей. Монографического очерка, посвященного Хатре как цельному историческому и историко-культурному комплексу, до настоящего времени нет. В этой связи значительное место как в изучении Хатры, так и в современной арамеистике должно принадлежать опубликованному в 1981 г. сборнику хатранских надписей, составленному Ф. Ваттиони². Несмотря на чрезмерную лапидарность комментариев к надписям, эта публикация облегчает доступ ко всему корпусу надписей из Хатры и их рассмотрение как целостного источника.

Город Хатра возник в I в. н. э. и был расположен в 58 км северо-западнее древнего Ашшура и в 110 км юго-западнее современного Мосула (в настоящее время ал-Хадр). Это место господствовало над караванной дорогой из Ктесифона в Насибин³. Обстоятельства возникновения города Хатры пока не выяснены. Кажется наиболее правдоподобным, что он

¹ *Maricq A.* Hatra de Sanatrouq.— Syria, 32, 1955, p. 273—278; *idem.* Classica et orientalia 2. Les dernières années de Hatra: l'alliance Romaine.— Syria, 34, 1957, p. 288—296; *Stein A.* The Ancient Trade Routes East of Hatra and its Roman Posts.— JRS, 1941, p. 299—316; *Aggoula B.* Hatra, l'Héliopolis du désert mesopotamien.— Archéologia, 102, 1977, p. 35—55; *Safar F., Mustafa M.* 'A. Al-Hadr, madinat as-Sams. Bagdad, 1974; *Safar F.* The Lords and Kings of Hatra.— Sumer, 29, 1973, p. 87—89; *Caquot A.* L'Araméen de Hatra.— GLECS, 9, 1960—1963, p. 87—89; *Homes-Fredericq D.* La vie à Hatra à la lumière de la sculpture.— Sumer, 16, 1960, p. 39—44; *Hoftijzer J.* Religio aramaica. Leiden, 1968; *Drijvers H. J. W.* Aramese inscriptions uit Hatra.— Phoenix, 16, 1970, p. 336—380; *idem.* Monotheismus und Polytheismus in hatraischen Religion.— In: Studies in the History of Religion. 31, 1975, p. 240—249; *al-Salihi W.* Hatra. Aspects of Hatran Religion.— Sumer, 26, 1970, p. 187—193; *idem.* New light on the Identiti of the Triad of Hatra.— Sumer, 31, 1975, p. 75—80; *Homès-Fredericq D.* Hatra et ses sculptures parthes. Istanbul, 1963; *Ingholt H.* Parthian Sculptures from Hatra.— In: Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Science, 12, New Haven, 1954; *al-Duroubi H.* Ritual Scenes in the Fifth Temple at Hatra.— Sumer, 26, 1970, p. 113—142 (arab.); *Degen R.* A Note on the Law of Hatra.— AION, 37, 1977, p. 486—490; *Milik J. T.* Recherches d'épigraphie proche-orientale. I. P., 1972; *Segal J. B.* Aramaic Legal Texts from Hatra.— JJS, 33, 1982, № 1—2, p. 109—115.

² *Vattioni F.* Le iscrizioni di Hatra. Napoli, 1981 (далее в статье ссылки на номера надписей даются по этому изданию).

³ *Stein.* Op. cit., p. 299—316.

сложился естественным путем как политический и культурный центр окрестного населения. Об этом свидетельствует, по-видимому, его название ḥṭr : араб. ḥāḍirat ⁴ — «главный город, столица». Оно дает основание думать, что местные племена видели в нем город *par excellence*, Urbs, и соответственно его называли⁴. Описание Диона Кассия (Cass. Dio, 68, 31, 1) представляет Хатру небольшим, бедным, захолустным городом в глубине пустыни; его окружает страна, где нет ни воды, ни деревьев, ни растений. Правда, в другом месте этот же автор говорит (Cass. Dio, 75, 12, 2), что данная область была известна обилием своих богатств и особенно приношениями Солнцу. Возможно, однако, что здесь Дион Кассий передает слухи, распространявшиеся среди воинов Септимия Севера; δόξα вовсе не обязательно соответствовала реальной действительности. О Хатре как о древнем городе в глубинах пустыни говорит и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., 25, 8, 5).

Как бы то ни было, Хатра была хорошо укрепленной, традиционно спланированной кругообразной крепостью, окруженной двумя концентрическими стенами с бастиями и башнями. Внешняя стена — земляной вал — имела 8 км в окружности; внутренняя, выложенная из массивных каменных блоков, — 6 км в окружности. Между этими стенами находился ров. Доступ в город открывало четверо ворот. В центре города находилась четырехугольная площадь (435 × 321 м), окруженная оградой из каменных блоков с двенадцатью воротами; из них главные — пропилен — были расположены в восточной стене. По обе стороны от последних находились два небольших входа. Площадь была сакральным участком, который служил, по мнению Б. Аггулы, одновременно и местным рынком. С севера на юг внутри площади проходила стена, отделяющая большой восточный от меньшего по размерам западного двора. К стене со всех сторон были пристроены камеры, предназначавшиеся для трапез и иных церемоний (возможно, склады). В восточном дворе перед разделительной стеной находился небольшой эллинизованный храм; здесь на подиуме (15,2 × 10,5 м) возвышалась квадратная целла, обрамленная двумя колоннадами — ионической на подиуме и ионической и коринфской на уровне почвы. В глубине целлы на подиуме находилась, по-видимому, культовая статуя. На плафоне портиков были изображены в технике мозаики апотропеические сцены. На одной из них — «дурной глаз» кругообразной формы. Обнаженный человек протыкает его гвоздем, забивая гвоздь молотком, который держит в правой руке; этот глаз терзают две птицы, змей и скорпион, а охотничий пес готовится его проглотить. Видимо, за этим изображением скрывается местный миф. С внешней стороны стены имеются девять ниш для статуй богов; среди обломков статуй есть фрагменты изображений Посейдона, Аполлона и других богов. Среди них представлена Ника — богиня победы — в шлеме. Западный двор расположен на уровне более низком, нежели восточный. Доступ туда открывался через двое ворот, перед которыми была каменная лестница. По обе стороны от каждого ворот находились небольшие калитки. Здесь были размещены главные храмы Хатры и среди них ансамбль грандиозных айванов и примыкающих к ним построек — великолепное сооружение из тесаных каменных блоков площадью 115 × 23 м. Здесь же обнаружено и административное здание, назначение которого неясно. Вне теменоса имелось множество небольших храмов⁵.

История города известна лишь отрывочно. В июне 117 г. Хатру атаковали войска Траяна, но безуспешно (ср. Cass. Dio, 68, 31; Amm. Marc.,

⁴ Ср. близкую точку зрения: *Oates D. Studies in the Ancient History of Northern Iraq*. L., 1968, p. 62. Если предлагаемая интерпретация обоснована, написание ḥṭr следует рассматривать как попытку передать звучание арабского слова средствами арамейской графики.

⁵ См. *Aggoula*. *Natra*, p. 36—43.

25, 8, 5) ⁶. В 193/4 г. царь Хатры Барсемиа был союзником Песценния Нигера в его борьбе за власть против Септимия Севера и прислал к нему хатранских лучников (Herodian., 3, 1, 3). Попытки Септимия Севера овладеть в 198 г. Хатрой также закончились неудачей (Herodian., 3, 9, 2—6; Amm. Marc., 25, 8, 5). Позже Хатра вошла в союз с Римом, и со времени Александра Севера (234 г.) там находился римский легион ⁷. Хатра должна была стать опорным пунктом римлян в их борьбе с Сасанидами. Однако, по-видимому, уже Ардашир, по свидетельству Кёльнского пергамена (P. Colon. Inv. nr. 4780), содержащего жизнеописание Мани, захватил и разрушил город. Текст свидетельствует о том, что это событие имело место в год коронации Шапура I⁸, т. е., вероятнее всего, в 240 г. (ср. также дату коронации Шапура I у an-Nadim, Fihrist, I, 328 и сообщение Cass. Dio, 80, 3, 2). Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., 25, 8, 5), посетивший в 364 г. Хатру вместе с войсками Юлиана Отступника, говорит о Хатре как о городе, некогда покинутом жителями ⁹.

Арабская и иранская традиции, отразившиеся в труде Табари ¹⁰, сохранили память о Хатре (ḥaṭr) и о ее властителе Санатруке (sātīrun), которого арабы прозывали Дайзан (ḍayzan). Предание считает его человеком из Ба-Джармы, согласно Ибн ал-Кальби — из племени Кода'а. По свидетельству Ибн Хишама, вокруг него группировались бесчисленные выходцы из кровнородственной группы Бану 'Абид бин Аджрам и других племен Кода'а. Это же предание сохранило сведения о поражении, которое хатранцы нанесли персам; однако после продолжительной осады (по одной версии — два, по другой — четыре года) Хатра была захвачена Шапуром. К этому присоединяется предание о дочери Дайзана, прекрасной Надире, которая предала отца из любви к Шапуру и дала ему возможность захватить город, убить Дайзана и уничтожить племена Кода'а и некоторые племена Бану Хальван. Затем Шапур расправился и с Надирой. Сказочность этого повествования очевидна; однако в рассказе Табари очевидны и смутные воспоминания об исторической реальности, о борьбе Хатры с Ираном и в особенности о тех племенах, которые группировались вокруг города.

Говоря о хатранском обществе, следует прежде всего отметить, что помимо топонима ḥṭr' в надписях неоднократно встречается слово 'ḡb. В подавляющем большинстве случаев оно фиксируется в царской титулатуре царей Вологеза и Санатрука: mlk' d'ḡb (№ 193—199, 203, 231, 290; восстановления в 194 и 290 сомнений не вызывают); наряду с этим в одном случае засвидетельствован вариант mlk' d'ḡby' (287). Очевидно, оба термина одинаковы по значению: и тот, и другой применялись для обозначения общества, царем которого был Санатрук, так что 'ḡb оказывается наименованием коллектива, который составляют 'ḡby'. Бросается в глаза одинаковость словоупотребления в хатранских надписях и в Библии, где, как известно, также встречается обозначение коллектива 'āraḥ (Иер.,

⁶ Как полагает С. Фукаи (*Fukai Sh. The Artifacts of Hatra and Parthian Art. — East and West*, 11, 1960, № 2—3, p. 138), Хатра в то время принадлежала парфянской династии; по его мнению, она была построена как пограничная крепость во времена расцвета Парфянского царства. Согласно другой точке зрения (*Homès-Fredericq. La vie à Hatra...*, p. 39 со ссылкой на Ф. Сафара), Хатра была основана уже во времена ассирийского господства. А. Марик (*Hatra de Sanatrouq*, p. 283) видит в появлении Хатры результат ослабления парфян в I в. до н. э. (? — вопрос А. Марика), под власть которых она постепенно обрела независимость.

⁷ Ср. подробно: *Maricq. Classica et orientalia* 2, p. 288—296.

⁸ *Der Kölner Mani-Codex* (P. Colon. Inv. nr. 4780). — ZPE, B. 19, 1975, p. 1—85; *Hinrichs A., Koenen L. Ein griechischer Mani-Codex* (P. Colon. Inv. nr. 4780). — ZPE, 5, 1970, S. 120, 125—130. Текст гласит: [ἵστα δὲ τοσούτων καὶ εἰ]κοσὶ ἐτών ὑπὴρξα, [ἐν] τῷ ἐτει οἱ ὑπετάξεν Ἐτραν τὴν πόλιν Δαρια[ρ]δαξαρ ὁ βασιλεὺς, τῆς περσίδος, ἐν οἱ καὶ Σαπῶρξ ὁ βασιλεὺς ὁ υἱὸς αὐτοῦ διὰ τὸ μέγιστον ἀνεδήσατο. Ср. *Aggoula. Hatra*, p. 51.

⁹ Черк политической истории Хатры см.: *Homès-Fredericq. Hatra et ses sculptures*, p. 2—6; *Safar, Mustafa, Al-Ḥaṭr*, p. 26—38.

¹⁰ *Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, S. 33—37.*

25, 24; Иезек, 27, 21; II Хр., 9, 14). Очевидно, в надписях из Хатры употребляется этноним в форме, традиционной для сиро-палестинского региона; несомненно, он относится к тем обществам или к той совокупности обществ, кого древняя ближневосточная и античная традиции именовали арабами (akk. *aribi*, греч. Ἀραβες, Ἀραβῖοι). Обращает на себя внимание при этом отсутствие в царской титулатуре упоминания о Хатре. Между тем Геродиан (3, 9, 1) титулуется уже упоминавшегося выше Барсемию царем хатранцев (πρόφρασι· ποσόθενος τῆν Βαρσσημίου τοῦ Ἀτρηῶν βασιλέως πρός Νίγρον φίλ(α)ν). В связи со сказанным важно также упоминание у Аммиана Марцеллина (23, 3, 8) «сарацинских царьков» (*Sagasepogum reguli*) в Северной Месопотамии, свидетельствующее, по-видимому, о попытках (к которым римляне относились иронически) вождей тамошних арабских племен присвоить себе царский титул. При таких обстоятельствах умолчание о Хатре в эпиграфической титулатуре местных царей могло бы быть объяснено предположением, что титул *mlk' d'rb* подразумевал также и обладание Хатрой. Но тогда население Хатры должно было быть арабским.

В нашем распоряжении, однако, имеются надписи, где Хатра или ее граждане и арабы упоминаются параллельно. Так, в надписи 79 выражается пожелание, чтобы братья Йехав Бармарин и Илькур, сыновья Шемеш-бераха, поминались вечно в Хатре и среди арабов (*dkryn l'im bhtr' w'rbu' y*). В надписи Ibr.1¹¹ (=336), датированной месяцем *канун* 463 г. хатранской эры (151 г. н. э.), упоминаются «хатранцы, старцы и отроки, и арабы все (*w'rbu klhwn*), и все, кто живет в Хатре (*kl dy 'mr bhtr'*)»; в 336 также: «кто поднимается и кто выходит из Хатры»; далее говорится о членах гражданского коллектива (*grb' hwgwy'*) и чужеземцах (*gbr' hwbrg'*). Таким образом, существовали ситуации, когда Хатра или ее граждане не включались в совокупность арабов и занимали явно самостоятельную позицию. Составители указанных выше надписей явно исходят из того, что Хатра и хатранцы не суть *'rbu' y*. При всей недостаточности сведений, которыми мы располагаем, соблазнительным кажется предположение, что гражданский коллектив Хатры вел борьбу с царями за признание своего статуса самоуправляющегося политического организма. Однако граница между Хатрой и арабами не была непреодолимой, коль скоро один и тот же человек мог чествоваться и там, и тут.

О внутренней организации арабов, о которых идет речь в хатранских надписях, известно мало¹². В надписи 78, представляющей собой обломок поминального текста, речь идет о каком-то нам не известном «господине арабском» (*mr' 'rbu'*). Кажется правдоподобным, что титул *mr'* носили вожди племен или племенных объединений. В связи со сказанным обращает на себя внимание следующее. В ряде надписей (№ 82, 194, 196, 197, 199, 231), где упоминается царь Санатрук, сын Нацру, отец царя (Нацру), титулуется *mr y'*. В надписи 194 сохранившаяся генеалогия выглядит так: «статуя Санатрука, царя [арабов], очистившего, сына [На]цру, господина, [сына На]шарйехава» (*sntrwq mlk' dy ['rb] zky' br [n]šrw mry' [br n] šryhb*); однако надпись 274 содержит генеалогию: «Нацру, господин, сын [На]шарйехава, господина» (*nšrw mry' blr n]švryh[bl] mry'*). Наконец, в надписи 232 неоднократно упоминается Санатрук, носящий титул *mr y'*, в специфическом контексте: «стела Санатрука, господина» (*mkn' dsntwq mry'*), — речь идет о стеле в форме алтаря, установленной напротив восточной стены квадратной целлы. Отсутствие родословия Санатрука из надписи 232 не позволяет уверенно говорить о его тождественности с Санатруком, сыном Нацру, или хотя бы о его принадлежности к той же кровнородственной группе, хотя и то, и другое кажется правдоподоб-

¹¹ *Segal. Aramaic Legal Texts...*, p. 109—111.

¹² О последовательности хатранских правителей и гипотезах по поводу их хронологии см. *Aggoula. Natra*, p. 48—51; *Milik. Dédicaces...*, p. 364; *Vattioni. Op. cit.*, p. 9. Надежными критериями по данному вопросу мы не располагаем.

вым. Тем не менее приведенная выше генеалогия царя Санатрука, сына Нацру, и самого Нацру дает основание считать, что царь Санатрук, сын Нацру, был потомком арабских племенных вождей и при неизвестных обстоятельствах обрел титул царя арабов. Очевидно, это событие следует рассматривать как этапное для данной арабской общности, возможно, — как разрешение какой-то кризисной ситуации¹³. Титул *mlk'* — «царь» ставил правителя арабов (и, следовательно, Хатры) в один ряд с такими властителями переднеазиатского мира, как цари Эдессы, Самосаты, Набатей, Армении; он, несомненно, должен был способствовать укреплению позиций Хатры в межгосударственных отношениях. Расправа, которую учинил над Хатрой Ардашир, может быть объяснена упорным стремлением хатранцев и их царей сохранить свою самостоятельность и позицию «равновеликого государства»¹⁴.

Другой титул, имеющий непосредственное отношение к арабам, встречается в надписи 223, сопровождавшей статую Апрахата, начальника дома арабов (*'prht rbyt' dy 'rb*). Примечательно, что в надписи 224 говорится о статуе Апрахата, «начальника до(м)а, сына Апрахата, начальника дома» (*'prht rby<t>' br 'prht rbyt'*). Так как в обоих случаях статуи воздвигает одно и то же лицо — «Акива, начальник дома Бармарина (*'qb' rbyt' dbmryn*)», кажется правдоподобным, что Апрахат надписи 223 и Апрахат, сын Апрахата, надписи 224 — одно и то же лицо, а тогда можно было бы констатировать и тождественность терминов *rbyt'* и *rbyt' dy 'rb*. Что собой представляет «дом арабов», неясно; аналогия с «домами» богов, упоминаемыми в хатранских надписях, позволяет видеть в «доме арабов» их культовый центр, причем должность «начальника», т. е. распорядителя этого центра, в данном случае перешла от отца к сыну (наследование должности?). Адресатом культа в данном случае мог быть *gnd' d'rb* — бог-покровитель арабов, упомянутый в надписи 79.

Какие-либо надписи, в которых бы упоминались рабы, а тем более надписи от имени рабов в Хатре не обнаружены. Однако делать на этом основании вывод, будто Хатра не знала рабства, было бы преждевременным. Во всяком случае ономастика хатранских надписей содержит целый ряд теофорных имен с компонентом *'bd* — «раб»: *'bd'dn* (50), *'bd'lh* (151, 218, 235, 272, 338), *'bd'ly* (25), *'bd'sr* (181), *'bdb<l>šmyn* (275), *'bdgd'* (27), *'bdgdy* (22), *'bdlh'* (86, 178), *'bdy* (294), *'bdnsr* (165), *'bdnšr'* (167), *'bdsmu'* (15, 20, 26, 28, 35, 36, 56, 65, 75, 79, 80, 81, 104, 112, 126, 149, 195, 203, 223, 229, 277, 287, 295, 306, 318, 333), *'bd'gyl* (153), *'bd'gyly* (36, 37, 80, 141, 167, 254, 324), *'bdš'* (27), *'bdsbt'* (34), *'bdšlm'* (15, 16, 25, 150, 203), *'bdsm'* (51), *'bdšmyn* (314), *'bdšmš* (141, 145).

Как уже неоднократно отмечалось, употребление каждого из этих имен связано с представлением, что его носитель является адептом данного культа и поставлен под абсолютную власть бога, но также и под его особое покровительство. Однако возникновение и распространение в обществе таких имен невозможно без существования представлений о рабстве как специфической форме зависимости, когда раб является собственностью господина, находится в его власти и в то же время под его защитой, по-

¹³ Предполагается (*Maricq. Natra de Sanatrouq*, p. 284—285), что с легендарным царем Хатры — Санатруком сирийской и Сатируном арабской традиции — идентичен Санатрук II. Но столь же вероятно, что это был и Санатрук I.

¹⁴ Надпись 193, которая сопровождает статую Вологеца, царя арабов (*wlgš mlk' dy'rb*), дала основание думать, что он, как и Санатрук I, получил свой титул от парфянского царя Вологеца III (148—192 гг. н. э.) (*Safar. The Lords and Kings...*, p. 93—94): единственным основанием для такого допущения является сходство имен, а оно может объясняться и другими причинами. Об участии хатранского царя Вологеца в антиримской войне парфянского Вологеца III (см. Ф. Сафар) сведений нет. Столь же ненадежно предположение (*ibid.*, p. 95), что Санатрук II принял титул «царя Аравии» и что этот титул имел более широкое значение, нежели «царь арабов». Формула *mlk' d'rbu'* (надпись 287), которую Ф. Сафар имеет в виду, переводится, как уже говорилось выше, гораздо более надежно «царь арабов» и равнозначна стандартному *mlk' d'rb*.

сколько никто другой над рабом не властен. Для первых веков нашей эры, учитывая ситуацию в обществах, окружавших Хатру, можно считать, что подобная ономастика отражала реальное существование в Хатре рабовладельческих отношений; впрочем, рабство продолжало существовать на Ближнем Востоке и значительно позже этого времени.

Говоря о свободном населении Хатры, отметим прежде всего, что, как уже было сказано выше, надпись Ibr. I (= 336) отчетливо выделяет среди населения Хатры граждан (gbr' hwgwy') и чужеземцев (gbr' hwbry'); те и другие подвергаются за одно и то же преступление различным видам наказания (первые — «божьей смертью», вторые — побиением камнями), что свидетельствует о неодинаковости их правового статуса. Народное собрание в Хатре функционировало и, в частности, принимало законы; в особых случаях созывались собрания с участием граждан, чужеземцев и арабов (см. ниже).

В нашем распоряжении имеются надписи, свидетельствующие о занятиях свободных хатранцев. Надпись 65 выполнена в честь торговцев (lqr tgru'), однако это упоминание — единственное. Свидетельствует ли этот факт о сравнительно слабой распространенности занятия торговлей населения Хатры, трудно сказать; любое заключение по этому поводу было бы, очевидно, поспешным. В то же время нельзя не заметить, что в данном случае торговцы предстают как некий коллектив (tgru' — множ. число), который к тому же изготавливает «знаки» (du smu' 'bdw); создается впечатление, что они составляли в Хатре своеобразную корпорацию.

Значительно больше в надписях из Хатры упоминаний о ремесленниках. Так, в надписи 77 поминается и благословляется 'Ав<ди> Хайран — кузнец (qupu'); в надписи 190 — также Бара-кузнец (qup') сы[n] [3n] ¹⁵. В надписи 43 поминается Мархон, сын Ма'аны, «глава кузнецов» (gb qunt [']). В надписи 202 среди различных действующих лиц упомянут «Ду'афра' (= созданный из праха; имя, существенное для характеристики представителей хатранцев о происхождении человека. — *И. Ш.*), глава кузнецов (rb qunt')». Таким образом, в Хатре была корпорация кузнецов со своей организацией; аналогия с подобными корпорациями в Пальмире, Герасе, финикийских городах ¹⁶ напрашивается сама собой. Дважды встречается термин ngr' — «плотник»: в надписи 295 поминается Рабби-плотник (ngr'), сын 'Абдисамайа, а в надписи 202 фигурирует «Тавйа, плотник Сана-трука-царя (ngr' dsntrwq mlk')». Из этого следует, очевидно, что в Хатре существовали ремесленники (группы ремесленников?), занятые непосредственно в царском хозяйстве. Согласно надписи 35, датированной *эмулом* 549 года селевкидской эры, т. е. 219 г. н. э., воздвигается статуя некоей Каймай (qumu), дочери 'АбдиСемейи, винодела (hmr'). В надписи 8 поминается Канзийу, свинцовщик ('br'). Неоднократно встречаются прачечники (ksr', 'ksr'): в надписи 13 (KA I 240 читает ngr' — «защитник») — 'Абса, сын 'АбдиНергола; в надписи 98 — Набуна, сын Адайа, в надписи 104 — 'АбдиСемейа, сын Бабайа. В надписи 212 назван БарНабу-седельщик ('snp'), сын 'Ашайи, и его коллеги (hbrh), т. е., вероятно, участники коллегии седельщиков. Относительно многочисленны упоминания о строителях ('rdkl' — слово, происходящее от акк. agad ekallī и встречающееся уже в документах из Элефантины): БарНанай, сын ЙехавШайа (№ 1); Завиду и ЙехавШай, сыновья БарНанайа, строителя, сына ЙехавШайа, строителя (№ 106); Хавиша, сын 'Авиду, сына 'Анани (№ 16); 'Эбна и его коллеги (whbryhu, т. е., очевидно, члены коллегии строителей) (№ 207); Рап'анани, сын Адайа, строителя (№ 216, 217); Абба (№ 225); ЙехавШемеш (№ 305, 334); Аштат (№ 335). Термин glp' — «скульптор»

¹⁵ Ср. *Milik. Dédicaces...*, p. 160—161.

¹⁶ *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи Принципата. М., 1977, с. 90—93.

и соответствующий глагол происходят от греч. γλύφω. Из надписи 1 известно, что скульпторами были упоминавшиеся выше сыновья БарНанайа, сына ЙехавШайа. Кроме того, упоминаются Абба, сын 'Оге, сына Зарки (№ 5), Шаву (№ 34), БарНанай (№ 258), БарНашра (289).

В надписи 49 зафиксирован платеж ремесленнику за выполненную им работу: «я; Вала, учинил расчет с 'Акваном, сыном 'Акава ([h]sbyt 'l 'qbn br'qb hšbn'), касающийся дома Ба'а<л>шамена, по поводу цены орла (dmyn dnšr), поднятого шестого *тевета*. И уплатил (slm) [Bal]a в зарю 5, омыл руки (ghš 'dun)». Омывание рук в данном случае — древний переднеазиатский обряд¹⁷, свидетельствующий о том, что платательщик Вала очищен от каких бы то ни было обязательств по данному делу.

В нашем распоряжении имеются также посвящения, говорящие об отнесенном благосостоянии посвятителей. Значительную часть эпиграфического материала из Хатры составляют подписи к статуям царей или других персонажей, воздвигаемым частными лицами или группами лиц. Но есть и другие примеры. Так, строительная надпись 9 (KA1 252) представляет следующий текст: 'rz' dy bn' mquzmš br wrwd [r]byr' — «'rz', который построил МокиМШемеш, сын Ворода, [на]чалник дома». Перевод слова 'rz', обозначающего объект постройки, вызвал разногласия. По мнению А. Како, оно происходит от слова 'rz и представляет собой перевод греческого *ἁγῆριον*, которое может обозначать не только священные таинства, но и сакральные сооружения, погребения и места, где собирались сакральные коллегии¹⁸; KA1 252 учитывая эту возможность, предпочитает «(дверь) из кедрового дерева» со ссылкой на DISO, p. 24. Ф. Ваттони переводит весьма неопределенно: «постройка (edificio)», но в надписи 214 — «храм (tempio)». Обе возможности, приведенные выше, кажутся вероятными, хотя первая представляется более правдоподобной. В любом случае существенно то, что подобное посвящение потребовало значительных денежных затрат. Согласно надписи 62 (KA1 253), «в месяц *мархешван* года 476 (селевкидской эры, т. е. 164 г. н. э.— *И. III.*) построили стол для жертвоприношений (ptr') и плиту (mqm') 'АбдиМалик, сын ЙехиВы, и 'АкивШемеш, его сын, во здравие их и здравие сыновей их». Надпись 65: «В месяц *канун* года 498 (186 г. н. э.— *И. III.*). Изо[бра]жение (n[y]š')¹⁹, которое воздвиг 'АбдиСемейа, сын ЙехиВа, в честь торговцев (lqr tgru'), которые знаки (smu') изготовили». Архитрав у входа в целлу храма № 9 содержит следующую надпись (67, соотв. KA1 254): «На счастье доброе, во здравие Нашру, господина, верховного жре[ца] бога ('pkll] 'rb' d'lh')». Надпись 68 содержит следующий текст: «Стол для жертвоприношений (ptwr'), который изготовил [3n] сын Хунайны во здравие свое и во здравие сыновей его, и...». Согласно надписи 214, «в год 409 (97 г. н. э.— *И. III.*) воздвигли мистерий (? 'rz') для Нергола сыны Тайму и сыны Бел'акаба во здравие их и здравие отцов их, на деньги их (mn kyshwn)». Согласно надписи 288, «в месяц *нисан* года 380 (68 г. н. э.— *И. III.*) я, БарНабу, сын Нашри, сына Абы, [бр]ат ГармАллата (l'hw]hy dy grm'lt), господина, воздвиг алтарь (prk') для Гадде». В надписи 294 речь шла о каком-то сооружении, которое «[в] месяце *тишири* года 423 (111 г. н. э.— *И. III.*) построил (bh') Барнайа, [сын Ша'ад]y, сына ['А]бдиНер[го]ла». Из надписи 338 мы узнаем: «в месяц *эц* ('š) года 444 (132 г. н. э.— *И. III.*). Стол для жертвоприношений (ptwr'), который изготовил ('bd) 'АбдиИлаха, сын Тапсары, сына Нацру, для знаков Мератан во здравие НашарЙехаба и во здравие Нацру, сына его, старейшины qšyš')».

¹⁷ Шифман И. III. Угаритское общество (XIV—XIII вв. до н. э.). М., 1982, с. 16, 363.

¹⁸ Milik. *Dédicaces...*, p. 167.

¹⁹ К переводу см. Milik. *Dédicaces...*, p. 407.

Особый интерес представляют надписи, в которых указаны денежные суммы, жертвуемые для нужд храмов. Надпись 47 содержит краткий, но выразительный текст: «40 ассов. Абса, сын Даббаха». Из надписи 191 видно, что жертвователю Кодам 'Иру дает для строительных работ в Эсагиле (l'b'n' [sl' gyl] 1 мину и 5 ассов. Согласно надписи 192, Карса, сын Нишамша, вероятно, брат предыдущего, дал (yhb) для строительных работ в Эсагиле (l'bnyn' dy [sgyl]) 8 ассов. Согласно надписи 225, архитектор ('r[dkl' l]) Абба дал (yhb) Эсагиле (l'sgyl) 60 ассов. В надписи 240 фиксируется приношение Эсагиле от имени Гадде, сына Бар'айа, сына 'Адриийи, в размере двух мин (mny'). В поврежденной надписи 241 упоминается, что неизвестный жертвователю дает 33 мины. В надписи 242 говорится: «дали (yhb) Ашлам и Кашту, сыновья Йехиву, сына Кодамаха [хи] из 'ацилийцев, 54 асса (?)». Вероятно, братья устроили складчину. Надпись 243 извещает: «[в месяц] канун <года> 428 (116 г. н. э.— *И. Ш.*) пожертвовал ('uty) Ашлам, сын Йехиву, 'ацилиеца (упоминается также в предыдущей надписи.— *И. Ш.*), мин 3 [и ас]сов 15». Из надписи 244 видно, что «пожертвовал ('uty) Йехиву, 'ацилиеца (вероятно, отец двух предыдущих.— *И. Ш.*), мин 10 для работ в Эсагиле (l'bd' dy sgyl)». Всего, таким образом, сам Йехиву и его сыновья пожертвовали храму 13 мин 69 ассов. Согласно надписи 245, «пожертвовал АвиГад, сын Кабиру, сына [на] АвиГада, ассов 8 от <продажи> одной телки (prt' hd'), которую он посвятил ('hgun) для работ в Эсагиле (l'bd' dy sgyl)». Из надписи 246 видно, что Гадд[е], сын Йеди'и, дал (yhb) Эсагиле 5 ассов. Наконец, надпись 292 свидетельствует, что некий Вунук пожертвовал (qr[y]b) тахту стоимостью в 10 дариков, утварь стоимостью в 10 дариков и два кубка стоимостью в 45 ассов.

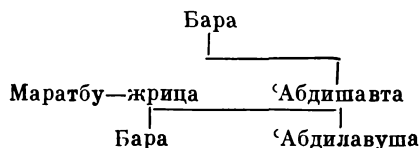
Как можно видеть, материальный уровень пожертвований ничтожно мал, что свидетельствует, по всей вероятности, о чрезвычайно низком общем уровне жизни, характерном для Хатры, а также о чрезвычайно низких размерах того, что в Хатре считалось богатством. Для сравнения напомним, что в Гересе, Пальмире или Дура-Европос пожертвования на храмы или гражданские нужды исчислялись десятками тысяч драхм, и уровень, на котором начиналось богатство, был, несомненно, значительно выше, чем в Хатре. Однако абсолютное различие между низшими и высшими уровнями пожертвований и соответственно уровнями благосостояния было в Хатре очень велико.

Судя по тому, что активно действующими лицами в надписях из Хатры являются, как правило, мужчины, совершающие свои посвящения и пожертвования во здравие свое и своих сыновей, можно полагать, что основной ячейкой общества была семья, возглавлявшаяся домовладыкой-отцом; отсутствие упоминаний в посвященных формулах о жене может значить только, что она, как правило, самостоятельной роли в семье не играла и составитель надписи не считал нужным включить ее в список тех, о чьем здоровье он заботится. Впрочем, имеются и факты иного порядка. Такова, в частности, надпись 5: «Статуя Семейи, дочери 'Оге, сына Аштати, сына Селевка, которую воздвиг ей 'Оге, ее муж, сын Аббы, жреца Атар'ате». Надпись 30: «Статуя Аббу, дочери Габалу, которую воздвиг ей Аша, сын Шамши'акава, ее муж, ибо она умерла в возрасте 18 лет. Проклятие Господа нашего, и Госпожи нашей, и Сына Господа нашего, и Ба'алшамена, и Атар'ате на том, кто убил ее и издевался над нею, и на женщинах, которые говорили и пятнили, и совершали возлияние на Аббу». Перед нами свидетельство семейной трагедии, памятник любви к женщине убитой, опозоренной сплетнями и, возможно, подвергавшейся божьему суду. В надписи № 31 некая Маратбу изготавливает статую (glpt mrtbw); в надписи № 34 она оказывается жрицей (kmrt['] l) [A] ша[r]бел, и ее статую в месяце *адар* 546 года (216 г. н.э.) воздвигает ее сын Бара, сын 'Абдишавты, сына Бары, жреца, и его брат 'Абдилавуша. Специфическое положение этой женщины объясняется, очевидно, ее жре-

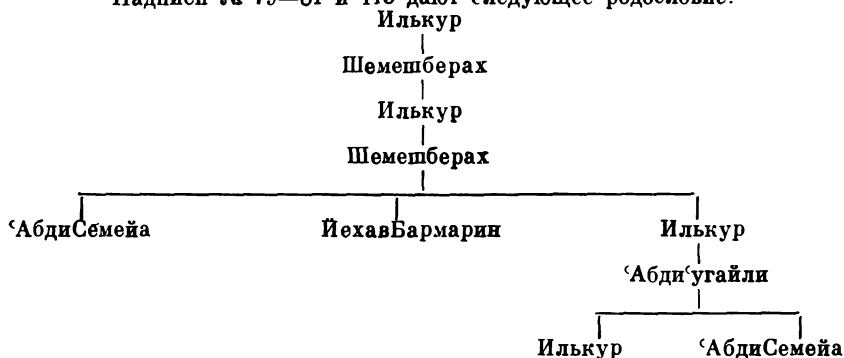
ческим статусом. Выше уже упоминалась надпись № 35, где речь идет о статуе Каймай, дочери 'АбдиСемейи, винодела, жены Нашар'акава, писца (spr') Сына Господа нашего, статуе, «о которой говорила ей Ашар-бел-дева (dy'mrt lh 'šrbl btlh)». За этим следует: «И она воздвигла для себя (lpršh) во здравие свое, и во здра[вие] Нашар'акава, мужа ее, и 'Абсы, брата ее, [и во здравие] дома (dyr') всего, изнутри и снаружи, Сына Господа нашего, и тех, кто облагодетельствован у них (rhum lhwn) всех». Каймай, дочь 'АбдиСемейи, совершает здесь то, что в других случаях делает глава семьи; она явно занимает первенствующее положение как в своей семье, так и среди родственников по происхождению. Объяснить такую ситуацию можно, по-видимому, открытием, полученным ею от богини и, вероятно, не сводившимся только к приказанию воздвигнуть статую. Надпись № 36 сопровождает поставленную в месяце *тишри* 549 года (219 г. н. э.) статую Душафири, дочери царя Санатрука II Бат-Семей [и], матери наследника престола ('m' dy pzgrub'). Из текста видно, что царица Душафири не замужем и занимает в обществе самостоятельное положение; текст позволяет говорить о традиционном для Ближнего Востока почетном статусе матери наследника престола, в перспективе — царицы-матери. Статую воздвигает сын 'Абди'угайли, сына Сатанбела, клиент царевны (rhmh). Надпись № 37 представляет собой подпись к статуе Сими, клиентки (grt) Душафири. Надпись № 63 кратка: «Гаддут, жена 'АбдиМилька». Как можно видеть, во всех перечисленных случаях перед нами скорее исключение из правила, объясняющееся либо особыми обстоятельствами, либо специфическим статусом данной женщины.

Имеются случаи, когда жертвователями и посвятителем являются братья. Так, в надписи № 242 денежное приношение храму совершают Ашлам и Кашту, сыновья Йахиву, сына Кодомахо[хи]. В таких ситуациях возможна складчина, но возможно также, что это — неразделившиеся братья, совместно возглавляющие семью после смерти отца. Встречаются также и пожертвования «во здравие» не только сыновей, но и братьев жертвователя (например, № 192, 241). В надписи № 62, датированной месяцем *мархешван* 476 года (164 г. н. э.), сакральные объекты воздвигают 'АбдиМалик, сын Йехивы, и 'АкивШемеш, его сын (brh); видимо, последний вместе с отцом фактически возглавил семью. Впрочем, сын мог быть также выделен из семьи и получить гражданскую и имущественную самостоятельность.

Для характеристики внутрисемейных отношений существенно то, что перечисление предков лица, от чьего имени составлена надпись, обрывается, как правило, на отце или на деде; ср. № 240: Гадде, сын Ба'айа, сы[на] 'А]дрийи; № 291: Барба'алшамен, сын Шемеш'акава. Сказанное может означать, что за этими пределами в повседневной жизни связи между сородичами либо не ощущались, либо не были значимыми. Однако и в данном случае имели место исключения. Так, в надписи № 107 перечисляются пять поколений: [А]на[3], сын Ав[и]Гада, сы[на] Гадда[йа], сына [А]виГада, сына Кавира; дополнение «из Сынов РапаШемеша» удостоверяет принадлежность данного лица к кровнородственной группе, жившей на территории Хатры, чем может объясняться и столь длинное родословие. Другая надпись (№ 10) содержит упоминание восьми поколений: Шемеш'акав, сын ИлахиШемеша, сына Аккиху, сына Шемешхадита, сына Апаху, сына Шемеш[ха] дита, сына Мешаббишшаву, сына Адалату. Надписи № 34 и 39 позволяют установить родословие жреческой семьи:

Надписи № 79—81 и 115 дают следующее родословие.

Такие случаи редки; они характерны, по-видимому, для местных аристократических родов.

В надписи № 288, поставленной в месяце *нисан* 380 года (68 г. н. э.) [Ба]рНаб[у, сын На]шри, сына Аббы, отмечает (если верны предложенные восстановления), что он является братом ГармАллата-великого (*[ʔhw]hy du grmʔlt rbʔ*), очевидно, игравшего во второй половине I в. н. э. заметную роль в жизни Хатры.

Выше, говоря о надписи № 107, мы отметили, что в ней указана принадлежность лица, о котором идет речь, к кровнородственной группе Сынов РапаШемеша. Об аналогичных общественных организациях идет речь, по-видимому, и в надписи № 214, датированной 409 годом (97 г. н. э.), где культовый объект для Нергола воздвигают «Сыны Таймана (*bny tūmn*) и Сыны Бел‘акаба (*bny bl‘qb*) во здравие их и во здравие отцов их (*ʔbhthwn*)». Перед нами объединение двух кровнородственных групп; существенно, что в Пальмире Сыны Бел‘акаба выступают в роли жреческого коллектива; возможно, что и в Хатре они занимали аналогичное положение. Как бы то ни было, ясно, что кровнородственные группы могли объединяться для совместных действий. Остается не ясным, было ли в данном случае объединение постоянным или же только для сакральной церемонии. Каждая такая группа вела свое происхождение от одного предка, реального или предполагаемого. Формула «и во здравие отцов их» показывает, что «отцы» занимали в этих кровнородственных группах особое место; параллельные материалы из Переднеазиатского Средиземноморья позволяют предполагать, что «отцы» образовывали совет хранителей традиции и наставников, носителей вековой мудрости, осуществлявших верховную власть в кровнородственной группе. Наиболее очевидной кажется параллельность этих групп с *phd/z* пальмирских надписей.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что в Хатре, как и в других обществах древности, существовала клиентела. Среди надписей, относящихся к этому сюжету, отметим прежде всего уже упоминавшуюся № 37, где речь идет о статуе Сими, клиентки (*grt*) Душафири, дочери царя Санатрука. Однако термин *grt* (муж. р. *gr*), общий для всего северо-западносемитского и, видимо, арабского культурного круга, зафиксирован в хатранских надписях только один раз. Наряду с этим в эпиграфике Хатры засвидетельствованы термины, происходящие от корня *ghm* — «любить, быть другом, благодетельствовать». Так, в надписи № 13 упоминаются Гаддийехав, сын Нашри, сына ‘Оге, и ‘Авса, сын ‘АбдиНергола, прачечник и благодетель (*ghm*), т. е., по всей видимости, патрон Гаддийехава. В надписи № 36 ситуация иная: здесь статую Душафири, дочери царя Санатрука, воздвигает [сын] ‘Абди‘угайли, сына СатанБела, именуемый *ghmh*; так как речь идет о царской дочери, представляется, что лицо, воздвигающее статую, — это получатель благодеяния, т. е. клиент, и соответственно *ghm* здесь —

пассивное причастие породы *pe'al* (*gāhīm*). В связи с изложенным обрацает на себя внимание формула благопожелания, в которой наряду с родственниками и членами семьи упоминаются также лица, обозначаемые сочетанием *mn dy ḡum lh*. Так, в надписи 20: «во здравие его, и братьев его, и тех, кто облагодетельствован у него, всех (*dmn dḡum lh klh*)»; перевод Ф. Ваттиони «*di chiunque gli è saḡo*» филологически возможен, однако при этом у него исчезает тот социальный смысл, который на Ближнем Востоке интересующего нас времени вкладывали в корень *ḡm*, смысл, очевидный по параллельным пальмирским материалам. В надписи 25 поминается верховный жрец Нашарйехав, сын 'АбдИли, сына 'АбдиШалемы: «он <и> тот, кто облагодетельствован у него (*hw mn dy ḡum lh*)». Подобным же способом в надписи 52 поминается Нашарйехав, сын Хавиры: «он и тот, кто облагодетельствован у него (*hw wmn dy ḡum lh*)». В надписи 116 поминается Газбари, сын Нашарйехав: «он и тот, кто облагодетельствован у него (*wmn dy ḡum lh*)». В надписи 337 поминается Милли, сын Мима: «он и тот, кто облагодетельствован у него (*hw wmn dy ḡum l[h]*)». В надписи 35 интересующая нас формула показывает, что Каймай, дочь 'АбдиСемейи, воздвигает статую «ради себя, во здравие ее и во здравие Нашар'акава, мужа ее, и 'Авсы, брата ее, [и во здравие] дома всего, внутри и снаружи, Сына Господа нашего и тех, кто облагодетельствован у них, всех (*wmn dy ḡum lhw kwlh*)». В надписи 80 воздвигается статуя 'Абди'угайлу, сына Илькура, «[во] здравие [сыновей] его, и братьев его, и тех, кто облагодетельствован у него (*mn dy ḡum lh*)». В надписи 107 постройки совершаются «во здравие его и во здравие тех, кто облагодетельствован у него, [всех] (*w' l ḡum dy ḡum lh k[lh]*)». В надписи 272 сакральную постройку воздвигает Нацру, господин (*mḡ*'), «во здравие его, и во здравие сыновей его и братьев его, и во здравие тех, кто у господина облагодетельствован (*mn dy lḡm' ḡum*)». Аналогичные формулы имелись, очевидно, в надписях 286 и 311. Употребление в постулируемых нами значениях производных от корня *ḡm* объясняется, несомненно, тем, что, по представлениям эпохи, оказание благодеяний делало облагодетельствованного клиентом благодетеля.

С клиентелой и патронатом связаны, по-видимому, и надписи, в которых упоминается «господин его». Так, в надписи 31 некто Маратбу изготавливает статую «во здравие его, и ради Раббаты, его господина (*' l gbt' mrh*), и ради тех, кто боится Его (бога, которому совершенно посвящение. — *И. Ш.*)». В надписи 243 Ашлам, сын Йехиву, совершает посвящение «во здравие свое и здравие Шемешбераха, сына Изалы, господина его (*šmsbrk br 'uzl mrh*)». В обоих случаях (особенно четко это видно в последнем) титул «господин его (*mḡ*)» обозначает, по всей видимости, патрона лица, ставящего надпись.

Впрочем, титул «господин» (*mḡ*'), (*mḡu*') употребляется и без указания того, чьим конкретно господином данное лицо является. Так, надпись 67 поставлена «на счастье доб[рое] во здравие Нашру, господина (*mḡu*'), прорицател[я] ('*pk[l]*') верховного богов». В надписи 140 говорится о статуе [], господина (*mḡ*'), надзирателя за погребальными нишами (*krū*'), сына Вологеца, господина (*mḡ*'). В надписи 123 поминается Аштат, сын Ворода, господина (*mḡu*'). В надписи 189 в разрушенном контексте упоминается []шавта, сын [Ворода], господина (*mḡu*'). Вероятно, этот же Вород, господин (*mḡu*'), назван и в надписях 233, 266, 267. В надписи 202 упоминается «большая стела Авсы, господина (*mḡu*)». В надписи 232а говорится о стеле Санатрука, господина (*mḡu*'); во фрагменте d этой же надписи — о стеле господина (*mkn' dḡm'*'), а во фрагменте g фигурирует Шемешйехав, сын господина нашего Санатрука, господина (*br mḡn' dsntḡwq mḡu*'). По всей вероятности, Санатрук был не только господином вообще, но и господином (патроном) какой-то четко очерченной группы лиц. В надписи 250 назван Нацру, господин

(mry'). В надписи 272 в качестве лица, воздвигающего сакральные сооружения, фигурирует Нацру, господин (mry'). В этой же надписи сказано, что 'АбдИлаха, сын Тапшару, сына Нацру, построил сакральное сооружение «во здрав[в]ие Нашарйехава, господ[ина] (nsryhb dm[r]ly'), и во здравие с[ы]новей его!». Вероятно, этот же Нацру назван с тем же титулом в надписях 273 и 274, причем в последней имеется родословие: Нацру, господин (mry'), с[ын] [На]шарйеха[ва], господина (mry'). В надписи 278 mry' — имя собственное. Употребление титула без дополнительных указаний создает впечатление, что он был сопряжен с определенным общественным статусом и обозначал принадлежность к некоей (аристократической?) прослойке. Аналогия с mry' 'rby', упоминавшимися выше, позволяет предполагать, что речь идет о лицах, возглавлявших кровнородственные родо-племенные формирования на территории Хатры.

Среди титулатуры, зафиксированной в хатранских надписях, должен быть отмечен также титул rb' — «великий». Так, в надписи 110: «статуя Селевка, великого (rb'), сына Йамлика». В надписи 231 текст поврежден: «[la, великий (rb'), и Санатрук, царь арабов, с[ын] Нацру, господина (mry')»». В надписи 288а алтарь воздвигает «[Ба]рНаб[у], сын Нашри, сына Аббы, [брат] ГармАллата, великого (l'hwlhy dy grm'lt rb')»». Материал надписей не дает оснований для определенных выводов, однако из 288а ясно, что положение «великого» (rb') считалось в Хатре почетным и престижным не только для того, кто им обладал, но и для его близких родственников. Очевидно, носители титула rb' принадлежали к сравнительно ограниченному кругу лиц, обладавших в Хатре влиянием и властью (магистраты?).

Другой титул, также заслуживающий внимания, — qšyš' — «старец, старейшина». В надписи 38 он, по всей вероятности, восстанавливается в поврежденном тексте: «[Ст]атуя Рабб[и], стар[ца] ([qšy?lš'), сына Астанука». В уже многократно упоминавшейся надписи 202 говорится о стеле (mkn') старца (qšyš'). В надписи 232 назван «Оге Зарка, сын 'Угайлийи, строителя ('rdkl'), Сына Господа нашего — бога, скороход (dhruu; читаем вслед за Аггулой; у Ваттиони: rhr') и старец (qšš')». В надписи 290 старец (qšyš'), чье имя не сохранилось, воздвигает сакральное сооружение. В надписи 338 интересующее нас слово находится в формуле: «во здравие Нашарйехава, судь <и> (dy(n)), и во здравие Нацру, сына его, старца (qšyš')». Кажется правдоподобным, что термином qšyš' «старец» именовались в Хатре члены совета независимо от их возраста.

Согласно надписи Ibr.II²⁰, в принятии закона участвовали старцы (qšš) и хат[ранцы] (wh[r]y'); очевидно, совет в Хатре предварительно рассматривал вопросы, ставившиеся на обсуждение народного собрания. Однако в надписи 336 (= Ibr.I) в формуле «и хатранцы — старцы и отроки (wh[r]y' qšyš' wdrdq')» имеется в виду совокупность всех граждан города, а слово qšyš' обозначает стариков в противоположность молодым.

Весьма распространен в хатранской эпиграфике титул rbyr' — «начальник дома». В надписи 16 поминается 'Акива, начальник дома [Ба'алшаме]на, сын 'АбдиШелама ('qyb' rbyr' dy [b'lsmy]n br 'bdšlm'). В надписи 60 сакральное сооружение строит МукаймуШемеш, сын Ворода, [начальника] дома (r]byr'). В надписи 94 фигурирует Селевк, сын Аштата, сына Селевка, сына Шемешхадита, начальника дома (rbyr'); в надписи 109 — [А]бба, начальник дома Сына Господа нашего (rbyr' dy brmryn). В надписи 116 поминается Газбари, сын Нашарйехава, начальник дома (rbyr'). В надписи 144 речь идет о статуе Ворода, начальника дома (rbyr'), сына БарНашара, также начальника дома (rbyr'). Не тот ли это Вород, который упоминался в надписи 60? В надписи 218 поминается Шемеш 'аддири, начальник дома (rbyr'), в надписи 221 — Гаддийехав, начальник дома (rbyr'). В надписи 195 статую царя Санатрука воздвигает Наша-

²⁰ Segal. Aramaic Legal Texts..., p. 111—114.

рйехав, начальник дома Господа нашего (rbyt' dmrn), сын [Су]байдАлла-та. О надписях 223 и 224 уже говорилось выше; к сказанному надлежит добавить, что статуи в обоих случаях воздвигает 'Акива, «начальник дома Сына Господа нашего» (rbyt' dbrmgn), сын Шамши, начальника дома (rbyt'). В надписи 251 поминается Ате'акав, начальник дома (rbyt'). В надписи 278 говорится о погребальной камере (kdr') Йехиву, начальника дома (rbyt'), сына Марийи, начальника дома (rbyt'). Наконец, в надписи 336 упоминается Ацат, сын Шемешбераха, — начальник дома у хатранцев (rbyt' bhtry').

Среди перечисленных выше лиц, имеющих титул «начальник дома» (rbyt'), отчётливо выделяются две группы. К одной из них относятся те, в чьей титулатуре указано, о доме (храме) какого божества идет речь: Ба'алшамена и Сына Господа нашего; вероятно, имелись и другие храмы, возглавлявшиеся начальниками дома. Очевидно, последние суть распорядители соответствующих культов. Другая группа — это те, в чьей титулатуре имя божества отсутствует, несомненно, потому, что подразумевается дом определенный и всем хорошо известный. В этом убеждает пространный вариант титула: «начальник дома у хатранцев», понятный только в том случае, если принять, что имеется в виду «дом» rag excellence, центр духовной и общественной жизни Хатры (может быть, Эсагила — sgyt — других надписей?). Приводившийся выше текст надписи 336 (=Ibr. I) позволяет поставить упоминание Шемешбераха, начальника дома у хатранцев, в связь с предыдущей фразой, где говорится о совете, т. е. оракуле, бога (bmlk' dy'lh'). Кажется правдоподобным, что именно Шемешберах в качестве начальника дома у хатранцев испрашивал оракул бога, и тогда «дом у хатранцев» или «дом» без каких-либо определений — это храм бога ('lh'), главного божества Хатры, называть которого по имени составитель надписи считал неуместным и излишним. Не исключено, что начальник дома, т. е. распорядитель культа бога ('lh'), фактически был главой местной коллегии магистратов.

Среди других функционеров, упоминаемых в надписях, должны быть особо отмечены писцы (spr'); надписи 215, 224, 289).

Выше мы упоминали хатранские объединения ремесленников. К этому можно добавить ряд надписей, в которых, по всей видимости, также упоминаются коллегиянты. Так, надпись 209: «Знак Сына Господа нашего и статуя для ношения (nš'; ср. nšū'otēkām в Ис., 46, I. — И. Ш.), — Зубайду, сын 'Ашайа, и его сотоварищи (hbryhy)»; надпись 210: «и сотоварищей его (wdhbryhy)»; надпись 213: «Да будет помянут 'Аб(ди)Семейа, сын РапиШемеша, и сотоварищи его (hbryhy) все на добро перед знаками»; надпись 284: «место (dkt') Рита, сына Нашарйехава, и сотоварищей его (hbryhy) всех». Применительно к последней надписи отметим, что термин «место» в эпиграфике Переднеазиатского Средиземноморья обычно именуется помещением, предназначавшееся для сакральных церемоний, посвящавшееся божеству коллективами или частными лицами. В данном случае это зал, примыкающий к западной ограде перибола больших храмов вблизи северного портала. В литературе²¹ уже отмечалась распространенность терминологии хатранских надписей. Если в палмирских надписях используется термин bn mgh', то в набатейских — hbrwhy. Предполагается также, что греч. συνέταιροι и ἑταιροι, а также ἀρχέταιρος в надписях из Дура-Европос²² подразумевают арамейские исходные варианты hbr' и gb hbr'. Термины ἑταιρία(?) и ἑταιροι встречаются и в надписи OGIS 573, исходящей от коллегии сирийцев — почитателей бога Саббатиста, находившейся в Западной Киликии.

Если слово hbryhy предполагает восприятие коллегии как товарищества, то другой термин — rhr' — «собрание» — предполагает восприятие

²¹ Milik. Dédicaces..., p. 392—393.

²² YCS, XIV, 1955, p. 129—131., № 2.

коллегии как собрания участников сакральной церемонии. В надписи 282: «[для] этого места и для собрания (pḥr') Сына Господа нашего»; в надписи 283: «Собрание 'АбдиСе[ме]йи. Казначей ('šrg') и его коллеги (ḥbryḥy)». 'АбдиСемейа последней надписи, — по всей видимости, организатор коллегии. Термин, примененный в данном случае, необычен. Как правило, для обозначения сакральных коллегий использовалось слово mḥzḥ'. Слово pḥr' восходит к известному из аккадского языка, а также из угаритской документации XIV—XIII вв. до н. э. термину pḥr-gu, pḥr — «собрание» (WUS, с. 255, № 2215; ср. также финикийское mḥrt). Поскольку собрания коллегий были одновременно и сакральными трапезами, в сирийском языке слово pḥr-ga получило значение «пиршество, застолье», проделав ту же эволюцию, что и евр. marzē'āḥ.

Выше мы уже упоминали о царях Хатры, носивших титул «царь арабов». В настоящее время их последовательность нельзя считать окончательно установленной, и этот вопрос приходится оставить открытым; не всегда можно определить, кто именно из одноименных царей упоминается в той или иной надписи. По-видимому, более или менее надежно датируются Санатрук I, сын Напру, сын Нашарйехава (около 164 г. н. э.), Бар-Семиа (около 193—200 гг.), 'АбдиСемейа (около 200 г.), Санатрук II, сын 'АбдиСемейи (около 230—243/4 гг.). Выше отмечались факты, показывающие, что власть царей над городом Хатрой была ограниченной (преимущественно военной?). Однако уже Санатрук I имел титул zqu' — «очистивший», т. е., вероятно, освободивший город от податей (надпись 194). Аналогичный титул имел и Санатрук II, но в сочетании с 'byd tbt' — «творящий добро» (надпись 229). Эллинистические истоки этой титулатуры очевидны. Кажется вероятным, однако, что в обоих случаях имелись в виду и реальные мероприятия указанных царей, имевшие целью укрепить их влияние в городе как избавлением от поборов, так и совершением благодеяний, которые ставили людей в зависимость от царя-благодетеля.

Мы располагаем некоторыми сведениями о законах, действовавших в Хатре. По словам Евсевия (Pгаер. evang. 6, 10, 24), в Хатре человек, укравший что-либо стоимостью в обол, подвергался побоеванию камнями (ἐν Ἰστροῖς ὁ κλέπτων ὀβολοῦ ἄξιον λιθάσεται). В «Книге законов стран» Бардайсана, написанной между 196 и 226 гг., это же установление сформулировано следующим образом: «Закон в Хатре (nmws' bhḥr'). Установлен закон в Хатре, что каждый, кто украдет (gnb) какую-либо мелочь ('bydt' z'wrt'), в том числе воду, будет достоин побоевания камнями (ušwy' dntrgm)»²³. В другом отрывке²⁴ Бардайсан пишет: «И поистине те, кто живет в Хатре, побивают камнями воров (wl' 'ylyn dbḥwtr' rgmyn lgnb')». Аналогичный закон зафиксирован и в надписи 281: «Проклятие (bgn) Господа нашего (mḥn) и Госпожи нашей (mrtn), и Сына Господа нашего на том, кто украдет (lnsb) покров (mškn')²⁵ или жезл (ḥḥm'), или миро (mr'), и секиру (nrg'), и топор (ksyd'), и тесто (gblyt')²⁶, и еду (mkl')²⁷, и слоновую кость (ḥḥn') из того, что сделано для Сына Господа нашего, и на том, кто украдет один из мехов этих²⁸, которые принадлежат Сыну Господа нашего. Показал сон, что я обрек его на побоевание камнями ('rgmwt mrgum)». Сопоставление со свидетельствами Евсевия и Бар-

²³ Drijvers H. J. W. The Book of the Laws of Countries. Assen, 1955, p. 46, 11, 16—18.

²⁴ Ibid., p. 60, II.2—13. Р. Дерен' (Degen. A Note..., p. 487) переводит: «And those who live in Hatra do no (longer) stone the thieves, but...», что, однако, противоречит не только показанию Евсевия, но и приведенному выше отрывку Бардайсана. Как известно, частица lā в сирийском языке была не только отрицательной, но и утвердительной (Вильскер Л. X. Об утвердительном значении частицы lā в сирийском языке. — КСИНА, № 86, 1965, с. 25—30).

²⁵ Параллельное библейское miškan показывает, что речь идет о покрове священного шатра, в котором обитают боги; ср. в особенности Исх., 39, 33; 40, 2; Числ., 3, 25.

²⁶ Ср. евр. gābal — «месить тесто, глину и т. п.».

²⁷ Из m'kl'.

²⁸ Имеются в виду сосуды для хранения вина или оливкового масла.

дайсана показывает, что в данном случае общая правовая норма применена к сакральному преступлению; сакральностью преступления объясняется и введение проклятия — дополнительного и самого страшного сакрального наказания²⁹. Из надписи 281 не видно, кто выступает в роли законодателя. Так как мера наказания объявляется во сне, ясно, что она представлялась волеизъявлением бога или богов, вероятнее всего, хатранской троицы. Фактическим законодателем был, вероятно, верховный жрец.

Другой законодательный памятник — надпись Ibr. I и параллельная ей, но хуже сохранившаяся надпись 336. Этот текст гласит: «В месяц *канун* 463 (года) по совету (*bmłk*?) богов согласились (*'štbw*) Шемешберах, начальник дома (*'rbyt*), и хатранцы, старцы и отроки (*hṭry* *qšyš' wdrdq*?), и арабы (*'rby*) все, и все³⁰, кто проживает в Хатре (*kwł dy 'mr bhṭr*?), и так решили, что каждый, кто украдет из склада этого и из (территории, огражденной) стеною внешней, если он муж общинный (*gbr* *'hwgwy*?), будет убит смертью божьей (*bmwt* *'dy 'lh*?), а если чужеземец (*gbr* *'hwbgw*?), подлежит побиению камнями (*lrgym*). Как уже говорилось, в роли законодателя в данном случае выступает все население Хатры, причем принятию решения предшествует оракул («совет богов»). О роли начальника дома применительно к интересующему нас случаю уже говорилось выше. Различие между «божьей смертью» и побиением камнями определяется, по всей вероятности, как способом казни (она могла представляться результатом божьего суда, непосредственной расправы божества над преступником), так и степенью ее «почетности».

Наконец, надпись Ibr. II: «По слову Шемешхари[та] и Хапизу, старцы и хат[ранцы] (*qšš whṭ[ry*?), все они так решили. Жрец³¹, человек, который унесет (*zby*)³² камен[ь] и солому, и известку из пределов³³ округа (*'gl*?)³⁴ дома божьего, — и ягнят³⁵, которые были взяты в храм³⁶, удалят их³⁷ из дома божьего, — и если он унесет (*zby*) из них камень, или солому, или известку³⁸, пусть отступится (*lgr*)³⁹ от них, в округе⁴⁰ пусть умрет смертью божьей». Шемешхарит и Хапизу, вносящие предложение, —

²⁹ По мнению Р. Дегена (A Note..., p. 490), из надписи 281 следует, что в Хатре существовали две «степени» воровства, каравшиеся двумя «степенями» наказания; одна из них — проклятие. Когда существовал обычай побиения камнями, «мы», как полагает Р. Деген, в настоящее время не можем определить. С нашей точки зрения, указанная надпись объединяет оба наказания применительно к данному конкретному случаю.

³⁰ В надписи 336 добавлено: «кто поднимается и кто выходит из Хатры, и все, кто...».

³¹ Арам. *šlhy* получает свое объяснение из сопоставления с сир. *šalhi*, одно из значений которого, согласно словарю Пэйн-Смита: «incantator, magus». Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 113) не считает возможной такую связь. По его мнению, *šlhy* ³ *nš* может означать «common people», однако при таком истолковании слово *šlhy* остается необъясненным.

³² Так переводит Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 113—114) со ссылкой на араб. *zabā* (корень *zby*) — в IV породе «нести».

³³ Ibid., p. 113—114 со ссылкой на араб. *ḥadd*^{un} — «предел, край».

³⁴ Ibid., p. 113—114; ср. евр. *āḡal* — «быть круглым».

³⁵ *mn ṭlt*; ср. евр. *ṭalā* — «ягненок» (Ис., 65, 25; I Сам., 7, 9). Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 113—114) сопоставляет данное сочетание с евр.-арам. *mṭwl*, сир. *mṭwl*, *mṭwlt*, мандейским *mintul* и переводит: because, что, как кажется, не дает удовлетворительного смысла.

³⁶ Ср. арам. *'gwr* — «храм» (Винников И. Н. Словарь арамейских надписей. — ПС, вып. 3(66), 1958, с. 188). Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 112—114) вслед за Дж. Х. Ибрахимом переводит: they are taken (for) wages.

³⁷ *brghwn*; мы рассматриваем слово *brg* как глагол «удалять», «помещать за пределами». Ср. арам. *brg*(?) — «кроме, вне», сир. *lēbar* — «снаружи». Перевод outside them — так вслед за Дж. Х. Ибрахимом переводит Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 114) со знаком вопроса — не дает удовлетворительного смысла.

³⁸ В тексте *gs*??. Второй знак ³ явно повторяет первый и написан ошибочно.

³⁹ Ср. араб. *gāra* (корень *gwr*) — «отходить, отклониться». Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 114) полагает, что написание ³*lgr* ошибочно вместо, как он думает, правильного ³*gr*, которое он переводит for wages. Сегал вынужден здесь же заметить, что смысл полученного таким образом текста ему не ясен.

⁴⁰ *'glt*. Сегал (Aramaic Legal Texts..., p. 114) вслед за Ибрахимом переводит: quickly.

очевидно, местные магистраты. Закон принимается народным собранием, по-видимому, с учетом предварительного решения «старцев». Как видим, кража храмового имущества, совершенная жрецом, карается «божьей смертью» на храмовой территории.

Попытка Дж. Б. Сегала обнаружить историческое развитие процедуры хатранского законодательства представляется не вполне удачной, поскольку не все надписи датированы или поддаются надежной датировке. При современном состоянии источников можно только констатировать, что законодательство исходит либо от божества (сакральный закон), либо от полисных органов власти, причем в последнем случае также могла иметь место ссылка на волю божества. Как бы то ни было, но во всех случаях цитированные тексты воспроизводят одну и ту же юридическую норму, казавшуюся вне Хатры необычной. Заметим в этой связи, что еще Законы Хаммурапи предусматривали смертную казнь вора либо возмещение украденного — в тридцатикратном размере, если речь шла о храмовом или дворцовом имуществе (вол, овца, осел, свинья, лодка), и в десятикратном, если речь шла об имуществе мушкенума (см. § 6—10)⁴¹; таким образом, законодательство Хатры следует в данном вопросе древней месопотамской традиции.

Говоря о духовной жизни хатранского общества, мы говорим, естественно, прежде всего о религии, и нужно заметить, что именно она изучалась в исследовательской литературе наиболее подробно и обстоятельно.

Чаще других встречается в надписях упоминаемая по различным поводам (посвящение, поминание, проклятие) триада богов: «Господь наш» (mrn), «Госпожа наша» (mrtn) и «Сын Господа нашего» (brmryn). Встречаются случаи, когда Сын Господа нашего и Господь наш упоминаются отдельно, независимо от остальных членов триады, в том числе и как обладатели самостоятельных «домов», у которых были свои «начальники». Найденная в Дюра-Европос двуязычная надпись App. I содержит, как показал А. Како (Syria, 30, 1953, p. 244—245), арамейскую и греческую передачу этих обозначений богов, что позволяет судить о хатранской огласовке последних. Воспроизводим этот текст в реконструкции Ю. Т. Милика⁴²:

mrn wmrtn wbrmryn

ΜΑΡΕΙΝΟΣ

Μαρεινος Μαρ[ι]θ[ε]ν σ[ύ]μβριος αὐ[τ]ῶν

Μαρεινος υἱ[ὸς] αὐ[τ]ῶν?

(Ф. Ваттиони воспроизводит чтение Ю. Т. Милика неточно: σ[υ]μβριος αὐ[τ]ῶν) и без знаков вопроса; сам он читает: Μαρσιῆς и Μαρεινος υἱ[ὸς]).

То обстоятельство, что, как показывает античная традиция, богом-покровителем Хатры был бог Солнца, а монеты сохранили легенду ḫṭr' dšmš — «Хатра Шемешова» и изображение святилища Шемеша, дало основание полагать, что «Господь наш» соответствует Шемешу. В пользу такой интерпретации свидетельствует, как кажется, надпись 107, где говорится, что «Эсагилу, храм великий» «построил Сын Господа нашего для Шемеша, отца его (bn' brmryn lšmš 'bwhy)». В надписи 280 Сын Господа нашего именуется сыном Шемеша (brmryn br šmš). В надписи 74 поминается Нашри «пред Господом нашим, Орлом и Шемешем, и супругой (букв. «госпожой». — *И. Ш.*) его, и сыном его, и знаками всеми (qdm mrn nšrh wšmš wmr 'th wbrh wsmu' kwlhwn)». В надписи 82, если верны общепринятые реконструкции, сакральное сооружение строит «Санатрук, царь (арабов), очистивший, служитель (Шемеша, бога) великого, (сын), Нацру, господина, для Господа нашего, и Госпожи нашей, и Сына Господа нашего,

⁴¹ Законы вавилонского царя Хаммурапи (пер. Л. А. Липина под редакцией В. А. Яковсона). — В кн.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 154 сл.; ср. также перевод И. М. Дьяконова (ЗВАХ — ВДИ, 1952, № 3).

⁴² *Milik. Dédicaces...*, p. 334.

Илат и знаков». Здесь Санатрук I явно совершает свое благочестивое деяние как (служитель) Шемеша; но в этом случае фигуры Шемеша и «Господа нашего» должны совпадать.

«Господь наш Орел» (mṛn pšr') как объект культа упоминается также в надписях 79 (где одновременно говорится о «царстве его» — mlkwth), 88, 155, 232e (с обращением: «истреби из дома твоего то, что должно быть низвергнуто» — šhqth mn bytk lmn dltrh), 341 (в обратной последовательности обозначений: pšr' mṛn). Очевидно, орел был священной птицей, олицетворением и воплощением Господа нашего — Шемеша. Заметим в этой связи, что одно из изображений на алтаре из Трастевере III в. н. э. показывает орла, несущего на своих крыльях бюст Гелиоса⁴³; как известно, этот алтарь относится к культу пальмирского бога солнца МалакБела; таким образом, связь почитания орла с культом солнца была распространена в Сирии, по-видимому, весьма широко.

Если все изложенное верно, Господь наш — Шемеш был в хатранском пантеоне богом солнца и богом-царем; его храм Эсагила был воздвигнут от имени Бога нашего⁴⁴.

«Госпожа наша» какой-либо идентификации по материалам хатранской эпиграфики не поддается. Из цитированной выше надписи 74 видно только, что она — супруга Господа нашего — Шемеша⁴⁵.

Что касается «Сына Господа нашего», то надпись 81 позволяет предположить его идентичность с Нерголом⁴⁶. Здесь некий 'АбдуСемейа, сын Шемешбераха, поминается пред Господом нашим, и Госпожой нашей, и Нерголом (qdm mṛn wmrtn wnrḡl [d]šhpt'); как можно видеть, в стандартной формуле Нергол занимает место Сына Господа нашего. В надписях 70 и 71 Нергол именуется псом (nrḡl — var. nrḡwl — klb'); эти надписи сопровождают пирей с изображением трех псов. На алебастровой статуэтке лежащего пса с ошейником имеется надпись (72): «Три пса (tltt klbn). Я, Шарад, господин (mṛy), изготовил это для Госпожи (? št)». Очевидно, пес был священным животным, олицетворением и воплощением Нергола; культ Госпожи, если принимаемая нами интерпретация слова št достоверна⁴⁷, должен быть связан с культом Нергола, а изображения пса суть культовые изображения этого божества. Параллельные материалы, в частности происходящие из Пальмиры, свидетельствуют о том, что Нергол отождествлялся с Гераклом, но это значит только, что в мифологии Северной Сирии и Месопотамии существовали предания о подвигах Нергола, сопоставимых с подвигами Геракла⁴⁸.

Выше, говоря о надписи 81, мы отметили сочетание имени божества с эпитетом dšhpt' (здесь ошибочное написание вместо dhšpt'⁴⁹). Этот эпитет зафиксирован также в надписях 145 (nrḡl dhšpt'), 279 (nrḡwl dhšpt'), 295 (nrḡl dšhpt'); также ошибочное написание вместо dhšpt'), 399 (nrḡwl dhšpt'), App. 4 (Хирбет ас-Са'адийа: среди сакральных объектов, которые построил Зана, сын Дахни, упоминается 'dn' dnrgwl dhšp[ṭ]')⁵⁰ dšr'

⁴³ Cumont F. L'autel palmyrénien du Musée du Capitole.— Syria, 9, 1928, p. 101—109.

⁴⁴ Об отождествлении Господа нашего с Шемешем см., в частности: Caquot A. Nouvelles inscriptions araméens de Hatra (VI).— Syria, 41, 1964, p. 253; Hofstijzer. Religio aramaica..., p. 52; al-Salihi. New light..., p. 77; Safar, Mušafa, Al-Ḥaḍr, p. 41—42; Aggoula. Hatra, p. 52.

⁴⁵ В исследовательской литературе предлагались отождествления с богиней Луны (Safar, Mušafa, Al-Ḥaḍr, p. 42), а также с Атар 'ате или Тюхе (al-Salihi. New Light, p. 78). Б. Аггула (Hatra, p. 52) предпочитает Нанай.

⁴⁶ По мнению Б. Аггулы (Hatra, p. 52): Дионис.

⁴⁷ Ср. Milik. Dédicaces..., p. 166.

⁴⁸ В. ас.-Салихи (New Light..., p. 78—81) полагает возможным отождествление с богом луны Сином. Как полагают Ф. Сафар и М. 'А. Мустафа (Al-Ḥaḍr, p. 42), «Сын Господа нашего» — сын Солнца и Луны, бог, присутствующий и днем, и ночью. О Нерголе как о члене хатранской триады см. также Hofstijzer. Religio aramaica, p. 53—54.

⁴⁹ Ср. Milik. Dédicaces..., p. 166.

⁵⁰ Чтение Ю. Т. Милика (Dédicaces..., p. 395) вместо написанного по ошибке dhšp'.

bmh' — «сад Нергола dhšp[ʔ]», который живет в соляных полях»). Интересующий нас эпитет, парфянский по происхождению, сопоставляемый с gb ḥšyšu — «начальник стражей» — в надписи 140, складывается из компонентов dhš' — парфянского слова, вошедшего также и в сирийский язык, и pʔ', соответствующего семитскому gb. Ю. Т. Милик⁵¹ другим толкованиям (придворному — (божественный) командир телохранителей и военному — (бог) — комендант гарнизона) предпочитает более близкую к реальности «теологическую» интерпретацию данного эпитета: «начальник стражей (потустороннего мира)». Она, однако, нуждается в некоторых уточнениях. Сирийское dahšā в Иерем., 24,1 соответствует еврейскому hammasgēr (корень sāgār — «запирать»), чему в Септуагинте в свою очередь соответствует τοὺς δεσφύτας. Но тогда иранское dhšpʔ' может восприниматься как передача арамейского gb 'syg', и в этом случае почитание Нергола сопоставимо с культом божества Раб-Асирэ, известным по Пальмирскому пошлинному тарифу.

Итак, Нергол, по-видимому, тождественный Сыну Господа нашего, был хтоническим божеством, стражем и владыкой потустороннего мира, совпадающим с Раб-Асирэ пальмирского пантеона. Его культ совершали в мистериях (ср. надпись 214, где речь идет о постройке 'rz' Inrgl, т. е. мистерия для Нергола), несомненно, сопровождая посвятельными церемониями и мистериальными обрядами, а также в садах. Последнее обстоятельство сближает культ Нергола с финикийским по происхождению, но широко распространенным в эллинистическом мире культом Адониса; ср. также сад 'Эден как местопребывание Йахве в иудейско-израильской религии (Быт., 2,8—3,24; Иезек., 28,13). Библейская аналогия показывает, что сад как место, где совершался культ и где пребывал бог, моделировал мир блаженных, живущих под сенью бога в обильно орошаемой и плодородной стране и обрабатывающих там землю.

Среди других обозначений богов, которыми поклонялись в Хатре, должно быть отмечено прежде всего слово 'lh'. Если исключить ситуации, когда оно стоит во множественном числе и обозначает сообщество богов (надписи 17, 23, 67 (?), 79 (?), 169 (?), 173, 200 (?), 337), а также когда оно относится к определенным конкретным божествам (надписи 2, 25, 26, 82, 228, 336, App. 3, App. 9), то мы располагаем следующим материалом. В надписи 21: «статуя Аталу, царя Натуншарийского, служителя божьего (pʔh 'lh'; здесь последнее слово может быть как в единственном, так и во множественном числе. — И. Ш.). Благословен бог (bryk 'lh'), который...». В надписи 106 содержится ссылка на оракул: «ибо бог ('lh') во сне научил их». Кроме того, как уже говорилось, это слово засвидетельствовано в собственных именах типа 'bd' lh' (ср., например, надпись 151) и его графического варианта 'bdlh' (ср., например, надпись 86). Создается впечатление, что в Хатре почитался бог, обозначавшийся общесемитским словом 'lh' — «бог»; он давал своим адептам оракулы во сне; родители могли объявить своего ребенка «рабом» этого бога, т. е. принадлежащим ему слугой, пользующимся его покровительством и защитой. Отождествлялся ли он в Хатре с каким-либо иным божеством, сказать трудно; параллельный западно-семитский материал свидетельствует скорее о том, что перед нами в данном случае общесемитское божество, глава пантеона.

Другое обозначение — mr'lh', вариант mrlh' — «Господин богов». В надписи 48 'Oge, сын Хайру, Длинный поминается «пред Господином богов (qdm mrlh')». В надписи 325 'Oge, сын 'Ашатати, поминается «пред Господином богов всех (qdm mr'lh' klhwn)». В надписи App. 4, уже цитировавшейся выше по другому поводу, говорится, что Зана, сын Дахни, устроил «сад ('dn') и завесу (prk')⁵² Господина богов Каркабиша, который живет на пшеничном поле (?). (dmrlh' dqrbš dšr' bhṭt)»⁵³. Карка-

⁵¹ Milik. Dédicaces..., p. 396—397.

⁵² Ср. евр. pārkāṭ (Исх., 26, 31 и др.).

⁵³ Ср. евр. hittā — «пшеница».

биш,— по] всей вероятности, название данного населенного пункта. То обстоятельство, что Господин богов живет на пшеничном поле, позволяет видеть в нем покровителя земледелия. Легенда на монетах из Хатры (Арр. 8) *sn mrlh* — «Син, Господин богов» дала повод видеть в Господине богов Сина — бога Луны, однако в данном случае надпись на монете могла отражать специфическую ситуацию, связанную с поклонением Сину.

Среди богов, почитавшихся в Хатре, известна также общеарабская богиня Аллат (¹lt). В надписи 52 она названа вслед за триадой, пред которой поминается Нашарйехав, сын Хавиры. То же самое имеет место и в надписи 74: «пред Господом нашим, и Госпожой нашей, и Сыном Господа нашего, и Аллат (¹lt), и Шахару». Аналогичная формула имеется также в надписях 75, 82, 151. Надпись 142 представляет собой подпись: «Статуя Аллат (¹lt) и з[аки] (*s{mu}^1*). Адунир». На одном из рельефов Аллат представлена стоящей на льве (ср. изображения «Анату, датируемые II тыс. до н. э.; в Пальмире Аллат изображена львицей). На ее изображение в качестве богини-воительницы с копьём в правой руке и левой рукой, опущенной на щит, несомненно, оказала влияние Фидиева статуя Афины Промакос из Парфенона, что дает основание постулировать тождество: Аллат — «Анату — Афина».

Общая для всего сиро-палестинского региона богиня Атар'ате упоминается в надписи 5: статую Семай, дочери 'Оге, возводит ее муж 'Оге, сын Аббы, жреца Атар'ате (*kmr' d'tr't*). В надписи 29 имя Атар'ате стоит среди имен богов, чье проклятие призывается на голову того, кто войдет в святыню обутым. В надписи 30 имя Атар'ате также среди имен богов, чье проклятие призывается на голову тех, кто убил Аббу, дочь Габалу, и сплетничал о ней.

Еще одно божество, общее для всего Переднеазиатского Средиземноморья,— Ба'алШамен. В надписи 16 он фигурирует, если верны предлагаемые реконструкции, в качестве божественного царя (*mlk'*); здесь же назван «Акива, начальник дома [Ба'алШамен]на. В надписи 17 Кабир упоминается «пред[Ба'ал]Шаменом-царем (*b'1*) *šmn mlk'*) и богами в [семи]». В надписи 23 Нашар'аков и Гадйехив поминаются и благословляются «пред Ба'а<л> Шаменом-богом и пред богами всеми (*qdm b'<1>šmun 'lh' wqdm 'lh' klhwn*)». Поминание и благословение призываются и «на того, о ком будет свидетельствовать во благо Ба'а<л>Шамен, творец земли (*mn dy lshdh ltb b'<1>šmun qnh dy r'h*). Как можно видеть, в хатранской мифологии Ба'алШамен выступает в роли творца земли и подателя оракулов. В надписи 24 Бар-Закика поминается «пред Господом нашим и Ба'а<л>Шаменом великим (*b'<1>šmn gwb'*)». В надписи 25 Ба'а<л>Шамен (*b'<1>šmun*) вместе с триадой упомянут как бог, пред которым поминается и благословляется Нашарйехав, сын 'АбдиИли. В надписях 29 и 30 он среди богов, чье проклятие призывается. Наконец, в надписи 49 говорится о «доме» (*byt*) Ба'а<л>Шамена.

Имя *gbrhdd* (надпись 177) свидетельствует о почитании в Хатре общесиро-сирийского бога-громовика Хаддада.

Характерным для эпохи эллинизма можно признать культ божества счастья и удачи Гадде/Ганде, аналога греческой Тюхе и римской Фортуны, причем наряду с божеством вообще могло быть и божество — покровитель определенной общины или определенного города, а также личная богиня — удача данного человека. Почитание Гадде засвидетельствовано материалами из Пальмиры и Дура-Европос, так что в данном случае перед нами явление, характерное для всего эллинистического сирийского мира. В Хатре это божество фигурирует в следующих текстах. В надписи 58 Адде, сын Кацийи, поминается «пред Ганде кацрийцев (*qdm gnd' dy ksry'*)»; кацрийцы здесь, по всей видимости, — община. В надписи 79 говорится о статуе царя Санатрука, «очистившего, чей Ганде вместе с богами (*dgnhd 'm 'lh'*) сын АбдиСемейи, царя». Речь идет о личном божестве царя Санатрука II; далее будет упомянуто родовое божество —

«Ганде Санатрука, царя, и потомков его, и сыновей его всех». Ганде царя — вместе с другими богами, т. е. входит в общий пантеон; заметим, что почитание царских богов отмечено уже в угаритской документации. Лица, воздвигающие статую. — ЙехавМарин и Илькур, сыновья Шемешбераха, делают это «в месте Ганде, которым они радуются, которое принадлежит им (bbyldh dgnd' dy hdyh bh dylhwn)», т. е., очевидно, в своем родовом святилище («место»). В надписи 125 поминаются 'Абса, сын Ханны, «пред Сыном Господа нашего и Ганде его соответственно тому, как свидетельствует о нем... (qdm brmgyn wgn dh 'l mn dlshdh)»; здесь Ганде — также личное божество⁵⁴. В надписи 235 Шеламан, сын 'Акивы, поминается пред триадой, «знаками» и «Ганде народа» (gnd' d'm'). «Ганде народа» — это, несомненно, бог данного гражданско-коллективного, Тюме Хатры. В надписи 288а БарНабу, сын Нашри, поставил завесу для Гадде (prk' lgd'). В 288 упоминается Ганде некоего Аби[]. В надписи 296 'Оге, сын 'Абсы, благословляется и поминается «пред[Га]нде (qdm [g] nd')»⁵⁵. Наконец, в надписи 297 поминается Раму, сын Шабу, «пред Господом нашим и Гадде ворот навечно (qdm mgn wgd' dy 'bwl' l'im)». Отметим здесь слово 'bwl', пришедшее из аккадского языка.

В надписи 340 говорится о завесе Набу (prk' dy nbw).

Имя Бар-Нанайа (надписи 1, 2, 106, 234, 253, 258, App. 10) и надпись 4 свидетельствуют о распространенности в Хатре культа Нанайи.

Видную роль в пантеоне Хатры играла, по-видимому, богиня Ашарбел ('šrbl). В надписи 34 упомянута Маратбу, жрица [А]ша[r]бел, создательница всего (kmrt[' d']š[r]bl bnyt kw). Перед нами, как видим, отражение космогонического мифа, в котором решающую роль играла Ашарбел, мифа, отличающегося от того, где аналогичную роль играл Ба'ал-Шамен. В надписи 35 Каймай, дочь 'АбдиСесейи, получает оракул от Ашарбел, девственницы (dy 'mrt lh 'šrbl btlh); эта черта сближает Ашарбел с 'Анату хаанаейско-аморейской мифологии. В надписи 38 Ашарбел, [девственница], воздвигает статую «Раб[и], [стар]ца».

Бог утренней зари Шахару (šhrw) упоминается в надписи 23, где призывается его проклятие «на дни того, кто прочтет это и не помянет Нашар'акава добром и благом». В надписи 29 Шахару также среди богов, чье проклятие призывается на голову того, кто нарушает правила сакрального благочиния. Проклятие Шахару призывается и в надписи 153. В надписи 74 Шахару замыкает список богов, «пред которыми» совершилось поминовение.

В надписи 13 упоминается божество Закика (zquq'), пред которым поминаются Гаддейехав, сын Нашри, и 'Абса, сын 'АбдиНергола. Не исключено, впрочем, что это — эпитет богини Атар'ате («чистая»; ср. комментарий к КАИ 240).

В роли богов в хатранских надписях выступают также «знаки» (smu'): воздвигаются их изображения; перед ними поминаются и благословляются, причем они фигурируют наряду с другими богами; они имеют своего верховного жреца (rb); знаку дома приносится жертва — mnh' t̄b (ср. библейское жертвоприношение minhā⁵⁶); имеются и знаки богов, называемых по имени (надписи 3, 52, 56, 74, 75, 79, 82, 151, 200, 201, 209, 213, 235, 280, 338). Сравнение с надписью из Таймы КАИ 228, где слово šlm — «статуя» употребляется вместо обычного 'lh' — «бог», позволяет

⁵⁴ О Гадде как о личном божестве, воплощении жизненной силы человека и божественного начала см. *Hoftijzer. Religio aramaica*, p. 60.

⁵⁵ То обстоятельство, что надпись 296 сопровождает статую Геракла, одетого в иранскую одежду, дало основание предположить, что в хатранском пантеоне имела место идентификация Ганде и Геракла (*al-Salihi W. A Note on a Statue from Hatra. — Sumer*, 29, p. 99—100; *idem. Heraql-Ganda. — Ibid.*, p. 151—155 (ap)). Однако более правдоподобным и обоснованным кажется другое предположение В. ас-Салихи (*al-Salihi W. Hatra, Aspects of Hatran Religion. — Sumer*, 26, 1970, p. 187—193), согласно которому Геракл идентифицировался в Хатре с иранским богом победы Веретрагной.

допустить, что и в Хатре, где знаки выступают в роли богов, слово *smu'* имело функцию, аналогичную тайманскому *šlm*⁵⁶.

Храмы в Хатре строились по единообразному плану: квадратная целла (святое святых), где находились статуи богов, помещавшаяся против главного входа; антицелла и одна-две камеры, где хранились предметы культа⁵⁷.

Приведенный выше материал показывает, что население Хатры испытывало многообразные культурные влияния, и эти влияния так или иначе нашли свое отражение в надписях и памятниках материальной культуры.

Как и в других областях Сирии и Месопотамии эпохи эллинизма и римского, соответственно парфянского, господства, языком письменности в Хатре был арамейский — традиция, восходящая к эпохе Ахеменидов. Ф. Ваттиони, отметив, что диалект хатранских надписей принадлежит к восточноарамейской группе, указывает следующие его характерные черты: отсутствие ассимиляции *n* последующему согласному; трактовка интердентальных, общая для восточноарамейских диалектов; образование каузативной глагольной породы с префиксом 'а-, как в сирийском языке; наличие префикса *l-* в форме будущего времени, как в мандейском и библейско-арамейском. Палеография хатранских надписей, аналогии которой наблюдаются в Северной Месопотамии, Армении и Грузии, но которая существенно отличается от палеографии пальмирских и древнесирийских надписей, свидетельствует о том, что внутри арамейскоязычного культурного круга жители Хатры принадлежали к более узкой северомесопотамско-закавказской общности. В любом случае не вызывает сомнений, что арамейский элемент, общий для всей эллинизованной Передней Азии, был в Хатре господствующим. Он отчетливо прослеживается и в пантеоне: культы Шемеша, Атар'ате, Ба'алШамена, Гадде/Ганде, Шахару, а также в календаре Хатры — общепереднеазиатском в своей основе.

Греческий язык в эпитафике собственно Хатры в общем не засвидетельствован, что говорит о его неупотребительности или малой употребительности в деловой и культурной жизни Хатры вообще. Примечательно, что из известных эпитафических памятников только надпись KA1 257, обнаруженная в храме Атар'ате и Хаддада в Дура-Европос, но палеографически и по языку близкая к надписям из Хатры, содержит двуязычный арамейско-греческий текст. Здесь поминается Малкион, сын Шумайшу, «должный» (*mḥyb'*), т. е., вероятно, обязанный служить богу, за то, что он пожертвовал своему богу Шемешу 100 денариев. Не исключено, что в данном случае двуязычность надписи — это приспособление к обычаю, существовавшему в Дура-Европос. Заслуживают внимания, однако, проникновение в хатранский арамейский гречизмов (например, слово *glr* — греч. *γρόφω*; имя Селевк), а также использование селевкидской эры. В хатранской скульптуре отчетливо выявляются произведения эллинизирующего стиля — статуи с изящным удлинненным телом, тщательной отделкой типично эллинистической прически (завитки волос), изображением персонажей обнаженными или в греческих пелосах, плащах и сандалиях⁵⁸. Эти же статуи позволяют констатировать и проникновение в Хатру моды на греческую мужскую и женскую одежду. Один из храмов Хатры был построен по эллинистичес-

⁵⁶ С. Б. Дауни полагает, что хатранские *smu'* представляют собой священные штандарты, связанные с культами различных богов, преимущественно с триадой; они иногда были защитниками племен или отдельных лиц (*Downey S. B. A Preliminary Corpus of the Standards of Hatra. — Sumer, 26, 1970, p. 195—214*). По мнению Д. Гомес-Фредерика, *smu'* — это бог-орел (*Hatra et ses sculptures, p. 3*). Более точно у И. Хофтэйзера: функция штандартов аналогична функции сиро-палестинских бетэлей; они представляют богов, которые могут почитаться в облике их штандартов.

⁵⁷ *Homès-Fredericq. Hatra et ses sculptures, p. 3—4*.

⁵⁸ Ср. *Homès-Fredericq. La vie à Hatra..., p. 43*.

ческому архитектурному стандарту. По наблюдениям Б. Аггулы⁵⁹, в архитектуре Хатры соблюдались правила Витрувия. Отмечается и эллинистический декор ворот. Наконец, показателен культ греческих богов.

Культура Хатры развивалась при всем этом на арабском субстрате. Это обстоятельство нашло свое выражение, в частности, в употреблении в надписях арабских слов (например, араб. *byld* — «место» в надписи 79 вместо араб. *'tr*), а также в арабских собственных именах типа ГармАллат, Хурайшу, Авиду, Хайру с характерным падежным окончанием *-w* (= *-u*). Несомненно, арабским является культ Аллат: возможно, из арабской среды пришел и культ бога *'lh'*, но в Хатре он имел тенденцию слиться с культами иных богов.

Другим субстратным элементом хатранской культуры была культура древней доэллинистической Месопотамии. Об этом свидетельствуют прежде всего языковые заимствования: такие слова, как *'pkl'*, *'rdkl'*, *'bwl'*, *hykl'*, а также почитание месопотамских богов Нергола, Набу, Нанайи. Примечательно и то, что главный хатранский храм именуется в надписях Эсагила.

На протяжении своей истории хатранское общество испытывало интенсивное иранское (парфянское) влияние. Оно выражается прежде всего в многочисленных парфянских заимствованиях в языке хатранских надписей: *'spzk* — аналог хатранскому *gr* (надпись 287), *pšgrb'* и *pšg-gyb'* — титул наследника царской власти (надписи 28, 285) и его варианты *przgryb'* (надпись 36) и *pšgry'* (надпись 194)⁶⁰, *bthš'* (надпись 143) и его вариант *pdhš'*, уже упоминавшийся выше титул бога Нергола *dhšpt'*, *hđrpt'* — жрец бога огня (надпись 83; не проникло ли в Хатру огнепоклонничество?), *nhšrpt* — шапочник (надпись 112), а также имена типа *sntrwq*, *wlgs*, *wrdnb* (?), *whrdt*, *nwhdr'* и, возможно, *wrwd*. По хатранской скульптуре можно судить о том, что в Хатре была распространена парфянская одежда (шаровары, сапоги, рубаха с поясом и куртка), а также специфические для парфянской моды формы бороды и усов⁶¹. Хатранские цари носили по парфянскому образцу высокую тиару, очевидно, желая подчеркнуть свое иерархическое равенство с Аршакидами. Впрочем, сам титул *mlk'* — «царь» вводил властителей Хатры в ту же иерархическую сферу. Манера изготовлять статуи в Хатре — также преимущественно парфянская, хотя и с местными специфическими чертами.

В целом материалы, происходящие из Хатры, являются отражением процессов, типичных для обществ, оказавшихся на границе с великими державами древности. Обитатели Хатры как бы втягиваются в цивилизованный мир — эллинистическо-сирийский (арамейский), с одной стороны, и парфянский (в свою очередь испытывавший заметное эллинистическо-сирийское влияние), — с другой. Первый путь вел в конечном счете ко включению в сирийский и, следовательно, в римский мир, второй — ко включению в парфянский мир, к иранизации. Общество Хатры, воспринимая эти влияния, пыталось сохранить свою политическую самостоятельность, лавируя между Римом и Парфией. Катастрофа, разрушившая Хатру, по всей вероятности, отбросила местные арабские племена к догосударственному состоянию и надолго затормозила их общественно-политическое развитие.

⁵⁹ *Aggoula. Hatra*, p. 43.

⁶⁰ *Maricq. Hatra de Sanatrouq*, p. 275—280.

⁶¹ Ср. *Fukai. The Artifacts...*, p. 172—173; *Homès-Fredericq. La vie à Hatra..*, p. 41—42.

THE NORTH MESOPOTAMIAN CITY OF HATRA

I. S. Shifman

The author presents a detailed study of the political history of Hatra, its socio-economic structure and political organisation in the 1st to 3rd centuries A.D. The city was ruled by a king, who was usually titled King of the Arabs but occasionally bore Hellenistic titles. Power was also held by a popular assembly, a council and local magistrates. The Arabs mentioned in the royal title were in all likelihood neighbouring Bedouin tribes attracted to the city from political and economic motives. The city's population appears to have been mainly Arabs though its cultural life was a mixture of Syrio-Hellenistic, Mesopotamian, and Parthian influences. The Hatrian kings strove to maintain their political independence and achieve political equality with Roman emperors and Parthian kings. The destruction and ruin of Hatra put a sudden brake on the socio-political development of the Arab communities in Northern Mesopotamia and in all probability threw them back to a pre-state condition.

В. Н. Ярхо

НОВЫЙ ПАПИРУСНЫЙ ОТРЫВОК ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПАРОДИЙНОГО ЭПОСА

В истории древнегреческого пародийного эпоса имеется достаточно белых пятен. Тому есть по меньшей мере две причины.

Прежде всего, не слишком обширны сохранившиеся тексты: целиком дошла только «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия») и сравнительно крупные фрагменты из «Аттического пира» Матрона. «Гастрономическую поэму» Архестрата из Гелы, которую обычно относят к той же «веселой поэзии» древних греков, скорее всего следует считать принадлежащей все же к жанру дидактической поэзии, хотя и с достаточно легкомысленным содержанием¹.

От остальных авторов пародий на эпос дошли крайне незначительные отрывки, либо вообще одни имена. Так, Гегемон с Фасоса (последняя треть V в.), которого Аристотель считал первым сочинителем пародий (Поэтика 2, 1448a 12—13), пользовался у афинян большим успехом; особенно известна была его «Гигантомахия»² — от нее, однако, не дошло ни строчки³, и все, чем мы располагаем из творчества этого разностороннего поэта (он писал также комедии и выступал, возможно, с пародиями на другие жанры, кроме эпоса⁴), — это 21 стих из пародийной эпической поэмы неизвестного содержания⁵ и два стиха из комедии «Филинна».⁶ Афиней (15, 697f—699c) сохранил заимствованные у Полемона-периегета сведения также о последующих представителях пародийного жанра. Не считая уже упомянутого Матрона из Питаны, в древности очень вы-

¹ Единственным сводом пародийного греческого эпоса до недавнего времени оставалось собрание П. Брандта: *Corpusculum poesis epicae Graecae ludibundae. I. Parodorum epicozum Graecorum et Arcestrati reliquiae*. Ed. P. Brandt. Lipsiae, 1888. Сейчас тексты, свидетельства, параллельные места из собрания Брандта прекрасно воспроизведены (с итальянским переводом) в сб.: *Poesia parodica Greca a cura di E. Degani*. Bologna, 1982, 1983. Под руководством Дегани начата также работа над подготовкой критического издания Архестрата, Матрона и других поэтов этого жанра. Первый выпуск уже вышел: *Arcestrato di Gela a cura di O. Montanari. I. Testimonianze e frammenti*. Bologna, 1983. Одновременно с этим текст Архестрата, Евбея с Пароса и Матрона вошел под № 132—192, 410—412, 534—540 в капитальное издание: *Supplementum Hellenisticum ediderunt H. Lloyd-Jones, P. Parsons*. В.— N. Y., 1983.

² Афиней, 9, 407a; 15, 699a.

³ Поскольку Г. Е. Бен, автор ст. «Пародия» в «Краткой литературной энциклопедии», т. 5, с. 605, уверяет, что «до нас дошли, например ... „Гигантомахия“ Гегемона», мне остается только завидовать его осведомленности.

⁴ См. Kraus W. Hegemon. — In: *Der Kleine Pauly*, В. II, S. 967.

⁵ Интерпретацию дошедшего до нас отрывка автобиографического характера см. в ст.: *Wilamowitz-Möllendorff U. Lesefrüchte* 121. — *Hermes*, 1905, В. 40, S. 173—175 (= *Kleine Schriften*, В. IV, В., 1962, S. 219—221); см. также *Tammaro V. Hegem. 1 Br.* — *MCr.*, 1980/82, v. XV—XVII, p. 125.

⁶ *The Fragments of Attic comedy...* by J. M. Edmonds. V. I. Leiden, 1957, p. 812 (*Athen.*, 3, 108c).

соко отзывались об Евбее с Пароса, современнике Филиппа Македонского, и Беоте из Сиракуз (начало III в.) — от первого, написавшего четыре книги пародий, сохранилось два с половиной гомеровских гексаметра, примененных, естественно, к совершенно иной обстановке, от второго — ничего, кроме имени, как и от некоего Сопатра. Кроме мелких и разрозненных цитат из остальных авторов, вовсе не известных по имени⁷, следует упомянуть еще одного, тоже анонимного поэта, два отрывка из которого сохранил в своей «Александрийской речи» Дион Христомом (XXXII, 81 и 4). Первый, объемом в 36 стихов, изображает скачки в цирке и сопутствующую им шумную реакцию зрителей; другой, размером в 4 стиха, происходит, возможно, из той же поэмы, так как содержит описание игр в театре⁸. Поскольку Дион, не называя автора по имени, говорит о нем как своем современнике, его деятельность надо отнести примерно ко второй половине I в. н. э. Таким образом, хотя сохранившиеся тексты охватывают период почти в пять столетий, дошедший в них материал едва ли является достаточным для всесторонней характеристики жанра. О творчестве Гегемона, Евбея, Матрона, ближе нам не известного современника Диона мы можем во всяком случае утверждать, что предметом изображения для них служил современный им быт (пиры, паразиты, мастеровые, театральная публика), описываемый высоким стилем эпоса.

Другая ветвь эпической пародии может быть отнесена к жанру так называемого «звериного эпоса», и о нем мы до сих пор могли судить только по уже упоминавшейся «Батрахомиомахии»⁹. Здесь нас, однако, подстерегает другая трудность: серьезное расхождение между исследователями в датировке этой поэмы. На протяжении почти всего XIX в. господствовало представление о ее принадлежности к началу V в. до н. э. или даже более раннему времени. Этого же мнения придерживались советские¹⁰ и достаточно авторитетные иностранные ученые¹¹. Между тем еще в XIX в. голландец И. ван Герверден высказал сомнение в ранней датировке «Батрахомиомахии», исходя из наблюдений над ее языком¹². Эти сомнения, не во всем последовательные, получили поддержку на серьезном лингвистическом материале со стороны Я. Вакернагеля¹³, и к настоящему времени целый ряд специалистов склоняется к выводу о возникновении поэмы в позднеэллинистическое время, если даже не

⁷ Brandt. Op. cit., p. 96—100 = Degani. Op. cit., p. 154—156.

⁸ Brandt. Op. cit., 100—107 = Degani. Op. cit., p. 157—160. Фр. IX здесь не учитывается, так как не везде можно установить, где мы имеем дело со стихами, а где — с их прозаическим переложением.

⁹ Кроме «Батрахомиомахии», автором которой в древности считали Гомера (см. свидетельства в кн.: Homeri opera recognoscunt... Th. W. Allen. T. V. Oxonii, 1912, p. 163 sq.), ему приписывались также недошедшие «Псаромахия» («Война со скворцами»), «Гераномахия» («Война с журавлями») и «Арахномахия» («Война пауков») — см. там же, с. 207 и 259. Однако уже из нашего перевода названий этих поэм видно, что с войной между животными речь могла идти только в последней из них. В двух остальных животные были, вероятно, лишь одной из воюющих сторон. В «Гераномахии» предполагают развитие сюжета, засвидетельствованного в «Илиаде», III, 3—6, — война пигмеев с журавлями. См. Janni P. Etnografia e mito. La storia dei Pigmei. Roma, 1978, p. 19. В «Псаромахии» получал, очевидно, развитие мотив, известный из басни Бабрия (I, 33), — борьба крестьянина со скворцами и галками, расхищающими его посевы. См. Wölke H. Untersuchungen zur Batrachomyomachie. Meisenheim am Glan, 1978, S. 99.

¹⁰ Альтман М. С. Война мышей и лягушек — вводная статья к одноименному изданию. М. — Л., 1936, с. VIII—XII; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. М., 1959, с. 116 сл.; Тронский И. М. История античной литературы. Изд. 3-е. Л., 1957, с. 74 сл.; Ярко В. Н. Греческая литература архаического периода. — В кн. История всемирной литературы. Т. I. М., 1983, с. 329.

¹¹ Schmid W. Geschichte der griechischen Literatur. B. I. München, 1929, S. 229 f.; Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. 3 Aufl. Bern — München, 1971, S. 111.

¹² Van Herwerden J. De Batrachomyomachia. — Mnemosyne, 1892, v. 10, p. 163—174.

¹³ Wackernagel J. Sprachliche Untersuchungen zu Homer. Göttingen, 1916, S. 188—199.

в эпоху Августа ¹⁴. Когда в датировке произведения возникает амплитуда в пять столетий и надо выбирать между периодом Греко-Персидских войн и началом Римской империи, это едва ли может оказать положительное воздействие на его историко-литературный анализ.

В этих условиях значительный интерес представляет любое новое свидетельство из истории древнегреческого пародийного эпоса. Такой новинкой и являются опубликованные в 1983 г. Германном Шибли полторы колонки папирусного текста из мичиганского собрания ¹⁵, содержащие около 40 стихов из поэмы, которая может быть названа «Галеомиомахия» («Война мышей с лаской» или «с ласками»¹⁶). Папирус, относимый ко II—I вв. до н. э., извлечен из картонажа очередной мумии. В последнее время этот источник новых литературных текстов приобретает все большее значение, — как известно, таким путем уже были открыты отрывки из менандровского «Сикионца»¹⁷, эпиникия Каллимаха в честь Береники ¹⁸, фиванской поэмы Стесихора ¹⁹. Исползованный для заворачивания мумии из Фаюма мичиганский папирус, как и остатки текста «Сикионца», служил жителям эллинизированного Египта уже в третий раз: литературный текст написан на палимпсесте, и остатки старой записи иногда затрудняют его прочтение. Самый крупный фрагмент (30,8 × 26,5 см) представляет собой, как уже было сказано, остатки полутора колонок. В первой, от верхнего поля до нижнего, сохранилась 31 строка ²⁰; три лакуны удачно восполняются мелкими обрывками а, б и с. Вторая колонка оборвана сверху на две трети: от ст. 32—49 уцелело кое-где по одному-два знака; ст. 51—60 благодаря присоединенному справа фр. d читаются почти целиком. У ст. 40 проставлена стихометрическая отметка Δ, обозначающая четырехсотый стих, — следовательно, дошедший отрывок отделен от начала поэмы 360 стихами. Еще две стихометрические пометки находятся на узких обрывках е и f: в первом случае это *альфа* или *лямбда* (т. е. сотый или одна тысяча сотый стих), во втором — *iota* (девятисотый стих). Стало быть, не известная нам ранее поэма была довольно значительного объема, превышая более чем в три раза «Батрахомиомахию»²¹.

Время создания новой поэмы неизвестно. Судя по языку, она могла быть написана и в V и в III в. Поскольку, однако, никаких сведений о ее существовании для более раннего периода нет, остается предположить, что папирусный текст отстоит не слишком далеко от времени сочинения поэмы, которую надо, таким образом, отнести ко II в. до н. э.

Мы приводим ниже греческий текст, отмечая в аппарате только наиболее существенные предложения, не вошедшие в *editio princeps*. Доля

¹⁴ Maas P. Parodos. — RE, 1949, Hb. 36, Teil 3, S. 1685; Ahlborn H. Untersuchungen zur pseudo-homerischen Batrachomyomachie. Diss. Göttingen, 1959; *idem*. Einführung. — In: Pseudo-Homer, Der Froschmäuserkrieg..., B., 1968, S. 13—15; Kirk G. S. Formular Language and Oral Quality. — Yale Class. St., 1966, v. 20, p. 161—164; West M. L. Near Eastern Material in Hellenistic and Roman Literature. — HStCPh, 1969, v. 73, p. 122 f.; *idem*. Iambi et elegi Graeci. V. II. Oxonii, 1972, p. 94; Mette H. J. Batrachomyomachia. — In: Kleiner Pauly, I, 842. Обстоятельное рассмотрение вопроса, не оставляющее сомнений в поздней датировке, — Wölke. Op. cit., S. 46—70. См. рец. Дега-ни — Gnomon, 1982, В. 54, S. 618.

¹⁵ Schibli H. S. Fragments of a Weasel and Mouse War. — ZPE, В. 53, 1983, S. 1—25.

¹⁶ В папирусном отрывке действует одна ласка, но это не исключает их участия во множественном числе, как в басенной традиции (см. ниже).

¹⁷ Тронский И. М. «Сикионец» Менаандра. — ВДИ, 1966, № 4, с. 54—57.

¹⁸ Ярко В. Н. Новые папирусные тексты в области древнегреческого эпоса и элегии. — ВДИ, 1983, № 3, с. 139.

¹⁹ Рыжкина Э. А. Новый вариант фиванского мифа: «Фиванда» Стесихора. — ВДИ, 1984, № 3, с. 112.

²⁰ Ст. 9 вписан той же рукой между ст. 8 и 10; стало быть, первоначально в колонке было 30 стихов.

²¹ Традиционное число стихов в «Батрахомиомахии» — 303, из которых свыше 30 признаются подложными, в первую очередь, ст. 42—52, 117, 210—222, 227, 281; в результате в изд. Аллена (см. прим. 9) остается 271 стих, в изд. Альборна (см. прим. 14) — 268.

участия других ученых, внесших свой вклад в расшифровку папируса, каждый раз указывается Шиббли в примечаниях.

Col. I

-]ε γεϊκο[ς]...ως..[.....].οντες
]αγτι γαλῆς εστ.[..].[
- 4 [..][..][..][..].επ[.]ωι προμάχιζεν ετ[.]ιδε Τρίξος
[.]δῆσα.[.]ακτῆ [.]γ'ένετ' ἐμ μύε[σ]σιν ἄριστος
[ἀ]λλ' οὐ μιν πάλιν αὖτις ἐδέξατο πατρὶς ἄρουρα.
πρῶτον γάρ μιν ἐλοῦσα γαλῆ μέσσον διέβρυξεν
τοῦ δὲ καὶ ἀμφιδρυφῆς ἄλοχ(ος) οἴκοι ἐλέλειπτο
- 8 [τρ]ωγιδίωι ἐν θαλάμωι φρεσὶν αἰμύλα πόλλ' εἰδυῖα
[...][σ]εωνος θυγάτηρ καὶ ἐλίσσετο πολλάκι τ'ἐξῶ'
[π]ημῆναντα γαλῆς ≡ ἐμ μύεσσι γεγῶνει.
[αὐτικά] δ' ἄγγελος ἦλθε θεῶν ποσὶ καρπολίμοισι
- 12 [..][....]ης δὲ ἐν. ἐμ ... ὕ[μω]ν ἐνὶ δήμωι
καὶ [μ]ιν φωνήσας ἔπεα πτερ[ό]εντα προσή[δα]
[...][...][...] ἦκεν δὴ Τρίξος ἀμύμω[ν] ἐ[μ] πολέμοισιν."
[...][...][...] στενάχουσα παρειὰς τί[λλε]ς τε χαίτας...
- 16 [.....][...]α.....[.] πόσιν αφ[.....].[
[...][.....]δῖεπη ζεύγυ κα[...].απο..μ.[.]αν
[...][...]ον [.....] ἄειρε χαλινοῦσ' εἰς φ[ρ]ένας ἀμάς.
ἦ ῥ' οἱ μὲν δαίνυντο θεοὶ κατὰ [μα]κρόν Ὀλυμπον,
- 20 [ἀλ]λά τ' ἐπὶ τρασιήν. [ῆ]μιεν Κυλλή[ν]ιος Ἑρμῆς,
[...][ων][...]ριθωμ..ων κα[...][...][...]εν ἐξεγένοντο
[...][...][...]ρ ... ἀγροῦ σταφυ[...][...][...] ἀνὰ πάντας
[ἀμπελε]ῶνα λιποντ.[.....]. θεοῦ αἴσα συνῆγεν
- 24 [...][...][...] ἐπὶ στρατιάν, [το]ῦς δ' εἰσίδεν αἴψα χίον[τα]ς
[...][...][...] —, γαλέη καὶ ἐ[ῶι] προσελέξατο θυμῶι
[ὦ μοι ἐγώ,] τί ποτ' ἄρ[α] μύ[ε]ς στυνελέχθεν ἀολλεῖς
[...][...][...] μῆ δ' αὖ πολ[έ]μου μέγα νεῖκος ἀέζη
- 28 [.....]α.[...]οροισι μουσιν [καὶ ἐμ]οὶ περὶ νίκης...
[.....]δ[.] καὶ ἐγωγ' ἐνθ[...][...]εμ...[...][...]μαι ἦτορ
[.....].χ.[...]μενησφον . [...][λη]..[
[.....].χ.[...] εἰσῆλθε μεγ[...][...]αδου .. πυθμὲν' ἐλαίης

Col. II (Vv. 32—50 litterae perpaucae)

- 51 [ο]ἱ Σπάρτην ἐνέμοντο [Π]ύλου θ' ἰ[ερ]ὸν πολ[ι]εθρον'
οὔτε γάρ εἰς πλίνθους οὔτ' εἰς ὄρ[ο]φῆ[ν] ἀν[έ]βαινον,
ἀλλ' ἐν ἀρουραίοις πεδίοις ἐνέμοντ[ο] καὶ ὕ[λαι]ς"
- 54 οὔτοι ἄρ' ἠγερῆθοντο γαλῆ[ς] ἐς φύλο[πι]ν αἰν[ή]ν.
τοῖσι δὲ καὶ μετέειπε Μυ[λ]εὺς δὲ [..]...
ἦν γὰρ τ' οὐδὲ πόδεςσιν ἔτ' ἄρτιος, ἀλλὰ [σ]αφόφρων]
τοῖσι δ' ἐν ἔπρεπε πᾶσι παλαιὰ τε π[ολλ]ὰ τε εἰδώς"
- 58 ὁ σφιν εὐφρονέων ἀγορήσατο καὶ [μετέειπεν]
ἠἰδη ἐγὼ τάδε π[ι]άντα, μύες, πα[ρὰ] πατρὸς ἀκούσας
ἡμετέρου κείν[ο]ς δ[...][...]λα..[

Apparatus criticus

2 ἐς Τ' ρ' ἰ[ξο]ν || 3 ἐγ[θρ]ῶι εγο || 4 [π]ηδῆσας [τ']ἀκτῆ[ν] || 12 [Α]ρπ[αγιδ]ῆς West; [Τ]ρω[ξάρ]της || 15 [δά]ψε δὲ; [ῆ] δ' δὲ; στενάχουσα παρειὰς τύ[πτε]το χαίτας || [τί]λλουσ' Burkert || 18 [θυμ]ὸν [δ'] αὖτις ἄειρε || 23 [κευθμ]ῶνα; λιπόντα[ς] ἐπε[ῖ] West || 29 ἐμπά[σο]μαι ἦτορ

Содержание нового отрывка в целом достаточно понятно. В самом начале мы встречаем имя лучшего и безупречного (4, 14) мышиноного героя

Трикса — по ассоциации с одним из значений глагола τρίζω («пищать, визжать») по-русски лучше всего назвать его Пискуном²². Итак, Пискун пал в борьбе с лаской, которая загрызла его, схватив поперек живота, и родной земле не суждено принять его прах (5—6). Оставшаяся дома супруга, еще не зная о печальной участи мужа, тем не менее находится в сильном волнении: она то раздрает себе щеки, то в беспокойстве выбегает наружу из норы (7—9). С известием о несчастье, постигшем мышей (10), торопится на родину Пискуна вестник (11—13), сообщаящий одной фразой о гибели героя (14). Следуют реакция супруги (15—16), и, очевидно, попытка вестника призвать ее к благоразумию (17—18). Ненадолго действие переносится на Олимп (19), результатом чего, как видно, является отправление Гермеса к мышам — он считает, что найдет их скорее всего в том месте, где для просушки на специальной плетенке (τρασίγη) раскладывают смоквы — любимое лакомство маленьких хищников (20). Оставив соседний виноградник (ἀμπελεῖῶνα) или норы (κευθήλωνα), мыши сходятся на общевойсковое собрание (21—24). Ласка, видя это, с тревогой ожидает начала крупных военных действий (24—29) и почему-то забирается в отверстие между корнями оливы (31). Следующая за тем лакуна содержала, по всем признакам, перечень мышиных контингентов (ср. каталог кораблей во 2 кн. «Илиады»), который заканчивается в ст. 51—53: на войну собрались также мыши из Спарты и Пилоса, и притом не изнеженные домашние, а полевые²³ и лесные; их характеристика завершает каталог (54). Начинается народное собрание, к которому обращается самый умный и многознающий из мышиных вождей Μυ[λ]εός (55—58). Имя его проще всего связать с μύλη — «мельница»: он из тех мышей, что кормятся просыпавшимся зерном; по-русски назовем его Мельничим. От речи Мельничего сохранилось только начало: он предвидел наступление тех событий, которым суждено теперь развернуться (59—60).

Как видно, даже в небольшом отрывке используются постоянные мотивы героического эпоса: единоборство с опасным противником и гибель героя; олимпийский план; отправление на землю вестника богов; сборы войска и его каталог; речь умудренного жизненным опытом вождя. Все это излагается языком, близким гомеровскому (подробнее об этом ниже), и чтобы были вполне ясны пародийные интонации нового фрагмента и в стилистическом отношении, мы рискнем привести его здесь в стихотворном переводе (в ст. 18 использовано чтение, предлагаемое в аппарате).

- 3 среди первых Пискун подвизался,
. был из мышей он храбрейшим.
Но не вернулся он больше в отчую землю родную,
Ибо, схватив посеред, раньше всех его ласка загрызла.
Дома осталась супруга, нещадно терзая ланиты,
8 В гладкообкусанной спальне. Хоть в мыслях была и разумна
Дочь ...сеона царя, все ж наружу она выбегала.
Вот какое несчастье от ласки мышам приключилось.
Тотчас стремительным шагом помчался к супруге глашатай.
12 в мышином народе.
И, обратившись к ней, слова он крылатые молвил:
«Умер Пискун, что в сраженьях всегда у нас был безупречен».
Горько стелая, власы вырывать и терзать свои щеки
16 Стала она по супругу..
«. обуздай....
. не тревожь наши души».
Боги меж тем пировали на гордой вершине Олимпа.

²² Ср. μὴς τρίζων — Бабрий, 108, 23, и другие параллельные места у Шибли (ор. cit., S. 2).

²³ К ἀροῦραῖος в связи с делением мышей на городских и сельских см. у Шибли (ор. cit., S. 24).

- 20 К месту где сушатся фиги, Гермес поспешил Килленийский.
 (из всех своих нор) показались,
 Где полевой виноград на всех.
 Лозы оставивших, — к бою судьба их и боги собирали.
- 24 Тотчас, мышинные рати, грядущие купно на вече,
 Ласка, увидев, рекла своему беспокойному сердцу:
 «Горе мне, что это мыши во множестве здесь собрались?
 Вижу я, грозная брань и сражение тяжкое грянет,
- 28 Ежели мне и мышам за победу придется бороться.
 гложет забота мне сердце».
- 31 под корнями оливы сокрылась.
- 51 ...Спарту они населяли и Пилоса город священный,
 И не в подвалах ютились, и на чердаки не взбирались —
 Жили в равнинах привольных и средь лесов густолистных.
- 54 С лаской на страшную битву так они собирались.
 Мельничий им возвещал, который...
 Не был он в беге искусен, но мыслил инаких мудрее, —
 Этим средь всех выделялся и многое прошлое ведал.
- 58 Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
 «Ведал я все это, мыши, отца поучения помня
 Нашего, он...»

Хотя содержание отрывка в целом сомнений не вызывает, ход событий, часть которых он представляет, остается не вполне ясным.

Совершенно очевидно, что Пискун находит свою гибель вдали от родины и что мышинное ополчение собирается затем из разных мест, — стало быть, в поэме описывалась война, происходившая на чужбине, и аналогия с Троянским походом напрашивалась сама собой, хотя мышам было вовсе необязательно совершать переправу за море. Дальше начинаются трудности. В сохранившемся тексте нет ни слова о том, почему Пискуну пришлось выйти на бой с лаской и что в это время делали другие мыши. Шибли (op. cit., S. 24 f.) предполагает, что Пискун играл роль Протесилая, — этот эпический герой, вынужденный отправиться на Троянскую войну сразу после первой брачной ночи, погиб в первом же сражении при высадке на морском берегу²⁴. Подтверждение отождествлению Пискуна с Протесилаем Шибли видит в том, что в начале нашего отрывка мог упоминаться морской берег (*ἄκτῆς*? 4), что Пискун, как и Протесилай, погиб первым из всего войска (6) и что ст. 7 за исключением одного слова (*οἶχοι* вместо *Φυλάκῃ*) совпадает со стихом из Гомера (Ил. II, 700), характеризующим состояние рано овдовевшей Лаодамии. Ни одно из этих соображений не представляется мне убедительным.

Во-первых, если даже будет доказано, что в папирусе речь шла про *ἄκτῆς*, этим понятием обозначается обычно крутой, скалистый берег, — для равнины Скамандра оно едва ли подходит²⁵. В нашем случае это мог быть обрывистый край какой-нибудь лужи, к которой Пискун прибежал напиться.

Во-вторых, из нового отрывка вовсе не следует, что Пискун сражался первым на виду у всего остального войска. Что делали остальные мыши во время его битвы с лаской, совершенно неизвестно, — похоже, что они вообще в ней участия не принимали и только гибель Пискуна побудила их к широкомасштабным военным действиям. Между тем в троянской эпопее сражение ахейцев с троянцами продолжалось и после смерти Протесилая. Грустное само по себе, это событие оказалось не более чем эпизодом в длительной войне, в то время как гибель Пискуна послужила для нее причиной. Поэтому я прихожу к выводу, что Пискун отправился

²⁴ См. Allen. Op. cit., p. 104 s.; 123 (= Paus., IV 2, 7); Apollod., Epit. III, 29 S.; Schol. Aristid., p. 671 s. = TrGrFr., Nauck² 1889, p. 563.

²⁵ У Аполлодора говорится только о том, что троянцы вышли встречать вражеский флот «к морю», *ἐπὶ θάλασσαν*.

один или с небольшой свитой на разведку или на переговоры во вражеский лагерь, как в свое время Тидей — в Фивы, где он тоже подвергся нападению из засады, но успешно отбилсЯ (Ил. IV, 384—398). Здесь Пискун и погиб — первым из своих «соотечественников» — от зубов коварной ласки ²⁶, и, узнав о случившемся, мыши решили сплотиться перед лицом общего врага. С этим согласуется и дальнейшее развитие событий: вестник, сообщивший о смерти Пискуна, призывает его супруга не смущать боевой дух остальных мышей, а явившийся к ним Гермес побуждает их к «священной войне» против ласки. Только теперь, накануне важнейших событий, перечисляются, как у Гомера, контингенты, собранные для ведения боевых операций.

Наконец, у Гомера супруга Протесилая изображается горюющей по мужу, уже зная о его гибели, — в новом эпосе супруга Пискуна только томится дурными предчувствиями, заставляющими ее не находить себе места. Этот мотив появляется в античной литературе впервые только у Овидия (Героиды, XIII), причем здесь Лаодамия мечется в безумном страхе туда и сюда (*hic illuc*, 34), подобно тому как покинутая супруга Пискуна выбегает наружу из норки (9). Я далек от мысли поставить стихи Овидия в зависимость от пародийной поэмы, — хочу только подчеркнуть, что ее автор помещает гомеровский стих в другую временную перспективу, чем автор «Илиады».

Следующий вопрос касается противника мышей. В нашем отрывке это одна ласка, которая именно поэтому испытывает тревогу при виде массы своих врагов. Но, конечно, не исключается, что в дальнейшем ей на помощь могли прийти ее сородичи, — не забудем, что новый отрывок принадлежал к началу примерно второй трети поэмы, и никто не может сказать, как описывался на протяжении еще 600 или даже 800 стихов дальнейший ход военных действий. Не очень ясно, чем были заняты и предшествующие 359 стихов. Шибли предполагает здесь пародийную аналогию к «Киприям», в которых содержалась предыстория Троянской войны от свадьбы Пелея и суда Париса. В «Батрахомиомахии» поводом к войне мышей и лягушек служит непреднамеренная гибель Псигарпага, и описание ее занимает не более 18 стихов, — при том, правда, что и вся поэма была раза в три короче новой «Галеомиомахии». По-видимому, для решения всех этих вопросов остается ждать удачного демонтажа очередной «литературно образованной» мумии.

В историко-литературном плане исследование нового отрывка может идти в двух направлениях. Можно ввести его в ряд уже известных «звериных» сюжетов, — в частности, достаточно распространенных в античности басен о войне мышей с ласками, которые в быту играли роль современных кошек ²⁷; эта задача с исчерпывающей полнотой выполнена Шибли (*op. cit.*, S. 7—12), и нет необходимости возвращаться к ней заново, хотя и остается достаточно спорным возведение греческого пародийного эпоса эпохи эллинизма к фольклорному мотиву об осаде мышами кошки, засвидетельствованному в египетских папирусах XIV—XII вв. до н. э. Во-первых, потому что египетский вариант принадлежит к сюжетам из области так называемого «перевернутого мира», в то время как

²⁶ Нельзя ли в ст. 3 найти подтверждение чтению $\epsilon\chi\theta\rho\acute{\upsilon}\nu$ $\pi\rho\omicron\mu\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\epsilon\nu$? Тогда бы это подтвердило, что Пискуну пришлось первым встретиться с постоянным врагом мышей — лаской (ср. $\epsilon\chi\theta\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\gamma\alpha\lambda\acute{\epsilon}\eta$, *Batr.* 114). Правда, $\epsilon\chi\theta\rho\acute{\iota}\varsigma$ приобретает значение «враг, противник» только в послегомеровской поэзии (*Hes.*, *Op.* 342; *Pind.* *Pyth.* 2, 84; *Aesch.*, *Ag.* 1374), но и наша поэма — отнюдь не современница Гомера.

²⁷ Первое по времени указание на существование подобных басен мы находим в «Осах» Аристофана, ст. 1181—1185. См. далее: Эзоп, 174 по Хаусрату; Федр, IV, 6; Бабрий, 31. Ср. также папирусные отрывки басен о войне мыши с лаской (в диалогической форме) и о браке мыши с лаской в ст.: *Daris S. Papiri letterari dell' Università cattolica di Milano.* — *Aegyptus*, 1972, v. 52, p. 91—96. О роли, которую могла сыграть «Галеомиомахия» в распространении сюжета о войне мышей с лаской на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э., см. *Schibli H. Addendum to «Fragments of a Weasel and Mouse war».* — *ZPE*, 1984, V. 54, S. 14.

греческие и римские басни дают более естественное завершение конфликта победой сильнейшего, и их нравственный пафос направлен совсем в другую сторону («величие пагубно для вождей»). Во-вторых, нужен ли иноземный источник, чтобы представить себе вражду между мышами и кошками (ласками)?

К новому папирусу можно подойти и с другой точки зрения — как к памятнику пародийного эпоса, проследить применяемые в нем приемы и сопоставить их с техникой других известных образцов этого жанра. Такую задачу Шибли перед собой, по-видимому, не ставил, хотя собранные в его статье параллельные места дают для этого широкие возможности. Сначала, однако, придется сделать отступление в историю древнегреческой пародии.

Вопрос этот — нелегкий, и не только по причине указанной недостаточности источников. Дело в том, что современное — и к тому же отнюдь не однозначное²⁸ — понимание пародии далеко не всегда совпадает с его античным пониманием. В древности исходным явился, скорее всего, термин *παρωδία*, обозначающий участника специального агона, который был составной частью более обширного состязания в других видах словесно-музыкального творчества. Аристотель, называя Гегемона первым сочинителем пародий (Поэтика, 2, 1448a, 12—13), имел в виду творчество именно таких «пародистов». Они явно не ставили перед собой какую-либо сатирическую цель; их задача — добиться комического эффекта применением эпического стиля к неэпическому содержанию. Об агонах этого рода сведения наши не очень богаты: не считая собственного свидетельства Гегемона, мы располагаем всего лишь двумя эпитафическими памятниками для IV—III вв. (один из Эретрии, 340 г., другой из Дельфов, 236 г.) и, возможно, еще одной надписью II—III вв. н. э.²⁹ Ясно, что состязания эти носили не слишком регулярный характер. Сопоставляя данные первой надписи с автобиографическим фрагментом Гегемона, мы можем сделать вывод, что для участников агона устанавливались три премии — в 100, 50 и 10 драхм и что Гегемон при своем первом выступлении удостоился только второго места (см. прим. 5).

Другая трудность состоит в многообразии значений, которые вкладываются античными авторами в понятие *παρωδία*: «пародией» может быть названо и целое произведение, и использование различных комических приемов при цитировании (и видоизменении) текста известных поэтов и драматургов как в стихах (главным образом — в комедии), так и в прозе (ораторская речь, сатирический памфлет)³⁰.

Ближе всего к пониманию пародии в современном смысле слова находитесь уже упомянутый Полемон-периегет. Первым памятником пародии он считал четыре гексаметра, сохранившихся от Гиппонакта (фр. 126 Дегани, 128 Вест): эпическая фразеология использовалась здесь для изображения какого-то обжоры, причем, называя его Евримедонтиадом, автор явно намекал на его знатное происхождение. Таким образом, налицо употребление гомеровского стиля с целью сатирического обличенья, причем попутно деградировался и сам эпический колорит³¹. Дальше, впрочем, Полемон среди других авторов пародий называл как Эпихарма, Кра-

²⁸ Морозов А. Пародия как литературный жанр (К теории пародии). — Русская литература, 1960, № 1, с. 48—77.

²⁹ Degani E. La poesia parodica — appunti. — In: Poesia parodica... (прим. 1), p. 20—22.

³⁰ См. Householder F. W. *Παρωδία* — ClPh, 1944, v. 29, p. 1—9; Lelièvre F. J. The Basis of Ancient Parody. — GR, 1954, v. I, p. 66—81; Koller H. Die Parodie. — Glotta, 1956, B. 35, S. 17—32; Rau P. Paratragodia. München, 1967, S. 7—18; Schröter R. Horazens Satyre I. 7 und die antike Eposparodie. — Poetica, 1967, B. I, S. 10—14; Pöhlmann E. *Παρωδία* — Glotta, 1972, B. 50, S. 144—156; Wölke. Untersuchungen..., S. 178—184; Degani. Op. cit., p. 5—36 (с библиографией).

³¹ См. обширный аппарат к фр. 126 в изд. Дегани (*Hipponactis testimonia et fragmenta*, Lpz, 1983) и его же ст.: *Hipponacte parodica*. — MCr, 1973/74, v. 8/9, p. 141—167.

тина, Гермиппа, так и уже известных нам Гегемона, Евбея и Беота, смешивая два вида пародии, — эпическую, исполнявшуюся в специальных состязаниях, и драматическую, служившую актуальным средством сатиры и литературной критики, о чем в полной мере свидетельствует использование пародии в творчестве Аристофана.

Наконец, возвращаясь к пародиям на древнегреческий эпос, мы сталкиваемся с недостаточной расчлененностью в современном литературоведении понятий пародии и травести (бурлеска). Разделять два эти жанра настойчиво советовал еще автор вышедшего в 1821 г. «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопов, с чем соглашается и современный исследователь пародии³². Однако, когда дело доходит до конкретных случаев, классификация нередко становится затруднительной. Так, нет сомнения, что к жанру травести относятся обе «перелицовки» «Энеиды» — русская (Осипова и Котельницкого) и украинская (Котляревского). На П. Скаррона, родоначальника бурлеска в новой европейской литературе, ориентировался в своем «Елисее» и Вас. Майков, и его современники и ближайшие потомки воспринимали эту поэму именно в таком аспекте³³, что не мешает современным литературоведам находить в ней многочисленные примеры пародии³⁴. Различные определения прилагают исследователи античности и к интересующей нас ближе «Батрахомиомахии», называя ее и центоном, и травести и т. д.³⁵ Если исходить из того, что обязательным признаком пародии является существование «второго плана», т. е. литературного прототипа, с которым она соотносится читателем (для античности — также и слушателем), то «Батрахомиомахия» нельзя отрывать от пародии, поскольку в ней очевидно использование стилистических приемов эпоса, хотя по перенесению героических образов и ситуаций в «сниженные» обстоятельства эта поэма должна быть скорее названа травести.

Не вдаваясь в дальнейшие тонкости классификации, мы все же выделим в древнегреческой эпической пародии две разновидности жанра: а) «высокий стиль» используется для изображения «низменных» ситуаций и персонажей (сюда мы отнесем фрагменты Гиппонакта, Гегемона, Евбея, Матрона); б) герои и сюжетные элементы эпоса переносятся в несвойственную им, негероическую обстановку (сюда мы отнесем «Батрахомиомахия»)³⁶. Новый отрывок из «Галеомиомахии» должен принадлежать, очевидно, ко второй разновидности, но справедливость такой классификации необходимо проверить на стилистическом анализе дошедших до нас текстов. В них каждый стих может быть отнесен к одной из следующих категорий:

А. Стих, целиком заимствованный из Гомера (иногда — из Гесиода или гимнов) или с заменой в нем лишь одного слова. Например, фр. I Евбея представляет собой стих, без изменений перенесенный из Ил. XVIII, 534: «Они бросали друг в друга медные копья»; по свидетельству Полемона, стих этот относился к цирюльникам, — вероятно, швырявшим друг в друга щипцами для завивки волос. В другой раз (фр. II) спор шел между цирюльником и гончаром, и предметом его была женщина. Соответственно из «Илиады» были взяты полтора стиха (I, 275 и первое полустишие 277-го) с единственной заменой в конце первого из них: вместо *κοῦρη* было сказано *κοῦρε*. Получалось: «Ни ты не отбирай (ее) у него, цирюльник. — Ни ты, Пелид» (имя горшечника «Пелид», естественно, ассоциировалось с *πηλός* — «глина»).

³² Морозов. Ук. соч., с. 54.

³³ Десницкий В. О задачах изучения русской литературы XVIII в. — В кн.: Ироикомическая поэма. Л., 1933, с. 82 сл.

³⁴ Западов А. В. Творчество В. И. Майкова. — В кн.: Майков Вас. Избранные произведения. М. — Л., 1966, с. 35, 39, 44 сл.

³⁵ Degani. La poesia parodica..., p. 25.

³⁶ На эти две разновидности пародии на эпос указал, в сущности, еще Сумароков в своей «Эпистоле о стихотворстве» (1747 г.) — см. Западов. Ук. соч., с. 35.

Б. Стих, в котором целиком заимствовано гомеровское полустигийе (в первой или второй половине стиха). Примеры: Гегемон, ст. 21, начинается: *καὶ τότε δὲ θάρσθησα* — «и тогда я осмелел (и запел вовсю)» — начало его взято из Ил. I, 92, с заменой 3-го лица глагола на 1-е. Там речь шла о Калханте, которому обещал свою защиту Ахилл («И тогда осмелел и стал вещать непорочный прорицатель»). Гиппонакт, фр. 126, ст. 4, завершается сочетанием *παρὰ θῖν' ἄλως ἀτρογέτοιο*, как Ил. I, 316, 327; Од. VIII, 49 (*ἐπὶ θῖν'*); X, 179.

В. Стих, представляющий собой комбинацию гомеровских словосочетаний и приближающийся, таким образом, к центону. «Полноправных» центонов, отвечающих строгим правилам, которые со временем выдвигает Авсоний³⁷ (особенно — неизменяемость соединяемых половинок стиха), в наших памятниках совсем немного (Матрон, ст. 33; Батрахомиомехия, 248). Гораздо чаще для получения нового стиха изменяется лицо или число глагола, падеж существительного, заменяется или добавляется какое-нибудь слово. Пример (Матрон, ст. 14):

ἐνθ' ἄλλοι πάντες || λαχάνοις ἐπὶ χεῖρας ἴλλον

Полустигийе до цезуры («тогда все остальные») равно началу стиха в Од. I, 11 (с опущенным *μέν*); затем добавлено второе полустигийе из Од. IX, 288, но с заменой *ἐτάροις* на соответствующее обстоятельство *λαχάνοις* и 3 л. ед. числа на множественное по образцу распространеннейшей в эпосе формулы, где она также завершает стих (Ил. IX, 91, 221; XXIV, 627; Од. I, 149; IV, 67 и еще 8 случаев). В оригинале было: (Киклоп) «простер руки» к товарищам Одиссея; здесь: «все остальные простерли руки к овощам»³⁸.

Г. Стих, в котором гомеровские словосочетания занимают ту же метрическую позицию, что и в эпосе. Примеры:

ἐγὼ δόστηνος — конец 1-й — начало 3-й стопы (Батрах., 112; Ил. XXII, 477);

μέγας οὐρανός — в 3—4-й стопе (Матрон, 12; Ил. V, 750);

θεὰ λευκώλενος — в 4—5-й стопе (Матрон, 38; Ил. I, 55);

εἶπε παραστάς — в 5—6-й стопе (Гегемон, 2; Ил. VI, 75).

Д. Стих, не содержащий эпических реминисценций.

Используя эту классификацию, рассмотрим несколько отрывков из дошедших до нас образцов пародийного эпоса. Поскольку в новом папирусном тексте стилистическому анализу (с учетом бесспорных дополнений) поддаются 35 стихов, мы постараемся и из более крупных поэм брать выдержки примерно того же объема.

Оставляя в стороне слишком краткий фрагмент из Гиппонакта, начнем с отрывка, уцелевшего от Гегемона. Содержание его, как видно, автобиографическое и в этом смысле напоминает известный рассказ о себе у Гесиода (Труды, 650—659). Поэт повествует о не слишком приветливом приеме, который оказали ему его соотечественники при возвращении на Фасос. По-видимому, они упрекали его в том, что он взялся за ремесло пародиста, и он, оправдываясь, ссылался на бедность, которая и многих других жителей острова побуждает искать счастья на чужбине. Из текста можно также заключить, что, выступая перед афинянами, он получил 50 драхм (ст. 16—17), т. е. вторую премию³⁸. Дальнейшие его размышления прервала появившаяся рядом с ним Афина; ударив его золотым железом и обратившись к нему с прозвищем «Отвратительная похлебка» (*Φακῆ βδελυρή* — очевидно, так его прозвали на родине за бедность), она велела ему отправляться на состязание. Осмелев, он запел вовсю... — здесь цитата обрывается.

³⁷ Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны. — В кн.: Памятники книжного эпоса. М., 1978, с. 198.

³⁸ Техника пародирования, обозначенная буквами А — В, находит себе соответствие в приемах возбуждения смеха, о которых — применительно к ораторскому искусству — говорили Цицерон (Об ораторе, II, 256 сл.) и Квинтилиан (VI, 3, 96 сл.).

³⁹ Körte A. Hegemon von Thasos. — RE, 1912, B. VII, 2, S. 2595 f.; Wilamowitz-Möllendorff. Op. cit.

Что касается предложенной выше классификации приемов пародирования, то ее приложение к Гегемону дает следующие результаты ⁴⁰: А. Ст. 13 = Ил. II, 101 с заменой *δῆλον* на *οἶον* (1 случай). Б. Окончание ст. 8 = второму полустихию в Ил. XI, 83. Начало ст. 15 = первому полустихию в Ил. VI, 459; сходство с гомеровским стихом подчеркивается также причастными формами женского рода в окончании: *ἐσιδοῖσα* — *χέουσα*. Начало ст. 21 = первому полустихию в Ил. I, 92. Всего в разделе Б — три случая. В. Еще три случая приближаются к центонам из различных гомеровских словосочетаний: ст. 1, 18, 19. В последнем из них гомеровское *χρῦσον λόχον ἔχουσα* (Од. XIX, 34) заменено на *Χρῦσον ῥάβδον ἔχουσα*, при том, что «золотой жезл» Афины встречается в Од. XVI, 172; пятую и шестую стопы занимает словосочетание *εἶπέ τε φωνῆι*, составленное из слов, занимающих те же позиции в Ил. VII, 277 и III, 161. Г. Гомеровские словосочетания употребляются в тех же ритмических позициях в ст. 2, 5, 6, 7, 9, 10, 12. Явно пародийный характер носит ст. 3, хотя позиционно он не повторяет гомеровских моделей.

Все отмеченные приемы «высокого» стиля используются, как видно уже из содержания отрывка, для воспроизведения отнюдь не возвышенных ситуаций: в вернувшегося на Фасос Гегемона швыряют кусками навоза (ст. 2); его называют «отвратительнейшим» (*βδελυράτατος* на месте гомеровского *ἐκπλαγέτατος*) из всех людей (см. 3); сам он признается, что испытывал нужду в хлебе (ст. 10); жена его печет вместо большого ритуального хлеба какую-то жалкую лепешку (ст. 14—16).

Если из столь незначительного по объему материала позволительно делать какие-то выводы, то можно заметить, что число стихов, ближе всего соприкасающихся с Гомером (А, Б, В), составляет одну треть объема; столько же дает группа Г, а взятые вместе (с прибавлением ст. 3) группы А — Г составляют свыше 70%. Без гомеровских реминисценций остается 6 стихов.

Более наглядная картина создается при стилистическом анализе пародийного «Аттического пира», принадлежащего Матрону из Питаны ⁴¹. Большой фрагмент в 122 стиха, несмотря на очевидные лакуны, дает достаточное представление о содержании и стиле произведения в целом. Это — картина пира, данного однажды афинским оратором Ксеноклом, и выставленных для гостей яств. Автор дает также характеристику отдельных участников, среди которых мы встречаем ритор Стратокла, позорно льстившего Антигону и Деметрию ⁴², и паразита Хэрефонта, известного по комедиям Менандра и его современников ⁴³. Таким образом, время действия в поэме Матрона следует отнести к самому концу IV в. ⁴⁴.

Метод работы Матрона становится ясен в самом же начале его «Пира». В первом стихе «Одиссеи» *ἄνδρα* заменяется на *δείπνον*, а *πολύτροπον*, *δς...* — на *πολύτροφον καί...* Получается: «Муза, воспой пиры многоблюдные и весьма обильные, которыми угощал нас в Афинах ритор Ксенокл» (ст. 1—2). Следующий стих воспроизводит Од. VI, 164 с совсем маленькой заменой: вместо *λαός* в конце стиха ставится *λιμός*. Получается: «Пришел и я туда, и меня сопровождал огромный голод». Не менее комическое впечатление производят центоны с неожиданной концовкой. Таков, например, ст. 8: *στῆ δ' ἄρ' ἐπ' οὐδὸν ἰὼν* || *σχεδόνθεν δὲ οἱ ἦν παράσιτος*. Полустихие до цезуры = Од. XX, 128; после цезуры — из Ил. XVI, 800, где в оригинале стих завершается: *ἦεν ἄλεθρος*. У Матрона получается: «Так он сту-

⁴⁰ Здесь и в дальнейшем при классификации и подсчетах я использую параллельные места из Гомера, собранные в издании Брандта (прим. 1).

⁴¹ Diehl E. *Matron*. — RE, 1930, Nb. 28, S. 2298—2300.

⁴² Плутарх. Деметрий, XI, XXIV.

⁴³ Менандр. Самиянка, 603; фр. 51, 245, 265, 304 К-Т; Алексид, фр. 210, 257; Тимокл, фр. 9; Тимофей, фр. 1 (нумерация по Эдмондсу).

⁴⁴ С этим совпадает упоминание в фр. VI Евбея Паросского, современника Филиппа Македонского, как уже умершего.

пил на порог, и к нему парасит приближался» (у Гнедича: «...приближалась бо к Гектору гибель») ⁴⁵. В целом взятые нами для стилистического анализа первые 40 стихов из поэмы Матрона дают следующую картину.

В группе *A* набирается 14 стихов (1, 3—7, 19—21, 23, 34, 36, 37, 40). В группе *B* (повторяется второе полустихие) — 3 стиха (9, 30, 31). Стихов, приближающихся к центону (с незначительным добавлением или неожиданным завершением), т. е. входящих в группу *B*, — шесть (8, 14, 31, 33, 38, 39). Суммируя группы *A* — *B*, получаем 22 стиха (при том, что ст. 31 попадает в группу *B* и в группу *B*) или 55% всего текста. В группе *Г* оказывается 20 случаев, охватывающих еще 16 стихов (10—13, 15, 16, 22, 24—29, 32), т. е. 40%. Совсем без гомеровских реминисценций остается всего два стиха — 2 и 17 (5%). А. Лески, упоминая Матрона, полагает, что здесь мы имеем дело не столько с пародией, сколько со стремлением приспособить эпический стих к задачам, для которых он не создавался, и видит в этом предвосхищение эллинистических стиливых экспериментов ⁴⁶. Однако Полемон без обиняков называл Матрона *παρωιδός*, и я думаю, что применение эпического стиля к такому сюжету, как описание пиршественных блюд и драки между гостями за лакомый кусочек, является самой настоящей пародией.

Если мы теперь обратимся к «Батрахомиомахии», то в употреблении пародийных приемов мы увидим несколько иную картину. Возьмем опять же число стихов, примерно равное тому объему текста, который мы использовали из поэмы Матрона, а по содержанию — такие отрывки, которые как-то перекликаются с новым папирусом. Это будут ст. 99—121 (за вычетом неподлинного ст. 117), описывающие гибель Псигарпага («Крохобора»), собрание мышей и речь Трокарта («Хлебогрыза»); затем ст. 132—143 — совещание лягушек и речь мышиноного глашатая; наконец, ст. 260—269 (за вычетом неподлинного 262а, но с сохранением ст. 264) — выступление мышиноного героя Меридарпага («Блюдоцапа»), приходящего, как Ахилл, в критическую минуту на помощь своим соратникам. Всего у нас получится 44 стиха.

При сопоставлении этих отрывков с гомеровским эпосом мы замечаем, что в них совершенно не используются гомеровские стихи с заменой одного-двух слов; один раз полностью воспроизводится гомеровская строка (269 = Ил. VIII, 132); семь раз повторяются (иногда с легким видоизменением) гомеровские полустихия (100, 104, 110, 121, 134, 139, 140); три стиха мы можем отнести к типу центонов (136, 264, 268). Всего в группах *A* — *B* получается 11 стихов, т. е. 25% текста. Несколько больше случаев употребления гомеровских слов и словосочетаний в той же позиции, что и в эпосе (группа *Г*), — они встречаются в 14 стихах (103, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 118, 137, 142, 143, 260, 261, 262), что составляет 32%. Без ярко выраженных гомеровских реминисценций остается 43% стихов.

Возникает, следовательно, любопытная картина. Гегемон и Матрон, изображая обстановку, чуждую эпосу, используют эпический стиль значительно шире, чем «Батрахомиомахия», воспроизводящая к тому же сюжетные ситуации эпоса (причина возникновения войны, сборы войска, речи героев, совещание богов на Олимпе, сражения). Можно, очевидно, сказать, что в первом случае пародируется с т и л ь героического эпоса путем его снижения до описания негероического быта (пародия в собственном смысле), во втором — его с о д е р ж а н и е путем перенесения героических подвигов в среду мышей и лягушек (травести, хотя и с использованием пародийных приемов).

⁴⁵ В отдельных случаях комический эффект может создаваться и явной бессмысленностью, достигаемой сочетанием эпической и бытовой лексики, — например, в ст. 20, 23, 31, 34, 39. Ср. *Wilamowitz-Möllendorff U. Lese-früchte* 175. — *Hermes*, 1923, В. 58, S. 73—79 (= *Kleine Schriften*, В. IV. В., 1962, S. 330—334).

⁴⁶ *Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur*. 2. Aufl. Bern — München, 1963, S. 687.

Какое место занимает в этой классификации новый папирусный отрывок? По его содержанию мы можем ожидать большего сходства с «Батрахомиомахией», чем с Гегемоном и Матроном, — эпические ситуации и здесь переносятся в негероическую среду мышей. Однако стилистические наблюдения заставляют нас быть осторожнее: объектом пародии в «Галеомиомахии» служит не только сюжет, но и стиль оригинала.

Из 35 стихов, поддающихся стилистическому анализу, три входят в группу А. В том числе ст. 13 — постоянная гомеровская формула (Ил. I, 201; Од. I, 122 и еще свыше 40 случаев в обеих поэмах, из них — 6 раз с вариантом *πρωτόδον*; гимн Герм., 435; гимн Дем., 320). Ст. 58 — другая формула введения прямой речи (ср. Ил. I, 73; Од. II, 160 и еще 13 раз в обеих поэмах). Ст. 7 = Ил. II, 700 с заменой конкретного обозначения *Φλάχη* на более общее *οἶκος* («дóма»).

Группа В представлена двумя примерами. В ст. 55 — начальное формульное полустипение *τοῖσι...μετέπειτα* (см. Ил. II, 336; Од. II, 157 и еще 13 раз в обеих поэмах). Ст. 55 вместе с целиком формульным ст. 58 оформляют все четверостишие по образцу Од. II, 157—160. Формульный характер носит и завершающее полустипение в ст. 57 (*πηλαιά...σίδως* — ср. Од. II, 188; VII, 157; XXIV, 51).

В шести случаях стихи близки к центонам (группа В). Так, объединенные в ст. 56 в одно предложение вводное *ἀλλ'* с отрицанием *οὐ*, обстоятельство *μιν* *πάλιν* *αὖτις*, подлежащее *πατρὶς* *ἄρουρα* встречаются у Гомера в разных местах ⁴⁷, но, собранные вместе в один стих, они производят впечатление подлинного эпического стиля, хотя и юмористически окрашенного: высоким слогом повествуется о гибели мыши ⁴⁸. Так же составлены ст. 54, где все члены предложения гомеровские, кроме *γαλής* (введение которой, естественно, разрушает «героический» эффект стиха), и совершенно центонный ст. 19, сам по себе не звучащий комически, но, конечно, вызывающий улыбку введением олимпийского плана в повествование о переживающих вдовы-мыши. Такой же центонный характер носят ст. 11, 15, 51. (Стилистические параллели к ним, как и к ранее рассмотренным, исчерпывающе собраны в статье Шибли). Стихи из групп А — В дают 34% текста.

Наибольшим числом примеров эпического стиля представлена группа Г (гомеровские словосочетания в той же ритмической позиции). Вот некоторые из них:

В начале стиха: *πρωτόν γάρ μιν* (6; ср. Ил. IV, 480);

во 2-й — 3-й стопе: *ἐν θαλάμῳ* (8; ср. Ил. III, 382; Од. XVII, 506 и еще 4 раза);

в 3-й — 4-й стопе: *ἀμύμων* (14; ср. Ил. VI, 190; Од. XIV, 508);

в 4-й — 5-й стопе: *μέγα νεῖκος* (27; ср. Ил. XIII, 122; Од. XVI, 98 и еще 3 раза);

в 5-й — 6-й стопе: *ἐνὶ δήμῳ* (12; ср. Ил. XVIII, 295; Од. I, 237 и еще 7 раз).

Аналогичная техника — в ст. 9, 10, 12, 18, 20, 21, 24, 28, 29, 31, 59 — всего 15 стихов (43%); к тому же гомеровские завершения стихов 5, 11 и 15 вошли в предыдущую группу ⁴⁹. Добавим к этому, что эпическое окончание пяти стихов подряд (8—12) или восьми (24—31), хоть и с некоторыми прощсками, несомненно придает достаточно крупным отрезкам текста «героическую» окраску. В сумме группы А — Г составляют 77% всего текста, при том, что в одном и том же стихе могут употребляться два приема или один и тот же прием — дважды.

⁴⁷ *ἀλλ'οὐ* — Ил. I, 24; Од. XIX, 591; *μιν...αὖτις* — Ил. II, 276; *πάλιν αὖτις* — Од. XIV, 356; *πατρὶς ἄρουρα* — Од. I, 407; X, 29; XX, 193 (везде в конце стиха).

⁴⁸ Вдобавок *ἄρουρα* еще ассоциируется с *μῦς ἄρουραῖος* «полевой мышью». См. Schibli. Op. cit., S. 18, 24 (ad v. 5, 53).

⁴⁹ Гомеровские словосочетания, но в другой метрической позиции — ст. 23 и 51.

Если мы теперь расположим известные нам произведения пародийного эпоса, от Матрона до «Батрахомиомахии», в принятом нами хронологическом порядке (Матрон — конец IV в., «Галеомиомахия» — II в., «Батрахомиомахия» — I в. до н. э.), то увидим, что со временем происходит постепенное удаление пародийных поэм от стиля эпоса: «гомеровский» колорит, выражаемый количеством стихов, наиболее близких к эпическому языку, снижается от 95% через 77% к 57%. Разумеется, 35 стихов нового папирусного отрывка — слишком незначительный объем текста, чтобы выводы из их стилистического анализа можно было признать окончательными, но расчеты, произведенные по нашей классификации над полным текстом Матрона и «Батрахомиомахии», дают для обоих памятников, находящихся на крайних полюсах шкалы, те же соотношения⁵⁰.

Отсюда следует вывод, что пародирование эпоса все меньше ставит своей целью искусную комбинацию элементов героического стиля⁵¹, делая объектом пародии его содержание, — однако отнюдь не в плане идейной с ним полемики. Возникнув впервые в творчестве Гиппонакта, пародия на эпос носила, несомненно, полемический характер, будучи направлена против претензий знати на политическое руководство и против эпоса, в котором она искала идеологическое обоснование этим претензиям. Однако со времен Гегемона эпическая пародия, как видно, теряет свое идейное значение и ищет чисто художественного эффекта в контрасте между эпической формой и не эпическим содержанием. Поэтому и произведения травестийного плана не отказываются от применения героического стиля, но чувствуют себя в обращении с ним свободнее, чем авторы пародий в собственном смысле этого слова. Что же касается серьезной идейной оппозиции гомеровскому эпосу, то она находит себе место в других жанрах — ионийской ямбографии и афинской трагедии⁵².

A NEW PAPYRUS FRAGMENT OF ANCIENT GREEK MOCK-HEROIC EPOS

V. N. Yarkho

The fragment (*P. Michig.* inv. 6946), published by H. Schibli in *ZPE* 53, 1983, pp. 1—25, represents a small part of a poem about the war between the mice and the weasel (or weasels) and gives occasion for speculation about the whole contents of this hitherto unknown poem and about Greek epic parody in general. Although it is clear from even this small fragment of the poem that the customary motifs of heroic epic are used in it

⁵⁰ Из 122 стихов Матрона в группы А — В входит 55 стихов (45%), в группу Г — 54 стиха (44,3%), без прямых реминисценций остается 13 стихов (10,7%). Из 271 стиха «Батрахомиомахии» в группы А — В входят всего 46 стихов (17%), в группу Г, включая и такие стихи, в которых гомеровские словосочетания встречаются в иной ритмической позиции, — 106 стихов (39,2%); в сумме группы А — Г составляют все те же 56,2%, что и в избранных отрывках. Без прямых гомеровских реминисценций остается 119 стихов (43,8%). По-прежнему остается впечатление, что Матрон и автор «Галеомиомахии» пользуются сравнительно крупными блоками гомеровского стиха, а «Батрахомиомахия» — значительно более мелкими деталями.

⁵¹ Может показаться, что сказанному о падении интереса к эпическому стилю противоречит отрывок, принадлежащий современнику Диона Хрисостома (*Brandt. Op. cit.*, p. 100—107): в нем нет ни одного стиха без прямых гомеровских реминисценций, а стихи, заимствованные целиком из Гомера, составляют свыше 58%. Однако именно преобладание целых стихов указывает, что вместе с другими, более искусными, но столь же анонимными поэтами позднеллинистического времени (см. *Crusius O. Cento.* — RE 1899, В. III, S. 1929—1932; *Lamacchia R. Praefatio.* — In: *Hosidii Getae Medea. Lpz.* 1981, p. V—VI) этот автор стоит на пороге подлинно центонной поэзии, которая расцветет пышным цветом уже на римской почве в эпоху Поздней империи. См. *Гаспаров, Рузина. Ук. соч.*, с. 198—211; *Consolino F. E. Da Osidio Geta ad Ausonio e Proba: le molte possibilità del centone.* — Atene e Roma, 1983, v. 28, f. 3—4, p. 133—151.

⁵² См. *Jarkho V. Noch einmal zur sozialen Position des Archilochos.* — *Klio*, 1982, В. 64, S. 313—327; *он же. Идеология архаики и ее преодоление в трагедиях Эсхила.* — В кн.: *Antiquitas Graeco-Romana ac tempora nostra. Praga*, 1968, p. 251—262; *он же. Художественное мышление Эсхила: традиции и новаторство.* — В сб.: *Philologia classica*, I. Л., 1977, с. 3—15.

(the hero killed in single combat, Olympic scheming, the mustering of troops and their catalogue, etc.), general conclusions as to the contents of a poem 900—1000 lines long, of which some 35 lines are fairly legible, must remain conjectural (the overall length is determined by stichometric marks preserved in different parts of the papyrus). In particular cases, however, comments may be made.

Schibli's proposal to identify the mouse-hero Tryx («Squeaky») with Protesilaus, who perished in the first encounter with the Trojans on the banks of the Scamander, is not convincing. In the first place, if the reading $\beta\alpha\tau\eta$ in line 4 be accepted, the picture of a steep rocky shore does not exactly evoke the landscape of the Scamander plain. Second, Protesilaus fought in full view of the Achaean hosts, whereas Squeaky was apparently killed while scouting or by an attack from ambush. Third, the slaying of Squeaky by weasel teeth brought into battle large contingents of mice (see lines 21—24, 51—54), whereas the death of Protesilaus made no change in the course of a campaign already begun. Fourth, in all sources, beginning with Homer (Il.II 700, cf pap., line 7), Laodameia is described as mourning for Protesilaus, having learned of his death, whereas in the papyrus Squeaky's wife is only tormented by gloomy forebodings (lines 8—9).

As for the position held by what was presumably called the «Galeomyomachia» in the chronological sequence of mock-heroic epos, both the date of our papyrus (2nd — 1st centuries B. C.) and the growing conviction that the *Batrachomyomachia* was of late origin suggest the following order: the *Attic Feast of Matron* (end of 4th century B. C.); the «Galeomyomachia» (probably 2nd B. C.), and the *Batrachomyomachia* (1st B. C.). This order is supported by the author's stylistic analysis based on the use in these poems of Homeric stichs, hemistichs and word-combinations in the same metrical position as they are used in the epos proper. In Matron's poem the number of Homeric reminiscences amounts to 95% in the first 40 lines and 89.3% in the whole poem as quoted by Athenaeus; in the papyrus fragment it is 77%; in the *Batrachomyomachia* it comes to 57% in the 44 lines chosen for analysis because of their similarity in content to the papyrus fragment, and 56.2% in the text as a whole. One gets the impression that parody of the epos grows ever less concerned with imitation of Homeric style, turning instead to the contents of the epos as the butt of its mockery — but this not at all in the spirit of serious polemics. That task had been accomplished in the 7th — 5th centuries by Ionian iambics (Archilochus, Hipponax) and Attic tragedy (Aeschylus, Euripides).

ПУБЛИКАЦИИ

А. Б. Колесников

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК УСАДЕБ У ЕВПАТОРИЙСКОГО МАЯКА

В 1973, 1976—1983 гг. отрядом Крымской археологической экспедиции МГУ¹ близ Евпаторийского маяка было полностью раскопано херсонесское раннеэллинистическое сельское поселение² и почти весь культурный слой за его пределами. В период своего расцвета поселение состояло из двух примыкающих друг к другу усадеб³, помещения которых группировались вокруг открытых внутренних дворов. Значительную часть дворов занимали зольники (№ 1 и № 2). К северу от основной части усадьбы № 1 обнаружено еще несколько помещений, среди которых наиболее интересен большой подвал (пом. 34/38). К западу от подвала и к северу от усадьбы № 1 располагался зольник (№ 3) диаметром около 23 м. Центр зольника находился приблизительно в 12 м к западу от западного угла подвала. Восточная стена подвала перерезала вдоль канаву (яма № 9), после чего ее засыпали мусором. Еще одна канава (яма № 8), также впоследствии засыпанная мусором, начиналась у западного ряда помещений усадьбы № 2. На территории, прилегающей к поселению, были открыты две длинные ограды-стенки (стены А и Б) и их каменные завалы, при расчистке которых обнаружено небольшое количество керамических фрагментов.

Внезапная гибель усадеб позволяет рассматривать их археологический материал как единый комплекс со сравнительно узкими хронологическими рамками. Среди этого материала большой интерес представляют керамические клейма — всего 174 экземпляра⁴, из которых 152 оттиснуто на амфорах, 20 — на черепицах и два клейма — отпечатки гемм — на ручках сосудов. По производственным центрам амфорные клейма распределяются следующим образом: Херсонес — 98, Гераклея — 17, Синопа — 16, Фасос — 9, Родос — 2, Амастрия — 1, прочие — 9. Из 19 клейменных черепиц 17 синопских и 2 херсонесские⁵. Комплекс керамических клейм маякских усадеб, являясь важным источником для изучения их истории и экономики, интересен также и тем, что он, позволяя синхронизировать клейма различных центров, дает основания для уточнения их хронологии. Кроме того, маякские клейма вносят ряд новых данных в керамическую эпиграфику.

С и н о п а (рис. 1). Синопские клейма, в большом количестве находимые при раскопках причерноморских памятников, имеют особое значе-

¹ Приношу глубокую благодарность начальнику экспедиции И. В. Яценко, предоставившей возможность публикации материала раскопок.

² Условное название Маяк. Поселение открыто экспедицией МГУ в 1968 г.

³ План усадеб см. Колесников А. Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка. — ВМУ. Сер. история, 1984, № 4, с. 78, 79, рис. 1.

⁴ Клейма херсонесских фабрикантов включены в это число в том случае, если они оттиснуты отдельным штемпелем.

⁵ Местоположение клейм на памятнике см. в табл. III.

ние как датирующий материал, что наиболее важно для III в. до н. э., поскольку хронология других центров этого времени разработана недостаточно полно, за исключением Родоса, однако его импорт тогда был еще незначителен. Хронологическая классификация синопских клейм, предложенная впервые Б. Н. Граковым⁶, подверглась впоследствии значительным изменениям в сторону понижения абсолютных дат отдельных групп синопских клейм⁷. В 1963 г. И. Б. Брашинский опубликовал свою хронологическую шкалу, в которой абсолютные даты Б. Н. Гракова были понижены от 30 до 50 лет⁸. Б. А. Василенко, проанализировав материалы с поселений восточного берега Днестровского лимана, пришел к выводу о необходимости нового удревления хронологии синопских клейм и выдвинул свою схему, в которой даты в среднем на 30—40 лет ниже, чем даты И. Б. Брашинского⁹. Однако основания, приводимые Б. А. Василенко для определения верхней хронологической границы импорта в эти поселения¹⁰, не могут дать столь точную дату, из которой затем исходит автор, предлагая свою датировку групп синопских клейм. С другой стороны, спорны и другие моменты, на которые опирался Б. А. Василенко, обосновывая датировку ранних синопских клейм¹¹. Таким образом, существующие сейчас хронологические классификации клейм Синоп требуют определенного уточнения и пересмотра.

Д. Б. Шелов на основании находок синопских клейм группы IV в Танаисе высказал предположение, что они могут датироваться еще первой половиной III в. до н. э.¹² То же самое, но на основании материалов Елизаветовского городища утверждал И. Б. Брашинский, полагая при этом, что верхняя дата синопских клейм группы IV из Елизаветовки должна быть ограничена еще более ранним временем (конец первой трети III в. до н. э.)¹³. Представляется очень вероятным ограничение верхней даты синопских клейм группы IV приблизительно серединой III в. до н. э., что влечет за собой понижение хронологии и других групп. Но если признать хронологическую протяженность I—IV групп, принятую в классификациях И. Б. Брашинского и Б. А. Василенко, то начало синопского клеймения будет приходиться на третью четверть V в. до н. э., для чего, конечно, нет никаких данных. Этот факт говорит о необходимости сужения хронологических рамок групп I—IV. С другой стороны, при годичном сроке астиномной магистратуры¹⁴ и регулярности синопского клеймения число астиномов в той или иной группе в целом должно соответствовать ее продолжительности. Однако в существующих сейчас классификациях число астиномов в синопских группах значительно меньше их продолжительности. Так, например, на I—IV группы, включающие 122 астинома (соответственно 24, 41, 29, 22 и 6 неопределенных), по Б. Н. Гракову¹⁵, отводится 180 лет¹⁶, причем число астиномов со времени опубликования его работы существенно не изменилось. Если, по Б. Н. Гракову,

⁶ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М. 1928.

⁷ См. Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э. М., 1975, с. 134—138.

⁸ Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 133.

⁹ Василенко Б. А. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1972.

¹⁰ Он же. К вопросу о датировке синопских клейм.— СА, 1971, № 3, с. 247.

¹¹ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980, с. 43.

¹² Шелов. Керамические клейма из Танаиса..., с. 139.

¹³ Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 96.

¹⁴ Граков. Ук. соч., с. 49.

¹⁵ Там же, с. 113—140, 153 сл.

¹⁶ Брашинский. Экономические связи Синоп..., с. 133; Василенко. Керамические клейма из античных поселений..., с. 18.

насчитывается 214 астиномов I—VI групп¹⁷, то, по В. И. Цехмистренко, их число превышает 182¹⁸. Огромное количество имеющихся сейчас синопских клейм полностью исключает возможность значительного увеличения в дальнейшем числа астиномов. Все это также свидетельствует о необходимости сужения хронологических рамок синопских групп.

Таким образом, суммируя сказанное, можно предложить следующие приблизительные даты групп I—IV синопских клейм, которые, как мне представляется, в большей мере отражают современное состояние проблемы: группа I — 370—345; II — 345—305; III — 305—275; IV — 275—250 гг. до н. э.

Из 16 синопских амфорных клейм, найденных на усадьбах, удалось полностью восстановить легенды лишь на 13. Десять клейм (№ 1—7, 9, 15, 16 — здесь и далее номера клейм даются по Списку керамических клейм) относятся ко второй группе¹⁹, шесть (№ 8, 10—14) — к третьей. Для определения верхней даты существования маякского поселения представляется необходимым уточнение относительной и абсолютной хронологии клейм уже в пределах группы III. Астиномы Микрий (№ 10) и Посидей Гефестодоров (№ 12) одни из наиболее ранних в группе III²⁰. Ближе к началу группы стоит и астином Мнесикл (№ 11), поскольку, как отмечает Б. Н. Граков, с ним, хотя и редко, встречаются имена фабрикантов предшествующей группы²¹. Началом группы III, очевидно, должен датироваться астином Ифис (№ 8), принадлежащий по классификации В. И. Цехмистренко к периоду III²², включающему большую часть астиномов группы III Б. Н. Гракова и несколько астиномов группы II²³. Кроме того, при астиноме Ифисе известны и фабриканты II группы²⁴. Клейма керамевса Тевтра Тимохарова (№ 14), астиномов Ифиса и Посидея Гефестодорова (№ 12) были найдены в мирмекийском зольнике-эсхаре и датированы В. И. Пругло по стратиграфическим соображениям временем не позднее 20-х гг. IV в. до н. э.²⁵ Несмотря на то что датировка зольника, очевидно, занижена²⁶, он все-таки в определенной мере свидетельствует об относительной ранней дате этих клейм. И, наконец, следует отметить мнение В. И. Цехмистренко, согласно которому клейма керамевсов²⁷ нужно датировать концом IV — началом III в. до н. э. или же последней четвертью IV в.²⁸

Таким образом, синопские амфорные клейма, обнаруженные на Маяке, относятся ко второй половине IV — началу III в. до н. э. и, очевидно, не выходят за пределы первых двух десятилетий III в. до н. э.

Среди синопских черепичных клейм наиболее ранним является клеймо астинома Аполлодора и фабриканта Дионисия с эмблемой орел на дель-

¹⁷ Граков. Ук. соч., с. 113—154.

¹⁸ Цехмистренко В. И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1963, с. 6—8.

¹⁹ Группы синопских клейм определены по книге Б. Н. Гракова и IOSPE, III, P—2, 2189.

²⁰ Граков. Ук. соч., с. 133—136.

²¹ Там же, с. 133.

²² Цехмистренко В. И. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах.— НЭ, VII, 1968, с. 29, табл. 5.

²³ Он же. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм.— СА, 1958, № 1, с. 68.

²⁴ Он же. О принадлежности вторых имен..., с. 29, табл. 5.

²⁵ Пругло В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия.— КСИА, 109, 1967, с. 44—48.

²⁶ Василенко. К вопросу о датировке..., с. 246; см. также Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, 1972, X, с. 9, прим. 46.

²⁷ Они встречаются только в периоде III по классификации В. И. Цехмистренко (О принадлежности вторых имен ..., с. 25).

²⁸ Цехмистренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров.— СА, 1960, № 3, с. 71.

фине (№ 28). Оно датируется началом группы IA²⁹, что резко выделяет его среди другого археологического материала усадеб. Однако, учитывая единичность подобной находки, ее не приходится принимать во внимание при определении даты строительства маякских усадеб. Остальные черепичные клейма относятся к группе II. Среди них выделяются одиннадцать одинаковых клейм (№ 17—27) с именами астинома Аполлодора и фабриканта Дионисия (эмблема — гроздь и ракушка). Аналогичные клейма известны в Ольвии, Керкинитиде и Неаполе Скифском³⁰. Очевидно, крупная партия синопской черепицы для строительства маякских усадеб была доставлена из Керкинитиды. Два других клейма Аполлодора содержат имя фабриканта Посейдония (№ 29, 30). Астиному Аполлодору, судя по совпадающим именам фабрикантов³¹, хронологически близок астином Гиритт, два клейма которого были найдены на Маяке.

Г е р а к л е я (рис. 2). Из 17 гераклейских клейм, обнаруженных на Маяке, легенды удалось восстановить на 15 клеймах. Согласно новейшей классификации И. Б. Брашинского³², три клейма (№ 39—41) относятся к периоду В и тринадцать (№ 34—38, 42—46, 48—50) — к периоду С, соответственно датирующихся: вторая, третья и начало последней четверти IV в.; конец IV — первая четверть III в. до н. э.³³ Период В представлен клеймами II поздней типологической группы. Клеймо № 39 ретроградное, в первой строке читается имя фабриканта Гераклейда, вторая строка отпечаталась плохо, видны лишь две буквы — *омега* и *каппа*. Аналогичное клеймо обнаружено в погребении № 54 могильника у села Николаевка совместно с канфаром второй половины IV в. до н. э.³⁴ Клеймо № 40 содержит два имени. Хотя часть клейма отбита, благодаря аналогичному клейму, обнаруженному в Фанагории³⁵, сохранившемуся полностью, можно установить оба имени; в данном клейме они в сокращенной форме. Клеймо № 41 в первой строке содержит имя эпонима Спонтара, во второй — фабриканта Малака. Единственное аналогичное клеймо происходит с Каменского городища³⁶. Б. Н. Граков в IOSPE, III восстанавливает в первой строке имя Σι[λανος]. Однако различные здесь буквы *сигма*, *пи* и *тета*, а также принадлежность к одному штемпелю обоих клейм позволяют восстановить только имя Спонтар. К периоду С относятся десять клейм IV (№ 34—38, 42—46) и три клейма поздней V (№ 48—50) типологических групп. Интересна находка пяти клейм Филиска (№ 42—46), оттиснутых одним штемпелем. Три клейма поздней группы V (№ 48—50) также одного штемпеля и содержат ранее неизвестное сокращение НΔ.

Одним из важных вопросов, позволяющих уточнить хронологию маякских усадеб, является вопрос о конечной дате гераклейского клеймения. Д. Б. Шелов на основании того факта, что гераклейские клейма не обнаружены в Танаисе, возникшем в первой четверти III в. до н. э.³⁷, высказал предположение о прекращении гераклейского клеймения в начале III в.³⁸, что представляется весьма вероятным. Подобная дата хорошо согласуется с предложенной выше датировкой синопских клейм, обнаруженных на Маяке. Во всяком случае, материалы маякских усадеб свидетельствуют о том, что обнаруженные на них гераклейские клейма поздней груп-

²⁹ Граков. Ук. соч., с. 119. В IOSPE на черепицах подобные клейма не зарегистрированы. Аналогичное клеймо на черепице, происходящей, вероятно, из Керкинитиды, есть в Евпаторийском краеведческом музее.

³⁰ IOSPE, III, № 2438—2440.

³¹ IOSPE, III, № 1276—1297, 2034—2050, 2438—2440.

³² Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 39.

³³ Там же, с. 39.

³⁴ Мелюкова А. И. Поселение и могильник античного времени у села Николаевка. М., 1975, с. 153, 238, рис. 40, 11.

³⁵ IOSPE, III, № 1066.

³⁶ Клеймо хранится в музее кафедры археологии МГУ (IOSPE, III, № 1081).

³⁷ Шелов. Керамические клейма из Танаиса..., с. 7; он же. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 15—23.

³⁸ Шелов. Керамические клейма из Танаиса..., с. 7.

пы V одновременны или не позднее синопских клейм начала группы III.

Ф а с о с (рис. 2). На поселении Маяк найдено девять фасосских клейм (№ 51—59). Восемь клейм, на которых удалось восстановить легенды, хорошо известны по публикациям, только у гончара Деалка (№ 56) обнаружена новая эмблема — треножник. По классификации Ю. Г. Виноградова эти клейма относятся к группе 5б (340—200 гг. до н. э.), объединяющей клейма с одним именем и этниконом, расположенными по двум сторонам рамки сверху и снизу от эмблемы³⁹. Более дробная хронология этой группы фасосских клейм, основанная на изучении гончарных мастерских Фасоса и стратиграфии раскопок города Фасоса, была разработана И. Гарланом и М. Дебидуром⁴⁰. По хронологии М. Дебидура семь маякских клейм (№ 51—57) датируются временем около 300 г. и одно последней третью IV в. до н. э.⁴¹ Итак, фасосские клейма Маяка синхронны основной массе синопских и гераклейских клейм и не выходят за пределы начала III в. до н. э.

Х е р с о н е с (рис. 3, 4). На Маяке обнаружено 101 херсонесское клеймо, легенды удалось прочитать на 90 клеймах. В табл. 1 показано количество клейм астиномов, агораномов без обозначения магистратуры и фабрикантов⁴², а также место нанесения клейма, причем цифра в знаменателе означает количество клейм, поддающихся прочтению.

Маякская коллекция херсонесских клейм интересна в нескольких отношениях. Во-первых: она настойчиво ставит вопрос о необходимости пересмотра и уточнения хронологии целого ряда магистратов этого центра в сторону ее понижения, порой довольно значительного. Во-вторых: маякская коллекция вносит ряд новых данных в керамическую эпиграфику Херсонеса, о чем пойдет речь ниже.

Хронологическая классификация херсонесских клейм⁴³ впервые была разработана Р. Б. Ахмеровым, который разделил их на четыре группы, охватывающие период с конца IV до начала I в. до н. э.⁴⁴ Его же датировки лишь с небольшими уточнениями для отдельных магистратов были приняты и в работе В. Б. Борисовой⁴⁵. В настоящее время в связи с накоплением нового материала классификация Р. Б. Ахмерова устарела.

В последние годы вышло несколько работ, авторы которых уточняют даты (в основном в сторону их понижения) как групп, так и отдельных херсонесских клейм⁴⁶. Важную работу проделал В. И. Кац, значительно уточнивший список херсонесских магистратов⁴⁷. Новая хронология была предложена Б. Ю. Михлиным⁴⁸, который удревнил группы Р. Б. Ахме-

³⁹ Виноградов. Ук. соч., с. 35 сл.

⁴⁰ Garlan Y. Contribution à une étude stratigraphiques de l'enceinte thasienne.— BCH, 90, 1966; *idem*. Koukos. Données nouvelles pour une nouvelle interprétation des timbres amphoriques thasiens. Thasiaca.— BCH, Suppl. V, 1979; Debidour M. Réflexions sur les timbres amphoriques thasiens.— Ibid.; Garlan Y. Les timbres amphoriques Thasiens. Bilan et perspectives de recherche.— Annales Economies Sociétés Civilisations, № 5—6, 1982, p. 837 suiv.

⁴¹ Debidour. Op. cit., p. 311.

⁴² В литературе часто называют херсонесские клейма с сокращениями и монограммами клеймами мастеров. Представляется более правильным по аналогии с клеймами других центров называть их фабрикантскими.

⁴³ Об истории изучения херсонесских клейм см. Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1949, № 4, с. 99 сл.; Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, 1974, XI, с. 99 сл.

⁴⁴ Ахмеров. Об астиномных клеймах..., с. 104 сл.

⁴⁵ Борисова. Ук. соч.

⁴⁶ Яценко И. В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972; Щеглов А. Н. Херсонес и Нижний Дон в IV—III вв. до н. э.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов на/Д, 1973; Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм.— ВДИ, 1979, № 2.

⁴⁷ Кац В. И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом.— ВДИ, 1979, № 3.

⁴⁸ Михлин Ук. соч.

рова в среднем на 50 лет и предложил более точные даты для отдельных клейм, но тем не менее оставил группы Р. Б. Ахмерова практически в неизменном виде.

Всего на херсонесских клеймах маякских усадеб читается 24 имени магистрата ⁴⁹, из которых 20 астиномов, 2 агоранома и у двух магистратура не обозначена (см. табл. II). По классификации Б. Ю. Михлина 5 магистратов (7 клейм) относятся к I хронологической группе (последняя треть IV в.), 15 магистратов (43 клейма) — ко II (рубеж IV—III — середина III в.) и 3 (20 клейм) — к III (середина — последние десятилетия III в.) ⁵⁰. Если же сгруппировать маякские клейма иным образом, учитывая предложенные Б. Ю. Михлиным более узкие датировки отдельных херсонесских магистратов ⁵¹, то получится следующая картина: 12 магистратов (24 клейма) датируются последней четвертью IV — началом III в., 5 магистратов (13 клейм) — первой половиной III в. и 6 магистратов (33 клейма) относятся ко времени позже середины 70-х гг. III в. до н. э.

Принципиально новую классификацию херсонесских магистратских клейм разработал В. И. Кац ⁵². В трех выделенных им хронологических группах сгруппированы клейма четырех типов, в основу которых положены состав и расположение основных элементов легенды ⁵³. Согласно классификации В. И. Каца ⁵⁴, маякские клейма распределяются следующим образом: группа I (последняя четверть IV — первая четверть III в.) — 14 астиномов (46 клейм I типа), группа II (70—40-е гг. III в.) — 7 магистратов (24 клейма II типа), 2 магистрата IV типа (5 клейм) и 1 магистрат (№ 117) II или IV типа ⁵⁵.

Таким образом, около 50% херсонесских магистратских клейм Маяка по Б. Ю. Михлину или около 40% по В. И. Кацу следовало бы отнести ко времени после 70-х гг. III в. до н. э. Однако найденные на усадьбах клейма Синопы, Гераклеи, Фасоса и другие группы археологического материала (монеты, чернолаковые сосуды) датируются не позднее первой четверти III в. до н. э. Это позволяет думать, что херсонесские клейма с Маяка также относятся ко времени не позднее первой четверти III в. до н. э. Такая датировка подтверждается и уточняется материалами других памятников Северного Причерноморья, время существования которых ограничено определенным промежутком. Следует подчеркнуть, что материалы этих поселений независимо от абсолютных дат свидетельствуют о закономерной встречаемости (синхронности) некоторых херсонесских клейм с определенными группами клейм Синопы.

Клейма трех астиномов (Атанодор Никеев, Героксен, Ксенон) маякского списка были найдены на Каменских кучугурах ⁵⁶. Основная масса находок с Каменских кучугур относится к IV в. до н. э. и лишь небольшая их часть, датирующаяся началом III в. до н. э. (синопские клейма начала группы III, гераклеийские группы IV) ⁵⁷, определяет верхнюю границу существования поселения, которая и служит *terminus ante quem* для перечисленных выше астиномов. Клейма Атанодора Никеева и Героксена най-

⁴⁹ При чтении херсонесских клейм за основу взят список В. И. Каца (Уточненный список..., с. 143 сл.).

⁵⁰ *Михлин*. Ук. соч.

⁵¹ Там же, с. 152 сл.

⁵² *Кац В. И.* Типология и хронология херсонесских магистратских клейм. — В сб.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Тезисы докладов и сообщений. Цхалтубо, 1982.

⁵³ Тип I: имя — магистратура, II: имя — отчество — магистратура, III: магистратура — имя, отчество, IV: имя — отчество (там же, с. 43).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Нечитаемые клейма включены в подсчет в тех случаях, когда их тип устанавливается надежно.

⁵⁶ *Граков В. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 36, 1954, с. 91 сл.; IOSPE, III, № 96, 101, 1539, 1540.

⁵⁷ Там же, с. 88—91.

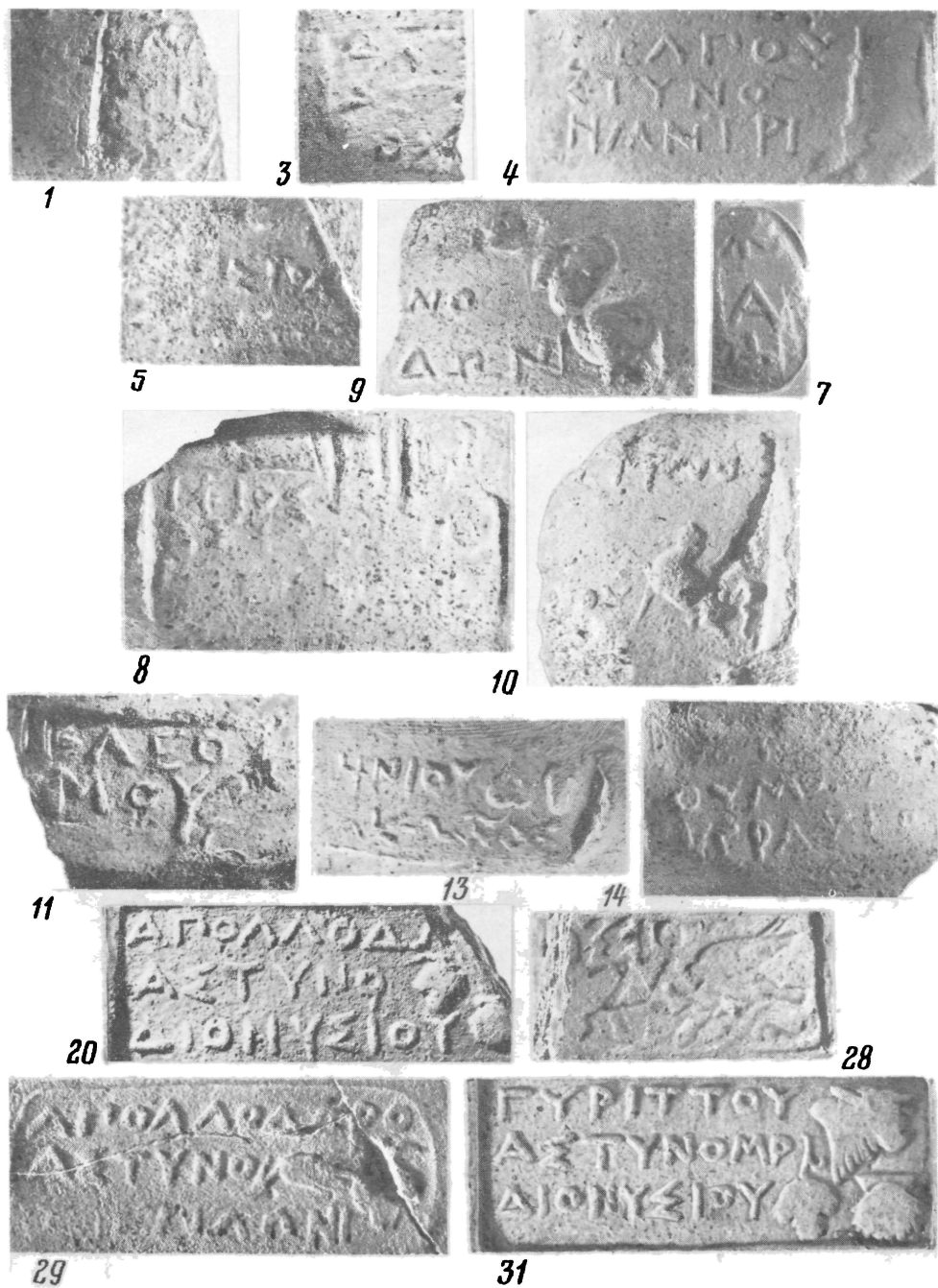

Рис. 1. Клейма Синопы

Рис. 2. Клейма Гераклен и Фассса

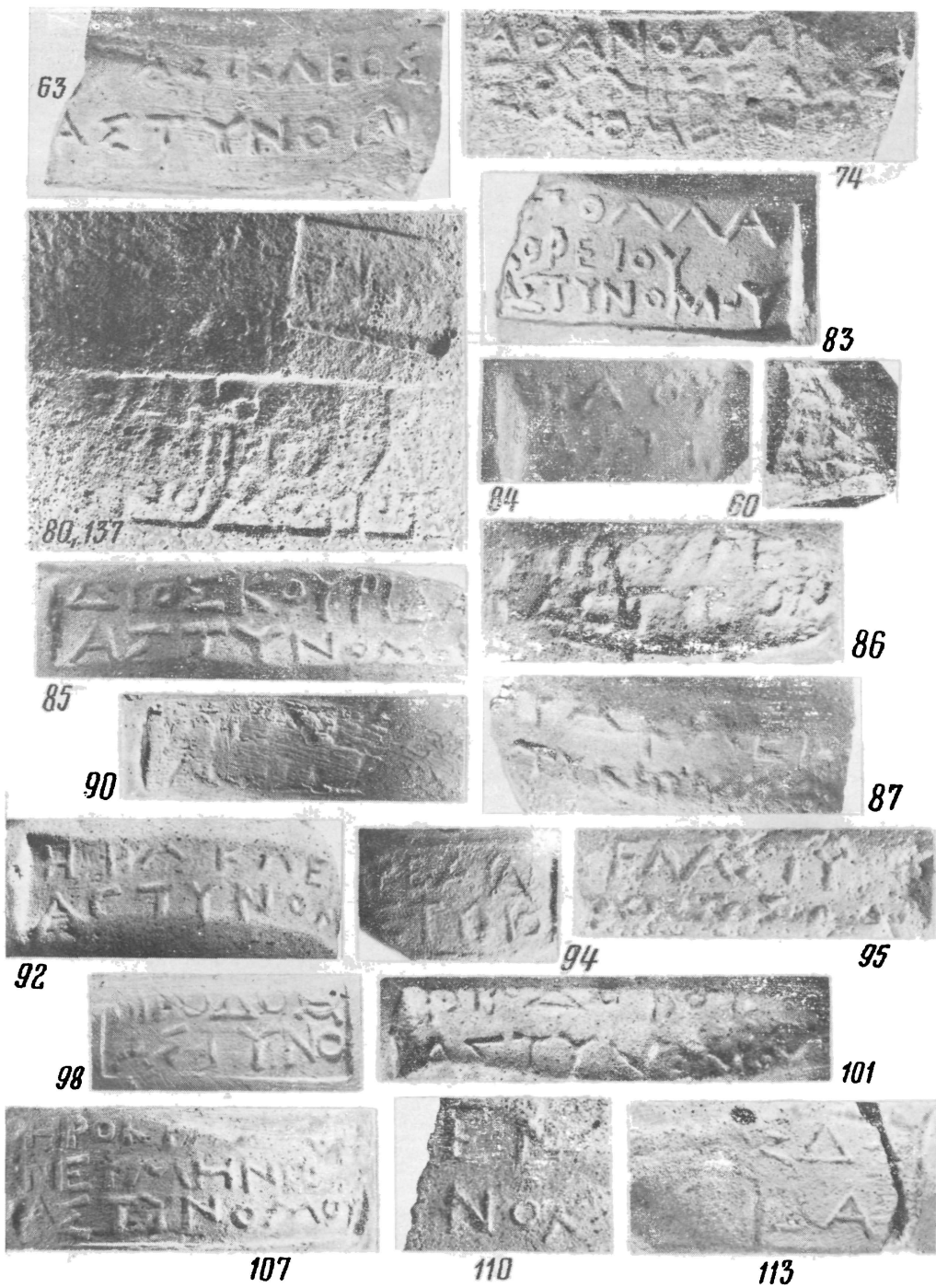

Рис. 3. Клейма Херсонеса

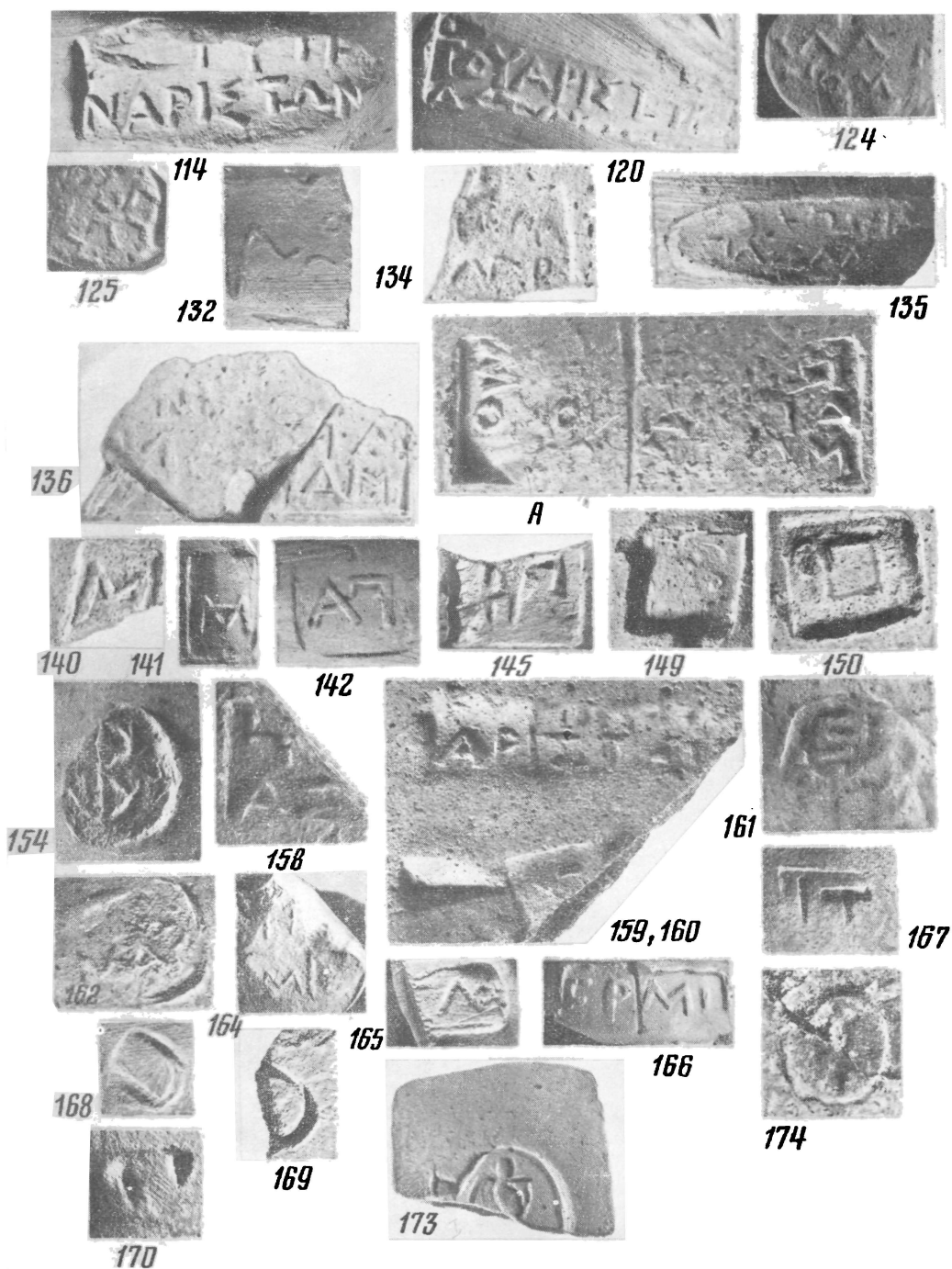

Рис. 4. Клейма Херсонеса, Родоса и других центров. А — херсонесское клеймо с городища Чайка (Ч-77/1101)

дены в Танаисе⁵⁸. Самый ранний амфорный материал Танаиса представлен немногочисленными родосскими клеймами конца IV — начала III в. до н. э.⁵⁹, синопскими клеймами (2 экз.) начала III группы⁶⁰. Немногочисленные херсонесские клейма, очевидно, одновременны им, но не предшествуют, поскольку материал IV в. до н. э. в Танаисе вообще отсутствует⁶¹.

Амфора с клеймом Героксена найдена в кургане № 8 некрополя у села Заозерное вместе с херсонесской монетой типа «квадрига — воин»⁶². А. М. Гилевич показала, что монеты типа «квадрига — воин» обращались и в первой половине III в. до н. э. вместе с монетами типа «дева — бык на палице»⁶³, датируемыми В. А. Анохиным 300—290 гг. до н. э.⁶⁴

Датировку клейм Атанодора Никеева помогают уточнить и маякские материалы (см. табл. III). Клеймо Атанодора (№ 73) обнаружено в заполнении помещения 32 строительного периода II вместе с синопскими амфорными клеймами хронологической группы II (№ 1, 2, 6). Другое клеймо (№ 80) происходит с пола помещения 11 II строительного периода. В трех соседних с ним помещениях того же периода найдены синопские клейма группы II (№ 5, 17, 18) и херсонесские с именами Диоскурида (№ 85) и Гераклея (№ 86). Три клейма Атанодора (№ 77—79) обнаружены в заполнении канавы (ямы 8) вместе с клеймами (см. табл. III) последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. Таким образом, условия находок клейм Атанодора и Героксена на разных памятниках позволяют считать конец IV — начало III в. до н. э. наиболее вероятной датой деятельности этих магистратов.

Шесть из 24 имен на херсонесских клеймах с Маяка имеются и на херсонесских клеймах, происходящих с поселений восточного берега Днестровского лимана⁶⁵ (табл. II). Б. А. Василенко считает, что жизнь на этих поселениях прекратилась в конце III в. до н. э.⁶⁶ Однако его же материалы говорят о более ранней дате: самыми поздними на поселениях оказываются синопские клейма⁶⁷ группы IV⁶⁸, причем большая их часть относится еще к ее началу⁶⁹. Восемь фасосских клейм (из 231) Б. А. Василенко, ссылаясь на наличие лунарной сигмы, датировал второй половиной III в. до н. э.⁷⁰, однако лунарная сигма встречается на фасосских клеймах уже с начала III в. до н. э.⁷¹ Почти весь керамический⁷² и нумизматический⁷³ материал поселений восточного берега Днестровского лимана датируется IV — началом III в. до н. э. и лишь очень небольшая его часть относится ко второй четверти III в. до н. э. и то, вероятно, к ее началу. Поэтому и верхняя дата херсонесских клейм, по-видимому, не выходит за пределы первой четверти III в. до н. э., основная же их масса, очевидно, датируется не позднее начала столетия. Таким образом, мы видим,

⁵⁸ Шелов. Керамические клейма из Танаиса..., с. 150.

⁵⁹ Там же, с. 26; *он же*. Танаис и Нижний Дон..., с. 19—21.

⁶⁰ *Он же*. Керамические клейма из Танаиса..., с. 143, № 570; с. 145, № 575. Об этих астиномах см. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., с. 134, 136.

⁶¹ Шелов. Керамические клейма из Танаиса..., с. 139.

⁶² Яценко. Ук. соч., с. 69 сл.

⁶³ Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э.— НЭ, VIII, 1970, с. 3 сл.

⁶⁴ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 26.

⁶⁵ Василенко Б. А. Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана.— МАСП, 7, 1971, с. 147.

⁶⁶ Там же, с. 149; *он же*. К вопросу о датировке..., с. 247.

⁶⁷ Либо херсонесские, датированные по Р. Б. Ахмерову, на что уже было обращено внимание (Михлин. Ук. соч., с. 142).

⁶⁸ Василенко. К вопросу о датировке..., с. 247.

⁶⁹ Михлин. Ук. соч., с. 142.

⁷⁰ Василенко. Древнегреческие керамические клейма..., с. 144.

⁷¹ Виноградов. Ук. соч., с. 12.

⁷² См. Василенко. Древнегреческие керамические клейма..., с. 138 сл.

⁷³ Загинайло А. Г. Монетные находки на Роксоланском городище.— МАСП, 5, с. 101.

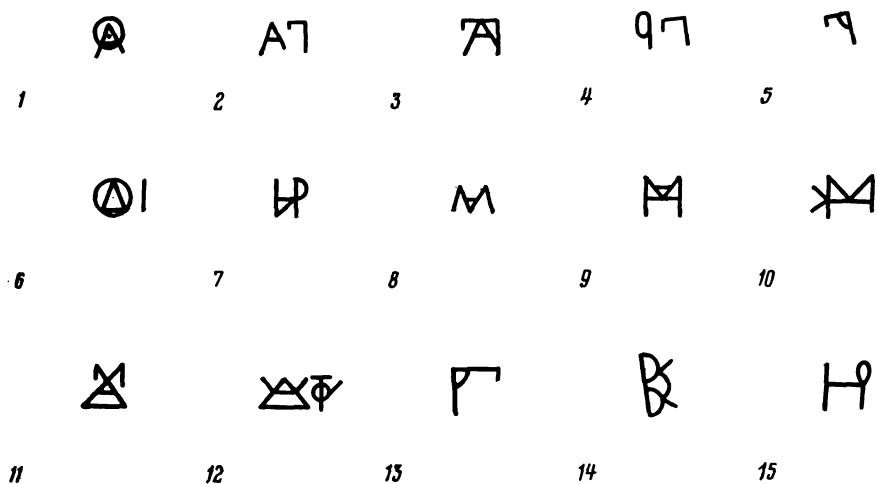

Рис. 5. Монограммы на херсонесских клеймах

что многие одинаковые херсонесские клейма найдены в различных археологических комплексах, что позволяет достаточно надежно установить даты клейм, которые подтверждаются и другими данными.

Наиболее ранними из херсонесских клейм, обнаруженных на Маяке, являются, очевидно, клейма Геродота I, Герая I и Агасикла I. Первые два астинома датируются Б. Ю. Михлиным рубежом IV—III вв., третий — второй четвертью III в. до н. э.⁷⁴ Однако вряд ли правомерен такой большой хронологический разрыв между деятельностью этих астиномов. Об их одновременной деятельности свидетельствуют одинаковая монограмма № 1 (номера монограмм см. рис. 5), сокращенная форма магистратуры в виде *ἀστυνό(μο)*, встречающаяся только у этих астиномов, наличие у них только плоской формы клейма, а также близость частных палеографических признаков. Следует отметить, что в херсонесском керамическом клеймени, как и вообще во всем амфорном производстве, заметно сильное влияние синопских традиций, которые в данном случае, возможно, и проявились в наличии формы *ἀστυνό(μο)*, столь характерной для I—II синопских групп⁷⁵. Этот признак указывает на то, что клейма Геродота I, Герая I, Агасикла I были, очевидно, древнейшими среди всех херсонесских клейм. Начало херсонесского клеймени относится сейчас ко времени не позднее начала последней четверти IV в. до н. э., причем все чаще высказывается мысль о необходимости еще некоторого его удревнения⁷⁶. Все это позволяет предполагать, что наиболее вероятной датой клейм этих астиномов будут 20-е гг. IV в. до н. э.

Хронологически близок им астином Батилл (№ 84), имя которого имеется также на монетах 320—310 гг. до н. э.⁷⁷ и в граффити⁷⁸. Редкость имени⁷⁹ позволяет считать, что перед нами одно лицо, занимавшее ряд должностей и подвергшееся в конце IV в. остракизму⁸⁰. А если учесть,

⁷⁴ Михлин. Ук. соч., с. 152 сл.

⁷⁵ Граков. Древнегреческие керамические клейма..., с. 120, 130.

⁷⁶ Яценко. Ук. соч., с. 77; Михлин. Ук. соч., с. 141.

⁷⁷ Анохин. Ук. соч., с. 138.

⁷⁸ Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса. — ВДИ, 1976, № 3, с. 121 сл.

⁷⁹ Об отождествлении лиц с одинаковыми именами см. Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (По эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья). — АДСВ, вып. 4. Свердловск, 1966, с. 145, 170 сл.

⁸⁰ Соломоник. Ук. соч., с. 121 сл.

что должность астинома — младшая магистратура ⁸¹, то тогда клейма Батилла следует также датировать 20-ми гг. IV в.

Ряд данных имеется для уточнения даты клейм Котитиона Аристонова и Притания Аристонова. Всеми исследователями отмечается тот факт, что Котитион и Пританий — скорее всего братья и сыновья монетария Аристонова ⁸², монеты которого датируются 330—320 гг. ⁸³ При средней хронологической разнице между деятельностью отца и сына, составлявшей около 30 лет ⁸⁴, наиболее вероятной датой клейм Котитиона и Притания будет конец IV — начало III в. до н. э. Находка клейма Притания Аристонова в Зеленском кургане ⁸⁵ (наиболее поздние клейма которого — это синопские клейма начала группы III ⁸⁶) позволяет отнести этого магистрата ко времени не позднее начала III в. Показателен и тот факт, что амфоры Притания Аристонова типологически очень близки амфорам Героксена ⁸⁷ — астинома рубежа IV—III вв. до н. э. С клеймами Котитиона встречается сокращение АΘΑ, являющееся, возможно, более полным вариантом монограммы № 1, характерной для клейм Геродота I, Агасикла I и Герей I.

Пританию Аристонову хронологически близок Герей II, поскольку у обоих астиномов встречается одинаковые сокращения АΣΚΛ ⁸⁸. В свою очередь сокращением АД ⁸⁹ связываются Герей II и Теоген Аполлонидов. Все это говорит о том, что деятельность Герей II и Теогена Аполлонидова датируется, вероятно, временем не позднее первой четверти III в. до н. э. и скорее всего не позднее начала столетия. К этому же времени относится агораном Аполлоний Пасиадов, при клеймах которого известно сокращение № 2 ⁹⁰, вариантом его, очевидно, является монограмма № 3 ⁹¹ — при Котитионе Аристоновом и сокращение ΠΑ ⁹² — при Героксене, а также астином Аполлас Хореев, видимо, сын ⁹³ монетария 320—310 гг. ⁹⁴ Вероятно, концом IV — началом III в. датируется деятельность астиномов Диоскурида, Ксанфа и Формиона, чьи клейма обнаружены при раскопках Херсонеса в наскальном слое под золистым полом ⁹⁵ вместе с материалом IV — начала III в. ⁹⁶ Известна находка клейма Ксанфа в насыпи Чертомлыцкого кургана вместе с синопским клеймом II хронологической группы ⁹⁷, что также датирует его временем не позднее рубежа IV—III вв. Клеймам Формиона по написанию легенды очень близки клейма Агатона Гнатонова. Только у них встречается построение легенды по схеме: имя — отчество — магистратура в форме ἀστυνομῶν ⁹⁸. Геродот II без всякого сомнения был современником Агатона ⁹⁹.

⁸¹ Миллин. Ук. соч., с. 140 сл.

⁸² Азмеров. Об астиномных клеймах..., с. 107; Яценко. Ук. соч., с. 77; Миллин. Ук. соч., с. 143.

⁸³ Анохин. Ук. соч., с. 25, 42, 138.

⁸⁴ Миллин. Ук. соч., с. 140 сл.

⁸⁵ Шкорпила В. В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. — ИАК, 51, 1914, с. 121. У В. В. Шкорпила ошибочное восстановление первой строки — [Ἀρχ]ά[υδρου].

⁸⁶ Там же. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., с. 107.

⁸⁷ Яценко. Ук. соч., с. 76.

⁸⁸ Азмеров Р. Б. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, № 3, с. 83, № 64.

⁸⁹ Там же, с. 82, № 45.

⁹⁰ Там же, с. 82, № 53.

⁹¹ Там же, с. 81, № 36.

⁹² Там же, с. 82, № 52.

⁹³ Яценко. Ук. соч., с. 77.

⁹⁴ Анохин. Ук. соч., с. 138.

⁹⁵ Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, с. 224 сл.

⁹⁶ См. там же, с. 224 сл.

⁹⁷ IOSPE, III, № 1491; Граков. Древнегреческие керамические клейма..., с. 124; Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыцкого кургана. — АС, вып. 22, 1981, с. 78—81.

⁹⁸ IOSPE, III, P—2, 2181, л. 8.

⁹⁹ Миллин. Ук. соч., с. 144.

Итак, маякские клейма с именем и отчеством магистрата (тип II и IV по В. И. Кацу) датируются концом IV — первой четвертью III в. до н. э.¹⁰⁰, что не согласуется с точкой зрения В. И. Каца, датировавшего все клейма этих типов временем после 70-х гг. III в. до н. э.¹⁰¹. Очевидно, рубеж IV—III вв. и был нижней датой для клейм типов II и IV, которые в течение какого-то времени сосуществуют с клеймами типа I. Тогда же (конец IV в.) начинает встречаться и название магистратуры в форме родительного падежа причастия, что наряду с отчеством астинома становится обязательным правилом для более поздних херсонесских клейм. Следует отметить, что подобная закономерность прослеживается и в синопских клеймах; отчество астинома и название магистратуры в форме родительного падежа причастия, эпизодически встречающиеся в клеймах II—III хронологических групп, очень характерны для последующих синопских групп¹⁰².

На маякских усадьбах найдено восемь клейм херсонесского астинома Гераклея: семь с лунарной сигмой (№ 86—92) и одно с ломаной (№ 93). Обычно различают двух Гераклеев: у первого клейма с ломаной сигмой, у второго — с лунарной. Подобное разделение, основанное только на разных вариантах изображения сигмы, вряд ли правомерно, ведь известны, например, в фасосских клеймах сочетания двух форм сигм даже в одном штемпеле¹⁰³. Конечно, принимая во внимание большое количество штемпелей¹⁰⁴ Гераклея, нельзя исключить возможности того, что в его клеймах представлено не одно лицо, однако данные для выделения омонимов пока отсутствуют. Б. Ю. Михлин отнес клеймо Гераклея с лунарной сигмой к III группе¹⁰⁵. Следует отметить, что он единственный в группе III имеет клейма и на горлах амфор¹⁰⁶, что явно сближает его с более ранними херсонесскими магистратами. Расположение клейм на горлах амфор, очевидно, отражает влияние гераклейских традиций¹⁰⁷, что может указывать на время не позднее первой четверти III в. до н. э., поскольку само гераклейское клеймение заканчивается, вероятно, в начале III в. до н. э. Типологически клейма Гераклея близки клеймам Гереея II, Аполлатея, Дамотелея, Теогена и Аполлония¹⁰⁸. Только у этих астиномов имеются штемпеля, где построение надписи идет по схеме: имя астинома в родительном падеже—магистратура в родительном падеже причастия¹⁰⁹. Благодаря находке на маякских усадьбах горла амфоры с двумя клейменными ручками (№ 86, 150) стало известно, что современником Гераклея был фабрикант, имевший сокращение № 4, вариантом которого, возможно, является монограмма № 5, встречающаяся при астиноме последней четверти IV в. Александре¹¹⁰. Таким образом, можно датировать клейма Гераклея концом IV — первой четвертью III в., что наиболее соответствует перечисленным выше данным.

На поселении Маяк обнаружено десять редких клейм — херсонесского астинома Атанодора Никеева (№ 71—80). Р. Б. Ахмеров отнес Атано-

¹⁰⁰ Условия находок этих клейм на поселении Маяк подтверждают предложенную датировку (сопутствующие клейма см. в табл. III).

¹⁰¹ Кац. Типология и хронология..., с. 43.

¹⁰² Граков. Древнегреческие керамические клейма..., с. 130, 136, 141.

¹⁰³ Виноградов. Ук. соч., с. 40.

¹⁰⁴ Их известно не менее 11: 7 опубликовано В. В. Борисовой (ук. соч., табл. V, 4—10), 4 новых найдено на Маяке.

¹⁰⁵ Михлин. Ук. соч., с. 150, № 31.

¹⁰⁶ Там же, с. 149 сл.

¹⁰⁷ См. там же, с. 142.

¹⁰⁸ О Герее II см. выше. Клейма Аполлатея и Теогена найдены на поселениях восточного берега Днестровского лимана, что позволяет ограничить их дату первой четвертью III в. до н. э. (см. Василенко. Древнегреческие керамические клейма..., с. 147). Клейма Аполлония обнаружены на усадьбе № 6 поселения Панское I, что датирует их не позднее первых трех десятилетий III в. до н. э. (Щеглов. Херсонес и Нижний Дон..., с. 28).

¹⁰⁹ Борисова. Ук. соч., табл. II, 9; III, 3; V, 10; VI, 1, 2; VII, 12.

¹¹⁰ Михлин. Ук. соч., с. 152.

дора Никеева к III группе, сославшись на то, что клейма Никеев встречаются в предшествующих группах¹¹¹, в которых, однако, подобного имени не оказалось¹¹². Б. Ю. Михлин удревил дату Атанодора Никеева лишь в общих рамках понижения даты группы III до второй половины III в. до н. э.¹¹³ Предложенная выше на основании археологических данных датировка Атанодора концом IV — началом III в. подтверждается палеографическими особенностями, выделяющими клейма Атанодора Никеева среди клейм типа II и сближающими его с клеймами типа I (по В. И. Кацу). На Маяке найдено горло амфоры с клеймом Атанодора Никеева (№ 80) и добавочным новым фабрикантским клеймом NIKE (№ 137). Помещение клейма на горле также говорит в пользу ранней даты.

Убедительно мнение Б. Н. Гракова о принадлежности большей части монограмм и клейм, содержащих несколько букв, эргастериархам¹¹⁴, а не непосредственным производителям, как это считает Р. Б. Ахмеров и Б. Ю. Михлин¹¹⁵. Интересен тот факт, что большинство имен, которые могут быть получены при расшифровке монограмм, совпадают с именами херсонесских астиномов¹¹⁶. Это позволяет предполагать, что астиномы, контролировавшие керамическое производство, избирались преимущественно из числа эргастериархов¹¹⁷, что вполне естественно: занимать должность астинома мог только человек, знакомый с деталями производства.

В этой связи можно наметить некоторые возможные, но далеко не обязательные связи между магистратами. Сокращение¹¹⁸ ΔI при Пасионе I и № 6 при Агасikle I, возможно, принадлежит фабриканту и астиному Диоскуриду; монограмма № 7 при Диоскуриде — Гераклею; № 4 при Гераклею и № 5 при Александре — Пританию Аристонову; № 1 при Геродоте I, Герею I, Агасikle I, ΑΘΑ при Котитионе Аристоновом — Атанодору Никееву. Подобные расшифровки и отождествления хорошо согласуются с предложенной датировкой этих магистратов, но, к сожалению, не могут быть достаточным образом обоснованы.

Большой интерес представляет находка на маякских усадьбах нового херсонесского клейма с именами агораномы Истрона и фабриканта Маникка (№ 136). Клеймо трехстрочное, ретроградное, отсиснуто на горле амфоры, легенда дополняется по трем клеймам того же штампея, обнаруженным на Чайке (Ч-69/1142, 77/1101, 82/862). Фабрикант Маникк известен и из синопских клейм¹¹⁹, но в данном случае нет никаких сомнений в херсонесской принадлежности рассматриваемого клейма. Амфорный фрагмент с клеймом Истрона во всех деталях совпадает с несколькими фрагментами горл амфор, на которых стоят клейма астинома Ксенона¹²⁰ (например, № 119). Полная идентичность состава глиняного теста, одинаковая толщина черепка, наличие на горлах одинаковых круговых желобков — эти признаки при большой вариабельности херсонесских глиняных свидетельствуют о том, что амфоры с клеймами Истрона и Ксенона одновременно и скорее всего изготовлены в одной мастерской. Близость палеографических особенностей¹²¹ клейм Истрона и Ксенона, а также на-

¹¹¹ Ахмеров. Об астиномных клеймах..., с. 109.

¹¹² См. там же, с. 105—108.

¹¹³ Михлин. Ук. соч., с. 149.

¹¹⁴ IOSPE, III, P—2, 2181, л. 13.

¹¹⁵ Ахмеров. О клеймах керамических мастеров..., с. 79; Михлин. Ук. соч., с. 155 сл. Приводимый Б. Ю. Михлиным пример (с. 155) скорее является исключением, либо отражает какую-то иную сторону организации керамического производства.

¹¹⁶ См. IOSPE, III, с. 13, 188—237; Ахмеров. О клеймах керамических мастеров..., с. 80—84.

¹¹⁷ В IOSPE, III (с. 13) Б. Н. Граков отметил возможность занятия должности астинома эргастериархами.

¹¹⁸ Монограммы см. в работах: Михлин. Ук. соч.; Борисова. Ук. соч.

¹¹⁹ Граков. Древнегреческие керамические клейма... с. 135.

¹²⁰ Датировается Б. Ю. Михлиным (ук. соч., с. 152) последней четвертью IV в. до н. э.

¹²¹ Крупный шрифт, ровные строки.

личие у них только плоских типов клейм позволяют предположить, что штемпеля этих магистратов изготовлены одним резчиком. Из других херсонесских магистратов клейму Истрона близко клеймо Пасиона как по составу глиняного теста амфоры, так и по палеографии. Характерна и одинаковая форма магистратуры в форме родительного на \bar{o} (если только это не сокращение)¹²², что, по мнению Б. Н. Гракова, безусловно говорит о IV в. до н. э.¹²³ Возможно, что и монограмма МА, встречающаяся при клеймах Пасиона¹²⁴, принадлежит Маникку. Не исключено, что ему же принадлежат еще три стилистически близкие монограммы¹²⁵ № 8—10, одна из которых встречается при астиноме Герократе Невмениевом¹²⁶. Имя Истрон известно и на монетах 290—280 гг.¹²⁷, — вероятно, оно относится к одному лицу. Нанесение клейма на горло амфоры в сочетании с ретроградностью надписи отражает, очевидно, гераклейское влияние, что также свидетельствует о ранней дате. С другой стороны, полное написание имени фабриканта в магистратском клейме (единственный пока случай в керамической эпиграфике Херсонеса), — по-видимому, синопское влияние. Клейма Истрона и Маникка найдены на городище Чайка (Ч-82/862) в одном слое с клеймом Атанодора Никеева (Ч-82/815) и материалом конца IV — начала III в. Приведенные данные говорят о том, что клейма агоранома Истрона относятся к последней четверти IV — началу III в. или скорее всего к концу IV — самому началу III в. Известен также и херсонесский астином Истрон¹²⁸, деятельность которого по хронологии В. И. Каца датируется временем не позднее 70-х гг. III в. до н. э.¹²⁹, что в свою очередь делает возможным отождествление обоих Истронов.

Р о д о с (рис. 4). Родос представлен двумя клеймами, оттиснутыми на массивных ручках с плавным изгибом, глина которых (светло-розовая с незначительными включениями темных частиц) идентична глине найденных на Маяке грибообразных венчиков амфор типа Солоха I. Одно клеймо (№ 162) принадлежит фабриканту Тимару (конец IV — начало III в.)¹³⁰. На другом клейме (№ 161) сохранились только начальные буквы верхней и нижней строки, позволяющие восстановить либо имя эпонима Эвкла, либо имя фабриканта Эпикрата¹³¹.

А м а с т р и я. Одно фрагментированное и нечитаемое английское клеймо стоит на обломке горла амастрийской амфоры (№ 163). Отнесение этого фрагмента к Амастрии основано на сочетании признаков¹³², характерных для амфор этого центра: круглая в сечении ручка, невысокий округлый венчик с двумя круговыми уступчатыми поясками шириной 0,6—0,8 см, глина, в некоторой степени напоминающая гераклейскую, но отличающаяся от нее большей твердостью и более красным цветом, а также наличием значительного количества мелкого пироксена. Датируются клейма Амастрии концом IV — началом III в.¹³³

Клейма неизвестных центров производства (рис. 4) представлены девятью экземплярами. Два клейма (№ 165, 166) оттиснуты на совершенно

¹²² IOSPE, III, P—2, 2181, с. 15.

¹²³ Там же, с. 15.

¹²⁴ Золотарев М. И. Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974—1975 гг. — КСИА, 159, 1979, с. 70.

¹²⁵ См. Азмеров. О клеймах керамических мастеров..., с. 81, № 23, 21, 24.

¹²⁶ Там же, с. 81, № 23; Борисова. Ук. соч., табл. VII, I, 5.

¹²⁷ Анохин. Ук. соч., с. 140.

¹²⁸ Борисова. Ук. соч., табл. VII, 2.

¹²⁹ Кац. Типология и хронология..., с. 43.

¹³⁰ Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 45, 200; Бадальянц Ю. С. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм. — НЭ, XIII, 1980, с. 6, 12.

¹³¹ См. IOSPE, III, № 1991, 6738. О клеймах Эвкла см. Бадальянц. Ук. соч., с. 7; Шелов. Танаис и Нижний Дон..., с. 19 сл.; он же. Керамические клейма из Танаиса..., с. 53.

¹³² Выделены на основании клейменных экземпляров, хранящихся в Евпаторийском краеведческом музее.

¹³³ Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 46.

Херсонесские клейма маякских усадеб

Принадлежность, место нанесения	Астиномы	Без обозначения магистратуры	Агораномы	Не определенные	Клейма фабрикантов	Всего
Ручки	58/55	4/4	1/1	1	16/13	80/73
Горла	10/7		2/2		3/3	15/12
Нижняя часть тулова					2/2	2/2
Ножка	1/1					1/1
Черепицы	1	1/1			1/1	3/2
Всего	70/63	5/5	3/3	1	22/19	101/90

одинаковых по всем признакам ручках (сечение $4,9 \times 2,4$ см), и принадлежат, вероятно, одной амфоре, о чем свидетельствуют их обнаружение в одном месте, а также расположение клейм: одно читается в направлении к горлу амфоры 'Αγέλο, другое — от горла 'Ερμ. Клейма однострочные, в прямоугольных рамках, что характерно в основном для трех островных центров: Коса, Хиоса и Пароса. По глине (светло-розовой с едва заметными включениями) маякские экземпляры наиболее близки амфорам с колпачковыми ножками, что наводит на мысль о хиосском происхождении этих клейм. В IOSPE, III длинные узкие клейма включены в раздел клейм косского происхождения¹³⁴ по глине — ярко-красной или ярко-розовой со значительным содержанием слюды. Показательно, что в этот раздел попали и некоторые клейма, которые В. Грейс убедительно отнесла к Хиосу¹³⁵.

Одно клеймо колесообразное (№ 164). Такие клейма обычно относят к Фасосу¹³⁶, однако имеются и достаточно серьезные возражения¹³⁷. Фасосская локализация не подтверждается и раскопками сбросов гончарных мастерских на острове Фасос¹³⁸. Датируются колесообразные клейма временем около 340 г. до н. э.¹³⁹

Очевидно, к одному центру относятся четыре английских клейма: одно из них представляет сокращение IT (или TI) ретроградно — № 167), другое — вдавленный кружочек (№ 168), третье — букву *ni* (№ 170), четвертое (№ 171) — неразборчивое. Глина амфорных ручек, на которых они оттиснуты, похожа на глину амфор с рюмкообразными ножками, что предположительно указывает на мендейское происхождение этих клейм. К Менде, возможно, относится и рельефное клеймо, состоящее из двух букв в квадратной рамке (№ 172). Клеймо № 169 в виде кружочка на горле амфоры относится к одному из средиземноморских центров.

Суммируя итоги, можно отметить следующее. Анализ керамических клейм говорит о том, что значительную роль в экономике маякских усадеб играла торговля, которую следует рассматривать как разновидность

¹³⁴ IOSPE, III, P—2, 2174, № 3, № 365, 427—436.

¹³⁵ 'Ηγησίου, 'Ιερείου, Κρομί (там же, № 445—447, 454, 455, 465, 466, 469). См. Grace V. Stamped Wine Jar Fragments.— Hesperia, Supplement X (Small Objects from the Pnyx, II, Part III), 1956, p. 166, № 197, 198; p. 167, № 201; Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs.— Exploration archéologique de Délos. Fasc. XXVII, P., 1970, p. 361 suiv., № E227, 228.

¹³⁶ См. Виноградов. Ук. соч., с. 42.

¹³⁷ Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса.— АМА, вып. 4, 1979, с. 179.

¹³⁸ См. Garlan. Les timbres amphoriques thasiens, p. 837 suiv. В докладе, прочитанном на кафедре археологии МГУ 15 апреля 1982 г., И. Гарлан выступил против фасосской принадлежности колесообразных клейм, подчеркнув их отсутствие в свалках гончарных мастерских острова Фасос. По его мнению, возможный центр производства амфор с колесообразными клеймами.— г. Амфиполь. См. Garlan Y. Greek Amphorae and Trade.— In: Trade in the Ancient Economy. L., 1983, p. 184, not. 5.

¹³⁹ Виноградов. Ук. соч., с. 41 сл.

Херсонесские магистратские клейма маякских усадеб

№	Имя	Количество	Группа по Б. Ю. Михлину	Тип по В. И. Кацу	Группа по В. И. Кацу	Дата по Б. Ю. Михлину, в. до н.э.	Место находки					Место нанесения	Форма магистратуры	Дата, в. до н.э.
							1	2	3	4	5			
1.	Агатон Гнатов	1	II	II	II	руб. IV—III						р, г, ч	4	кон. IV — нач. III
2.	Агасикл I	10	II	I	I	2/4 III						р, г	1	20-е гг. IV
3.	Атанодор Никсев	10	III	II	II	2/2 III			+	+		р, г*	3	кон. IV — нач. III
4.	Александр	1	I	I	I	3/3 IV						р, ч, ножка	2	кон. IV — нач. III
5.	Аполлас Хореев	2	III	II	II	2/2 III						р	2, 3	кон. IV — нач. III
6.	Батилл	1	I	I	I	4/4 IV	+	+				р, г	1, 2	20-е гг. IV
7.	Диоскурид	1	II	I	I	1/3 III		+			+	р	2	кон. IV — нач. III
8.	Гераклей	8	III	I	I	2/2 III	+					р, г, ч	2, 3	кон. IV — 1/4 III
9.	Герей I	1	II	I	I	руб. IV—III						р, г	1	20-е гг. IV
10.	Герей II	1	II	I	I	руб. IV—III						р	2, 3	кон. IV — нач. III
11.	Геродот I	5	II	I	I	руб. IV—III						р	1	20-е гг. IV
12.	Геродот II	4	II	I	I	руб. IV—III						р, г, ч	2	кон. IV — нач. III
13.	Герока	2	I	I	I	кон. IV						р	1	кон. IV
14.	Герократ Невменев	2	I	II	II	4/4 IV		+				р, ч	2	4/4 IV
15.	Героксен	2	II	I	I	сер. III			+	+		р, г	2	кон. IV — нач. III
16.	Теоген Аполлонидов	1	II	IV	II	сер. III						р	5	кон. IV — нач. III
17.	Котитион Аристов	4	II	IV	II	нач. III						р, г, ч	5	кон. IV — нач. III
18.	Ксанф	1	II	I	I	1/2 III	+	+			+	р, ч	1, 2	кон. IV — нач. III
19.	Ксеноп	1	I	I	I	4/4 IV		+			+	р, г	1	4/4 IV
20.	Пританий Аристов	1	II	II	II	нач. III	+					р, г, ч	3	кон. IV — нач. III
21.	Филипп	3	II	I	I	1/2 III?						р, г, ч	2	нач. III
22.	Формион Аполлов	6	II	II	II	1/2 III	+	+			+	р, г*, ч	1, 4	кон. IV — нач. III
23.	Аполлоний Паснадов	2	II	II	II	1/2 III	+					р, г*, ч	1	кон. IV — нач. III
24*.	Истрон, Маникк	1										г	1?, 2?	4/4 IV — нач. III

Примечание

Места находки: 1 — поселения восточного берега Днестровского лимана; 2 — Елизаветовское городище; 3 — Танаис; 4 — Каменское городище; 5 — Херсонес (раскопки 1936 г.)

Место нанесения клейм: р — ручки амфор; г — горла амфор; ч — черепица

Форма магистратуры: 1 — сокращенная, 2 — родительный падеж существительного, 3 — genetivus absolutus, 4 — nominativus absolutus, 5 — магистратура не обозначена

* Новые данные в керамической эпиграфике Херсонеса.

Местоположение клейм на памятнике

Место находки	№ по списку
Усадьба I	
На полах и в заполнении помещений	пом. 25—№ 29, пом. 26—№ 125, 140
В верхнем слое, перекрывающем помещения	№ 7, 12, 13, 20, 59, 68, 84, 106, 112, 119, 121, 124, 130, 144, 164
Двор. В 1—8 м к югу от стены II	№ 55, 57, 61, 96, 102, 118, 163
Двор. Зольник I	№ 101
Помещение 32. Заполнение	№ 1, 2, 6, 73, 171
Верхний слой, перекрывающий большой подвал (помещение 34/38)	№ 3, 48, 113
Помещение 34/38. Заполнение над каменным завалом	№ 21, 22, 23, 38, 39, 51, 62, 131, 132, 138, 142, 145, 159, 160
Помещение 34/38. Под каменным завалом	№ 90, 173

Усадьба II

На полах и в заполнениях помещений	пом. 9 — № 18, 85; пом. 10 — № 5; пом. 11 — № 80, 137; пом. 12 — № 17, 86, 150; пом. 39 — № 33; пом. 46 — № 91; пом. 40 — № 172; пом. 51 — № 58, 133
В слое, перекрывающем помещения	№ 28, 56, 69, 116
Между кладками XLV и XLVII	№ 63, 143
Двор	№ 47, 82, 107
Двор. На помостке к ю-в от помещения 35	№ 114, 165, 166
Двор. Яма 5. Под строительными остатками III периода	№ 72
Двор. Зольник 2	№ 24, 25, 37, 40, 42, 43, 53, 74, 88, 95, 98, 105, 117, 123, 128, 136, 153, 155

За пределами усадеб

К югу (3—7 м) от южной стены пом. 5А усадьбы № 1	№ 71, 126
Между с-в углом комплекса А и помещением 34/38	№ 34
К югу (3—10 м) от стены XLVII усадьбы № 2	№ 50, 75, 149, 152, 161
Верхний слой, перекрывающий канаву (яму 9)	№ 26, 31, 45, 157
Канавы (яма 9). Заполнение	№ 9, 14, 27, 60, 67, 83, 92, 99, 110, 120, 162, 170
Зольник 3	№ 8, 13, 15, 30, 32, 52, 111, 134, 147, 167, 169, 174
Между зольником 3, комплексом А и помещением 34/38	№ 41, 65, 76, 97, 103, 104, 134, 168
Верхний слой, перекрывающий канаву (яму 8)	№ 44, 139
Канавы (яма 8). Заполнение	№ 49, 64, 66, 70, 77—79, 89, 93, 122, 127, 148, 154
К северу и югу от канавы (ямы 8)	№ 10, 35, 36, 115, 151
Стена А. Над каменным завалом	№ 54, 81, 146, 156
Стена А. Под каменным завалом	№ 100
Стена Б. Над каменным завалом	№ 109

Подъемный материал

| № 4, 11, 19, 46, 87, 94, 141 58

Список керамических клейм из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка

№ п/п	Описание клейма	№ по полевой описи (п/о) (Чм-)	Группа	Аналогии
	Синопа			
1	ῬΑ]ντι ἀ]χου ἀ]στυν[δ.	78/848	II	IOSPE, III, № 1100—1106
2	Ποσειδ[ω. ῬΑντι]μ[άχου ἀστ]υν[δ.	78/928	»	»
3	Ποσειδ[ω. ῬΑντι]μ[άχου ἀστ]υν[δ.	80/13	»	»
4	Προσειδω. ῬΕπι]έλλπου ἀ]στυνό.	68/6	II, начало	IOSPE, III, № 3058
5	Δ]ημήτρι. Εὐχα]ρ.ἰστο [ἀστ]υν[δ.]	77/87	II	
6	Ῥρ.]ακλείδου ἀστυνό.	78/700	II	IOSPE, III, № 3578—3580, эмблемы другие
7	Ῥφ]α[ί]στιος Ῥκ[εσί]ου ἀ]στυνόμου. Φ[ιλοκρά]του.	77/256	II	Краснодарская арх. экспедиция 1983 г., могильник городища № 3 у хут. им. Ленина, подъемный материал, сборы И. И. Марченко (того же штампея); Придик, ЭК, № 608, табл. XI, 17 (того же штампея); IOSPE, III, № 4269—4271
8	ῬΓφιος ἀστυνόμου.	82/640	III, начало	Новое сочетание имён. В IOSPE, III, не зарегистрировано
9	Νουμη]ίου. Μαντι]θ[έ]ου ἀστ]υν[δ.]	82/1674	II	IOSPE, III, № 5094
10	Ποσι]δωνί. Μικρί]ου ἀ]στυνο- [μ]ου[ντος]. Ῥρακλείδ]ου?	81/320	III, начало	IOSPE, III, № 5368; Тончева Г. Некропольт край святилището на Херос Карабазмос в Одесос, ИΝΜΒ, X(XXV), 1974, с. 296, № 50, табл. XIII (возможно, того же штампея)

Таблица IV (продолжение)

№ п/п	Описание клейма	№ по полевой описи (п/о) (ЧМ-)	Группа	Аналогии
11	Μνη]ζικλέο(ς) ἀστυνό]μου.	82/2075	III, ближе к началу	IOSPE, III, № 5575, 5576
12	Ποσειδ]είου του Ἡ]φαιστοδώρου ἀστυνό]μου.	80/762	III, начало	IOSPE, III, № 6792—6797; Пругло.— КСИА, вып. 109, 1967, № 36, рис. 11 (штампель другой); Шкорпил.— ИАК, вып. 51, с. 125, № 23
13	[κεραμ]έως] Νευ]μηγνίου του]Λάκωνος.	77/674	III	IOSPE, III, № 8854
14	Τ]εῦ]θρα Θυμοχάρους κεραμ]έως.	82/1701	III	IOSPE, III, № 8985—8987
15	— [ἀστυνό.] Ποσειδ]ω.	82/169	II	Пругло.— КСИА, вып. 109, 1967, № 45, рис. 10 (штампель другой)
16	[ἀστυνό.] Ποσειδ]ω.?	82/1246	II?	
17—27	Ἀπολλοδώρο(υ) ἀστυνό. Διονυσίου.	76/477 76/523 76/526 77/750 79/571 79/816 80/168 80/1157 80/2127 82/1 82/1664 80/1784	II	IOSPE, III, № 2438—2440
28	Διον]υσίου ἐπι]Ἀ]πολλο- δώ.]α̅στυ.	80/1784	Ia	Фонды Евпаторийского краеведческого музея № 4348 осн. (того же штампеля); IOSPE, III, № 86—92 — на ручках
29—	Ἀπολλοδώρο(υ)	78/906	II	IOSPE, III, № 1286—1290 — на ручках
30	ἀστυνό. Ποσειδωνί.	81/1284		
31—	Γυρίττου	81/555	II	IOSPE, III, № 2035
32	ἀστυνό]μο. Διονυσίου.	82/126		

№ п/п	Описание клейма	№ по полевой описи (п/о) (ЧМ-)	Группа	Аналогии
33	Ποσειδωνίο. треножник ἀστὺνὸ. Νεο[μηνίου.	80/262	II	IOSPE, III, № 6617 (на ручке)
	Гераклея			
34	ΑΠ или ΑΠ ΣΩΣ ΣΩΣ	73/112	IV?	В IOSPE, III, не зарегистрировано
35	кадуцей ΑΔ	82/2074	IV?	
36	ΩΣ <i>сигма</i> ретроградно. На клейме № 36 сохранилась только эмблема того же штемпеля, что и эмблема клейма № 35	83/619		
37	неясная Διο- голова эмблема ν[υσ]ίου влево	80/499	IV	
38	Ε ὀ πά[----- справа от Γ гроздь	79/686Α, 561	IV?	Ср. IOSPE, III, № 1503, 1504, 1514—1518
39	Ἡρακλείδα -----ωχ ретроградно	79/823	II поздняя	Мелюкова. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка, с. 238, рис. 40, № 11 (того же штемпеля)
40	Πυθo. N[υ]σι.	80/1669	II поздняя	IOSPE, № 1066 (того же штемпеля); Брашинский. Греческий керамический импорт..., с. 166, № 324
41	Σπιυθά[ρο. Μαλακῶν кадуцей	79/544, 81/951	II поздняя	Каменское городище, 1952, № 605, Музей кафедры археологии МГУ (того же штемпеля). В IOSPE, III, (№ 1081) первая строка восстановлена иначе
42—46	Κελίσ- κου	80/313 80/1170 80/1297 82/714 82/2093	IV	IOSPE, III, № 1905—1908 (того же штемпеля); Ва- силенко.— МАСП, 7, 1971, с. 139, рис. 1, № 8; Бра- шинский. Греческий керамический импорт..., с. 160, № 244—246

Таблица IV (окончание)

№ п/п	Описание клейма	№ по полевой описи (п/о) (ЧМ-)	Группа	Аналогии
47	ΑΡ ΧΕ буквы рельефные, слева облом.	80/2329		В IOSPE, III, не зарегистрировано
48—50	ΗΔ	79/171 81/1336 81/1450	V поздняя	Клеймо новое. В IOSPE, III, не зарегистрировано
Φ α σ ο ς				
51—53	Θασίων Ἀλακείδη(ς)	ситула	79/853 81/1752 80/666 83/272	5б около 300 г.
54	Θασίων Ἀλακείδη(ς)?	ситула?		»
55	Θασίων Ἀρχήνα[Ξ]	трезубец	78/1131	5б около 300 г.
56	Θασίων Ἐλάχης	треножник	77/582	5б около 300 г.
57	Θασίων	дельфин	76/196	5б около 300 г.
58	Κρατῖνος Θασίων Ποῦλ[υς]	эмблема стерта, кадуцей?	81/431	5б посл. треть IV в.
59	Θασίων -----	плуг?	78/750	5

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (Чм-)	Форма клейма	Место нанесения	Аналогии
	Х е р с о н е с				
60	᾽Αγ[άθων Γνά[τωνος ἀστ[υνομῶν.	82/1711	ж	г	Б. I, 1 (штемпель другой)
61—64	᾽Α[γασικλέος ἀστυνό. монограмма № 1	76/197 79/277 81/187 83/676	п	р	Б. I, 2 (того же штемπεля)
65— 66	᾽Αγα[σικλέος ἀστυνό. монограмма № 11	78/462 82/900	п	р	Б. I, 3 (того же штемπεля)
67	᾽Αγ[ασικλέ]ος ἀστυνό.	82/1668	п	г	Б. I, 2, 3
68—70	В конце второй строки стертая монограмма ᾽Αγ[ασικλέος ἀσ]τυνό.	78/1138 77/581 81/360	п п п	г р р	Б. I, 2, 3
71—79	᾽Αθανοδώρου τοῦ Νικέα ἀσ- τυνομοῦντος.	76/119 78/323 78/889 80/834 82/182, 364 82/294 82/426, 899 82/1280 82/1281 77/400	п п	р р	Б. I, 7 (того же штемπεля)
80	᾽Α]θανοδώρου το]ῦ Νικέα ἀσ- τυνομοῦντος. Рядом клеймо № 137		п	г	Б. I, 6, 7 (штемпеля другие)
81	᾽Αλεξάνδρου ἀστυνόμου. ретроградно	83/276	ж	ножка	Михлин.—ВДИ, 1979, № 2, рис. 1 (того же штемπεля)

Т а б л и ц а V (продолжение)

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (ГМ-)	Форма клейма	Место нанесения	Аналогии
82	ῬΑ]πολλᾶ Χορείου ἄστυνόμου, клеймо утеряно	78/549	?	р	Б. II, 4, 6
83	ῬΑ]πολλᾶ Χορείου ἄστυνόμου.	82/1681	п	р	Б. II, 4 (того же штампа)
84	Βαθύ[λλου ἄστυ[όμου.	73/32	ж	р	Б. III, 10 (штампель другой)
85	Διοσκούριδα ἄστυνόμου.	77/444	ж	р	Б. IV, 9 (того же штампа)
86	Ῥρακλε[(ίο)υ] ἄστυνόμου.	76/502	ж	р	Б. V, 9, 10 (штампель другие)
87	На другой ручке амфоры клеймо № 150 Ῥρακλείου ἄστυνομῶντος.	80/2731	ж	р	»
88	Ῥρακ[λείου ἄστυ]νομῶντος.	80/1177	ж	р	»
89	Клейма 88, 89 одного штампа, <i>сигма</i> лунарная	83/443	ж	р	»
90—92	Ῥρακλείου ἄστυνόμου. Клейма № 90—92 одного штампа, <i>сигма</i> лунарная	79/864 80/2479 82/1555	ж	р	»
93	Ῥρακ[λείου ἄστυνόμου. ретроградно	83/385	ж	г	Б. V, 5
94	Ῥρέα ἄ]στυνό. монограмма № 1	68/7	п	р	Б. VI, 3 (того же штампа)
95	Ῥ]ρέα ἄστυνο— μ]ῶντος. В конце второй строки остатки сокращения ΔΑΜ?	80/1176	ж	р	Б. VI, 1 (того же штампа)

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (ЧМ-)	Форма клейма
96—100	Ἡροδῶ. ἀστυνό. монограмма № 1	78/1054 79/205 - 80/1537 82/1682	п
101—103	Ἡροδῶτου ἀστυνόμου. Клейма № 101—103 одного штемпеля	83/812 76/300 76/415	ж
104	[Ἡροδῶτου] ἀστυνό. монограмма № 12	82/789 78/276	п
105	Ἡροχᾶ ἀστυνόμου.	80/483	п
106	Ἡρ[οχᾶ ἀστυνόμου.	78/640	п
107	Ἡροκρά[τεος Νευμηγίου ἀστυνόμου.	77/19	п
108	[Ἡροκρά[τεος] Νευμηγίου] ἀστυνόμου. Клейма № 107, 108 разных штемпелей	82/479	п
109—110	Ἡρο]ξένου ἀσ]τυνόμου. Клейма № 109 и 110 одного штемпеля	82/1661 82/1683	п
111	Ἡ[----- [ἀστυνόμου].	82/1240	п
112	Ἡ[----- ἀστυνόμου.	78/1328	ж
113	Θεογένε]ος ΔΑ Ἀπολλωνίδα.	80/131 965	п
114—115	Κοτυτίω- ν Ἀρίστωνο(ς).	79/66 81/50	ж
116	Κ]οτυτίω] Ἀρίστωνο(ς).	80/2729	ж

Т а б л и ц а V (продолжение)

Место нанесения	Аналогии
р	Б. VI, 9 (того же штемпеля)
р	Б. VI, 7 (штемпель другой)
р	Б. VI, 10 (того же штемпеля)
р	Б. VI, 11; IOSPE, III, № 947 (того же штемпеля)
г	Б. VI, 11
р	Б. VII, 2—4 (штемпеля другие)
р	«
р	Б. VII, 7 (штемпель другой)
г	
р	
р	Ахмеров.— ВДИ, 1949, № 4, с. 107, табл. II, 15
р	Б. XV, 3 (того же штемпеля)
р	Б. XV, 6 (вероятно, того же штемпеля)

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (ЧМ-)	Форма клейма
117	-----]τι[--- Возможно, Котитион Аристонов или Невмений Филистиев	80/1562	
118	Ξάνθου ἀ]στυνόμου.	76/198	П
119	Ξ[ένου]ος ἀ]στυνόμ.	78/779	П
120	Πρ[οτά]νιος τοῦ Ἀρίστωνο[ς ἀστυνομοῦντος.	780 82/1684	Ж
121—	Φιλίπ[που ἀστυνόμου.	78/754	П
122	Φιλίπ[που ἀ]στ[υ]νόμου.	81/356	П
123	Φιλίπ[που ἀ]στ[υ]νόμου. [Φορμίων]	80/2138	П
124—	[Φορμίων] Ἀπολλᾶ ν.	78/674	Ж
125	Ἀπολλᾶ ν. ἀ]στυνομῶ- Φορ[μίων	78/1032	Ж
126	Φορ[μίων	76/389	Ж
127	Απόλλᾶ ἀστυνόμ.	83/448	Ж
128	Φορ[μίων Ἀπολλᾶ ν. ἀ]στυνομῶ- [Φορμίων]?	80/1444	Ж
129	Ἀπολλᾶν? [ἀστυνομῶ-]?	82/1119	Ж
130	_____] ἀ]στυνόμου.	78/1276	Ж
131	_____] _____]	79/866	П
132	_____]ος V	80/103	П
133	Клеймо, вероятно, оттиснуто дважды _____]ο ἀστυνόμ]ου.	81/508	Ж

Т а б л и ц а V (продолжение)

Место нанесения	Аналогии
р	
р	Б. X, 12, 13 (штемпеля другие)
г	Б. XI, 5
р	Б. XII, 1 (штемпель другой)
р	Б. XIV, 2 (вероятно, того же штемпеля)
р	Б. XIV, 1, 2 (штемпеля другие)
г	Б. XIV, 4 (того же штемпеля)
р	
р	Б. II, 2 (того же штемпеля)
р	Б. XIV, 4, 5
р	Б. XIV, 4, 5
р	
г	
р	
р	

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (Чм-)	Форма клейма	Место нанесения	Аналогии
134	Клейма агораномов Ἀπολλῶνιος Πασιᾶδα ἀγορ.	80/2239	ж	г	Б. XIV, 15 (того же штемпеля)
135	Ἀπ]ολλῶνιος Πα]σιᾶδα ἀγ[ορ.	82/819	ж	р	Б. XIV, 15 (того же штемпеля)
136	Ἰστρ]ωγ[ος ἀγο[ρ]αν[όμο. Μαν[ι]χῆδ[ος]. ретроградно	80/1689	п	г	Клеймо новос. В IOSPE, III, и у В. В. Боровой не зарегистрировано
137	Клейма фабрикантов NIKE рядом клеймо № 80	77/400		г	Клеймо новое
138	монограмма № 15?	79/863		р	
139	ΔΑ ΜΑ	81/1063		р	А. 65
140	монограмма № 9	78/1031		р	Б. X, 2
141	монограмма № 8	68/8		р	А. 23
142	монограмма № 2	80/169		р	А. 53
143		81/186		р	

Т а б л и ц а VI

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о. (Чм-)	Место нанесения	Аналогии
144	ΑΠ	78/1278	г	
145	монограмма № 13	79/262	р	Б. XIV, 2; А. 38
146		83/262	р	
147	то же?	82/645		
148		83/342	г	
149	Π[ρο- μ[αθ]- ωυ.	82/365	р	А. 86
150	Монограмма № 4 На другой ручке амфоры клеймо № 86	76/502	р	А. 54 Новая пара
		83,651	р	А. 37

Т а б л и ц а VI (продолжение)

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (Чм-)	Место нанесения	Аналогии
151—	Монограмма № 5			
152		83/808		
153—	Монограмма № 14	80/1134		
154		83/132	нижняя часть тулова	Клеймо новое
155—	Клейма овальные неразборчивые	80/494	Р	
156		83/263	Р	
157	A[— —[—	81/929	Р	
158	Клейма на черепицах 'H[—	82/2073	ж	
159	ἄσ[τωνδρου. Κοτυτίω[ν Ἀρίστων[ο(ς).	79/738	ж	Б. XV, 6 (вероятно, того же штемпеля)
160	Рядом добавочное клеймо № 160 Монограмма № 3	79/738		А. 36
	Р о д о с			
161	E[— κ[—	81/1639		Ср. IOSPE, III, № 1991, 6738
162	клеймо в круге T[— μάρ.	81/1728		IOSPE, III, P-2, 2177, № 2272—2291; Брашинский, Греческий керамический импорт..., с. 200, № 769 Nilsson. Timbres amphoriques de Lindos, Copenhagen, 1909, p. 526, № 822—824; Grace V. Stamped Amphora handles found in 1931—1932.—Hesperia, III, № 3, 1934, p. 287, № 259
	клеймо в круге			
	А м а с т р и я			
163	На горле. Эпиграфическое. Не читается	76,66		
	К о л е с о о б р а з н ы е			
164	H Π M E	73/162		Bon, № 2165

Т а б л и ц а VI (окончание)

№ п/п	Описание клейма	№ по п/о (Чм-)	Форма клейма	Аналогии
	П р о ч и е			
165	᾿Αγῦλο.	78/586		IOSPE, III, P-2, 2174, № 365 IOSPE, III, P-2, 2174, № 427—436
166	Ἐρμι.	78/730 79/35		
167	IT или TI ретроградно энглифическое в рамке	82/997		
168	○ вдавленный кружочек	79/244		
169	○ вдавленный кружочек На горле	82/688		
170	□ энглифическое	82/1090		
171	Φ? энглифическое	79/19		
172	MN в квадрате	79/695		
	Отпечатки гемм			
173	Крылатая фигура в профиль с чашей в руках. На ручке херсонесского сосуда	80/2715		
174	Ника в профиль вправо. На корне ручки синопского сосуда	82/1173		

Приняты следующие сокращения:

- А. — Р. В. Ахмеров. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1951, № 3.
 Б. — В. В. Борисова. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, XI
 Придик, ЭК. — Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917 Вop. — Л.-М. Вop
 et A. Вop. Les timbres amphoïiques de Thasos. P., 1957.
 Херсонес. Форма клейма: ж — желобчатая, и — плоская
 Место нанесения: п — ручка, г — горло

внутренней торговли на территории Херсонесского государства¹⁴⁰. Наличие на поселении клейм, представленных как сериями (от трех до десяти экземпляров), так и единичными экземплярами, отражает сочетание двух видов торговли: оптовой и розничной. Удельный вес последней в торговом балансе Маяка, очевидно, был большим, чем на некоторых других поселениях Северо-Западного Крыма. Об этом помимо разнообразия на маякских усадьбах клейм различных центров свидетельствует и меньшее, чем на некоторых других поселениях¹⁴¹, количество херсонесских клейм, приходящихся на долю того или иного магистрата при большем числе самих магистратов.

Подобную особенность торговли маякского поселения следует, очевидно, объяснять его близостью к двум крупным пунктам — Керкинитиде и Чайке, что объективно способствовало установлению с ними регулярных торговых контактов, снижавших необходимость оптовых закупок. В обмен на товары, привозившиеся в амфорах, и на ремесленные изделия, Маякское поселение, очевидно, поставляло продукцию сельского хозяйства и в первую очередь хлеб, производство которого на усадьбах фиксируется археологическими данными.

На Маяке не найдено клейм, которые можно было бы датировать позже первой четверти III в. Для херсонесских клейм такая датировка подтверждается и другими источниками. Основная масса клейм поселения относится к концу IV — началу III в. до н. э. — ко времени наивысшего экономического развития усадеб.

CERAMIC STAMPS FROM EXCAVATIONS NEAR THE YEVPATORIYA LIGHTHOUSE

A. B. Kolesnikov

The author discusses ceramic stamps found in the course of excavations on the site of a Chersonesian settlement not far from Yevpatoriya (ancient Kerkinitis). The settlement, which consisted of two early Hellenistic country estates, existed for a short time only, so that the material found in it may be regarded as contemporaneous with a relatively narrow time-stretch. The author makes an attempt to arrive at a more accurate chronology for Sinopian and Chersonesian stamps. He also brings into circulation new data on ceramic epigraphy.

¹⁴⁰ Щеглов А. Н. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э. — КСИА, 138, 1974, с. 44 сл.

¹⁴¹ Например: Панское I, усадьба 6; Маслины. Кац В. И., Монахов С. Ю. Амфоры эллинистического Херсонеса. — АМА, вып. 3, 1977, с. 91, 93; Латышева В. А. Керамические клейма из раскопок поселения «Маслины» в Северо-Западном Крыму. — В сб.: Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене». II. Ереван, 1979, с. 335.

М. В. Горелик

ШЛЕМ ИЗ СТАНИЦЫ ДАХОВСКОЙ

Бронзовый шлем, случайно найденный у станицы Даховской на Кубани, пока не нашел в научной литературе достаточно четкого и надежного определения места и времени своего происхождения. Издавший его впервые Б. З. Рабинович связывает его с шлемами «кубанского» типа, но считает поздним вариантом последнего¹. Некоторые основания для этого находит Е. В. Черненко, однако ничего более определенного относительно даховского шлема он не высказывает². Действительно, не совсем обычные для Северного Причерноморья признаки (хотя некоторые из них и напоминают местные), а также обстоятельства находки, не позволяющие судить о времени его изготовления, весьма затрудняют задачу анализа этого предмета.

Рассмотрим подробнее признаки шлема и попробуем связать их с какими-либо известными атрибуированными и датированными памятниками. Шлем представляет собой бронзовое куполообразное оголовье высотой 17 см с ровно обрезанным нижним краем и двумя дуговидными вырезами на лобной части (рис. 1, 1). На первый взгляд он действительно напоминает скифские шлемы VI в. до н. э. «кубанского» типа, однако отличается от них рядом особенностей: он не литой, а кованый, не имеет выреза на затылке и отверстий для крепления бармицы. Напоминает он и переделанные скифскими мастерами античные шлемы, у которых удалялись нащечники и выделенный затылок. Однако даховский шлем не переделан, кроме того античные шлемы классической эпохи никогда не сковывались из двух симметричных половин, как исследуемый здесь предмет (шов проходит у него от затылка к носу вдоль теменного шва), а линия, отделяющая купол от тульи у греческих шлемов, подчеркивалась впадиной, а не выпуклой полосой, как у даховского шлема. Три выпуклых чеканных линии вдоль теменного шва, казалось бы, роднят его со шлемами иллирийского типа, но у последних линия лба всегда ровная, а не в виде двух дуг.

Таким образом, даховский шлем не имеет аналогий своим конструктивным признакам среди памятников Северного Причерноморья, Балканской и Восточной Греции. Рассмотрим теперь декор шлема. Лобная часть его украшена изображением круглых глаз и округлых сросшихся бровей, выполненным выпуклой чеканкой, с крайней степенью геометризирующей стилизации. Боковые стороны купола целиком заняты выпуклыми чеканными изображениями круто загнутых бараньих рогов, переданных вполне реалистично. В середине I тыс. до н. э. схематизированные изображения глаз и бровей на лобной части встречаются на некоторых фракийских парадных оголовьях из драгоценных металлов³, но характер этих изображе-

¹ Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода. — ТОИПК, т. I. Л., 1941, с. 165—166, табл. XXV.

² Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 95.

³ Венедиков И., Герасимов Т. Тракийское искусство. София, 1973, ил. 237, 241, 242.

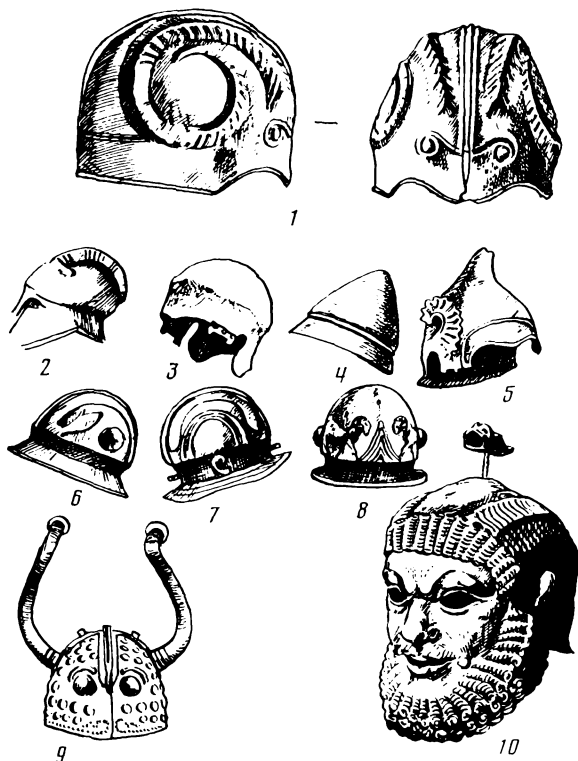

Рис. 1. 1 — шлем из станицы Даховской; 2 — рельеф сокровищницы сифнийцев в Дельфах, около 525 г. до н. э. Афинский национальный музей; 3—4 — шлемы из Пестума, V в. до н. э. Национальный музей, Неаполь; 5 — шлем из Руво, конец V—IV вв. до н. э. Парижская Национальная библиотека; 6 — шлем из Самниума, VI в. до н. э. Частн. собр., Неаполь; 7 — шлем из Этрурии, VI в. до н. э. Григорианский музей, Рим; 8 — шлем из Анконы, VI в. до н. э. Государственный музей, Берлин; 9 — шлем из Вискё, XI—IX вв. до н. э. Национальный музей, Копенгаген; 10 — этрусский шлем, VI—V вв. до н. э. Музей оружия, Сан-Марино.

ний совершенно иной, чем на даховском шлеме. Изображения бараньих рогов иногда встречаются на греческих шлемах VI—V вв. до н. э.⁴ (рис. 1, 2), однако по форме и ряду признаков даховский шлем нельзя отнести к ним, как уже отмечалось. Вместе с тем представляется, что существует, хотя и периферийный, регион античного мира середины I тыс. до н. э., где в боевых оголовьях можно встретить практически все признаки, отличающие шлем из Даховской. На этот же регион может косвенно указывать и факт находки около станицы Даховской второго шлема, быстро утраченного и не зафиксированного, который был украшен изображением стилизованной головки коня⁵. Таким регионом, на наш взгляд, является Италия. Именно для итальянских вариантов шлемов аттического типа характерен подтреугольный мыс, образованный выкружками надбровных вырезов, опускающийся на переносицу, но не переходящий в наносник⁶, как у греческих шлемов этого типа (рис. 1, 3, 5). Также чисто итальянским явлением можно считать выполнение линии, отделяющей тулью шлема от купола, в виде выпуклой полосы⁷ (рис. 1, 4), причем отделка выпуклыми полосами, как по куполу шлема, в том числе и вдоль теменного шва, так и вдоль нижнего края, как у даховского шлема, можно

⁴ Richter G. Red-figured athenian vases. New Haven, 1936, pl. 12.

⁵ Черненко. Скифский доспех, с. 95.

⁶ Lipperheide F. Antike Helme. München, 1896, Abb. 106—409, 116, 117, 119.

⁷ Ibid., Abb. 129, 133, 135, 104.

считать очень типичной особенностью италийских боевых оголовий⁸ (рис. 1, 5—8). Столь же характерным признаком италийских шлемов, особенно выполненных под греческим художественным влиянием, является украшение их рельефными и скульптурными изображениями животных, чаще всего копытных⁹ (рис. 1, 8). Встречаются на италийских шлемах и схематизированные изображения деталей человеческой головы, а именно ушей, причем переданы они опять-таки выпуклой чеканной линией¹⁰ (рис. 1, 7). Что же касается бараньих рогов, отчеканенных на куполе шлема, то мы встречаем их на италийских памятниках весьма часто, причем на шлемах чисто местных типов, и способ их передачи чеканкой варьируется от крайне схематического¹¹ (рис. 1, 6, 7) до вполне натуралистического. Последний способ изображения рогов зафиксирован на крайне интересном памятнике — ритуальном бронзовом шлеме с маской в виде обобщенно-натуралистически переданного мужского бородатого лица (рис. 1, 10). По своим признакам он относится к работе этрусских мастеров VI—V вв. до н. э.¹², и, несомненно, шлем именно такого типа изображен на известной этрусской фреске VI в. до н. э. из «гробницы авгуров» в Тарквиниях¹³.

Таким образом, учитывая зону распространения признаков, составляющих особенности шлема из станицы Даховской (хотя полной аналогии и не встретилось, чего трудно и ожидать), можно полагать, что местом его создания с большой долей вероятности могла быть Этрурия, ее северные районы, время изготовления — вторая половина VI — первая половина V в. до н. э. Показательно и то, что все эти признаки восходят к древним европейским памятникам рубежа II — начала I тыс. до н. э. (рис. 1, 9)¹⁴.

A HELMET FROM DAKHOVSKAYA STATION

M. V. Gorelik

The author considers the attribution of a bronze helmet found near Dakhovskaya station in the Kuban. Judging by the technique of its manufacture and the peculiarities of its shape and decoration, the author concludes that the helmet could have been made in northern Etruria in the second half of the 6th or first half of the 5th century B. C.

⁸ Ibid., Abb. 103—105, 209—213, 174.

⁹ Ibid., Abb. 122, 139, 159, 167.

¹⁰ Ibid., Abb. 104, 105.

¹¹ Ibid., Abb. 159—162.

¹² Корре Г. Σ. Τὰ μετὰ κεφάλων κριῶ κράνη. Ἀθήναι, 1970, πιν. 76В.

¹³ Чубова А. П. Этрусское искусство. М., 1972, илл. 16.

¹⁴ Hencken H. The earliest European helmets. Cambr. Mass., 1971.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ХРАМОВОЙ ОБЛАСТИ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Вопрос о том, в каком именно месте провели зиму легионы Помпея в 66/65 г. до н. э., может показаться не столь важным, тем более что маршрут похода римлян в Закавказье (66—65 гг. до н. э.) был подробно исследован Я. А. Манандяном и как будто исчерпан¹. Между тем анализ источников, касающихся этого похода, неожиданно привел к нескольким выводам, по-новому освещающим ряд историко-географических вопросов Кавказской Албании. Это и заставило еще раз обратиться к данной теме.

После заключения в Арташате мирного договора с Арменией в 66 г. до н. э. Помпей решил продолжить преследование злейшего врага Рима Митридата Понтийского (Евпатора), бежавшего в Колхиду. С этой целью Помпей вышел из столицы Армении, но ввиду наступления зимы стал зимними лагерями на берегу Куры. По сообщению Плутарха, Помпей «шел против Митридата по необходимости через (земли) племен, живущих (вокруг) Кавказа. Величайшие среди них — албаны и иберы... (Албаны) сначала согласились предоставить проход (через свою страну) просящему (об этом) Помпею. Но когда зима застигла войско (Помпея) в (их) стране, — продолжает Плутарх, — и у римлян наступал праздник Кроний, (албаны) (числом) не менее 40 тысяч напали на них, переправившись через реку Кирн (Куру)» (... ἐβάδιζε διὰ τῶν περιτοκούντων τὸν Καύκασον ἔθνων ἀναγκαίως ἐπὶ Μιθριδάτην Μέγιστα δὲ αὐτῶν ἐστὶν [ἔθνη] Ἀλβανοὶ καὶ Ἰβηρες... [Ἀλβανοὶ] πρῶτον μὲν αἰτοῦντι Πομπηίῳ δίοδον ἔδοσαν· χειμῶνος δὲ τὴν στρατιάν ἐν τῇ χώρᾳ [αὐτῶν] καταλαμβάνοντες καὶ τῆς Κρονικῆς ἑορτῆς τοῖς Ῥωμαίοις καθηκούσης γενόμενοι τετρακισμυρίων οὐκ ἐλάττους ἐπεχείρησαν αὐτοῖς διαζάντες τὸν Κύρνον ποταμὸν...) ². Помпей спокойно позволил им совершить переправу, хотя мог воспрепятствовать ей. Затем он напал на врагов и обратил их в бегство, много переплыв. Когда же царь албан через послов попросил пощады, Помпей простил ему обиду и, заключив мир, двинулся против иберов.

В той же последовательности излагает события зимы 66/65 г. до н. э. и Дион Кассий, однако его сведения носят более подробный характер. В отличие от приведенного сообщения Плутарха Дион Кассий уточняет место зимовки римлян: «И он (Помпей. — Ю. Д.) провел зиму в области Анаитиды и около реки Кирна, разделив на три (части) (свое) войско» (... καὶ αὐτὸς ἐν τε τῇ χώρᾳ τῇ Ἀναίτιδι καὶ πρὸς τῷ ποταμῷ τῷ Κύρνῳ τριζῆ νεῖμας τὸν στρατὸν παρεχέμενος...) ³. Однако римлянам не удалось перезимовать спокойно, продолжает далее Дион Кассий, «ибо Оройс, царь албан, живущих выше Кирна (Куры. — Ю. Д.)» (Ῥοιοῖσης γὰρ Ἀλβανῶν τῶν ὑπὲρ τοῦ Κύρνου οἰκούντων βασιλεύς), с одной стороны, желая угодить другу своему Тиграну-младшему, а с другой — «больше всего боясь,

¹ Манандян Я. А. Круговой путь Помпея в Закавказье. — ВДИ, 1939, № 4, с. 70—82; он же. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, с. 187—210.

² Plut., Pomp. 34.

³ Cass. Dio., XXXVI, 53,5.

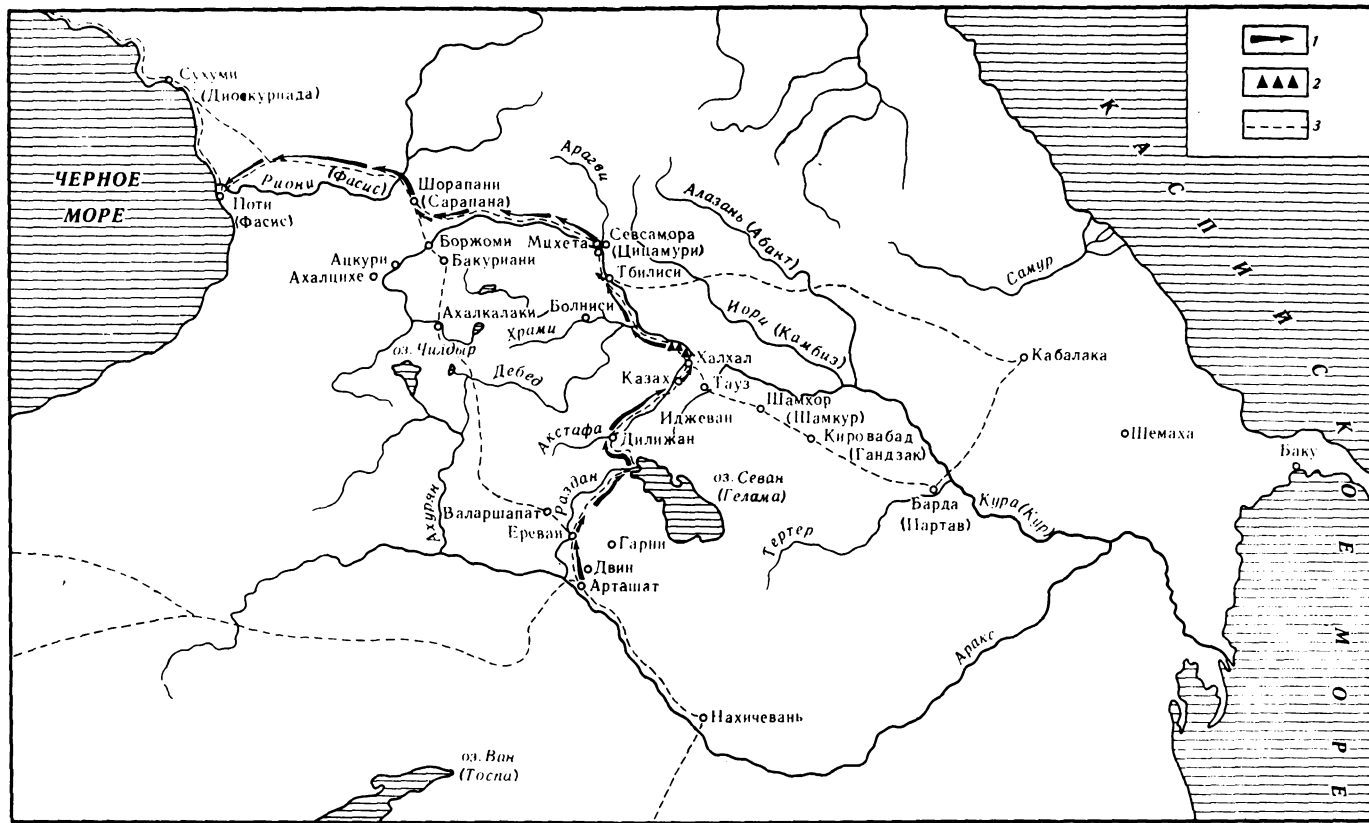

Рис. 1. Маршрут похода римлян в Закавказье (66—65 гг. до н. э.). 1 — маршрут похода Помпея из Армении в Колхиду; 2 — зимняя стоянка римских легионов; 3 — торговые пути

чтобы римляне не вторглись в Албанию» (... τὸ δὲ δὴ πλεῖστον δεῖσας, μὴ καὶ ἐς τὴν Ἀλβανίδα οἱ Ῥωμαῖοι ἐσβάλοισι...), напал на них под самый праздник Сатурналий, надеясь застать римлян, стоявших лагерями в нескольких местах, врасплох. Сам Оройс двинулся против Метелла Целера, у которого был Тигран, других же послал против Помпея, а третьих — против Луция Флакка, командовавшего третьей частью, с той целью, чтобы они, будучи одновременно приведены в смятение, не смогли помочь друг другу. Однако нигде ничего не удалось, сообщает Дион Кассий. Целер нанес жестокое поражение Оройсу, а Флакк, применив военную уловку, заманил албан во внешний ров, окружавший лагерь, и, неожиданно бросившись на них, многих перебил в схватке и во время бегства. В то же время Помпей, узнав о нападении албан на Целера и Флакка, двинулся навстречу выступившим против него и, разбив их, немедленно поспешил против Оройса. Однако захватить его не удалось, так как последний, будучи отбит Целером и получив известие о неудачах двух других отрядов, обратился в бегство. Между тем Помпей перебил много албан, застигнутых им при переправе через Куру. После этого Помпей по настоятельной просьбе албан заключил перемирие; ему очень хотелось отомстить им «вторжением в их страну» (ἐς τὴν γῶραν αὐτῶν ἀντεμβαλεῖν), но ввиду зимнего времени он охотно отложил свое намерение ⁴.

В другом месте своего труда, рассказывая о возвращении Помпея в Понт после похода в Иберию и Албанию в 65 г. до н. э., Дион Кассий замечает, что в этом году (т. е. 65/64 г. до н. э.) римское войско зимовало в той же области: «Помпей и тогда тоже провел зиму в Аспиде» (Πομπήιος δὲ ἐν τῇ Ἀσπίδι καὶ τότε ἐχειμάζεν) ⁵.

Этим исчерпываются сведения греческих источников о событии, имевшем место между 17 и 24 декабря 66 г. до н. э. на берегах Куры ⁶. Они, несомненно, восходят к единственному источнику — несохранившемуся труду Феофана Митиленского, сопровождавшего Помпея в закавказском походе и составившего его подробное описание ⁷.

Т. Моммзен одним из первых предложил локализацию зимовки римлян. По его мнению, римское войско расположилось на зимние квартиры на территории Армении, в местности между верховьями Евфрата и истоками Куры, «в которой тогда италики впервые напоили своих коней» ⁸. Ориентиром Т. Моммзену послужило указание Диона Кассия на «область Анаит, находящуюся в Армении и посвященную некоему эпонимному божеству» (...τὴν Ἀναίτιν γῶραν τῆς τε Ἀρμενίας οὖσαν καὶ θεῶ τινι ἐπωνύμῳ ἀνακειμένῃ) ⁹. Согласно Страбону и Плинию ¹⁰, эта область находилась в Акилисене (арм. Екелеац), называемой в честь богини Анаит «Анаитией» или «областью Анаит» и расположенной в северо-западной части Великой Армении, на Верхнем Евфрате (Кара-су) ¹¹.

Против предположения Т. Моммзена выступил Я. А. Манандян, специально изучавший этот вопрос. По его мнению, Анаитидой, или областью Анаит, у Диона Кассия названа не Акилисена, а совершенно другая область, находившаяся, с одной стороны, вблизи Куры, а с другой — там, где, как и в Акилисене, имелось святилище Анаит. А так как, по сообще-

⁴ Cass. Dio., XXXVI, 54,1—5.

⁵ Cass. Dio., XXXVII, 7,5.

⁶ Сатурналии (греч. Кронии) — ежегодный древнеримский праздник, справлявшийся семь дней с 17 декабря и отличавшийся особым весельем.

⁷ Neumann K. J. Strabons Landeskunde von Kaukasien. — Jahrbücher für classische Philologie, XIII, Lpz., 1983; Arnold C. Fr. Untersuchungen über Theophanes von Mitylene und Posidonius von Apamea. — Ibid., XIV, Lpz., 1884; Fabricius W. Theophanes von Mitylene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon. Lpz., 1888; Ali W. Strabon von Amasia. Bonn, 1957, S. 87—101.

⁸ Моммзен Т. Римская история. Т. III. М., 1887, с.106.

⁹ Cass. Dio., XXXVI, 48,1.

¹⁰ Strabo, XI, 14, 16; Plin., NH, V, 83.

¹¹ Моммзен. Ук. соч., с. 106.

нию Диона Кассия, войско Помпея в 65/64 г. до н. э. вновь зимовало на месте стоянки предыдущего года, но на этот раз это место названо не Анаитидой (Анаитией), а Аспией (²Ἀσπίς), то «это новое, не выясненное в историко-географических исследованиях название Aspis может быть сопоставлено с Caspiae Таблиц Певтингера». Отсюда, согласно Я. А. Манандяну, следует, что путь Помпея в направлении Куры, отраженный в Tabula Peutingeriana, должен был пролегать в сторону северо-западных границ древней Армении, из Арташата через нынешний Аштарак и Ганлиджку в совр. Хоспию (= Caspiae Таблиц), находящуюся к югу от г. Ахалкалаки. Именно здесь, по мнению Я. А. Манандяна, к северо-западу от Хоспии-Caspiae, на правом берегу Куры, между совр. городами Ахалцихе и Ахалкалаки, в древней области Гогарене (арм. Гугарк), и следует предположить зимние стоянки римских легионов в 66/65 и 65/64 гг. до н. э.¹²

С точкой зрения Я. А. Манандяна не согласился Г. А. Меликишвили, которому не представляется убедительным утверждение первого о том, что упоминаемая у Диона Кассия в связи с зимовкой 66/65 г. Анаитида — другая, отличная от Акилисены область¹³. Кроме того, по мнению Г. А. Меликишвили, для отождествления Aspis Диона с Caspiae Таблиц Певтингера нет достаточных оснований. Наоборот, считает Г. А. Меликишвили, из сообщения Диона Кассия следует, что в данном случае под «Аспис» скорее всего подразумевается та же Акилисена, поскольку сразу же после упоминания зимовки в Ἀσπίδι автор говорит о победе Помпея над еще сопротивлявшимися областями и о взятии Синории. Последняя находилась, как считают исследователи (в том числе и Я. А. Манандян), на Евфрате, к западу от совр. Эрзерума. К тому же из источников не следует, что эта область была к тому времени настолько арменизирована, что стала одним из центров культа богини Анаит, по имени которой и могла бы получить свое название. Поэтому Г. А. Меликишвили присоединяется к мнению Т. Моммзена, который местом зимовки римлян считал территорию между верхним течением Евфрата и истоками Куры¹⁴.

Анализируя те же сообщения источников, К. В. Тревер считает неубедительной как точку зрения Т. Моммзена (а следовательно, и Г. А. Меликишвили), так и Я. А. Манандяна. По ее мнению, Помпей намеревался нагнать Митридата в Колхиде, но, учитывая то обстоятельство, что по пути в Колхиду римское войско рисковало подвергнуться нападению со стороны иберов (пропустивших через свои земли понтийского царя, с которым они поддерживали дружественные отношения), решил идти другим маршрутом, а именно — напасть на Иберию с тыла, где его меньше всего ожидали, со стороны Албании. Круговым путем в Колхиду, но кратчайшим до Албании являлся известный торговый путь из Арташата на север, минуя Севанское озеро, через совр. Дилижанское ущелье к берегам Куры. Видимо, этим путем, полагает К. В. Тревер, и шел Помпей, так как именно этот путь давал ему возможность напасть на наиболее уязвимые области Иберии. Ввиду этого, по мнению К. В. Тревер, отпадает отождествление Я. А. Манандяном «области Анаит» (Анаитиды) у берегов Куры с храмовой землей в области Ἀσπίς (Caspiae — Хоспия) в районе между Ахалцихе и Ахалкалаки, поскольку Помпей, несомненно, шел из Арташата на север, а не на запад, выйдя к Куре в районе совр. гор. Казаха¹⁵.

По мнению И. Ш. Джавадова, К. В. Тревер ошибочно локализует зимнюю стоянку Помпея в 66/65 г. до н. э. на Куре, у гор. Казаха. Со-

¹² Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 74—75, 80—81; он же. Тигран Второй и Рим, с. 199 сл.

¹³ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 325.

¹⁴ Там же, с. 326.

¹⁵ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 92—93.

глашаясь с точкой зрения Я. А. Манандяна и пытаюсь уточнить место римских лагерей, И. Ш. Джавадов располагает их около гор. Ахалцихе, на правом берегу Куры, у станционного пункта Таблиц Певтингера, читаемого Я. А. Манандяном как *Ad Metcurium*¹⁶.

Исходя из сказанного, нетрудно заметить три основные точки зрения в решении вопроса о месте зимовки Помпея в 66/65 г. до н. э. Попытаемся разобраться в каждом из этих положений, основываясь на анализе сообщений источников, аргументации исследователей и географии Закавказья.

С одной стороны, точка зрения Т. Моммзена, которую поддерживает Г. А. Меликишвили, не учитывает прямых противоречий, возникающих между ясными указаниями источников на причину и следствие событий зимы 66/65 г. до н. э. и расстоянием до предполагаемого места их развития. Во-первых, как справедливо заметил Я. А. Манандян, совершенно невероятно, чтобы Помпей, который намеревался возобновить весной преследование Митридата и имел возможность повести свое войско в Колхиду по магистрали Таблиц Певтингера *Artaxata — Sebastopolis*, вернулся бы обратно на зимовку из Арташата на Араксе в район Верхнего Евфрата. К тому же крайне спорно предположение о зимовке одновременно и в Анаитиде-Акилисене и около Куры — в местах, расположенных друг от друга на расстоянии более 400 км¹⁷.

Во-вторых, как убедительно показала К. В. Тревер, Помпей шел из столицы Армении на север, в сторону Куры, а не на запад, в сторону Евфрата¹⁸. В-третьих, совершенно невозможно представить ситуацию, при которой сорокатысячное албанское войско (Плутарх) во главе с царем Оройсом могло скрытно и в столь короткий срок (притом зимой) оказаться одновременно в области Анаит в Акилисене и около Куры и напасть на римские лагерь с целью упредить возможное вторжение римлян в Албанию (Дион), расположенную на расстоянии не менее 300 км от истоков Куры и в три раза дальше от Акилисены на Евфрате. Этим аргументов вполне достаточно, чтобы признать необудительным предположение о локализации римских лагерей зимой 66/65 г. до н. э. в районе между Курой и Евфратом.

С другой стороны, точка зрения Я. А. Манандяна (и И. Ш. Джавадова) также вызывает возражения. Во-первых, как было отмечено Г. А. Меликишвили, вряд ли было безопасно устраивать зимовку в 66/65 г. до н. э. в столь северной горной области, граничащей с непокоренными территориями Колхиды и Иберии¹⁹. Во-вторых, как указала К. В. Тревер, в задачу Помпея входило обеспечение своего тыла сначала от албан, а затем уже от иберов. Поэтому локализация «области Анаит» у Хоспии (*Caspiae Таблиц*) должна отпасть, так как эта область нигде с Албанией не соприкасается²⁰. В-третьих, в случае зимовки римлян в районе между Ахалцихе и Ахалкалаки события приняли бы иное развитие: столкновение римлян на Куре должно было бы произойти не с албанами, а с иберами, что противоречит данным Плутарха и Диона Кассия²¹.

¹⁶ Джавадов И. Ш. О стоянке римских войск зимой 66/65 г. до н. э. в Закавказье. — Доклады АН АзербССР, 1960, № 7, с. 707—709.

¹⁷ Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 73. Попыта Г. А. Меликишвили (ук. соч., с. 325) обойти это затруднение предположением о том, что Кура в данном контексте (Дион Кассий) могла появиться под влиянием известных сообщений о столкновении римлян в начале зимы 66 г. до н. э. с албанами (или, как считает Г. А. Меликишвили, с иберо-албанами) на Куре, малоубедительна. Наши основные источники (Плутарх и Дион Кассий) не оставляют никаких сомнений относительно того, когда произошло это сражение (декабрь 66 г. до н. э.), где именно (область Анаит около Куры) и с кем именно (в обоих случаях только с албанами).

¹⁸ Тревер. Ук. соч., с. 93.

¹⁹ Меликишвили. Ук. соч., с. 326.

²⁰ Тревер. Ук. соч., с. 93.

²¹ Очевидно, с целью как-то сгладить противоречия, постоянно возникающие при интерпретации сообщений Плутарха и Диона Кассия о нападении на римлян в дни праздника Сатурналий *одних албан* во главе с Оройсом, с одной стороны, и локализа-

В-четвертых, зимой 66 г. до н. э. албанскому войску во главе с Оройсом незачем было преодолевать огромный трудный путь вверх по течению Куры только для того, чтобы между 17 и 24 декабря, в дни Сатурналий, оказаться на ее левом берегу, на чужой земле, в Гогарене, прямо перед лагерями Помпея, разбросанными от Ахалцихе до Ахалкалаки, а затем переправляться на ее правый берег и атаковать римлян. Из Албании в этот район вел более короткий путь, к тому же прямо в тыл римлянам и без опасной переправы через Куру у них на глазах, а именно через совр. Болниси, Триалети, Богдановку или Боржоми, Бакуриани по правому берегу Куры в район Ахалкалаки — Ахалцихе. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы албаны со своим сорокатысячным войском на расстоянии около 300 км от границ Албании рискнули бы напасть на овечьные славы блестящих побед, ведомые самим великим Помпеем римские легионы, состав которых Т. Моммзен и Я. А. Манандян определяют в более чем 50 тысяч одних только римлян (без вспомогательных войск союзников)²², а по подсчетам Т. Рейнака, даже 60 тысяч человек²³. При этом

цией римских лагерей в Алкилисене (Т. Моммзен, Г. А. Меликишвили) или в районе Ахалцихе — Ахалкалаки (Я. А. Манандян, И. Ш. Джавадов) — с другой, исследователи приводят высказывание Аппиана. Последний сообщает (Mithr. 103), что по пути в Колхиду за Митридатом на Помпея напали Оройс, царь албан, и Арток, царь иберов, с 70-тысячным войском, устроив ему задачу у реки Кирна (Куры). Помпей же, загнав врагов в лес, окружил его войском и поджег, а за выбегавшими оттуда до тех пор посылал погоню, пока ему не выдали заложников и не прислали даров. Это сообщение Аппиана либо приводилось без комментария (Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 74—75), либо служило аргументом в пользу тезиса о том, что сведения, вообще исключающие участие иберов в событиях зимы 66/65 гг. до н. э. (т. е. сведения Плутарха и Диона Кассия), маловероятны (Меликишвили. Ук. соч., с. 327), либо, наконец, дало повод для развития своеобразной идеи о некоем «третьем» сражении соединенных сил албан и иберов против римлян до декабря 66 г., будто бы «вынудившем» Помпея приостановить преследование Митридата и стать на зимние квартиры (Джавадов И. Ш. О сражении кавказских албанцев и иберов против римлян в 66 г. до н. э. — ВДИ, 1973, № 1, с. 154—159). Однако, как уже было давно отмечено в литературе, в данном сообщении Аппиана речь идет о тех же событиях, что у Плутарха и Диона Кассия, но у Аппиана они изложены суммарно и включают факты и 66 г., и следующего, 65 г. до н. э. (Оксенюк Р. Н. Роль Северного Причерноморья в борьбе Понта с Римом (II—I вв. до н. э.). Томск, 1953, с. 395; Тревер. Ук. соч., с. 93, прим. 7; 99; Ломоури Н. Ю. Сведения Диона Кассия о Грузии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), с. 98—99). Вот почему весь поход Помпея в Закавказье (т. е. кампании 66/65 и 65/64 гг. до н. э.) у Аппиана ограничивается лишь одним этим сообщением. К тому же численность «соединенных» сил албан и иберов (70 тыс.) у Аппиана скорее всего навеяна тем же источником, который использовал и Плутарх для своего труда, — 40 тыс. албан в сражении зимой 66 г. до н. э. на Куре и, по-видимому, 30 тыс. иберов (во главе с Артоком), которых Помпей разгромил в большом сражении в Иберии весной 65 г. до н. э. При этом Плутарх (Ромр. 34) указывает, что 9 тыс. иберов было перебито, а свыше 10 тыс. взято в плен. Более подробно о походе Помпея в Иберию в 65 г. до н. э. (а затем в Албанию) рассказывает Дион Кассий, однако он не приводит вообще никаких цифровых данных.

²² Моммзен. Ук. соч., с. 104; Манандян. Тигран Второй и Рим, с. 174.

²³ Reinach Th. Mithridate Eupator, roi du Pont. P., 1890, p. 382. Анализируя события зимы 66/65 г. до н. э., Я. А. Манандян в указанной статье приводит как версию Аппиана о нападении на римлян соединенных сил албан и иберов, так и версию Плутарха — Диона Кассия о нападении одних албан и при этом, однако, не ясно, какой из двух версий он отдает предпочтение (Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 74—75). В монографии же, объединяя обе версии, Я. А. Манандян считает, что, подготовляя свой поход в Колхиду за Митридатом, Помпей вступил в переговоры с царем иберов Артоком и царем албан Оройсом, которые обещали остаться нейтральными и беспрепятственно пропустить через свои земли римское войско. Однако то ли по подстрекательству Митридата, то ли с целью освободить Тиграна-младшего в середине декабря 66 г. до н. э. они напали на римлян, но были разбиты (Манандян. Тигран Второй и Рим, с. 200). Между тем уже с наступлением весны 65 г. Помпей вместо того, чтобы двинуться в Колхиду, считал необходимым обеспечить свой тыл со стороны Иберии. С этой целью римское войско неожиданно появляется перед двумя иберскими крепостями — Гармизкой (груз. Армазицихе), к югу от Куры, и Сеусаморой (груз. Цицамури), к северу от Куры, у Арагвы (Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 76; он же. Тигран Второй и Рим, с. 202). Исходя из этого получается, что Помпей действительно вместо того, чтобы спуститься с гор из района Ахалцихе — Ахалкалаки (расположенного на магистрали Artaxata — Sebastopolis Таблиц Пев-

большую часть из них составляли закаленные в сражениях предшествующих кампаний ветераны Лукулла и самого Помпея.

И, наконец, в-пятых, непонятно, по каким причинам исследователи прошли мимо весьма важного для нашей темы замечания Плутарха. Сразу же после сообщения о том, что албаны сначала согласились предоставить проход Помпею через свою страну, Плутарх отмечает, что, когда «зима застигла войско (Помпея) в (их) стране», албаны числом не менее 40 тысяч напали на римлян, переправившись через Куру. Это указание Плутарха во многом обуславливает дальнейшее развитие событий и разъясняет основную причину противоречий, возникающих при интерпретации наших источников. Из этого указания ясно следует, что, с одной стороны, зима застигла войско Помпея в албанской *τῆ χώρα* (Плутарх), а не за тридевять земель от нее. Вот почему албаны сначала будто бы согласились пропустить Помпея через свою страну, а затем во главе со своим царем Оройсом внезапно напали на римские лагеря одни, боясь вторжения римлян в Албанию (Плутарх, Дион Кассий). С другой стороны, «область Анаитиды» около Куры, где расположились зимние римские лагеря (Дион Кассий), также находилась в «их стране» (Плутарх). Вот почему после сражения на Куре Помпей хотел отомстить албанам вторжением в «их страну» (Дион Кассий)²⁴.

Исходя из сказанного, у нас есть все основания полагать, что локализация зимних римских лагерей в 66/65 г. до н.э. у Хоспии (Caspiae Таблиц Певтингера), между городами Ахалцихе и Ахалкалаки, противоречит данным источников (Плутарх, Дион Кассий) и логике событий.

Мнение же К. В. Тревер заслуживает особого внимания. Как было указано выше, согласно ее предположению, Помпей шел из Арташата на север и, минуя Севанское озеро, через Дилижанское ущелье вышел к правому берегу Куры в районе совр. гор. Казах, где и расположился на зимовку. По мнению И. Маркварта, этот путь из Армении в Албанию (а из Албании в Иберию) соответствует восточной половине кругового пути мировой римской карты (Таблиц Певтингера и Равеннского Анонима), ведущего из Арташата через Дилижанское ущелье вдоль р. Акстафы в долину Куры, к гор. Казаху, а затем вдоль правого берега Куры вверх по ее течению в древнюю столицу Иберии Армастику (Армазицхе)²⁵. Я. А. Манандян полагает, что именно этим путем (через Армению, как отметил Дион Кассий)²⁶ вел Помпей свои легионы из Колхиды в поход на Албанию в 65 г. до н.э.²⁷ С этой мыслью согласилась и К. В. Тревер²⁸.

Таким образом, если исходить из предложенной К. В. Тревер локализации зимней стоянки римских легионов в 66/65 г. до н.э. на правом бе-

тингера) в бассейн реки Риони (Фасис) и оттуда без особого труда прибыть в Севастополь (Поти), т. е. в Колхиду, за Митридатом, вдруг неожиданно совершает огромный крюк на восток (по Я. А. Манандяну, через Бакуриани — Боржомы или Ацкури — Боржомы, вдоль Куры вниз по ее течению до впадения Арагвы), к Тбилиси и Мцхета, только для того, чтобы обезопасить свой тыл от недавно напавшего на него и разбитого им Артока, успевшего к тому времени (даже вместе с Оройсом) не только прислать Помпею дары, но и выдать заложников и заключить мир (Аппиан). При этом также остается не ясно, каким образом Помпею удалось обезопасить свой тыл со стороны Албании и для чего тогда он вел переговоры с албанами о проходе через их земли (Плутарх).

²⁴ Здесь, очевидно, следует понимать указание Диона Кассия на политическую границу Албании, в этот период не совпадающую с этнической. О политических границах Албании см. Алиев К. Кавказская Албания. Баку, 1974, с. 83—123; Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. — В кн.: Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979, с. 10—18.

²⁵ Markwart J. Das Itinerär von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte. Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien. Wien, 1928. Эта дорога и сейчас связывает Ереван (через Казах) с Тбилиси.

²⁶ Cass. Dio., XXXVII, 3,3.

²⁷ Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 78; он же, Тигран Второй и Рим, с. 203.

²⁸ Тревер. Ук. соч., с. 96.

реку Куры, в районе гор. Казаха, то тогда все сообщения Плутарха и Диона Кассия о маршруте кавказского похода Помпея в 66—65 гг. до н. э. выстроится в четкую последовательную цепь событий²⁹.

Здесь следует вспомнить, что, согласно Диону Кассию, римское войско дважды зимовало в одном и том же месте, т. е., как следует из вышеизложенного, в районе Казаха. В первом случае это место связывается с «областью Анаит» — Анаитидой, а во втором — с Аспидой (Аспис).

Как известно, Анаит — богиня земли, воды, огня, плодородия — почиталась почти всеми народами Передней и Средней Азии³⁰. В Армении имела храмовая область, посвященная Анаит и расположенная в Акилисене (арм. Екелеац), на Верхнем Евфрате³¹. Выше уже указывалось, что Я. А. Манандян, опираясь на сообщения Диона Кассия об *Aspis*, локализует еще одну область Анаит в Гогарене, у пункта *Caspiae* (Хоспия), между Ахалцихе и Ахалкалаки, что, как мы попытались показать, противоречит данным Плутарха и Диона Кассия. К. В. Тревер со своей стороны считает, что в данном случае речь может идти о некоей храмовой земле или в районе древнего гор. Халхала, или в восточной части сопредельной с Албанией и Иберией Гогарены³², входившей в этот период в состав Великой Армении³³. Однако, с одной стороны, если войско Помпея зимовало в «области Анаитиды и около Куры» (Дион Кассий), т. е., согласно предположению К. В. Тревер, в районе Казаха, то, следовательно, область Анаит — Анаитида (а также и Аспида) должна была находиться в том же районе. Это тем более вероятно, что, кроме Диона, область Анаит около Куры больше не упоминается ни одним источником³⁴. С другой стороны, древний город Халхал, в районе которого, как полагает К. В. Тревер, имела некая храмовая земля, был расположен именно вблизи Казаха³⁵, согласно предположению С. Т. Еремяна, в низовьях реки Акстафы³⁶. Этот город в III в. н. э. еще являлся зимней резиденцией армянских царей³⁷, но, по-видимому, в конце IV в. окончательно перешел

²⁹ Подробно о событиях 65 г. до н. э. см.: *Манандян*. Круговой путь Помпея в Закавказье, с. 76—81; *он же*. Тигран Второй и Рим, с. 202—206; *Тревер*. Ук. соч., с. 96—107.

³⁰ *Wikander S.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Uppsala, 1946, S. 67; *Тревер*. Ук. соч., с. 151; *Дандамаев М. А.*, *Лукин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 313 сл.

³¹ *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1959, с. 8.

³² *Тревер*. Ук. соч., с. 93.

³³ Там же, с. 150 сл.

³⁴ По мнению К. В. Тревер, «область Анаит около Куры» у Диона Кассия была расположена в восточной части Гогарены (ук. соч., с. 93, 151). Однако непонятно, что именно привело К. В. Тревер к такому предположению, ибо оно никак не вытекает из ее же анализа сведений Диона Кассия. В той же восточной части Гогарены, в районе Цуртава (около совр. Шаумяни), недалеко от границы Албании и Иберии, помещает «область Анаит» С. Т. Еремян (Атлас Армянской ССР, 1961, с. 104, карта «Армения в I—IV вв.»).

³⁵ *Hübschmann H.* Die altarmenischen Ortsnamen.— In: *Indogermanische Forschungen*. Bd. XVI, H. 3—5. Strassburg, 1904, S. 272. К. В. Тревер не только принимает данную локализацию (ук. соч., с. 264 сл.), но и считает, что Халхал находился на скрещении военных и торговых путей, ведущих отсюда в Иберию, к Мцхете, и в Армению, к Двину и Валаршпату (ук. соч., с. 227).

³⁶ *Еремян С. Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов.— ВДИ, 1939, № 1, с. 85. К. В. Тревер считает, однако, что в данном случае речь идет не об албанской храмовой земле, так как Помпей за Куру не переходил, а остался на ее правом берегу (ук. соч. с. 93); области же правобережной Куры до IV в. н. э. входили в состав Армении, а затем были воссоединены с Албанией (ук. соч., с. 46, 58, прим. 8). Между тем в другом месте своей работы К. В. Тревер все же отдает предпочтение локализации храмовой области Анаит в западной части Албании, именно в районе Халхала (ук. соч., с. 152), что противоречит ее же мысли о локализации «области Анаит» Диона в Гогарене.

³⁷ *Agathangelos*. History of the Armenians. Trans. and Comm. by R. W. Thomson. Albany, State University of New York Press, 1976, p. 45.

к Албании и стал именоваться в источниках зимним местопребыванием албанских царей³⁸.

Итак, если исходить из локализации «области Анаит» — Ἀναίτις (а следовательно, и Ἀσπίς) Диона Кассия на правом берегу Куры, в районе древнего Халхала (около гор. Казаха), то возникает вопрос, что именно следует понимать под названием Ἀσπίς³⁹.

Страбон в описании Албании сообщает, что «из богов они (албаны) почитают Гелиоса, Зевса и Селену, в особенности же Селену; есть и святилище ее (Селены) вблизи Иберии. Жречествует (в нем) человек, самый уважаемый после царя; (он) стоит во главе храмовой области, обширной и хорошо населенной, и (во главе) иеродулов...»⁴⁰. Говоря о религии албан, Страбон называет греческими именами албанские божества Солнца, Неба и Луны. Именно эти три божества иранского происхождения — Митр (Митра), Ахурамазда и Анаит — в числе главных богов входили в пантеоны персов⁴¹, мидян⁴², армян⁴³, а также албан⁴⁴ и других народов. Храмовые области, посвященные божеству Луны (именуемому Страбоном Σελήνη или Μήνη), имелись в Каппадокии (Комана), Понте (Комана, Зела, Америя), во Фригии⁴⁵. По сообщению Страбона, этому же божеству Луны была посвящена и храмовая область (ἱερά χώρα) в Албании со святилищем (храмом) (τὸ ἱερόν) Луны, находившимся вблизи границ Иберии (τῆς Ἰβηρίας κλησίον). Опираясь на это сообщение, исследователи помещают албанскую храмовую область Луны то у слияния рек Иори и Алазани⁴⁶, то на месте совр. гор. Шеки⁴⁷, или исторической области Шаки (охватывающей современные территории Шекинского, Кахского, Закатальского и Белоканского районов Азербайджанской ССР)⁴⁸, но главным образом на среднем течении р. Алазани, в Восточной Кахетии⁴⁹. По мнению же К. Алиева, в Албании было два святилища: одно — святилище Анаит на правом берегу Куры между реками Акстафачай и Таузчай, другое — святыня Луны (Селены) недалеко от Иберии⁵⁰. Однако божество Луны в условиях Албании, по-видимому, соответствовало культу бог. ни Анаит, как считают исследователи⁵¹, которые не сделали долж-

³⁸ *Египт.* О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971, с. 77; The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Trans. and Comm. by C. J. Dowsett. L., 1961, p. 67.

³⁹ Тот факт, что «Аспиду» Диона Кассия некоторые историки отождествляют с его же «Анаитидой», дала им основание читать «Anaitis» вместо «Aspis» (Fabricius W. Dio's Roman History. — In: Loeb Classical Library, v. III, 1954, p. 113, not. 1).

⁴⁰ *Strabo*, XI, 4, 7.

⁴¹ *Дандамаев, Луконин.* Ук. соч., с. 312 сл.

⁴² *Дьяконов М. М.* История Мидии. М.—Л., 1956, с. 373 сл.; *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960, с. 306 сл.

⁴³ *Тревер.* Ук. соч., с. 151; *Периханян.* Ук. соч., с. 79 сл.

⁴⁴ *Алиев.* Кавказская Албания, с. 331, 334 сл., 352.

⁴⁵ *Strabo*, XII, 2, 3; XII, с. 3, 31—32.

⁴⁶ *Шопен И.* Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866, с. 363.

⁴⁷ *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классическая Албания). Шеки.— В сб.: Памяти акад. Н. Я. Марра. М.—Л., 1938, с. 371.

⁴⁸ *Лукаси В.* Некоторые замечания к сведениям Страбона о «языках» Албании.— Известия АН Азерб. ССР. Сер. истории, философии и права, 1972, № 3, с. 153.

⁴⁹ По-видимому, впервые эта точка зрения была высказана И. А. Джавахишвили (*Меликишвили.* Ук. соч., с. 408), а затем поддержана А. И. Болтуновой (Очерки истории СССР. Т. I. М., 1956, с. 441), Г. А. Меликишвили (ук. соч., с. 409), Н. Ю. Ломоури (реф. на кн.: *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.— ВДИ, 1960, № 3, с. 190) и другими учеными. Однако эта точка зрения (из-за отсутствия исторических фактов) сложилась в научной литературе скорее по традиции предположений, чем по убедительности аргументов.

⁵⁰ *Алиев.* Кавказская Албания, с. 311, прим. 1, с. 313. Где именно могло находиться святилище Луны (Селены), автор не уточняет. По-видимому, также на Алазани. К. В. Тревер считает возможным полагать (ук. соч., с. 302), что именно на территории Кахского района и находился тот храм Луны (Селены), о котором говорит Страбон.

⁵¹ *Тревер.* Ук. соч., с. 151 сл.; *Алиев.* Кавказская Албания, с. 353, 356.

ного вывода из своего важного наблюдения. Следовательно, можно предположить, что «область Анаитиды» (а также Аспида) около Куры Диона Кассия и храмовая область со святилищем Луны вблизи Иберии Страбона — одно и то же место. Это тем более вероятно, что Страбон, который черпал сведения у того же Феофана Митиленского⁵², как и Дион Кассий, говорит лишь об одной храмовой области в Албаниг, а не о двух⁵³. Но «область Анаит» — Анаитида (она же Аспис) Диона Кассия, по-видимому, находилась на правом берегу Куры, в районе древнего Халхала (около Казаха). Халхал же был расположен в области Гардман, провинции Ути (арм. Утик, греч. Отене)⁵⁴, вблизи границ Иберии⁵⁵. Ути получила свое название от обитавшего к югу от среднего течения Куры многочисленного племени утиев, одного из основных албанских племен⁵⁶. Их потомки — удины — и ныне живут в нескольких селениях Азербайджанской ССР⁵⁷. Язык удин (утиев) принадлежит к иберийско-кавказской группе языков, лезгинской подгруппе⁵⁸ и в неизменном виде сохранил целый ряд древних исконных; слов⁵⁹, в том числе и слово «луна» — *Наš*⁶⁰. Отсюда нетрудно допустить, что именно этим утийским словом *Наš* (луна) и обозначалось название албанской храмовой области со святилищем Луны. Но, как было указано выше, храмовая область Луны Страбона, расположенная вблизи Иберии, по-видимому, соответствует области Анаит-Аспис Диона Кассия, также расположенной вблизи границ Иберии, в районе совр. гор. Казаха. Именно на западной окраине Казаха на холме Сары-тепе (желтый холм), над пиром (святым местом) эпохи бронзы в результате раскопок были выявлены остатки большого культового помещения и базы колонн, датирующихся V—VI вв. до н. э.⁶¹ При этом, что особенно важно подчеркнуть, подобные культовые сооружения на Кавказе и в других местах неизвестны⁶². В этом комплексе и предполагается то самое свя-

⁵² Алиев К. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании. — Доклады АН АзербСССР, 1960, № 4, с. 419—422.

⁵³ В противном случае Страбон непременно упомянул бы еще одну священную область (как, например, в Понте), так как пользовался не только сочинением Феофана, но и другими источниками (Алиев К. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании. — В сб.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 6—31).

⁵⁴ Армянская география VII в. по Р. Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому. Пер. К. Патканова. СПб., 1877, с. 51; Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III—VII вв. — В сб.: Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958, с. 303.

⁵⁵ Егишэ. О Вардане, с. 77.

⁵⁶ Еремян. Экономика и социальный строй Албании, с. 303—305; Тревер. Ук. соч., с. 46—47; Алиев И. Ук. соч., с. 65—67; Алиев К. Кавказская Албания, с. 127—133; Гукасян В. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII—IX вв.» — Известия АН АзербСССР, 1968, № 4. Сер. истории, филос. и права, с. 118 сл. и др.

⁵⁷ Еремян. Экономика и социальный строй Албании, с. 305; Тревер. Ук. соч., с. 47, 312; Шанидзе А. Язык и письмо кавказских албанцев. — Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, отд. оттиск. М., 1960, с. 14—15; Алиев К. Кавказская Албания, с. 130—131; и др.

⁵⁸ Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, с. 16, 251.

⁵⁹ Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев, с. 11—12, 14; Гукасян. К освещению некоторых вопросов, с. 117, прим. 11 и др.

⁶⁰ Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев, с. 12; Гукасян. Некоторые замечания к сведениям Страбона о «языках» Албании, с. 155. Интересная, но не самая лучшая гипотеза Ж. Дюмезиля, рассматривающая удинское *гаш* (луна) как простое перенесение армянского *хач* (крест) на дохристианское (главное) божество Албании — Луну (*Dumézil G. Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase.* — In: *Mélanges Asiatiques*, ССХХ, 1941, fasc. 1, 129—130), совершенно неубедительна прежде всего с исторической точки зрения. См. Ямпольский З. И. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку, 1962, с. 34—35; Гукасян. Некоторые замечания к сведениям Страбона о «языках» Албании, с. 154 сл.

⁶¹ Халилов Дж. А. Поселение на холме Сары-тепе. — СА, 1960, № 4, с. 68—75; Нариманов И. Древнее «святилище» (пир) в Казахском районе позднебронзового периода. — Доклады АН АзербСССР, т. 16, 1960, № 2, с. 207—210; он же; Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. — СА, 1960, № 4.

⁶² Халилов. Поселение на холме Сары-тепе, с. 72.

тилище главного албанского божества — Луны, которое отметил Страбон у границ Иберии⁶³. Сказанное дает основание предположить, что, с одной стороны, удинское (утийское) слово Naš (луна), по-видимому, соответствует греч. Ἀσ(π)-ις Диона Кассия⁶⁴, а с другой — самому топониму Kas-ah (Kas-al, Kaz-ah), этимология которого до сих пор неясна⁶⁵.

Вполне возможно, что именно в этой связи находится и название одного из важных епархиальных центров Кавказской Албании — Našu, не поддающегося точной локализации. Анализируя данные Таблиц Певтингера и Равеннского Анонима, С. Т. Еремян считает, что большая станция Iazo Таблиц или, правильнее, Iazo Анонима является греко-латинской транскрипцией албанского названия Našu в армянской передаче. Исходя из расстояния, указанного на карте, пункт Iazo (гесп. Našu), по мнению С. Т. Еремяна, следует локализовать западнее совр. Кировабада⁶⁶. Однако в топониме Naš-u трудно не узнать то же удинское (утийское) слово Naš — луна. Отсюда следует, что Naš-u, по-видимому, соответствует, с одной стороны, (H)As-p-is Диона Кассия и Iazo (гесп. Našu) Равеннского Анонима а с другой — топониму Kash-ah, который может быть локализован к западу от гор. Кировабада. О важном значении Našu как одного из центров общественно-политической и религиозной жизни Албании прежде всего говорит тот факт, что епископ Йунан из Našu в списке участников Алуэнского собора в Албании 488 г. назван сразу же после царя Вацагана Благочестивого, Шухалишо, архиепископа (католикоса) Партава, и Манасе, епископа Капалака⁶⁷. Появление обыкновенного епископа из Našu на почетном (третьем) месте в иерархии албанского клира, после упоминания архиепископа и епископа из двух важнейших городов Албании — столицы Партава и бывшей столицы Капалаки, едва ли случайно. И 200 лет спустя Симеон, епископ Naš-u (приводится в форме Ноš, что очень важно), в списке участников Партавского собора 704 г. упоминается на том же самом третьем месте, после католикоса Албании Симеона и Иоанна, епископа Капалака⁶⁸. Все это дает основание полагать, что этот центр сохранил за собой особое место и в христианской Албании, будучи главным святилищем страны в дохристианский период, связанным с наиболее почитаемым в Албании культом божества Луны.

Суммируя сказанное, можно заключить, что в 66/65 и 65/64 гг. до н. э. римские легионы Помпея дважды зимовали на территории албанской храмовой области, посвященной главному божеству Албании — Луне (Анаит), на правом берегу Куры, в районе гор. Казаха, в названии которого, по-видимому, и закрепилось удинское слово «луна». Именно здесь римляне и могли наблюдать тот языческий ритуал жертвоприношения, который сохранил для истории Страбон.

Ю. Р. Джафаров

⁶³ Нариманов. Древнее «святилище» (пир) в Казахском районе, с. 210; Ямпольский. Древняя Албания III—I вв. до н. э., с. 40—41. Название «желтый» холм (сары-тепе) в значении цвета луны, по З. И. Ямпольскому, свидетельствует о чертах пиров, сходных с элементами дохристианских (астральных) культов (ук. соч., с. 39).

⁶⁴ Выпадение в греч. варианте начального h — явление, часто встречающееся при передаче на греческий иноязычных терминов. Появление же л в корне слова Ἀσπ-ις у Диона, возможно, связано либо с влиянием предыдущего глухого спиранта š, отсутствующего в греческом, либо просто с ошибкой переписчика: ἐν τε τῇ ΑΣΕ | → → ΑΣΕ | → ΑΣΠ. Лишняя буква ν имеется, например, в корне слова Κύβρος того же Диона Кассия и Плутарха; правильное чтение Κύβρος, как у Страбона.

⁶⁵ Minorsky V. Transcaucasia. — Journal Asiatique, Juil., 1930, p. 73—90.

⁶⁶ Еремян. Торговые пути Закавказья, с. 88.

⁶⁷ The History..., trans. by Dowsett, p. 50; Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Критический текст и предисловие В. Д. Аракеляна. Ереван, 1983 (на арм. яз.), с. 89.

⁶⁸ The History.... trans. by Dowsett, p. 194; Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк, с. 300.

According to Dio Cassius, while Pompey was campaigning in Transcaucasia the Romans wintered twice in the same place. In the first case (66/65 B. C.) Dio calls this place «the Anaït district near the Koura»; in the second (65/64) he calls it Aspia (Aspis). Some historians have placed Dio's «Anaït district» in Acilisene, between the Upper Euphrates and the sources of the Koura (Th. Mommsen, G. A. Melikishvili), others put it either in the western part of Gogarene, between the cities Akhaltsikh and Akhalkalaki (e. g., Ya. A. Manandyan), or in eastern Gogarene (K. V. Trever). Study of the sources led the author to conclude that the Romans had their winter quarters in the Albanian temple district, an area dedicated to the Moon goddess (Anaït) whose cult was the most highly esteemed in pre-Christian Albania. This sacred area lay along the right bank of the Koura near the modern city Kazakh, in whose name the Udinian word for «moon», Khaš, is apparently preserved.

К ИСТОРИИ ИЗОБРЕТЕНИЯ АНТИЧНЫХ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ТОКАРНЫХ УСТРОЙСТВ

Античный период характеризуется дальнейшим развитием и распространением сложных орудий труда¹. Именно с этим периодом связывается возникновение токарных устройств для обработки дерева, выявление конструкции которых и их технологического назначения составляет цель настоящей работы. Токарные же станки как таковые появляются лишь начиная с XIV—XV вв. н. э., т. е. в позднем средневековье. Поэтому будем иметь в виду условность принятого в исторической литературе термина «станок», используемого в обзорной части работы.

Нельзя не отметить, что у каждого ученого, касавшегося вопросов токарного дела, было собственное представление о назначении станка, его устройстве, месте и времени изобретения. Так, Ф. М. Фельдхаус отмечает, что обрабатываемая заготовка в изображении станка из гробницы Петосириса эллинистической эпохи находилась в вертикальном положении, и считает это доказательством происхождения станка от вертикального сверлильного приспособления² (первое изображение которого в Египте относится к середине III тыс. до н. э.). Ту же мысль повторяет А. Рит³. Н. И. Сокольский, однако, доказал, что, судя по загнутым вниз опорам, станок имел горизонтальную ось вращения заготовки⁴. По его мнению, изобретение токарного станка было сделано на основе опыта долговременного употребления лучкового сверла и гончарного круга⁵.

Фельдхаус полагает, что упомянутый станок предназначался для точения металла⁶. О подобном назначении станка говорили и Е. Пернис⁷, и Р. В. Шмидт⁸, но, как правильно заметил В. И. Кадеев, металлоре-

¹ Шухардин С. В. История науки и техники. Ч. 1. М., 1974, с. 17.

² Feldhaus F. M. Die Technik der Antike und des Mittelalters. Lpz, 1931, S. 113, Abb. 143.

³ Rieth A. Drechsler und Drehbank im Wandel der Zeit. Dortmund, 1973, S. 2.

⁴ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 192.

⁵ Там же, с. 191.

⁶ Feldhaus. Op. cit., S. 113.

⁷ Pernice E. Untersuchungen zur antiken Toreutik.— ÖJh, VII, 1904, S. 164.

⁸ Шмидт Р. В. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, 1935, вып. 8, с. 319.

жущий станок не мог быть оснащен лучковым приводом⁹ (добавим: и шнуровым), поскольку при точении металла резец должен находиться под стружкой от начала врезания до конца прохода, что исключает применение привода возвратно-вращательного движения. При повторных врезаниях вместо гладкого цилиндра получался бы ступенчатый валик.

А. Вонсович предположила, что в античности наряду с вертикальным должен был существовать и горизонтальный станок, даже и с ножным приводом, поскольку тот был известен для гончарного круга¹⁰, но эта гипотеза ничем не обоснована. Достаточно сделать сопоставление обеих передач, чтобы ее опровергнуть.

Известны двухдисковые гончарные круги с вращением нижнего диска ногами, как это изображено на стенах храма Осириса (у Асуана) III в. до н. э.¹¹ (Любопытно отметить, что кругам, на которых работают баранье-головый бог Хнум и обожествленный фараон Пта, рисовальщик придал вид стилизованного цветка лотоса, а комку глины — форму солнечного бога Ра, по верованиям египтян выраставшего из цветка при сотворении мира...) Но для ножной передачи вращения на горизонтальную ось требовался либо кривошипношатунный механизм, подобный изображенному на недатированной гемме, где амур с колчаном за спиной затачивает на точиле наконечник своей стрелы¹² (кривошип появился в середине IX в. н. э.¹³), либо педальный шнуровой привод, который был изобретен еще позднее.

Н. И. Сокольский также допускает возможность существования античного токарного станка с ножным приводом¹⁴, но предположение это не мотивирует.

Ф. Питри пишет, что в Египте «...токарный станок был неизвестен даже в римский период; и любопытно, что круглые выступы на деревянных ножках табуретов — все ручной работы в подражание выточенным на станке, который, как кажется, существовал в Сирии»¹⁵. Фельдхаус сомневается, был ли станок изобретен в Египте или заимствован из Азии¹⁶. Рит склонялся к египетскому происхождению станка, однако не отвергал возможности изобретения его в Малой Азии, на Крите или в Греции, где во II тыс. до н. э. бурно развивалась городская культура (и отмечено производство токарных работ)¹⁷. Вонсович высказывает предположение об изобретении станка в Малой Азии во II тыс. до н. э.¹⁸ Вслед за Ритом Вонсович считает основным условием развития токарного дела применение железных инструментов. С. Лилли датирует изобретение станка если не XII—X, то уже наверняка VIII в. до н. э.¹⁹ Г. Кларк полагает, что станок принесли с собой этруски при колонизации Северной Италии в VI в. до н. э.²⁰ Наконец, Сокольский утверждает, что станок был изобретен на Балканах, связывая его появление в конце II тыс. до н. э. с широким распространением прочных и острых резцов из закаленного железа²¹ (добавим: с предварительной цементацией, преобразующей низкоуглеродистое железо в принимающую закалку сталь, как это было открыто хет-

⁹ Кадеев В. И. О времени появления металлорежущего станка в Херсонесе.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 149 сл.

¹⁰ Wąsowicz A. Obróbka drewna w starożytnej Grecji. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, p. 75.

¹¹ Rieth A. Die Entwicklung der Töpferscheibe. Lpz, 1936, S. 67, Abb. 68a, b.

¹² Neuburger A. Die Technik des Altertums. Lpz, 1919, S. 54, Abb. 65.

¹³ Лилли С. Люди, машины и история. Пер. с англ. М., 1970, с. 77.

¹⁴ Сокольский. Ук. соч., с. 193.

¹⁵ Petrie W. M. F. Social Life in Ancient Egypt. L., 1924, p. 153.

¹⁶ Feldhaus. Op. cit., S. 113.

¹⁷ Rieth. Drechsler und Drehbank..., S. 3.

¹⁸ Wąsowicz. Op. cit., p. 134.

¹⁹ Лилли. Ук. соч., с. 41.

²⁰ Кларк Г. Доисторическая Европа. Пер. с англ. М., 1953, с. 217.

²¹ Сокольский. Ук. соч., с. 192, 193.

тами еще в XV в. до н. э.²²). Правильнее было бы сказать, что использование «железных» (стальных) топоров и пил открывало широкий доступ к дереву как к легкодоступному сырью для изготовления предметов утвари.

Ученые не могли не знать, что древнейшими, бесспорно точеными деревянными изделиями были плоские тарелки и блюда диаметром до 0,3 м. Отсюда предположение, что подобные детали вытачивались не на центровом, а на шпиндельном токарном станке, только на котором будто бы и могли быть изготовлены эти изделия. Рит указывает, что приводным шнуром в этом случае обматывалась не заготовка, а шпиндель, на выступающем конце которого была закреплена заготовка. Он относит появление шпиндельного станка к VII в. до н. э.²³, а Р. С. Вудбери — к VIII в. до н. э.²⁴ Сокольский также высказывается в пользу существования шпиндельного станка, который, как он считает, мог быть схож со станком средневекового Новгорода, реконструированным Б. А. Колчиным. Сокольский сдвигает дату появления шпиндельного станка на VI—V вв. до н. э., но тогда становится непонятным, на чем же были обработаны плоские изделия VII в. до н. э.²⁵

Реконструировав и даже воспроизведя из дерева токарный станок римского времени, предназначенный для обтачивания изделий из цветных металлов, А. Мутц также оснастил его шпинделем²⁶, причем с фланцевым концом, характерным для XX в., и ускорительной шкиворемленной передачей вращения, появившейся в XVI в. Пример этот показывает, какую осторожность должен соблюдать исследователь при реконструкции орудий труда древней техники, дабы избежать анахронизма.

Данная работа призвана рассеять заблуждения относительно применения шпиндельного станка. Полагаем, что идея шпинделя, т. е. вала на двух опорах, служащего для передачи вращения обрабатываемой заготовке, установленной на его консольном конце, вызрела значительно позднее. Токарный станок со шнуровой передачей возвратно-вращательного движения, при которой один конец шнура прикреплен к потолочной плоской деревянной пружине, а другой — к педали, изображен во французской рукописи XIV в.²⁷ Шпиндель, однако, здесь отсутствует: заготовка насажена на середину оправки, находящейся в двух опорах. И лишь деревообрабатывающий токарный станок 1485 г. Леонардо да Винчи оснащен шпинделем в виде кривошипа, на выступающем конце которого имелись поводковые зубцы, врезавшиеся в торец заготовки при вращении рукоятки заостренного винта в правой стойке, являвшейся подобием задней бабки²⁸ (рис. 1).

Особняком стоят высказывания Мутца. Отрицая какую бы то ни было связь токарного станка с лучковым сверлом и гончарным кругом, Мутц считает, что станок с горизонтальной осью был изобретен для точения твердых материалов, в то время как круг с вертикальной осью был пригоден только для формования материала пластичного — глины. Он замечает, что современные карусельные станки с вертикальной осью вращения существуют только потому, что возникла необходимость обработки тяжелых деталей. Однако, как говорит он, если бы перенести их сложную конструкцию во времена возникновения токарного дела, то построение на этой базе токарного станка было бы, по его словам, невозможно²⁹.

²² *Кларк*. Ук. соч., с. 201.

²³ *Rieth*. *Drechsler und Drehbank...*, S. 4.

²⁴ *Woodbury R. C.* *The History of the Lathe to 1850*. Cleveland (Ohio), 1961, p. 20.

²⁵ *Сокольский*. Ук. соч., с. 191.

²⁶ *Mutz A.* *Die Kunst des Metaldrehens bei den Römern*. Basel — Stuttgart, 1972, S. 39.

²⁷ *History of Technology*. V. II. Oxf., 1956, p. 645.

²⁸ *Feldhaus F. M.* *Die Maschine im Leben der Völker*. Basel — Stuttgart, 1954, S. 291, Abb. 198.

²⁹ *Mutz*. *Op. cit.*, S. 17.

Ниже будет показана ошибочность выдвинутой им концепции.

Приведенный обзор высказываний ученых демонстрирует неразработанность исследований начальной истории токарного дела, являвшегося одним из составляющих технического прогресса, обусловившего крупный сдвиг в области материального производства в Греции в период VIII—VI вв. до н. э. Обзор выявляет также отсутствие единого мнения о становлении различных типов деревообрабатывающих устройств, их конструкции и использования для вытачивания изделий, различающихся конфигурацией, размерами и масштабом производства. В стороне оставался также вопрос о том, какие отрасли общественного производства вызвали к жизни тот или иной тип устройства.

Как это ни покажется странным, почти не обращено внимание на такое распространенное в древнем мире орудие труда, как круг в его многообразном применении. Из дальнейшего станет ясно, какую значительную роль сыграл круг и в развитии токарного дела.

Круг — основное обрабатывающее орудие древней техники

Использование вращательного движения для создания орудий труда явилось скачком в истории техники, привело к появлению круга. Будучи внедрен на древнем Востоке в IV тыс. до н. э. с использованием в качестве гончарного, круг состоял из диска, свободно насаженного на заделенную в землю ось³⁰.

Египетские гончарные круги начала II тыс. до н. э. уже не столь примитивны. По изображению кругов на стене храма в Бени-Гасане XIX в. до н. э. можно судить, что диск вместе с осью вращался в глухом (несквозном) отверстии неподвижного основания³¹. Такая конструкция представляла собой инверсию (обращение) раннего устройства и преследовала цель повышения устойчивости диска.

Как указал С. А. Семенов, круг уже со времен IV династии стал использоваться и для расшлифовывания на нем каменных сосудов³² (судя по концентрическим окружностям, оставшимся незаполированными в некоторых из них). Крепление сосуда на диске производилось увлажненной глиной, обладающей, как известно, высокой адгезией³³. Отметим, что длина вращающейся с диском оси была увеличена, как это просматривается на изображении кругов из Эль-Берше эпохи XII династии³⁴. Такое удлинение направляющей базы потребовалось для повышения боковой устойчивости диска. Одновременно должно было снизиться биение диска, а за счет увеличения высоты круга от основания с 0,25—0,3 до 0,5 м возрости удобство работы при выполнении и гончарных операций.

Составляя в Каирском музее каталог каменных сосудов, Ф. В. Биссинг обнаружил поясок, разделявший верхнюю и нижнюю части некото-

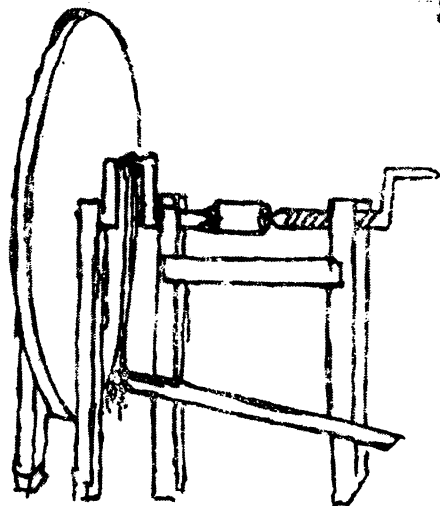

Рис. 1. Деревообрабатывающий шпиндельный токарный станок Леонардо да Винчи. 1485 г. (по Ф. М. Фельдхаусу)

³⁰ Августиник А. И. К истории развития формирования керамических изделий методом вращения. — Труды Ленинградского технологического Ин-та им. Ленсовета. Л., 1954, вып. 28, с. 9.

³¹ Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 43, Abb. 32.

³² Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 78.

³³ Энциклопедия полимеров. Т. I. М., 1972, статья «Адгезия».

³⁴ Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 43, Abb. 31.

рых из них. По его предположению, поясok получался при обтачивании сосудов на токарном станке³⁵. Догадка эта неправильна — и из-за невозможности построить в древнем Египте подобный силовой станок для точения камня, и вследствие отсутствия стали, необходимой для изготовления резца. Кроме того, если бы токарная обработка и была осуществлена, стыковка поверхностей выполнялась бы впритык, без какого-либо пояска, поскольку проходу резца ничего не мешало.

Появление пояска легко объясняется тем, что сосуды в два постанова, т. е. с перевертыванием, шлифовали снаружи на круге, закрепляя их влажной глиной. Глина, заклепавшая часть прилежавшей к диску поверхности сосуда, мешала подходу шлифовального камня, порой не давая возможности увидеть несостыкованность поверхностей. После того как сосуд снимался с круга и отмывался от глины, иногда обнаруживался недошлифованный поясok, по современной терминологии — исправимый брак. Поясок тщательно зашлифовывался вручную, однако исследователь его заметил.

Мы обратили внимание на тонколистовые медные изделия из Дашура (период Среднего царства), склепанные из двух частей. К ним относятся: крышки с ручкой, глубокий тазик с чашкой³⁶. Тот же прием прослеживается на египетских сосудах закрытой формы из Государственного Музея образительных искусств им. А. С. Пушкина: сосуд XI в. до н. э. склепан с высокой подставкой, сосуд VI в. до н. э. имеет приклепанное дополнительное доньшко³⁷, на них заметны винтовые следы. Это дает основание утверждать, что перечисленные изделия изготовлялись при обкатывании их на круге. Технологические отверстия, которые затем необходимо было заглушать тем или иным способом, появлялись потому, что круглая заготовка одним или несколькими коваными гвоздями прибивалась кверху деревянной оправки, установленной на диске. Затем диск приводился во вращение, тогда как новым инструментом — давилником, подаваемым от центра заготовки к ее периферии, создавалась локальная зона пластической деформации, перемещавшаяся по винтовой линии³⁸, что и позволяло обкатать заготовку по форме оправки. В случае изготовления сосуда закрытой формы, не снимаемой с оправки, последняя выжигалась. Таково было применение круга для выполнения обкатной операции. Первоначально тонколистовые изделия на оправке выбивались (техника Старого царства Египта, XXVII—XXII вв. до н. э.³⁹).

Как полагает В. Вжешински, в изображении из гробницы Хапу (XIV в. до н. э.) показаны сосуды в форме иероглифа *anh* («жизнь»), стоящие у жертвенной плиты⁴⁰. По-видимому, в заблуждение его ввел рисовальщик, придавший стоящим на кругах отлитым бронзовым сосудам (один из которых — с длинным носиком) форму указанного иероглифа. Подобный художественный прием нам уже встречался, когда и в более поздние времена, как мы помним, кругам была придана форма цветка лотоса. Обычно отлитые сосуды надевались на кол и очищались от наружной окисной пленки зажатые в руке шлифовальным камнем. Расчистка полости также велась вручную или, возможно, на круге, если сосуды были невелики. Высокие сосуды для выполнения этой операции нуждались в удлинении руки, и это, по нашему мнению, было как-то связано со шадуфом (журавлем), принятым В. Вжешински за жертвенную плиту.

Еще один шадуф — со стволом в виде пальмы, со стоящим возле него высоким отлитым сосудом — был обнаружен нами в изображении литей-

³⁵ Bissing F. W. Steingefässe. Vienne, 1907, S. III—IV.

³⁶ Idem. Metallgefässe. Vienne, 1901, № 3432—3435.

³⁷ Павлов В. В., Ходжаш С. И. Художественное ремесло древнего Египта. М., 1959, табл. 25, 26.

³⁸ БСЭ. Изд. 3-е. Т. 18, статья «Обкатка».

³⁹ Petrie W. M. F. Wisdom of the Egyptians. L., 1940; XVIII, 78.

⁴⁰ Wreszinski W. Atlas zur altägyptischer Kulturgeschichte. Lief. 1/2. Lpz, 1923—1936, Taf. 226.

ной мастерской из гробницы Аменофиса того же времени⁴¹. Это укрепило наше убеждение в том, что расчистка внутренней поверхности сосудов производилась с помощью шадуфа. Оставалось сделать предположение, что на коромысло шадуфа навешивался медный стержень с круглым шлифовальным камнем на его изогнутом конце. Камень, уравновешенный противовесом шадуфа, шлифовщик заводил в горлышко сосуда и водил им вниз и вверх, расшлифовывая внутреннюю поверхность до блеска, в то время как его помощник вращал диск. Поскольку в изображении из гробницы Хапу показаны два круга с сосудами, это означает, что столб шадуфа мог поворачиваться от одного круга к другому, напоминая тем самым колонну современных радиально-сверлильных станков. О том же свидетельствует положение шадуфа «спиной» к кругам, когда он был отвернут по окончании расчистки, а сосуды были закрыты пробками. Возможно, описанное устройство использовалось ранее для расшлифовывания высоких каменных сосудов.

Упомянутые выше работы производились на кругах с увеличенной вертикальной базой. Как показывает изображение из гробницы Кенамона в Фивах 1450 г. до н. э.⁴², это изменение благотворно сказывалось и на качестве формования глиняных сосудов крупного размера. Низкое расположение диска, удобное в этом случае, приводит к заключению, что основание круга было утоплено в землю.

Еще об одном применении круга мы узнаем из работ Э. В. Сайко: на круге производилась так называемая вторичная обработка подсушенных глиняных изделий, заключавшаяся в протачивании их опорной части, также нижней, а иногда и всей наружной поверхности, включая борт. Обработка резанием со снятием стружки велась при установке изделий в перевернутом положении на специальных оправках⁴³. Эта подлинно токарная обработка несколько затвердевшей глины возникла, по-видимому, в начале I тыс. до н. э.

На одной из коринфских ваз VI в. до н. э. показан схематический разрез гончарного круга с диском, вращающимся с осью⁴⁴. Фрагменты дисков из афинского Керамика⁴⁵ позволяют установить, что хотя конструктивно они и отличались от коринфских, однако круги были построены по той же схеме. При внедрении же двухдисковой конструкции происходит обратная инверсия — переход к неподвижной оси, но с длинной глухой втулкой в системе поворотной части⁴⁶.

Приведенный обзор показывает, что назначение круга бывало различным. Круг применялся в качестве гончарного для расшлифовывания и наружного шлифования сосудов из камня, выполнения из медного листа обкатных работ, расчистки от окисной пленки отлитых бронзовых сосудов, точения подсушенных глиняных изделий.

На протяжении тысячелетий круг подвергался существенным изменениям и в ходе совершенствования оказался пригодным и для выполнения на нем токарной обработки дерева, потребовав лишь конструктивных добавлений, касающихся способа крепления заготовки.

Реконструкция токарных устройств

Поскольку античные станки не сохранились, соответствующий иллюстративный материал исключительно скуден, представляется едва ли не единственная возможность реконструкции станков, а точнее устройств, по изготовленным на них изделиям. Методика предполагает также ис-

⁴¹ Ibid., Taf. 238.

⁴² Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 43, Abb. 35.

⁴³ Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971, с. 78—80.

⁴⁴ Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 59, Abb. 53.

⁴⁵ Ibid., S. 72, Abb. 72.

⁴⁶ Ibid., S. 67, Abb. 68 c.

Рис. 2. Сверление пиксиды на вертикально-токарном круге. Изображение VI в. до н. э. (по А. Нойбургеру)

пользование современного определителя деталей машиностроения⁴⁷ для классификации [датированных античных точечных изделий (типа «диск», «втулка», «вал» — см. Приложение), с последующей привязкой их к типам токарных устройств, на которых, по современным представлениям, они могли быть обработаны, с датированием тем самым и этих устройств. Известно, что открытия нередко делаются на стыке наук. В нашем случае данные археологии, древней истории и современной технологии позволяют подойти к решению поставленной задачи.

Тип первый — вертикально-токарный круг

На коринфском изображении круга VI в. до н. э. показано, как женщина-ремесленница одной рукой вращает тяжелый диск большого диаметра с установленной на нем пиксидой (изделие типа «втулка»), в другой руке удерживая массивную державку с закрепленным на ней треугольным инструментом. Такие же сборные конструкции видны в левой верхней части изображения⁴⁸ (рис. 2). То, что инструмент сборный, говорит об изготовлении его из металла различного качества: железа — для державки, углеродистой стали — для подобия ложкового сверла, предназначенного для сверления дерева вдоль волокон.

Становится ясным, что древнейшие изделия этого типа VII—V вв. до н. э. — пиксиды (дет. 2.1, 2.2), крышки к ним (дет. 2.3) и т. п. — вытачивались и высверливались на круге. При этом была произведена инверсия принципа сверления: вместо вращения сверла, принятого в лучковом инструменте, стала вращаться обрабатываемая заготовка.

Сверление отверстий даже небольшого диаметра требовало ощутимого нажатия на сверло через подпятник. Здесь же в связи с резким увеличением диаметра полости пиксиды усилие возрастало в несколько раз. Поэтому сверлить так, как показано на изображении, вряд ли было возможно. Для успешного сверления необходимо было после разгона диска левой рукой перенести ее на сверло для осуществления нажима обеими руками.

Следует отметить, что показанный сборный инструмент (сверло на державке) является более сложным по сравнению с откованным в виде полосы. Это в свою очередь означает, что обработке изделий типа «втулка», с копированием профиля сверла должно было предшествовать вытачивание изделий типа «диск» — тарелок и блюд (дет.1.2—1.6), датированных теми же VII и VI вв. до н. э.

Возможно, точение дерева спорадически возникало и раньше, в XIV—XI вв. до н. э. (дет. 1.1). Во всяком случае, не исключается вытачивание на круге оправок, предназначенных для выполнения на них обкатных операций. Для точения могли применяться инструменты как из закален-

⁴⁷ Иллюстрированный определитель деталей общемашиностроительного применения. Руководящий технический материал. Классы 40 и 50 Общесоюзного классификатора промышленной и сельскохозяйственной продукции. М., 1976; детали типа тел вращения — см. с. 33, 37, 43 сл.

⁴⁸ Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 58, Abb. 50.

ной бронзы, так и из закаленной стали, об употреблении которой говорят находки в Греции стальных мечей, датированных XI в. до н. э.⁴⁹

Найденные точеные изделия на своей опорной поверхности имеют наколы, что свидетельствует о насаживании их на группу острий, заделанных близ центра вращения диска⁵⁰. Диски с о. Крит, из Афин и Коринфа оказались керамическими⁵¹, а это означает, что заделка острий должна была производиться до обжига дисков. Поскольку на круге отсутствовала опора инструмента (подручник), поперечное точение при изготовлении тарелок и блюд, а также обтачивание пиксид перед сверлением требовало верного глаза и твердой руки.

Точение дерева на круге технически было подготовлено опытом вторичной обработки подсушенных глиняных изделий. Внедрение же вызвано было экономическими причинами — потребностью в дешевых изделиях, что обеспечивалось значительно более простой, чем для изготовления керамики, технологией. Подготовка глиняного сырья, тонкое регулирование частоты вращения диска (числа оборотов в минуту) при последовательном выполнении различных операций формования, соблюдение сложного режима подсушивания и вторичная обработка на круге, термическая обработка в гончарном горне⁵² — все это заменялось первичной обработкой древесины — валкой дерева, обрубкой сучьев и последующей распиловкой ствола на заготовки. (Производилась, возможно, и атмосферная сушка дерева, но она была некачественной, как об этом говорит тот факт, что цилиндрические изделия дошли до нас ссохшимися на конус.) Далее заготовки вытачивались на круге (вторичная обработка древесины). В результате производительность общественного труда при изготовлении изделий вместо глины из дерева резко возрастала, себестоимость соответственно снижалась, а это повышало их конкурентоспособность на рынке сбыта.

Можно констатировать, что внедрение вертикально-токарного круга в странах античной культуры вызвано было потребностью в более дешевой и легкой деревянной посуде, пиксидах в том числе, начиная с VII в. до н. э., а быть может, и ранее.

Тип второй — центровое токарное устройство

Этот тип горизонтального устройства возник, по всей вероятности, в мебельном производстве, где появилась необходимость вытачивания ножек табуретов и стульев, т. е. длинных деталей типа «вал» (дет. 3.1, 3.2), не допускавших их изготовления на вертикально-токарном круге без поддержки свободного конца заготовки. На его изобретение наталкивало и знакомство с лучковым сверлом, применявшимся и в горизонтальном положении⁵³. Заметим, что вертикальная ось вращения крайне неудобна для продольного точения.

Создание нового устройства облегчалось тем, что оно должно было предназначаться для групповой обработки, т. е. быть специализированным для изготовления на нем однотипных деталей, лишь несколько различавшихся длиной. Его конструкцию можно представить в виде вкопанных в землю двух стоек, связанных между собой солидной перекладиной для использования ее в качестве опоры инструмента — подручника. В стойках должны были быть предусмотрены центрирующие острия, одно из которых выдвигное — для установки заготовки и снятия обработанной детали. Изображение центрального токарного устройства отсутствует, однако последнее в качестве составной части показано на эскизе станка Леонардо.

⁴⁹ Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 83.

⁵⁰ Сокольский. Ук. соч., с. 208.

⁵¹ Rieth. Die Entwicklung der Töpferscheibe, S. 39, Abb. 40; S. 50, Abb. 4.

⁵² Сайко. Ук. соч., с. 79 сл.

⁵³ Mutz. Op. cit., S. 16.

Проследим, какие элементы обоих орудий труда, вертикально-токарного круга и лучкового сверла, были использованы в новом устройстве: 1) опоры лучкового сверла в виде острого рабочего конца и подпятника преобразованы в острия (центры) для базирования заготовки и создания возможности ее вращения на них. Ранее острия группами располагались на диске круга для решения обратной задачи — предотвращения проворота заготовки; 2) привод возвратно-вращательного движения заимствован от лука, однако ввиду большого диаметра заготовки (0,2—0,25 м) возникла необходимость преодоления значительного момента резания (произведение силы резания на радиус заготовки), вследствие чего тетива отделена была от дуги лука и концы ее отданы в руки сильного помощника; 3) для выполнения главного условия — осуществления процесса резания с отделением стружки — режущий инструмент перенесен был с круга.

Анализ показывает, что новое устройство было создано на основе творческого использования элементов обоих орудий труда либо в прямом, либо в инвертированном виде, с вынужденным отказом от вращения заготовки в одном направлении.

Дальнейшее развитие мебельного производства, необходимость вытачивания не только ножек, но и других деталей мебели, различавшихся длиной при существенно уменьшившихся диаметрах, потребовали универсализации устройства. Им могла стать уменьшенная копия первого устройства, с тем, однако, усовершенствованием, что в качестве общего основания была применена доска, на которой размещались стойки с остриями. Одна из них переставлялась и закреплялась после установки заготовки той или иной длины. Привод, по всей вероятности, оставался шнуровым.

Основываясь на известном изображении устройства из гробницы Петосириса, исследователи считали его простейшим, что далеко не соответствовало действительности. Оно не могло быть и первым, поскольку его ажурная конструкция не выдержала бы ни массы заготовки — тяжелого бревна, ни обдирочного режима резания.

«Устройство токарных станков античного времени известно недостаточно, — говорит Н. И. Сокольский, — но конструкцию простейшего станка мы знаем по изображению на рельефе III в. до н. э. гробницы Петосириса в Египте. Согласно изображению, станок представлял собой раму, внутри которой между двумя штангами подвижно, на центрирующих остриях, помещен обрабатываемый предмет. Для работы на малом станке, как и отражено на рельефе, требуется два человека. Один мог быть менее квалифицированным; он вращал заготовку при помощи обернутого вокруг нее ручного привода (ремня или шнура). Другой, собственно токарь, оперев резец на раму и манипулируя им, снимал стружку с обрабатываемой болванки»⁵⁴.

На прориси этого уникального изображения⁵⁵ показано обтачивание длинной детали, в которой можно узнать мебельную ножку; точно такую же только что выточенную деталь мы видим в руках сборщика, прилаживающего ее к сиденью табурета (лежащему на полу, но из-за незнания рисовальщиком законов перспективы] изображенному в вертикальном положении — рис. 3).

Устройство это могло применяться и далее, что подтверждают изображения мебели с точеными деталями на надгробиях I в. до н. э. — II в. н. э.⁵⁶ На нем же вытачивались балюстры саркофагов — I—II вв. н. э. (дет. 3.4, 3.5), ножки саркофагов II в. н. э. (дет. 3.6), высокие пробки пиксид IV—II вв. до н. э. (дет. 3.3), а также рукоятки различных инстру-

⁵⁴ Сокольский. Ук. соч., с. 192.

⁵⁵ Wąsowicz. Op. cit., p. 76, rys. 22.

⁵⁶ Сокольский. Ук. соч., табл. VI, VII.

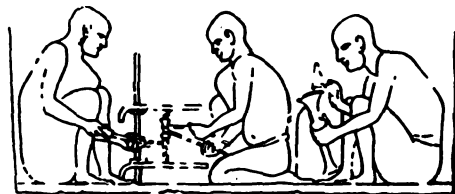

Рис. 3. Обтачивание мебельной ножки на центровом токарном устройстве и сборка табурета. Прорись изображения из гробницы Петосириса III в. до н. э. (по А. Вонсович)

ментов. Последнее предположение основывается нами на том, что металлические инструменты имели круглые отверстия⁵⁷.

Замена доски двумя штангами (скалками) объясняется не столько стремлением облегчить конструкцию, сколько возможностью заклинивания подвижной боковины с острием в любом требуемом длиной заготовки месте простым стягиванием обеих штанг веревкой. Перед нами пример необычайной изобретательности древних мастеров. Скальчатые направляющие станков применяются и в наше время, но, конечно, не так.

Что касается лучкового привода, то он мог быть внедрен только тогда, когда экономические причины заставили отказаться от помощника.

Время изобретения центрового токарного устройства в мебельном производстве — VII—VI вв. до н. э., не позднее. Известно свидетельство Плиния об изобретении токарного станка Феодором Самосским, появившееся шесть веков спустя после Феодора.

Тип третий — горизонтально-токарный круг

Реконструкция устройства этого типа затруднена в связи с отсутствием его изображения. Мы выдвигаем предположение, что широкое внедрение еще одного типа токарного устройства было вызвано потребностями античного судостроения в связи с необходимостью массового изготовления блоков в качестве составных частей полиспастов, входивших в оснастку гребно-парусных боевых кораблей.

Изобретателем полиспаста обычно считают Архита Тарентского (около 428—365 гг. до н. э.), но это анахронизм: полиспаст изображен на сосуде второй половины VI в. до н. э., где он показан в качестве устройства для подъема-опускания парусной реи⁵⁸ (рис. 4).

Широкое применение «канатных» механизмов началось, по нашим представлениям, в связи со строительством в Афинах большого военного флота. Это произошло в начале V в. до н. э., а точнее в 490-х годах. Известно, что в бою у о. Саламин в 480 г. до н. э. участвовало 270 греческих кораблей, которые, кстати, разбили превосходящий по численности персидский флот в составе 1207 кораблей⁵⁹.

По самому осторожному расчету, количество блоков (деталей типа «диск»), изготовленных для оснащения флота, было порядка нескольких тысяч штук.

По-видимому, обработка блоков первоначально производилась в Афинах на вертикально-токарном круге, причем сразу же выявились очевидные неудобства: трудность обтачивания и прорезания периферийной канавки (для гибкой связи) инструментом без опоры, затруднительность наблюдения за ходом операции — сбоку на низком уровне. Если бы речь шла об изготовлении нескольких блоков, с недостатками можно было бы мириться, но ведь предстояло выполнить военный заказ на производство

⁵⁷ Там же, табл. XXII, 1—4.

⁵⁸ Всемирная история. Т. I. М., 1955, с. 654.

⁵⁹ История Ирана. М., 1977, с. 65.

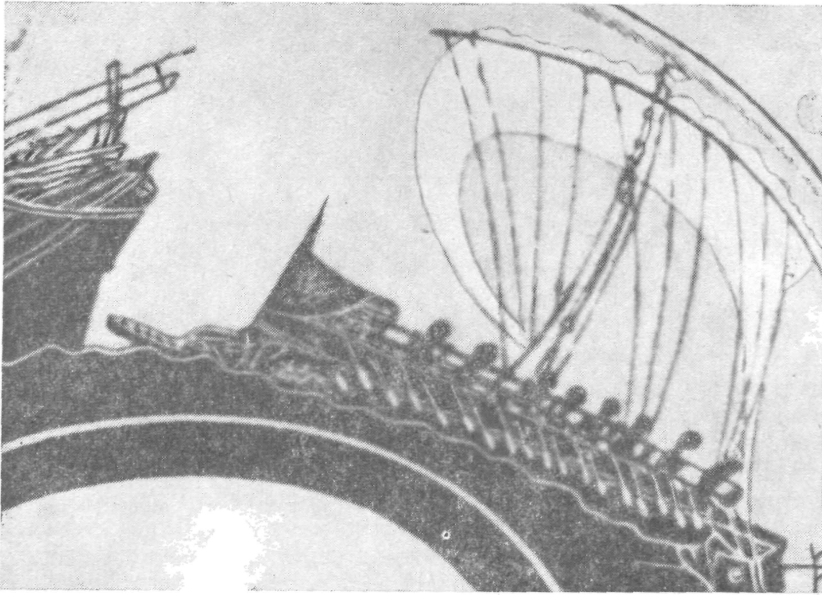

Рис. 4. Полиспаст на мачте пиратского корабля. Изображение на коринфской вазе VI в. до н. э.

массовой детали. Требовалось устройство с горизонтальной осью, удобство которой оценено было при обработке в центрах.

По нашему мнению, наиболее простым выходом из положения было применение наклоненного на 90° вертикально-токарного круга, с соответствующим креплением его корпуса на подходящих опорах. Рядом с кругом могла быть установлена Т-образная стойка для использования ее в качестве подручника. То, что диск вместе с осью оказывался при этом незакрепленным вдоль геометрической оси, существенного значения не имело, поскольку вращение его производилось вручную, с удержанием в продольном направлении. Заготовка набивалась на острия (рис. 5).

Будучи создано для обработки блоков, устройство могло использоваться и для вытачивания других изделий, в частности пиксид. Наличие подручника позволяло обтачивать не только деревянные, но и костяные заготовки, как полагает В. И. Кадеев, с помощью стамесок⁶⁰. Можно предположить, что стамески, заточенные под углом, использовались в качестве проходных резцов. Не исключено, что широкие стамески имели фасонное лезвие, позволявшее вытачивать наружную поверхность пиксид сложного профиля.

Горизонтальное положение оси вращения оказалось удобным для производства и расточных работ, так как позволяло визуальнo контролировать траекторию перемещения резца без помех со стороны стружки, прежде скапливавшейся на дне полости. Длинным резцом или крючком стало возможным выгребать стружку. Эти преимущества сказывались как при изготовлении миниатюрных пиксид (дет. 2,6), так и более крупных IV в. до н. э. — II в. н. э. (дет. 2,4, 2,7, 2,8). Особенно ярким примером этого рода является пиксида-ваза IV в. до н. э., отличающаяся относительно большими размерами, сферической формой и изощренно выточенной ножкой (дет. 2,5).

Как и Б. А. Колчин, Н. И. Сокольский убежден в том, что растачивание детали производилось с технологическим упором, подпираемым

⁶⁰ Кадеев В. И. Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Харьков, 1963, с. 14.

Датированные типовые детали

Принятые сокращения: R. — Рит, С. — Сокольский, W. — Вонсович. Наименование работ указанных авторов — в примечаниях.
 Линейные размеры приведены в долях метра, в соответствии с международной системой единиц СИ (см. например: Политехнический словарь, М., 1977, с. 595).

№	Наименование детали	Диаметр на длину, м	Датировка	Место происхождения или хранения	Литература
1. Детали типа «диск»					
1.1.	Кипарисовое блюдо	∅0,360	XIV—XI вв. до н.э.	Из V шахтовой гробницы Микен	R., S. 3, Abb. 3
1.2.	Блюдо	—	VII в. до н.э.	Могила воина (Корнето)	R., S. 3, Abb. 4a, b
1.3.	Тарелка	∅0,300	VI в. до н.э.	Чертоза (Болонья)	R., S. 4, Abb. 6a
1.4.	Тарелочка	∅0,090	VI в. до н.э.	Чертоза (Болонья)	R., S. 4, Abb. 6b, c, d
1.5.	Тарелка	∅0,160	VI в. до н.э.	о. Самос	R., S. 5, Abb. 7a, b
1.6.	Блюдо	∅0,190	VI в. до н.э.	»	R., S. 6, Abb. 8a, b, c
2. Детали типа «втулка»					
2.1.	Пиксида	—	VII—VI вв. до н.э.	Браврон (Аттика)	W., p. 139, rys. 74
2.2.	»	∅0,060×0,025	VI—V вв. до н.э.	»	C., c. 199, рис. 60, 3
2.3.	Крышка пиксиды	∅0,060×0,015	V в. до н.э.	Боспор	C., табл. XXVII, 1
2.4.	Пиксида	∅0,066×0,070	IV в. до н.э.	Таманский п-ов	C., табл. XXVII, 4
2.5.	Пиксида-ваза	прибл. ∅0,100×0,125	IV в. до н.э.	»	C., рис. 61 (вкладка табл. XXVI, 10)
2.6.	Пиксида	∅0,045×0,040	IV—II вв. до н.э.	Пренесте (Этрурия)	W., p. 139, rys. 75
2.7.	Пиксида-«башня» на трех ножках	∅0,058×0,097	I в. н.э.	Таманский п-ов	C., c. 206, рис. 64
2.8.	Пиксида	∅0,080×0,130	I—II вв. н.э.	Керчь	C., табл. XXIX, 1
2.9.	Двойная пиксида со стержнем	∅0,120×0,060	I—II вв. н.э.	»	C., c. 207, рис. 65, табл. XXX, 5
3. Детали типа «вал»					
3.1.	Ножка (фрагмент)	∅0,150×0,200	VII в. до н.э.	Сендширли (Сирия)	R., S. 4, Abb. 5
3.2.	Ножка	∅0,140×0,500	VI в. до н.э.	о. Самос	R., S. 6, Abb. 9
3.3.	Пробка пиксиды	∅0,014×0,031	IV—II вв. до н.э.	Пренесте (Этрурия)	W., p. 139, rys. 75
3.4.	Балюстра от саркофага	∅0,040×0,100	I—II вв. н.э.	Северное Причерноморье	C., табл. XXV, 4
3.5.	»	∅0,030×0,120	I—II вв. н.э.	»	C., табл. XXV, 5
3.6.	Ножка саркофага	∅0,060×0,165	II в. н.э.	Из склепа Фельдштейна	C., табл., XXV, 6

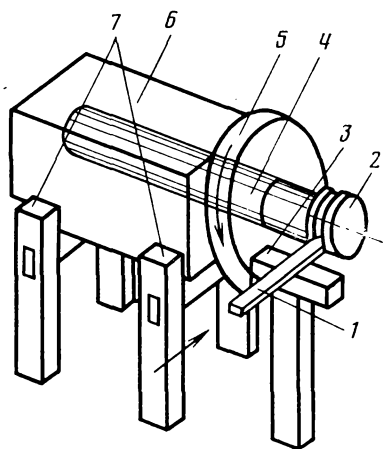

Рис. 5. Обработка блока полиспаста на горизонтально-токарном круге (реконструкция автора). 1 — инструмент, 2 — блок, 3 — подручник, 4 — ось, 5 — диск, 6 — корпус, 7 — опоры

Опыт токарной работы позволяет утверждать, что выламывался не стержень, а остаток припуска, причиной чего был излишне большой зазор между осью диска и отверстием корпуса (на это и поначалу, и много веков спустя не обращалось внимания). Механика этого явления раскрывается следующим образом. При подрезании торца по мере приближения инструмента к центру вращения заготовки падающая скорость резания приводила сначала к ухудшению, а затем и к прекращению резания такого твердого материала, как, например, самшит, из которого в Северном Причерноморье изготовлялись пиксиды и крышки к ним. Находящаяся под остановленной стружкой режущая кромка инструмента становилась мгновенным центром вращения заготовки, а с ней и диска с осью. Последняя подрывалась в зазоре вверх, а затем выламывала остаток припуска. На современных металлорежущих станках это явление, протекающее в несколько иной форме, обычно приводит также и к поломке закрепленного резца.

Внедрение горизонтально-токарного круга, по всем данным, приходится на V в. до н. э. Распространение токарных устройств в античном мире к концу I тыс. до н. э. было настолько широким, что Витрувий (I в. до н. э.) записал: «Есть еще множество и других механизмов, которые не стоит рассматривать, так как они каждый день у нас под рукой, как, например, мельницы, кузнечные мехи, повозки, одноколки, станки и прочее, что применяется на каждом шагу и находится во всеобщем употреблении»⁶³.

ON THE HISTORY OF ANCIENT WOODWORKERS' TURNING MECHANISMS

G. M. Kaplan

After a survey of what has been said about the origins of the turner's craft the author finds that little has been done on the early history of turner's techniques, the development of which was an important factor in the achievement of the great advances

⁶¹ Сокольский. Ук. соч., с. 193.

⁶² Там же, с. 208.

⁶³ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. Т. I. М., 1936, с. 191.

made in the sphere of social production in the 8th and 7th centuries B. C. In the author's belief the wheel in its manifold uses was the basic tool in woodworking. As the capacities of the wheel expanded it found application in the turner's craft. With the aid of a modern catalogue of details in mechanical engineering the author set up a classification of dated ancient cutting details (such as the «disk», «hub», «shaft»), the types of lathe mechanisms on which they could have been used and the dates of these mechanisms. Analysis revealed three types of mechanism: (1) vertical lathe-wheel (7th — 6th centuries); (2) central lathe mechanism (same period); (3) horizontal lathe-wheel (5th century B. C.).

ПИФАГОР В РАННЕЙ ТРАДИЦИИ *

Особое положение Пифагора и его школы едва ли нуждается в подробном обосновании. Упомянем лишь основные моменты, заставляющие выделять пифагорейский вопрос среди других проблем досократической философии.

В отличие от большинства досократиков Пифагор не оставил ни одного сочинения (сам Пифагор ничего не писал), поэтому оценка его творчества по необходимости основывается на сведениях, взятых из вторых и третьих рук. Пифагор создал школу, где было принято не только превозносить его мудрость, но и приписывать ему достижения последующих поколений. Особый характер пифагорейской традиции приводит к тому, что трудно бывает решить, кому принадлежит данное положение — самому Пифагору или его последователям V—IV вв.¹ Не случайно ряд исследователей предпочитают говорить о пифагорейцах в целом, а не о Пифагоре, оставляя открытым вопрос о его вкладе в общую систему пифагорейских представлений². С этими трудностями столкнулся уже Аристотель, который предпочитал излагать учения пифагорейцев, не упоминая имени самого Пифагора³.

Непосредственные ученики Пифагора не оставили изложений его философского учения; хотя возможность бытования таких сочинений исключить нельзя, упоминаний о них не сохранилось. Первая книга такого рода появилась лишь в последней четверти V в. Она принадлежала пифагорейцу Филолаю, который родился около 470 г., т. е. примерно через 20 лет после смерти Пифагора. После более чем полуторавекового спора вокруг фрагментов книги Филолая большинство ученых склоняются к признанию подлинности многих из них⁴, но и это не решает проблемы, ибо сразу же возникает вопрос: в какой мере Филолай излагает учение Пифагора, а в какой — свое собственное? Особые трудности связаны с тем, что большая часть сведений о Пифагоре и его учениках дошла до нас в передаче позднеантичных авторов: Диогена Лаэртция, Прокла, Порфирия и Ямвлиха. В их сочинениях ценные свидетельства авторов IV в.

* Выражаю глубокую признательность А. И. Зайцеву и А. К. Гаврилову, которые прочитали рукопись этой статьи и сделали много ценных замечаний.

¹ Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, относятся ко времени до н. э. Ссылки на тексты, относящиеся к Пифагору и пифагорейцам, даны по изданию Дильса-Кранца.

² См., например, *Виндельбанд В.* История древней философии. СПб., 1902, с. 25; *Levy I.* Recherches sur les sources de la légende de Pythagore. P., 1926, p. 8; *Robin L.* The Greek Thought and the Origin of Scientific Spirit. N. Y., 1928, p. 50 f.; *Cleve F.* The Giants of Presophistic Greek Philosophy. V. 2. The Hague, 1969, p. 449 ff.

³ Met. 985b23, 987a9; De an. 404a16, 405b31 и т. д. И напротив, там, где Аристотель называет Пифагора по имени, он ничего не говорит о его философии: Rhet. 1398b14; fr. 191 Rose. Ср., однако: Protr. fr. 191 Düring.

⁴ Историю этого вопроса см. *Thesleff H.* An Introduction to the Pythagorean Texts of Hellenistic Period. Abo, 1961, p. 41 ff.

(Аристотеля, Гераклида Понтийского, Дикеарха, Аристоксена, историка Тимея и др.) чрезвычайно трудно отделить от неопифагорейских напластований или фантастических рассказов писателей поздней эпохи (в духе романа Антония Диогена «Чудеса по ту сторону Фулы»).

Итак, очевидно, что сложность пифагорейского вопроса связана прежде всего с характером наших источников. В середине XIX в. Э. Целлер писал, что по мере отдаления от времени Пифагора количество этих источников возрастает, а достоверность становится все меньшей⁵. После ряда удачных попыток найти аутентичные сведения в поздних источниках справедливость этой оценки была серьезным образом поколеблена, однако полностью от нее отказаться нельзя. Тем более удивительно, что после Целлера почти не появлялось работ, в которых ставилась бы задача охватить и достаточно полно проанализировать самый ранний этап традиции — свидетельства авторов VI—V вв.⁶

Между тем от этого периода сохранилось около 15 упоминаний о Пифагоре и пифагорейцах, — иначе говоря, гораздо больше, чем о любом другой философе того времени (Анаксимандр и Парменид вовсе не упоминаются авторами V в.). Существенно, впрочем, даже не количество этих свидетельств (в следующем, IV в., их будет во много раз больше), а их близость к периоду формирования пифагорейских учений. При отсутствии сочинений самого Пифагора и его непосредственных учеников каждое свидетельство их современников имеет почти ту же ценность, что и дословная цитата из сочинения какого-либо другого досократика. Благодаря древности этой традиции мы можем не сомневаться в том, что ее сведения относятся именно к самому основателю школы и его ближайшему окружению, а не к их последователям, жившим на 100 лет позже, т. е. снимаются вопросы, неизбежно возникающие даже при исследовании фрагментов Филолая, не говоря о диалогах Платона или сообщениях Аристотеля. Таким образом, анализ ранней традиции является одним из весьма немногих способов, приближающих нас к пониманию древнего пифагореизма.

Если мы сумеем понять, что знали и что думали о Пифагоре его современники и следующие за ним несколько поколений (до появления книги Филолая), то это даст и единственное, может быть, средство критической проверки более поздней традиции, начиная с IV в. и вплоть до первых веков н. э. Необходимость такой проверки понятна сама по себе, но в настоящее время наличие такого критерия особенно важно в связи с усилившейся тенденцией отрицать сколько-нибудь значительный вклад Пифагора и его непосредственных учеников в развитие как философии, так и науки. В последние годы как раз с этих позиций написаны два наиболее крупных труда по истории пифагореизма: В. Буркерта и В. Л. ван дер Вардена⁷; впрочем, и раньше этот взгляд не был редкостью⁸. В сущности,

⁵ Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 5. Aufl. B. I. Lpz, 1892, S. 364.

⁶ Кроме небольшой, но очень важной статьи самого Целлера (Zeller E. Über die ältesten Zeugnisse zur Geschichte des Pythagoras (1885). — In: Kleine Schriften. B., 1910, S. 458—472), пожалуй, единственной обстоятельной работой на эту тему является диссертация В. Ратмана (Rathman W. Quaestiones Pythagoraeae, Orphicae, Empedocleae. Halle, 1933, S. 37—58), однако гиперкритическое отношение автора к ряду свидетельств снижает ценность его выводов.

⁷ Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambr., 1972; Waerden B. L., van der. Pythagoreer: Religiöse Bruderschaft und Schule der Wissenschaft. Zürich, 1979. См. также Barnes J. The Presocratic Philosophers. V.I.L., 1979, p. 101 ff. Дж. Филип сохраняет за равными пифагорейцами философию, но отрицает их вклад в науку (Philip J. Pythagoras and Early Pythagoreanism. Toronto, 1966).

⁸ См., например, Frank E. Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1923; Bollinger J. Die sogenannten Pythagoreer des Aristoteles. Zürich, 1925; Rathman. Op. cit., p. 23 sq.; Heidel W. A. The Pythagoreans and Greek Mathematics. — AJP, 61, 1940, p. 1—33; Gigon O. Der Ursprung der griechische Philosophie. Basel, 1945, S. 142—146; Verdenius W. Notes on Presocratics. — Mnemosyne, 13, 1947, p. 282.

взгляд этот сводится к следующему: ранняя традиция не дает свидетельств научной и философской деятельности Пифагора, а те, что появляются позже, представляют собой лишь проекцию в прошлое занятий, процветавших среди пифагорейцев IV в. Вместе с тем в выводах исследователей этого направления наблюдается существенная и очень показательная эволюция. Для Э. Франка авторами всех достижений, приписываемых ранней школе (ок. 530 — ок. 470 гг.), были «так называемые пифагорейцы», которых он отождествлял с последним великим последователем Пифагора Архитом Тарентским и его учениками (первая половина IV в.)⁹. В. Буркерт, соглашаясь с Э. Франком в негативной оценке ранней школы, критикует его за преувеличения и связывает начало философской и научной деятельности пифагорейцев с именем Филолая¹⁰.

Автор последнего крупного труда в этой области, известный историк науки ван дер Варден готов пойти еще дальше в реабилитации ранней школы. Он признает ее большие заслуги в математике, астрономии и физике, но отказывается сделать это по отношению к самому Пифагору, которого рисует лишь памятливым учеником вавилонян, пересказавшим своим ученикам суть полученных знаний¹¹. Сведения о восточных связях Пифагора, которые ван дер Варден черпает из ранней традиции, мы рассмотрим ниже, а пока лишь отметим, что общая готовность связывать зарождение греческой науки с передачей знаний с Востока кажется нам неоправданной, ибо по большей части она не опирается ни на достоверные исторические свидетельства, ни на конкретные факты из области математики и астрономии¹².

Непредвзятое рассмотрение ранней традиции убеждает, что она отнюдь не лишена свидетельств научной и философской деятельности Пифагора и его учеников. Мы, безусловно, не должны ожидать детального совпадения этих фрагментарных сведений с тем, что известно из источников IV в. и восходящей к ним поздней традиции, но и сходства общих контуров будет достаточно, чтобы признать ошибочным тезис об исключительно религиозном характере раннего пифагореизма. Сказанное не означает, будто мы отрицаем, что религиозное учение составляло одну из существенных сторон этого периода. Как раз с этой стороной связано первое упоминание о Пифагоре, принадлежащее его современнику Ксенофану (В 7)¹³:

⁹ Опираясь на выражение Аристотеля *οἱ καλοῦμενοι Πυθαγόρειοι* Франк попытался обосновать точку зрения о радикальном отличии этих пифагорейцев от первых учеников Пифагора. Он подкреплял свой вывод другим выражением Аристотеля — *τὰ καλοῦμενα Ὀρφικά* (De an. 410b27), которое Филопон комментировал так: *ἐπειδὴ μὴ δοκεῖ Ὀρφεῶς εἶναι τὰ ἔπη* (Frank. Op. cit., S. 356). Таким образом, *οἱ καλοῦμενοι Πυθαγόρειοι* — не настоящие пифагорейцы. Однако Чернисс (Cherniss H. Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy. Baltimore, 1935, p. 348) указывает на следующее выражение: *οἱ καλοῦμενοι γεωργοί* (Pol. 1290b40). Очевидно, что Аристотель не мог считать этих крестьян ненастоящими. Справедливым кажется предложение У. Гатри переводить *οἱ καλοῦμενοι Πυθαγόρειοι* как «те, кого называют пифагорейцами» (Guthrie W. A History of Greek Philosophy. V.I. Camb., 1962, p. 155).

¹⁰ В отличие от Франка, уделившего ранней традиции лишь одно примечание (Frank, Op. cit., S. 356, Anm. 166), Буркерт посвящает ей две главы (Burkert. Op. cit., p. 208—218, 277—298).

¹¹ Waerden, van der. Op. cit., S. 42 f.

¹² «Вавилонские достижения в алгебре, геометрии и астрономии были, по-видимому, практически неизвестны грекам до времени Александра Македонского или даже позже», — писал уже после первых открытий О. Нейгебауэра крупнейший знаток греческой науки Т. Хит (Heath T. L. Mathematics in Aristotle. Oxf., 1945, p. 195). Аналогичным образом оценивает влияние Востока на греческую математику и астрономию И. Д. Рожанский (Развитие естествознания в эпоху античности. М.: Наука, 1979, с. 45, 50).

¹³ Ссылки на фрагменты досократиков даются по изданию: Die Fragmente der Vorsokratiker. Hrsg. H. Diels, W. Kranz. B. I—III. Zürich, 1959.

Раз он проходит и видит — визжит от побоев собачка,
Жаль ему стало и он слово такое изрек:
Полно, не бей! В этом визге покойника милого голос,
Это родной мне щенок, друга я в нем узнаю ¹⁴.

(Пер. С. Я. Лурье).

Перед нами сатира на самую суть религиозной доктрины Пифагора — учение о переселении душ. Язвительный Ксенофан прилагает религиозную идею к анекдотической ситуации. Но едва ли здесь можно видеть лишь насмешку просвещенного ионийца над пифагорейскими предрассудками ¹⁵. Ксенофан, как и Пифагор, проявлял интерес к религии, но направление его поисков было совсем иным — этим и объясняется неприятие метемпсихоза. Вместе с тем его недоброжелательность по отношению к Пифагору могла иметь и другие причины. Оба они эмигрировали из Ионии и прибыли в Великую Грецию в одиночку, лишённые поддержки родного полиса. Но если Ксенофан вынужден был добывать себе на пропитание рецитацией гомеровских поэм, то Пифагор в самое короткое время добился широкого признания и стал во главе организованного им в Кротоне политического союза ¹⁶. К тому же религиозное учение Пифагора имело куда больший успех, чем идеи Ксенофана. По-видимому, отношение к Пифагору складывалось у Ксенофана не без влияния зависти к более удачливому сопернику. Может быть, поэтому Ксенофан и не упоминает о научных занятиях последнего (хотя сам он проявлял большой интерес к таким занятиям): ведь Пифагору и здесь сопутствовала удача. С другой стороны, у него просто могло не быть повода упомянуть об этом.

Важно отметить, что Ксенофан выступал не только против религиозного, но и против философского учения Пифагора. В его словах о том, что божество видит и слышит, но не вдыхает (А I, 25), принято видеть полемику с пифагорейской космогонией, согласно которой мир образуется путем вдыхания извне «беспредельного воздуха» (Arist. Phys. 213b22, 203a6; Met. 1091a17) ¹⁷, ибо божество Ксенофана мыслится здесь тождественным миру ¹⁸. Свидетельство Диогена Лаэртца о том, что Ксенофан ἀντιδοξάζει Πυθαγόρα (IX, 18), следует, по-видимому, связывать не только с процитированными выше стихами, но в первую очередь с философской полемикой.

Из приведенного фрагмента Ксенофана можно заключить, что в конце VI — начале V в. метемпсихоз был уже широко известен в Великой Греции и связывался с именем Пифагора. Согласно наиболее распространенной точке зрения, Пифагор перенял его у орфиков, как у более раннего религиозного течения, однако те, кто сомневается в раннем распространении орфизма, приписывают Пифагору учение о метемпсихозе ¹⁹. Между тем скептицизм в вопросе о древности орфизма кажется нам мало-

¹⁴ Имя Пифагора в стихах прямо не упомянуто, но большинство ученых признают, что Ксенофан имел в виду именно его, поскольку об этом говорит Диоген Лаэртций (VIII, 36). Ср., однако, *Rathman. Op. cit.*, p. 37—38.

¹⁵ Так полагает Филип (*op. cit.*, p. 9).

¹⁶ См. *Minar E. Early Pythagorean Politics in Practice and Theory. Baltimore, 1942*, p. 4 ff.

¹⁷ *Таннеру П.* Первые шаги древнегреческой науки. Спб., 1902, с. 123; *Burnet J. Early Greek Philosophy. 3 ed. L., 1920*, p. 108; *Guthrie. Op. cit.*, p. 200, not. 2, p. 277 f.; *Kahn Ch. H. Pythagorean Philosophy before Plato.* — In: *The Presocratics/Ed. Mourelatos A. P. N. Y., 1974*, p. 183; *Sinnige T. G. Matter and Infinity in the Presocratic Schools and Plato. Assen, 1968*, p. 59; *Babut D. Sur la «theologie» de Xénophane.* — *RPh, 164, 1974*, p. 433 suiv.

¹⁸ *Guthrie. Op. cit.*, p. 381—383.

¹⁹ *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Der Glaube der Hellenen. B. 2. B., 1932*, S. 132 ff.; *Linforth I. The Arts of Orpheus. Berkeley, 1941*; *Long H. A Study of the Doctrine of Metempsychosis in Greece from Pythagoras to Plato. Princeton, 1948*, p. 89 ff.; *Burkert. Op. cit.*, p. 126; *Kahn. Pythagorean philosophy...*, p. 166; *Zunz G. Persephone. Oxf., 1971*, p. 277 ff.

обоснованным. Недавние находки в Северном Причерноморье опровергают наиболее убедительные аргументы, выдвинутые на этот счет Линфортом²⁰. В пользу большей древности орфического учения о метемпсихозе говорит и свидетельство Иона Хиосского, поэта-трагика и философа середины V в. Ион утверждал, что Пифагор приписал некоторые свои стихотворные произведения Орфею²¹. Через полвека другой автор, Эпиген, будет писать о принадлежности орфических поэм пифагорейцам Кекропсу и Бронтину (15 A1). Поскольку у нас нет сведений о сочинениях Пифагора, слова Иона нужно понимать как догадку, возникшую на основе сходства известных ему пифагорейских идей с тем, что он вычитал в орфической поэме²². А сходным в орфизме и пифагорейзме является именно метемпсихоз (со всеми вытекающими из него последствиями: ритуальной практикой и т. д.), — и едва ли что-нибудь еще. Следовательно, уже в середине V в. имели хождение орфические поэмы, в которых содержалось учение о переселении душ. Ион и Эпиген относят их создание к VI в. Однако первые поэмы такого рода возникли еще до Пифагора — традиция приписывает их авторам начала VI в. (DK 1 A 1; B A5, B 20a; 1 A 18). И если Геродот утверждал, что создатели этих поэм жили после Гомера и Гесиода (II 53), то это, разумеется, не могло относиться ни к поколению Пифагора (который умер за несколько лет до рождения Геродота), ни к современникам самого Геродота.

О знакомстве Геродота с орфическим учением свидетельствует известный пассаж, в котором он говорит, что первыми о переселении душ стали учить египтяне, а затем добавляет: «Учение это некоторые эллины изложили как свое собственное, одни раньше, другие позже. Имена я их не сообщаю, хотя и знаю» (II, 123). Оставляя на время вопрос о египетском происхождении метемпсихоза, рассмотрим, кого имеет в виду Геродот, говоря *οἱ μὲν πρότερον, οἱ δὲ ὕστερον*. Основные претенденты, не раз называвшиеся в научной литературе, — это орфики, пифагорейцы и Эмпедокл²³. Пифагорейцев отсюда исключить никак нельзя: в другом месте у Геродота (IV, 95) имя Пифагора прямо связывается со сходными идеями. Что касается Эмпедокла, то он кажется менее приемлемой кандидатурой, нежели орфики. Вопреки мнению Буркерта и Лонга²⁴, орфики учили о переселении душ (это ясно хотя бы из слов Иона), и Геродот должен был знать об этом. Было бы очень странно, если бы, говоря о метемпсихозе, Геродот не имел в виду орфизм, в котором это учение играло центральную роль.

В *οἱ Ἑλλήνων ἐγρήσαντο οἱ μὲν πρότερον, οἱ δὲ ὕστερον* естественнее видеть людей прошлых поколений, а не современника Геродота — Эмпедокла. Поэтому следует отказаться от раскрытия геродотовского намека, которое предложил в свое время Видеман: 1) орфики и пифагорейцы и 2) Эмпедокл²⁵. Наконец, еще один аргумент: там, где Геродот впервые касается этого учения, он называет именно орфиков и пифагорейцев. «Египтяне, — пишет он, — не входят в храмы в шерстяной одежде и не погребают в ней покойников, ибо это считается нечестивым. В этом они сходны с теми, кого называют орфиками, и с пифагорейцами»²⁶.

²⁰ Найденные в Ольвии граффити показывают, что уже в середине V в. здесь были люди, называвшие себя орфиками. См. *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии. — ВДИ, 1978, № 1, с. 87—104; она же. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979, с. 73—75.

²¹ *ἐντα ποιήσαντα ἀνευεγχεῖν εἰς Ὀρφέα* (A2).

²² *Linforth*. Op. cit., p. 188.

²³ *Burkert*. Op. cit., p. 126.

²⁴ *Long*. Op. cit., p. 89 ff.; *Burkert*. Op. cit., p. 125.

²⁵ *Widemann A.* Herodots zweites Buch. Lpz, 1890, S. 459 f.

²⁶ Это предложение представлено в рукописной традиции двумя вариантами 1) *ὁμολογεῖσι δὲ ταῦτα τοῖσι Ὀρφικοῖσι καλεομένοισι καὶ Πυθαγορείοισι* (Flor.). 2) *ὁμολογεῖσι δὲ ταῦτα τοῖσι Ὀρφικοῖσι καλεομένοισι καὶ Βακχικοῖσι, ἐοῦσι δὲ Ἀιγυπτίοισι καὶ Πυθαγορείοισι* (Rom.). Их детальный анализ, предпринятый Линфортом (op. cit., p. 38, f.), не оставляет сомнений в предпочтительности первого варианта.

Ведь посвященного в их таинства не дозволено хоронить в шерстяной одежде²⁷. Об этом говорит и священное сказание»²⁸ (II, 81). Касаясь этой темы во второй раз (II, 123), Геродот, несомненно, имел в виду тех же самых орфиков и пифагорейцев, хотя и не называл их прямо. А если так, то его слова, как и свидетельство Иона, говорят о приоритете орфизма (*οἱ μὲν πρότερον*), и в данном случае у нас нет оснований подвергать это сомнению.

Оба геродотовских пассажа связывают орфиков и пифагорейцев с Египтом, однако связь эта очень обманчива. Египтяне действительно использовали при захоронении только льняные пелены и папирус, но не в силу какого-либо запрета на шерсть, а лишь из-за ее непригодности для мумифицирования. Вообще находки шерстяных вещей в погребениях крайне редки²⁹, что может говорить о малом использовании их в Египте (в Греции же — прямо противоположная ситуация), поэтому запрет и касался только покойников.

Относительно метемпсихоза следует сказать, что все специалисты по египетской религии единодушно отрицают наличие этой доктрины у египтян³⁰. Геродот, очевидно, был введен в заблуждение тем, что по египетским представлениям одна из душ умершего могла принимать образы различных животных³¹. Здесь существовала и вера в бессмертие души, но оба эти представления никак нельзя объединить в метемпсихоз, ибо загробная жизнь связывалась у египтян прежде всего с сохранностью тела умершего (для чего его и мумифицировали), а это прямо противоречит идее переселения души в другое тело.

Итак, мы видим, что предположение Геродота о связи орфических и пифагорейских представлений с Египтом лишено оснований. Но важен ответ и на другой вопрос: полагал ли он, что Пифагор побывал в Египте? Судя по всему, нет. Геродот нигде не пишет об этом, а в тех двух местах, где речь идет о пифагорейцах, они связываются с Египтом не прямо, а только через посредство орфиков (II, 81, 123). В этой же книге (II, 49) историк пишет о том, что прорицатель Меламп позанимствовал у египтян культ Диониса, а прибывшие следом за ним мудрецы (в которых нетрудно угадать Орфея и Мусея³²) полнее разъяснили значение этого культа. Устанавливаемая Геродотом связь: египтяне — Меламп — Орфей и Мусей — орфики — пифагорейцы — не только не предполагает поездки самого Пифагора (с целью еще раз заимствовать метемпсихоз³), но и делает ее по существу излишней³³.

Тем не менее слова Геродота чаще всего понимались именно как намек на путешествие Пифагора. Уже первое прямое упоминание о нем (Isocr., Bus. 28) носит явную печать геродотовского рассказа³⁴. В речи, восхваляющей мифического египетского царя Бусириса, Исократ пишет: «Пифагор Самосский, отправившись к египтянам и став их учеником, первым познакомил эллинов с египетской философией, обратив особое внимание на жертвоприношения и очистительные церемонии». Характер

²⁷ Этот обычай связан с вытекающим из метемпсихоза запретом на употребление мясной пищи, который трансформировался и в запрет захоронения в шерстяных одеждах. «Конечно, можно добыть шерсть, не проливая крови,— пишет Гатри,— но насилие над животным считалось нечестивым для посвященного. Искать разумную основу здесь бессмысленно» (*Guthrie W. Orpheus and Greek religion. L., 1935, p. 198*).

²⁸ В *ἱερός λόγος* следует видеть, скорее всего, орфическую поэму, которую Эпиген приписывал пифагорейцу Кекропсу (см. *Guthrie. Orpheus...*, p. 15), а возможно, и какое-то пифагорейское сочинение (см. *Delatte A. Un ἱερός λόγος pythagoricien.— RPh, 34, 1910, p. 175 ff.*).

²⁹ *Lloyd A. B. Herodotus, book II. Leiden, 1976, p. 373.*

³⁰ *Widemann. Op. cit., S. 457—458; Kees H. Totenglaube und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. 4. Aufl. B., 1980, S. 6.*

³¹ *Wideman. Op. cit., S. 458.*

³² *Rathman. Op. cit., p. 49.*

³³ См. *Zeller. Philosophie...*, S. 306, Anm. 2.

³⁴ *Guthrie. A History...*, p. 163, not. 2.

этого риторического упражнения сразу же возбуждает подозрения в истинности сведений³⁵. К тому же Исократ объявляет, что не заботится о правдивости (Bus. 4), а в конце прямо признает, что говорит неправду (Bus. 33). Эти признания в полной мере относятся ко всему, что он пишет о заимствованиях греков в Египте³⁶. Совершенно очевидно, что в этом вопросе его вовсе не занимала историческая правда. Сведения, сообщаемые Исократом, прямо относятся к тому, что говорил Геродот: священные обряды и религиозное учение, составляющее часть заимствованной Пифагором «философии». Но если Исократ гораздо решительнее, чем Геродот, сближает пифагореизм и египетскую религию, то это никак не говорит о большей его осведомленности в биографии Пифагора. Вообще Пифагор для Исократа — явно третьестепенная фигура: во всем корпусе его сочинений он фигурирует только один раз.

Стоит сказать и о втором по времени упоминании о поездке Пифагора в Египет, принадлежащем историку рубежа IV—III вв. Гекатею Абдерскому, хотя оно и выходит за рамки рассматриваемого нами периода. Мы упоминаем его потому, что и оно основано на рассказе Геродота и (точно так же как и слова Исократа) представляет собой литературную фикцию³⁷. Что же можно сказать об этом путешествии, если первые сведения о нем недостоверны, а основанная на них поздняя традиция не добавляет ни одной правдоподобной детали? Лишь то, что в действительности его не было или, по меньшей мере, что у нас нет оснований верить в его реальность³⁸. Этот вывод еще более справедлив в отношении поездки Пифагора в Вавилон. Сообщения о ней появились лишь в эллинистическую эпоху, как развитие ранней легендарной традиции, и никак не могут рассматриваться в качестве заслуживающих доверия свидетельств³⁹.

В связи с этим становится очевидной несостоятельность попыток доказать восточное происхождение философских, религиозных или научных взглядов Пифагора ссылкой на его путешествия. Традиция о них недостоверна, а ведь именно она (а не какие-то восточные черты в пифагореизме) считалась подкрепляющей старинное мнение о Пифагоре как о передатчике восточной мудрости.

Последний интересующий нас пассаж Геродота также связан с популярной традицией, распространявшейся на ионийской родине Пифагора. Повествуя о некоем Залмоксисе из фракийского племени гетов, который познакомил своих соплеменников с учением о бессмертии души, Геродот со слов местных греков утверждает, что тот перенял это учение от одного

³⁵ «A perfunctory piece of epideictic invention», — называет эту речь Дж. Моррисон (*Morrison J. S. The Origins of Plato's philosopher-statesman.* — CQ, 1958, v. 52, p. 207). См. также *Zeller. Die Philosophie...*, S. 304 f.; *Burnet. Op. cit.*, p. 887; *Guthrie. A History...*, p. 163; *Philip. Op. cit.*, p. 190. Речь Исократа хотя и выходит за пределы V в. (она написана около 390 г.), по характеру очень близка к ранней традиции, поэтому мы решили включить ее в наш разбор.

³⁶ Так, например, он утверждал, что спартанцы заимствовали здесь свои законы, сисситии и упражнения, закаляющие тело (*Isocr.*, Bus. 19—20).

³⁷ Гекатей пишет о посещении Египта Орфеем, Мусеем, Мелампом, Дедалом, Гомером, Пифагором и др., ссылаясь при этом на «египетские священные книги» (*FrGrH*, 264 F 25, 96—98). Между тем известно, что ни один грек, писавший о Египте, не знал ни языка, ни письменности этой страны (*Iversen E. The Myth of Egypt and its Hieroglyphs in European Tradition.* Copenhagen, 1961, p. 41 f). Основные факты этого рассказа подчеркнуты у Геродота: заимствование *ισέρος λόγος* (II, 81), метемпсихоз (II, 123), геометрия (II, 109), поездка Мелампа, а вслед за ним Орфея и Мусея (II, 49). См. *Burkert. Op. cit.*, p. 219.

³⁸ Э. Целлер очень хорошо сказал по этому поводу: «Я считаю недоказуемым пребывание Пифагора в Египте, но доказать, что он там не был, тоже невозможно» (*Zeller. Die Philosophie...*, S. 304). См. также *Höpfner Th. Orient und griechische Philosophie.* Lpz, 1925.

³⁹ Если уже в III в. Гермипп мог писать: *Πυθαγόραν τὴν αὐτοῦ φιλοσοφίαν ἀπὸ Ἰουδαίων [εἰς] Ἑλλάδας ἀγαγεῖν* (FHG, III, 41 sq.), то чего стоят все позднейшие рассказы о путешествиях к вавилонянам, индийцам или галльским друидам?

из мудрейших эллинов — Пифагора (IV, 95). В действительности геты едва ли обязаны этим верованием общению с Пифагором. Скорее их греческие соседи объясняли его возникновение так же, как и сам Геродот, — влиянием более древней и развитой культуры. В первом случае греки перенимают от египтян (II, 123), а во втором фракийцы — *καχοβίοι καὶ βλαφροεστέροι* — по характеристике Геродота (IV, 95) — от греков ⁴⁰.

Не вдаваясь в подробности запутанной истории с Залмоксисом ⁴¹, отметим характеристику Пифагора: Ἑλλήνων οὐκ ἀσθενέστατος σοφιστής. В какой же области проявил он свою мудрость? Дж. Бернет считал, что Геродот подразумевает здесь научные занятия и переводил *σοφιστής* как «scientific man» ⁴². В. Буркерт, напротив, утверждает, что поскольку в ранней традиции зафиксирована только «шаманистская» деятельность Пифагора, то и мудрость следует связывать исключительно с ней ⁴³. Итак, Пифагор — не самый слабый из греческих шаманов. Такое понимание слов Геродота смутило бы, вероятно, и самого Буркерта, а ведь именно к этому, в сущности, сводится его толкование.

Решительно отрицая какую бы то ни было связь греческой философии с шаманизмом ⁴⁴, следует согласиться с толкованием этого места по Бернету. До того как софистами стали называть вполне определенную категорию людей, *σοφιστής* — это тот, «кто знает мудрые вещи», носитель знания в архаической Греции ⁴⁵. Так могли называть человека, проявившего себя в различных сферах культурной деятельности: одного из семи мудрецов (Herod., I, 129), поэта (Pind., Ist. V, 28), музыканта (Eur. Rhes. 924). Очень часто так называли философов, ученых и врачей (Isocr., X, 3; DK 64 A 5, 90.6), например Анаксагора (Isocr., XV, 235), Алкмеона (Isocr., XX, 268), Эмпедокла (Hipp. VM 20). Поскольку Пифагор не проявил себя в качестве поэта или музыканта, что же еще мог иметь в виду Геродот, как не его философскую и научную деятельность? Тот факт, что историк называл софистами тех, кто вслед за прорицателем Мелампом познакомил греков с культом Диониса (II, 49), вовсе не меняет общей картины: ведь и «настоящий» софист Протагор утверждал, что его предшественниками были Орфей и Мусей (Plat. Prot. 316d—317b). Кроме того, для Геродота Орфей в первую очередь был поэтом и музыкантом (ср. II, 53) ⁴⁶.

Общий смысл пассажа вполне ясен: Фракийцы ведут жалкую жизнь, а Залмоксис познакомился с ионийским образом жизни и более утонченными, чем у фракийцев, нравами, общаясь с эллинами и мудрейшим из них, Пифагором. Самосский мудрец предстает здесь как носитель ионийской культуры, более того — как представитель ионийского просвещения. Если Залмоксис воспринял от него прежде всего религиозные доктрины, то это вовсе не значит, что ничему другому Пифагор научить

⁴⁰ Burkert. Op. cit., p. 128.

⁴¹ Morrison J. Pythagoras of Samos. — CQ, 50, 1956, p. 137 f.

⁴² Burnet. Op. cit., p. 85. См. также Guthrie. A History... p. 166, not. 3.

⁴³ Burkert. Op. cit., p. 211; Waerden, van der. Op. cit., S. 29.

⁴⁴ Попытки доказать проникновение шаманизма в Грецию (Meuli K. Scythica. — Hermes, 70, 1935, S. 121—176; Dodds E. The Greeks and the Irrational. Berkeley, 1951, p. 144 ff. и др.), основаны, как нам кажется, на смешении в ся к о г о экстаического культа с вполне определенным комплексом верований и культовой практики, который только и можно называть шаманизмом. Но даже если говорить об экстаическом культе вообще, то нет ничего более чуждого пифагореизму с его проповедью умеренности и гармонии. Пока еще никто не мог представить факты, говорящие о существовании такого культа у пифагорейцев. Показательно в этом отношении изменение позиции Ч. Кана по данному вопросу (Kahn Ch. Religion and Philosophy in Empedocles' Doctrine on Soul. — AGPh, 42, 1960, p. 31 ff.; idem. The Arts and Thought of Heraclitus. Camb. Mass., 1981, p. 114).

⁴⁵ Kerferd G. R. The First Greek Sophists. — CIR, 64, 1950, p. 8—10.

⁴⁶ Стоит отметить, что и сам Меламп изображался в традиции не только как прорицатель, но и как поэт и врач, так что он вполне заслуживал имени *σοφιστής*. Интересно, что в пассаже Аристофана (Nub. 331—334) этим словом названы как раз прорицатели, поэты и врачи.

не мог. (Кстати, сам Геродот не верил в их знакомство, полагая, что Залмоксис жил гораздо раньше.) Нам представляется, что, характеризуя Пифагора как *ὄντι ἀσθενέστατος σοφιστής*, Геродот основывался на том, что сам он думал о Пифагоре, а не на том, что знали о нем геллеспонтские греки. Учитывая, что Геродот поселился в Фуриях, т. е. совсем рядом с Кротонем, в 40-х годах V в., когда память о Пифагоре была здесь еще жива, можно считать эту характеристику заслуживающей доверия.

Рассматриваемая на фоне ранней традиции в целом, мудрость Пифагора приобретает еще более определенный характер. Помимо просвещенного ионийца Геродота ее же с пиететом отмечают философ Эмпедокл (В 129) и не чуждый философии поэт Ион (В 4). Даже в неприязненном высказывании Гераклита говорится о *σοφίῃ* Пифагора (В 129). Относя это понятие исключительно к области религиозных доктрин и культовой практики, лишая его рационального содержания, мы должны были бы радикальным образом изменить наши представления о том, что значила *σοφία* для философов в той эпохе. Между тем контекст большинства высказываний говорит совсем о другом: о глубоких и обширных знаниях, которыми обладал Пифагор. Нет смысла оспаривать то, что знания эти касались и религиозной сферы, — для нас важно, что они ею не ограничивались⁴⁷. Ведь невозможно предположить, что поддержка орфического учения о переселении душ сама по себе могла обеспечить Пифагору репутацию мудреца, притом среди людей, которые этого учения не разделяли. В таком случае *σοφώτατος* был бы Орфей, на самом же деле упоминания о его мудрости эпизодичны⁴⁸, и она никогда не фигурировала в качестве его характерной черты. Еще меньше связывалась *σοφία* с орфиками, отношение к которым чаще всего было скептическим. Показательна и репутация тех последователей Пифагора, которые восприняли только религиозную сторону его учения, так называемых акусматиков: мы не раз встречаем насмешки над их проповедями и образом жизни (58 E), но никогда ничего похожего на *σοφία*.

Рассмотрим теперь несколько фрагментов, содержащих развернутую характеристику Пифагора. Вот что говорит о нем Ион Хиосский в эпиграмме, посвященной Ферекиду Сирросскому (В 4):

ὥς ὁ μὲν ἠγορέηι τε κεκασμένος ἠδὲ καὶ αἰδοῖ
καὶ φθίμενος ψυχῇι τερπνὸν ἔχει βίον
εἴπερ Πυθαγόρης ἐτύμως ὁ σοφὸς περὶ πάντων
ἀνθρώπων γνῶμας εἶδε καὶ ἐξέμαθεν

«Значит он, украшенный мужеством и скромностью, и после смерти душой пребывает в радости, если, конечно, и вправду мудрец Пифагор познал и изведal больше, чем все другие люди». Здесь, как и в последнем пассаже Геродота, метемпсихоз не упоминается прямо — речь идет лишь о загробном существовании души, правда, существовании счастливом вопреки традиционным греческим представлениям. Но Ион явно имел в виду не только истинность религиозной доктрины пифагореизма. Скорее он делает залогом этой истины интеллектуальное величие Пифагора, которое, следовательно, не нуждается, на его взгляд, в доказательствах. Ведь *περὶ πάντων ἀνθρώπων γνῶμας εἶδε καὶ ἐξέμαθεν* сказано не об изучении Пифагором души, а вообще — о его значительных успехах в приобретении знаний и, как бы сказали теперь, активной познавательной деятельности⁴⁹. Если Пифагор действительно мудрец, познавший мно-

⁴⁷ Интерес к религии, конечно, в различной степени характерен и для других досократиков: Ксенофана, Гераклита, Парменида, Эмпедокла (*Jäger W. The Theology of the Early Greek Philosophers. Oxf., 1947, p. 38 ff., 90 ff., 109 ff., 129 ff.; Babut D. La religion des philosophes Grecs. P., 1974, p. 15—17.*)

⁴⁸ DK 1 В 2 (Алкей); *Plat., Prot. 316d—317b* — всего два упоминания за три столетия.

⁴⁹ Вместе с тем стоит помнить, что и вопрос о душе был в центре философских споров того времени — от Алкмеона и Гераклита до Платона и Аристотеля.

жество истин (γνώμας εδε)⁵⁰ глубже, чем другие люди, то и его представления о душе являются истинными — вот что, в сущности, хотел сказать Ион⁵¹.

Основное философское сочинение Иона «Триагм» начинается словами: πάντα τρία καὶ οὐδὲν πλέον ἢ ἔλασσον τούτων τῶν τριῶν (В 1). За основу здесь взят выдвинутый Пифагором и хорошо известный по произведениям его последователей числовой принцип. В этом же «Триагме» встречается упоминание о поэмах Пифагора, будто бы приписанных им Орфею (В 2). Таким образом, влияние пифагорейской философии на Иона очевидно⁵², и естественно предположить, что его высокая оценка мудрости и знаний Пифагора основана именно на нем. Ион, впервые ставя рядом имена Ферекида и Пифагора, еще ничего не говорит об их личных контактах, но вскоре после него Андрон из Эфеса (историк IV в.) называет Ферекида учителем Пифагора. Андрон черпал свои сведения из легендарной традиции: он повествует о различных чудесах и предсказаниях Пифагора. Эта традиция дошла и до Аристотеля, который в своей книге о пифагорейцах отметил: «Пифагор, сын Мнесарха, первоначально посвятил себя занятию математикой и числами, но впоследствии не удержался и от чудотворства Ферекида» (14 А 7)⁵³. Как видим, Аристотель знал Пифагора не только как легендарного чудотворца, но и как ученого, и если для него это различие было существенным, то почему мы должны им пренебрегать⁵⁴?

Несмотря на древность традиции, сближающей Ферекида и Пифагора, она, скорее всего, неисторична. В пифагореизме едва ли найдутся черты, свидетельствующие о близости его основателя к Ферекиду. Учение о метемпсихозе, которое приписывает Ферекиду Суда, — лишь поздняя выдумка, призванная объяснить это сближение с Пифагором⁵⁵. Гораздо больше сходства в стиле их жизни, что как раз и могло послужить основанием их сближения. «Если Ферекид был мудрецом того типа, который связан с чудесными историями, а именно таким был Пифагор, то связь между двумя схожими современниками была бы изобретена, независимо от того, существовала она в реальности или нет», — пишет по этому поводу Рэйвен⁵⁶. Возможно, в этом сыграла свою роль эпиграмма Иона.

⁵⁰ Для уяснения значения γνώμας у Иона полезно сопоставить ее со словами его современников, — Гераклита (В 78) и Анаксагора (В 12); в этом же духе писал позже и Демокрит (В 11). См. *Snell B. Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie. В., 1924, S. 36—37.*

⁵¹ См. сходную интерпретацию В. Кранца (*Kranz W. Vorsokratisches, I—II.—Hermes, 69, 1934, S. 228*).

⁵² Guthrie. *A History...*, p. 159.

⁵³ Позиция тех исследователей, которые отрицают принадлежность этих слов Аристотелю, кажется нам необоснованной. См. *Heidel. Op. cit.*, p. 8; *Philip. Op. cit.*, p. 23; *Burkert. Loge...*, p. 412.

⁵⁴ Соседство Ферекида и Пифагора в легендарной традиции не должно нас смущать: она сближала персонажей по определенному признаку — наличию «чудесных» рассказов. Эмпедокла в этой связи поминали ничуть не реже, в то время как Аристотель называл его φυσικός (А 22), и нам хорошо известно о его научной и философской деятельности. Во фрагменте Аристотеля гораздо важнее не соседство Ферекида и Пифагора, а их противопоставление. Если же говорить о соседстве, то в другом месте (14 А 5) Аристотель, цитируя Алкидаманта, ставит рядом Пифагора и Анаксагора. Во фрагментах «Протрептика» они тоже фигурируют вместе как представители одной точки зрения (*Protr. fr. 18—20 Düring*).

⁵⁵ *Long. Op. cit.*, p. 13—14.

⁵⁶ *Kirk G., Raven J. The Presocratic Philosophers. Oxf., 1957, p. 50—51.* См. также *Zeller. Die Philosophie...*, S. 299, Anm. 2; *Philip. Op. cit.*, p. 188. Стоит отметить, что Ферекид не был «обычным» теологом и чудотворцем: тот же Аристотель находил рациональные черты в его учении (А 7). Есть основания полагать, что на него оказало влияние философское учение Анаксимандра (*Kahn Ch. Anaximander and the Origin of Greek Cosmology. N. Y., 1960, p. 240*).

Еще более выразительную характеристику Пифагора мы находим во фрагменте из поэмы Эмпедокла:

ἦν δὲ τις ἐν κείνοισιν ἀνὴρ περιώσια εἰδώς.
ὅς δ' ἤ μάλιστα πρᾶπίδων ἐκτίρατο πλοῦτον,
παντοίων τε μάλιστα σοφῶν (τ') ἐπιήρανος ἔργον.
ὄππότε γὰρ πάσησιν ὄρεζαίτο πρᾶπίδεσσι,
ῤεῖ' ὃ γε τῶν ὄντων πάντων λεάσσεσκεν ἕκαστον
καὶ τε δέκ' ἀνθρώπων καὶ τ' εἴκοσι αἰώνεσσιν (В 129) ⁵⁷.

«Был среди них муж редких знаний, достигший величайшего богатства ума и весьма искусный во всех видах мудрых дел, ибо когда он напрягал весь свой разум, то легко видел любую из всех существующих вещей на протяжении десяти или двадцати людских поколений».

Восторженная оценка Эмпедокла тем более важна для нас, что она исходит от человека, конгениального Пифагору, — философа и ученого, политика и религиозного деятеля. Много в его деятельности заставляет предполагать, что он не только с пиететом относился к Пифагору, но и сознательно подражал ему, когда, например, обращался к своим согражданам с уверениями в собственном бессмертии (В 112). Но в его оценке отражены не сверхъестественные черты Пифагора, а выдающиеся способности, обширные знания и занятия «мудрыми делами».

Последние две строки фрагмента Эмпедокла обычно трактовались как намек на перевоплощение души Пифагора, которое и позволяло ему видеть на расстоянии десятков поколений ⁵⁸. Но Г. Цунц справедливо отметил, что речь идет скорее не о переселении души, а об уровне интеллектуальных способностей Пифагора, на что указывает предшествующая строка — «когда он напрягал весь свой разум». В то же время Цунц не исключает возможности того, что сам Эмпедокл связывал эти способности с памятью Пифагора о предшествующих воплощениях ⁵⁹. Иначе говоря, если здесь и содержится намек на метемпсихоз, то весьма завуалированный; характерно, что уже в древности этот фрагмент некоторые относили к Пармениду ⁶⁰, который никак не был связан с метемпсихозом. В любом случае в этом фрагменте нет ничего, что позволило бы согласиться со словами Э. Франка: «Эмпедокл знал Пифагора только как проповедника метемпсихоза» ⁶¹. Напротив, Эмпедокл рисует портрет не столько религиозного проповедника, сколько рационального мыслителя, а ведь он должен был знать о Пифагоре больше, чем кто-либо другой из разбираемых нами авторов. Если даже отказаться от очень соблазнительной версии об их прямых контактах, то близость Эмпедокла к пифагорейцам следующего поколения не подлежит сомнению ⁶².

⁵⁷ Х. Лонг убедительно показал, что сомнения Целлера и ряда других ученых в том, что этот фрагмент относится к Пифагору, не имеет серьезных оснований (*Long. Op. cit.*, p. 17 ff.). Ср. *Rathman. Op. cit.*, p. 42—43.

⁵⁸ *Kirk, Raven. Op. cit.*, p. 219.

⁵⁹ *Zunz. Op. cit.*, p. 209.

⁶⁰ *Porph., Vita Pyth.* 30; *Iambl., Vita Pyth.* 67.

⁶¹ *Frank. Op. cit.*, S. 356, Anm. 166.

⁶² Алкидамант говорит об Эмпедокле: Ἀναξαγόρου διακοῦσαι καὶ Πυθαγόρου καὶ τοῦ μὲν τὴν σεμνότητα ζηλωσαι τοῦ τε βίου καὶ τοῦ σχήματος, τοῦ δὲ τὴν φυσιολογίαν (31 А 1). Алкидамант был учеником Горгия, который, в свою очередь, был учеником Эмпедокла. Тимей, один из важнейших источников по истории пифагорейства, говорит то же самое: ἀκοῦσαι Πυθαγόρου (А 1). Хотя оба свидетельства исходят из надежных рук, следуя им, мы должны были бы отнести дату рождения Эмпедокла на 20 лет назад. На это пока решились очень немногие (*Cleve. Op. cit.*, p. 332 f.). Остальные полагают, что речь следует вести не о Пифагоре, а о пифагорейцах, тем более что три других свидетельства — Феофраста (А 7), Неанфа и Гермиппа (А 1 — оба авторы III в.) — говорят о связях Эмпедокла с пифагорейцами. Буркерт, слишком прямолинейно толкуя слова Алкидаманта, утверждает, что «естествознание идет не от Пифагора, а от Анаксагора» (*Burkert. Loge...*, p. 215). Но что же, как не философию природы имел в виду Феофраст, говоря: «Эмпедокл, ученик Парменида и еще больше пифагорейцев» (А 7)?

Отношение к Пифагору его младшего современника, Гераклита, было совсем иным, нежели у Эмпедокла. Все три его свидетельства содержат резкую и недоброжелательную критику. Впрочем, это неудивительно: с одобрением Гераклит отзывался только об одном человеке — близко знакомом ему аристократе Гермодоре из Эфеса (В 121) ⁶³. Все остальные лица, встречающиеся в его книге, — Гомер, Гесиод и Архилох, Ксенофан и Гекатей — получают свою долю осуждения и насмешек. Но несмотря на это, три фрагмента Гераклита являются, пожалуй, самой ценной частью нашей традиции. Один из них содержит прямое указание на ученые занятия Пифагора: Πυθαγόρης Μνησαρχῶ ἱστορίην ἴσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων καὶ ἐκλεξάμενος ταύτας τὰς συγγραφαὶς ἐποίησεν αὐτοῦ σοφίην, πολυμαθίην, κακοτεχνίην. (В 129): «Пифагор, сын Мнесарха, занимался исследованием более всех людей и, выбрав из этих сочинений (то, что ему было нужно), создал свою собственную мудрость: многознание и обман».

Диоген Лаэртций приводит эти слова в доказательство существования произведений Пифагора (VIII, 6), и это дало повод еще Шлейермахеру выразить сомнение в подлинности фрагмента ⁶⁴. В действительности же Гераклит говорит лишь об использовании чужих сочинений (а не о написании собственного) ⁶⁵, хотя и этот факт долго вызывал сомнения, и многие видели здесь интерполяцию ⁶⁶. Но отрицать знакомство Пифагора с литературой того времени — по меньшей мере странно: он просто не мог не опираться на труды своих предшественников ⁶⁷.

Какие же сочинения мог иметь в виду Гераклит? Употребление *συγγραφαί* говорит о том, что в первую очередь речь идет о прозаических сочинениях ⁶⁸, так что Буркерт напрасно настаивает на орфических поэмах ⁶⁹. Прежде всего здесь следует назвать Анаксимандра и Анаксимена ⁷⁰, чьи философские принципы нашли прямое отражение в пифагореизме, затем — Ферекида Сирросского. Конечно, до нас дошли лишь скудные сведения об ионийской прозе того времени, но зная, например, о двух архитектурных трактатах VI в. ⁷¹, книге кротонского врача Демокда (19 А 2) или сочинении «О солнцестоянии и равноденствии», приписываемом Фалесу (В 3), легко предположить наличие аналогичных произведений в других областях знания. Напротив, было бы странно счи-

⁶³ Фрагмент В 39, в котором говорится о Бианте из Приены, слишком отрывочен и двусмыслен, чтобы можно было говорить об однозначной положительной оценке (ср. В 56).

⁶⁴ *Schleiermacher H.* Herakleitos der Dunkle. В., 1807, S. 373.

⁶⁵ *Burnet.* Op. cit., p. 134, not. 2; *Rathman.* Op. cit., p. 39; *Delatte A.* La vie de Pythagore de Diogène Laërce. Bruxelles, 1922, p. 162.

⁶⁶ *Zeller.* Alteste Zeugnisse..., S. 459 f.; *Gomperz Th.* Zu Heraklits Lehre und den Überresten seines Werkes. Wien, 1887, S. 100 f.; *Rathman.* Op. cit., p. 38—40; *Diels — Kranz.* Comm. ad. loc.

⁶⁷ Вилламовиц-Меллендорф, хотя и признавал, что Гераклит говорит о научных занятиях Пифагора, видел в использовании им письменных источников *reinliche Schwierigkeit* (*Wilamowitz-Moellendorf.* Op. cit., S. 188, Anm 1). Мы видим, что трудность как раз в другом. Как мог Пифагор заниматься математикой и астрономией, не зная о том, что уже сделано в этих областях? Ведь теоремы, которыми он занимался, вплотную примыкают к теоремам, которые были доказаны Фалесом. Если Евдем Родосский в конце IV в. был хорошо знаком с доказательствами Фалеса (скорее всего, через Гипия Элидского — D.L. I 24, fr. 133 Wehrli), то почему в середине VI в. о них не мог узнать Пифагор из какого-нибудь раннего математического сочинения?

⁶⁸ *Kahn.* The Arts..., p. 113.

⁶⁹ *Burkert.* Lore..., p. 131, 210.

⁷⁰ На знакомство с работой Анаксимандра указывает основная оппозиция пифагореизма *πέρας — ἀπειρον*. См. *Таннери.* Ук. соч., с. 125 сл.; *Burnet.* Op. cit., p. 108; *Vogel C. J., de.* Philosophia. Part I. Studies in Greek Philosophy. Assen, 1970, p. 85. Взглядам Анаксимена очень близка пифагорейская космогония, по которой мир образуется путем вдыхания извне «беспредельного воздуха» (*Arist., Phys.* 213b22). См. *Chiapalli A.* Zu Pythagoras und Anaximenes. — *AGPh*, 1, 1887, S. 584 ff.; *Kirk, Raven.* Op. cit., p. 251 ff.; *Guthrie.* A History..., p. 279.

⁷¹ По свидетельству Витрувия, один из них принадлежал Феодору с Самоса, другой — Херсифрону с Крита (VII, pref. 12).

тать, что речь идет о египетских или вавилонских сочинениях ⁷²: ведь Гераклит, безусловно, был знаком с теми συγγραφαί, о которых он пишет.

Центральным понятием этого фрагмента, как и многих других (В 32, 41, 50, 83, 108, 112, 118), является «мудрость» (σοφία). Гераклит явно претендовал на роль единственного обладателя мудрости, последовательно отказывая в ней как всем людям вообще, так, в частности, и поэтам, философам, ученым ⁷³. Что же является собой «мудрость» Пифагора? Сначала Гераклит говорит, каким образом тот к ней пришел: занимаясь исследованиями и набираясь знаний из чужих книг, затем — чем она в действительности является: «многознание и обман» (πολυμαθία, χαχότεχνία). Последнее выражение неоднократно толковалось, но определенности в его понимании до сих пор нет (если, конечно, полагают, что в данном случае она вообще достижима). Обычное значение χαχότεχνία — обман, фальсификация, а юридическое — ложное свидетельство, в общем нечто связанное с мошенничеством. Неоднократные попытки связывать это слово с религиозными занятиями Пифагора не кажутся нам убедительными. Во-первых, χαχότεχνία нигде не подразумевает религиозное нечестие, в ней вообще нет ничего специфически связанного с верованиями. Во-вторых, такое толкование плохо увязывается с общим смыслом фрагмента. Конечно, Гераклиту не могли нравиться притязания Пифагора на бессмертие и способность творить чудеса, но как это связать с той мудростью, которая основана на изучении чужих трудов и накоплении знаний? Ведь не мог же Гераклит считать, что Пифагор и это вычитал в книгах ⁷⁴!

Если понимать ἐποίησατο ἑαυτοῦ σοφίην как «выдал за собственную мудрость» или «присвоил как свое собственное» ⁷⁵, то в χαχότεχνία можно видеть обвинение в присвоении чужих мыслей ⁷⁶. «Собственная мудрость» Пифагора на самом деле ложна, — во-первых, потому, что она заимствованная, а во-вторых, потому, что это не мудрость, а многознание. Оценивать этот упрек следует, конечно, только на фоне постоянного стремления Гераклита доказать свою оригинальность и независимость от какой бы то ни было традиции, вместе с тем ему действительно могло броситься в глаза сходство идей Пифагора с какими-то сочинениями ⁷⁷. Наконец, χαχότεχνία может означать и другое: мудрость Пифагора обманывает не своими внешними сторонами, а своей сутью, т. е. она ложна и вредна ⁷⁸. Но не потому, что Гераклит был против какой-то отдельной стороны пифагореизма (скажем, его космологии или религиозной доктрины), а потому, что он в принципе не хотел соглашаться с любым объяснением, отличным от своего собственного.

Конечно, до конца последовательным Гераклит быть не мог и, несмотря на свою неприязнь к Пифагору, он использовал и его идеи. Г. Френкель убедительно показал, как органично вошли в систему Гераклита

⁷² Так полагал В. Кранц (Vorsokratisches, I, S. 116), а вслед за ним и другие (Waerden, van der. Op. cit., S. 42—43; Philip. Op. cit., p. 178; Marcovich M. Pythagorica.— Philologus, 108, 1964, S. 42).

⁷³ ἴσθός ἀνθρώπειον οὐκ ἔχει γνῶμας, θεῖον δὲ ἔχει (В 78). См. также Babut D. Héraclite critique des poètes et des savants.— Ant. Clás., 45, 1976, p. 464—496.

⁷⁴ М. Маркович, полемизируя с Буркертом, справедливо указывает, что критика Гераклита носит чисто теоретический характер и ее следует понимать в рамках его полемики в связи с учением о Логосе (Marcovich. Op. cit., S. 42).

⁷⁵ Zeller. Die Philosophie..., S. 309; Burnet. Op. cit., p. 134, not. 2; Diels H. Hērakleitos von Ephesos. В., 1903, S. 49; Chernise H. Review of Fragmente der Vorsokratiker, 5. Aufl.— АЖР, 1939, v. 60, p. 250.

⁷⁶ Гатри считал обвинением в плагиате выражение «выбрав из этих сочинений (то, что ему было нужно)» (Guthrie. A History..., p. 157 f., 417).

⁷⁷ Не исключено, что речь могла идти и об орфических поэмах, если Гераклит называл συγγραφαί группу сочинений, в которую наряду с прозой входила и поэзия.

⁷⁸ Маркович (op. cit., S. 41—42) связывает χαχότεχνία с ψευδομαρτάρειω (В 28) и понимает χαχότεχνος как Vorschieber falscher Zeugen. Но это можно толковать двояко: мудрость Пифагора фальшива потому, что она не его, или его идеи просто ложны, независимо от их происхождения. Мы склоняемся скорее к первому варианту.

идеи пропорции и музыкальной гармонии — результаты изысканий Пифагора в математике и акустике ⁷⁹. Это еще раз подтверждает, что фразу «занимался исследованием (ἱστορίην) более всех людей» следует понимать как указание на научные изыскания, а не просто на какие-то «распросы» и «разузнавания» ⁸⁰. ἱστορίην в В 35 (где, говоря о «мужах-философах», Гераклит, вероятно, имел в виду самого себя) совершенно определенно означает «исследование». В данном фрагменте это понятие стоит рядом с обвинением в плагиате, но какой бы дополнительный смысл ни пытался вложить в это слово Гераклит и как бы ни стремился подчеркнуть разницу между занятиями Пифагора и собственными, реальность, стоящая за понятием ἱστορίην, и в том, и в другом случае остается познавательной деятельностью рационального типа ⁸¹.

В том же направлении ведет нас и второй фрагмент Гераклита (В 40): «Многознание уму не научает, иначе бы оно научило Гесиода и Пифагора, да еще Ксенофана и Гекатея». «Многознание» (πολυμάθει), вновь фигурирующее здесь, и имена, среди которых упомянут Пифагор, позволяют еще с большей определенностью сказать, что претензии Гераклита носят философский или, лучше сказать, эпистемологический характер ⁸², как и в В 129 ⁸³. Именно под этим углом он и объединял столь разных людей: автора «Теогонии» и Ксенофана, смеявшегося и над традиционной религией, и над метемпсихозом, самого Пифагора и, наконец, Гекатея, также известного своей критикой в адрес common sense (FrGrH, I F1).

Отвлекаясь от этих различий, Гераклит сосредоточивается на том, что волновало его больше всего: на противопоставлении их способа познавать окружающий мир своему собственному. А поскольку истина была в руках Гераклита, то другим оставалось только многознание. Впрочем нам вполне достаточно «многознания» Пифагора; на фоне философа Ксе-

⁷⁹ Fraenkel H. Thought-Pattern in Heraclitus.— AJP, 59, 1938, p. 309—338. См. также: Zeller. Die Philosophie..., S. 478; Гомперц Т. Греческие мыслители. СПб., 1911, с. 67, 127; Kahn. Pythagorean Philosophy..., p. 184; *idem*. The Arts..., p. 203 ff.; Minar E. The Logos of Heraclitus.— ClPh, 34, 1939, p. 323—341; Cherniss H. The Characteristics and Effects of Presocratic Philosophy.— In: Studies in Presocratic Philosophy/Ed. Furley D. J. and Allen R. L., 1970, p. 17.

⁸⁰ ἱστορίην как «исследование» признана большинством ученых; см., например, Tannery P. Pour l'histoire de la science Hellène. P., 1887, p. 194; Burnet. Op. cit., p. 134; Diels. Heraclitus..., S. 49; Delatte. Vie de Pythagore..., p. 159; Kirk, Raven. Op. cit., p. 218; Timpanaro Cardini M. Pitagorici. Testimonianze e frammenti. T. I. Firenze, 1959, p. 17; Guthrie. A History..., p. 157; Kahn. The Arts..., fr. 25. Более осторожно переводил Целлер: «Erkundigung. Nachfragen bei andern» (Zeller. Alteste Zeugnisse..., S. 459, Anm. 4), но это связано с тем, что он видел интерполяцию в ταῦτα τὰς συγγραφάς. Б. Снелл также отказывался видеть в ἱστορίην свидетельство «Forschartätigkeit» (Snell. Op. cit., S. 62). Но он не признавал подлинности В 129 (хотя даже не мог привести никаких доводов против ἱστορίην) и, кроме того, толковал ἱστορέω в В 35 как «sich erkundigen, nachfragen». Однако Гераклит не мог сказать: «мужи-философы должны много спрашивать (разузнавать) у других», — это идет вразрез с его постоянным обличением всеобщего незнания. Т. Гомперц (op. cit., S. 1003), безусловно, прав, считая, что ἱστορίην имеет здесь тот же смысл, что и у Геродота (I, 24) и Демокрита (В 299).

⁸¹ Вердениус (op. cit., p. 284), настроенный скептически по отношению к Пифагоровой науке, полагал, что ἱστορίην употреблена здесь в ироническом смысле, но этому противоречит серьезный тон и обличительный пафос всего фрагмента. Вместе с тем ирония не мешает нашему пониманию ἱστορίην. Гераклит, возможно, и хотел сказать, что «настоящее» исследование — у него, а не у Пифагора, но едва ли стал бы смеяться над «ненаучным» характером его занятий, — ведь сам Гераклит как раз и не занимался наукой.

⁸² Ван дер Варден считает, что Гераклит приписывает Пифагору «многознание без ума» потому, что тот, набравшись на Востоке каких-то математических знаний, излагал их без должного понимания (Waerden, van der. Op. cit., S. 42—43). Должны ли мы полагать, что Гераклит не только знал (или претендовал на то, что знает) математику лучше Пифагора, но и глубже, чем тот, постиг в о с т о ч н у ю математику? Совершенно ясно, что для этого нет ни малейших оснований.

⁸³ См., например, Stokes M. C. One and Many in Presocratic Philosophy. Camb., 1971, p. 87—89; Lallou, J. Une invective philosophique (Héraclite, fr. 129 et 35 D.—K.).— REA, 73, 1971, p. 15, ff., 22.

нофана и ученого Гекатея само это обвинение безошибочно указывает на характер Пифагоровых занятий.

Хотя Ратман и Буркерт пытались доказать, что Пифагора следует рассматривать вместе с Гесиодом как представителей религиозной мысли — в отличие от Ксенофана и Гекатея⁸⁴, это объяснение явно надумано. Когда Гераклит писал свою книгу, Гесиода и Пифагора уже не было в живых, поэтому их имена и стоят рядом⁸⁵. Что же касается «многознания» Гесиода, то оно лишь на первый взгляд мало соотносится с занятиями Ксенофана и Гекатея. Как отметил А. И. Зайцев, Гераклит не мог сомневаться в принадлежности Гесиоду обширной генеалогической поэмы «Каталог женщин» — типичного образца «многознания», объединившего его с автором «Генеалогий» Гекатеем, а через последнего — и с Ксенофаном⁸⁶.

Несколько в стороне от интересующей нас темы лежит фрагмент, в котором Пифагор именуется *κοπίδων ἀρχηγός* «мастер (предводитель) хитростей» (В 81). Судя по пояснениям этого выражения у схолиастов, а также по параллельному материалу, который приведен в статье К. Рейнхарда⁸⁷, *κοπίδες* означало умение ораторов привлекать на свою сторону слушателей (*αἱ τῶν λόγων τέχναι*), действуя при помощи каких-то уловок (*κοπίζειν* : *φροῦδισθαί*. — Hesych.). Мастером по части этих уловок и был, по мнению Гераклита, Пифагор. Как и в случае с *καχοτεχνίη*, трудно сказать, что конкретно имел в виду автор: возразил ли он против каких-то определенных приемов произнесения речей, их внутреннего содержания или всего вместе.

Скорее всего человек, пытавшийся в чем-либо убедить народ, должен был быть крайне неприятен Гераклиту: недаром он пользовался изысканным стилем и постоянно нападал на толпу, за что заслужил прозвище *ὀχλολοιδόρος* (А 1,6). Напротив, феноменальная популярность Пифагора в Кротоне, о чем свидетельствует фрагмент Дикеарха (fr. 33 Wehrli), объясняется, по-видимому, личными качествами философа и его умением убеждать людей. Для эмигранта с Самоса ораторская речь была, пожалуй, единственным средством в борьбе за признание, и, учитывая, что иониец Пифагор должен был говорить перед жителями ахейской колонии, следует согласиться, что он пользовался этим средством как нельзя лучше.

Этот фрагмент еще раз подтверждает традицию о речах Пифагора, на важность которой указала К. де Фогель⁸⁸. Кроме Дикеарха и его современника Тимея⁸⁹ об этих речах свидетельствует и более ранний автор, ученик Сократа Антисфен (Schol. ad Homer. Od. I, 1)⁹⁰. Комментируя гомеровский эпитет *πολύροπος*, он ссылается на «многоликость» философа: «Так и Пифагор, говорят, считал для себя достойным разговаривать с детьми, обращая к ним детские речи, к женщинам — женские, архонтам — предназначенные для архонтов, к эфебам — подходящие для эфебов». Как видим, Пифагор употребил весь свой талант политического оратора и религиозного проповедника для приобретения широкой

⁸⁴ Rathman. Op. cit., p. 38; Burkert. Lore..., p. 210.

⁸⁵ Levy. Op. cit., p. 2, not. 8; Gomperz H. Über die ursprüngliche Reihenfolge einiger Bruchstücke Heraklits. — Hermes, 58, 1923, S. 36, Anm. 1; Marcovich. Op. cit., S. 40—41.

⁸⁶ Зайцев А. И. Некоторые особенности рецепции ионийской натурфилософии в Великой Греции и Сицилии. — В кн.: Западное Средиземноморье в I тыс. до н. э. Л.: Наука, 1984.

⁸⁷ Reinhardt K. ΚΟΠΙΔΩΝ ΑΡΧΗΓΟΣ. — Hermes, 63, 1928, S. 107—110. См. также Diels H. Ein gefälschtes Pythagoras Buch. — AGPh, 3, 1890, S. 453; Wilamowitz-Moellendorf U., von. Lesefrüchte. — Hermes, 62, 1927, S. 277, f.; Marcovich. Op. cit., S. 42. Диоген Лаэртций приписывает Пифагору сочинение под названием *κοπίδες*, в котором А. Делят видел трактат по риторике (см. Vogel, de. Op. cit., p. 228).

⁸⁸ Vogel, de. Op. cit., p. 70 ff.

⁸⁹ См. Fritz K., von. Pythagorean Politics in Southern Italy. N. Y., 1940, p. 41, 65.

⁹⁰ Vogel, de. Op. cit., p. 140; Burkert. Lore..., p. 115, not. 38.

популярности среди жителей Кротона. А priori можно сказать, что предметом его речей были вопросы не философского (и тем более не научного) характера, а религиозно-этического; вполне возможно, что сюда входили и элементы учения о метемпсихозе.

Судя по откликам Гераклита, известность Пифагора уже в начале V в. далеко перешагнула пределы Великой Греции. Конечно, Гераклит мог использовать воспоминания, сохраненные местной ионийской традицией (ведь Самос и Эфес расположены недалеко друг от друга), но характер его высказываний убеждает в том, что он имел в виду период расцвета деятельности Пифагора в Кротоне⁹¹. В первой четверти V в., когда Гераклит писал свою книгу, слава о Пифагоре настолько распространилась, что расстояние между Кротонем и Эфесом не было для нее преградой. Об исключительной популярности Пифагора свидетельствуют монеты с его изображением и подписью ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ, выпущенные в 430—420-х годах на севере Греции, в Абдерах. Для V в. это случай беспрецедентный и не только потому, что изображения философов на монетах появляются гораздо позже и, как правило, в их родных городах: перед нами первый портрет на греческих монетах, во всяком случае первый подписанный портрет⁹².

Можно только догадываться, чем именно завоевал Пифагор уважение абдеритов. На наш взгляд, скорее своей деятельностью в области философии и науки, чем политики и религии. Ч. Зелтман высказал предположение, что появление этих портретов связано с Демокритом, чье имя фигурирует на абдерских монетах (в качестве магистрата) как раз в это время⁹³. Эта гипотеза кажется нам вполне правдоподобной, особенно на фоне следующих фактов: 1) Демокрит написал сочинение «Пифагор» (А 33), в котором высказывал свое восхищение самосским мудрецом (А 1,38); 2) по свидетельству его современника Главка Регийского, Демокрит учился у кого-то из пифагорейцев (А 1,38)⁹⁴. К этим свидетельствам следует отнести со всей серьезностью. Демокрит родился около 470—460-х годов, следовательно, мог застать в живых слушателей самого Пифагора, однако если бы пифагореизм того времени ограничивался религиозной сферой, то чему мог учиться у пифагорейцев такой человек, как Демокрит, и чем бы он восхищался в своей книге?

С. Я. Лурье, отрицавший вслед за Франком раннепифагорейскую философию и науку, предположил, опираясь на расположение книги «Пифагор» среди этических сочинений Демокрита (рядом с книгой «О душевном расположении мудреца»), что в молодости он учился у пифагорейца этике, а сама его книга содержала «моральные изречения»⁹⁵. Однако оба эти вывода отнюдь не очевидны. Что касается содержания книги, то справедливее говорить не о моральных изречениях, а об этических идеях. Исходя из конъектуры Целлера, объединявшего два со-

⁹¹ Ср. *Philip. Op. cit.*, p. 140; *Morrison. Pythagoras...*, p. 141.

⁹² Уже первый издатель одной из этих монет предположил, что на ней изображен именно Пифагор с Самоса (*Jameson R. Collection Jameson. V. III, P.*, 1924, p. 50, not. (1999)). Впоследствии к этой точке зрения присоединились наиболее известные нумизматы: *Seltman Ch. Greek Coins. 2-nd ed. L.*, 1955, p. 143—144; *Babelon J. Le portrait dans l'antiquité d'après des monnaies. P.*, 1943, p. 63—64; *Schwabacher W. Pythagoras auf griechische Münzbildern.* — *Stockholm Studies in Classical Archeology*, v. 5, 1968, p. 59—63. Сомнения, высказанные на этот счет Г. Рихтер (*Richter G. Greek Portraits. IV. Brussels, 1962*, p. 17—19), были рассеяны появлением публикаций в 60-х годах еще одной монеты того же типа (*Schwabacher. Op. cit.*, p. 60—62). Новейший издатель абдерских монет также считает, что этот портрет связан с Пифагором-философом (*May J. M. F. The Coinage of Abdera. L.*, 1966, p. 144, 157 ff., not. 218, pl. XIII).

⁹³ *Seltman. Op. cit.*, p. 143 f.

⁹⁴ Демокритовец IV в. Аполлодор из Кизика утверждал, что он встречался с Филолаем (А 2), но Филолай — ровесник Демокрита, а возможно, и моложе его, поэтому он вряд ли мог быть его учителем.

⁹⁵ *Лурье С. Я. Демокрит. Л.*: Наука, 1970, с. 458, № 154.

седних названия в одно — «Пифагор, <или> О душевном расположении мудреца»⁹⁶, можно полагать, что речь шла о предпочтительности созерцательного образа жизни философа перед деятельным. Эта идея хорошо засвидетельствована в этике и пифагорейской школы (скорее всего, она восходит к самому Пифагору)⁹⁷ и у Демокрита⁹⁸. Сходство их этических учений этим не ограничивалось⁹⁹, но мы не будем на нем останавливаться, поскольку ясно, что влияние пифагорейцев на Демокрита этикой не ограничивалось. Трудно представить, чтобы он решил учиться у пифагорейцев т о л ь к о этике. Расположение книги о Пифагоре среди этических сочинений Демокрита не может быть серьезным аргументом.

Уже Аристотель, сопоставляя взгляды пифагорейцев и Демокрита, неоднократно указывает на близость их точек зрения по ряду философских вопросов¹⁰⁰. Подобных примеров можно было бы привести немало. Конечно, Демокрит не был учеником пифагорейцев в том смысле, в каком его трактовали древние «преемства философов», но он немало взял у них, а главное, его реакция на пифагореизм определенно указывает на рациональный характер этого философского течения. Позиция Франка, превращавшего пифагорейцев из учителей Демокрита в его учеников¹⁰¹, уже давно отвергнута, и характерно, что С. Я. Лурье в ряде важных пунктов признал ошибочными свои первоначальные взгляды на ранний пифагореизм¹⁰², как, впрочем, сделал это и сам Франк¹⁰³.

Контакты Демокрита с пифагорейцами не ограничивались и философией. «Если мы спросим себя, у кого Демокрит почерпнул те математические познания, которыми он выделялся среди своих современников, то самым удовлетворительным ответом будет — у одного из пифагорейцев», — писал Целлер¹⁰⁴, и с его мнением трудно не согласиться¹⁰⁵. Действительно, среди сочинений Демокрита мы находим «Об иррациональных линиях и телах» (А 33), а в первой половине V в. проблемой иррациональности в математике никто, кроме пифагорейцев, не занимался. Само открытие иррациональности ряд авторитетных специалистов свя-

⁹⁶ Zeller. *Älteste Zeugnisse...*, S. 471.

⁹⁷ Arist., Protr. fr. 18—20 Düring; *Heracl. Pont.*, fr. 87—88 Wehrli. См. Morrison. *The Origins...*, p. 208; Guthrie. *A History...*, p. 164 f.

⁹⁸ Fr. XX, XXI, XXVI, XXVII, VIII, 737, 729 Luria. В последнем фрагменте Пифагор упоминает рядом с Демокритом.

⁹⁹ Главный упор в своей этике Демокрит делает на *μετρίότης, συμμετρίη* (fr. 657 Luria), стремлении избегать излишеств (fr. 739, 750; ср. *Diod.*, X, 7): во всем хороша середина (*καλὸν ἐν παντὶ τὸ ἴσον* fr. 749), счастье — это *ἀρμονία καὶ συμμετρία* (fr. 742). Интересно сопоставить свидетельство Аристоксена о пифагорейцах (DK 58, p. 468, 20) с тем, что говорил Демокрит (fr. 779). Следует отметить, что из предшественников Демокрита только пифагорейцы всерьез занимались этикой и педагогикой (*Vogel, de. Op. cit.*, p. 176 ff.), и нам кажется неслучайным, что Демокрит уделяет этим дисциплинам так много внимания.

¹⁰⁰ Arist., *De cael.* 303a4 ff. — о роли чисел у пифагорейцев и атомистов; *Phys.* 203a6; *de cael.* 279a11 ff.; fr. 201 Rose — пифагорейская космогония и космогония Левкиппа (А 1) и Демокрита (А 40); *Met.* 1084 в — единицы и атомы; *de an.* 404a1 — представления о душе; *de gen. et cog.* 315b25, 316a3 ff. — критика Демокритом пифагорейских взглядов (ср. *Met.* 1028b16; 1090b5). Дж. Бернет (*op. cit.*, p. 336) считал, что пифагорейское влияние видно и в учении Левкиппа. См. также Guthrie. *A History...*, p. 389.

¹⁰¹ Frank. *Op. cit.*, S. 72 ff.

¹⁰² Лурье. Демокрит, с. 444, № 16 (комм. к фр. 105).

¹⁰³ «Именно в школе Пифагора возникла математика как точная наука... Более того, пифагорейцы заложили основы научной астрономии и физики... Невозможно, конечно, установить, какова доля участия самого Пифагора в этих достижениях, но едва ли подлежит сомнению, что он был зачинателем всего этого научного развития. Он был скорее рациональным мыслителем, чем вдохновенным мистиком» (*Frank E. Wissen, Wollen, Glauben. Zürich, 1955, S. 81—82*).

¹⁰⁴ Zeller. *Älteste Zeugnisse...*, S. 471.

¹⁰⁵ Ср. *Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946, с. 177; Griechische Atomisten. Text und kommentar. Hrsg. F. Jüres. Lpz., 1973, S. 24, 514, 519.*

зывают с Гиппасом из Метапонта (ок. 480 г.), учеником Пифагора¹⁰⁶, но и не соглашаясь с этим конкретным решением, невозможно найти претендента на это открытие за пределами пифагорейской школы.

О том, как относились к пифагорейской школе в образованных кругах конца V в., говорит интересный пассаж из анонимного сочинения «Двойные рассуждения», автор которого принадлежал, вероятно, к школе Протагора. Шестая глава этого трактата посвящена обсуждению того, возможно ли обучение «мудрости и добродетели». Оппоненты автора утверждают: в тех областях, где можно чему-либо научить, есть «соответствующие учителя», как, например, в музыке (90, 6). На это автор отвечает, что они¹⁰⁷ есть и в этой области: «Чему же учат софисты, как не мудрости и добродетели? И кем были анаксагоровцы и пифагорейцы, как не учителями, обучавшими этим вещам?». Показательно, что автор трактата не видит никакой несоизмеримости между школами Анаксагора и Пифагора. Они фигурируют вместе как типичные образцы сообществ, где обучали философии, ибо достижение мудрости и добродетели было целью философии. Нам хорошо известно, какими вопросами занимались в школе Анаксагора, почему же мы должны полагать, что в пифагорейской школе первой половины V в. (а именно о ней говорит автор сочинения) обучали чему-то принципиально иному?

Источником, косвенно проливающим свет на занятия пифагорейцев, является, как ни странно, «Бусирис» Исократ. Согласно Исократу, Пифагор заимствовал философию у египтян, точнее у египетских жрецов (Bus. 28). В сущности это означает, что Исократ, зная о философских занятиях Пифагора, приписывает их его предполагаемым учителям¹⁰⁷. Чрезвычайно интересное описание этой «египетской» философии дается в одной из предшествующих глав. Оказывается, она состоит не только в умении законодательствовать или исследовать природу сущего, но и в обучении астронoмии, арифметике, геометрии (Bus. 23), что, как нам представляется, не имеет прямого отношения к занятиям египетских жрецов, зато отлично согласуется с тем, что известно о пифагорейской школе из источников IV в.¹⁰⁸ Математическое образование было одной из ее отличительных черт, но и другие науки — астрономия и физиология — стояли далеко не на последнем месте.

В этом же направлении ведет нас и фрагмент Алкмеона Кротонского, врача и философа начала V в.: «Алкмеон из Кротона, сын Пейрифоя, сказал следующее Бронтину, Леонту и Батиллу: о вещах невидимых, равно как и о смертных, лишь боги обладают истинным знанием, а людям [дано лишь] предполагать...» (B 1). Этот фрагмент, как и пассаж из «Двойных рассуждений», почти не привлекался для характеристики раннего пифагореизма. Между тем он весьма важен для нас: Бронтин, Леонт и Батилл, которым Алкмеон посвятил свою книгу¹⁰⁹, были членами

¹⁰⁶ Fritz K., von. The Discovery of Incommensurability by Hippasos of Metapontum. — Ann. math., 46, 1945, p. 242—264; Junge G. Von Hippasos bis Philolaos. — CeM, 19, 1958, p. 41—72; Heller S. Die Entdeckung der stetigen Teilung durch die Pythagoreer. — Abhandl. Berl. Akad. Wiss., 6, 1958, S. 10 ff; Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1980, с. 78. Хит (History..., p. 2) и ван дер Варден (op. cit., S. 399) относят это открытие ко времени ранних пифагорейцев.

¹⁰⁷ Morrison. The Origins..., p. 207.

¹⁰⁸ Plat., Resp. 530d; Arist., Met. 385b23; Xenocr., fr. 9 Heinze; Heracl. Pont., fr. 113 Wehrli; Eud., fr. 133, 136—137, 148 Wehrli; Aristox., fr. 23—24, 90 Wehrli. Интересно отметить, что софист Гиппий обучал в своей школе астрономии, геометрии, арифметике и музыке (Plat., Prot. 318d). Об этих же четырех науках Архит говорил как о родовенных (B 1). Есть основания полагать, что Гиппий не сам ввел практику обучения этому циклу наук, а заимствовал ее у пифагорейцев (Morrison. The Origins..., p. 203 f.). Еще одним свидетельством того, что Исократ говорит здесь о пифагорейцах, является примечательное совпадение его описания «египетской» медицины с пассажем из Ямвлиха, где речь идет о пифагорейской медицине (ср. Isocr., Bus. 22 и Iambl., Vit. Pyth. 163—164). В обоих случаях демонстрируется недоверие к лекарствам и приверженность к диете, что было характерной чертой пифагорейской медицины.

¹⁰⁹ Гр. Властос (Vlastos Gr. Isonomia. — AJPh, 74, 1953, p. 334) напрасно оспа-

пифагорейского союза и, судя по всему, младшими современниками Пифагора, а Бронтин, вероятно, был связан с ними и родственными узами (17 А; 58 А)¹¹⁰.

Слова Алкмеона примечательны не только тем, что демонстрируют близость к пифагорейцам этого эмпирически ориентированного ученого и философа. Гораздо важнее, что сами они фигурируют как участники философского диалога, которых волновали те же проблемы, что и Алкмеона. Трудно отказаться от мысли, что начало его книги отражает ситуацию философских и научных споров, похожих на те, которые велись в Кротоне в конце VI — начале V в. Примерное представление об их проблематике дает содержание книги Алкмеона. Судя по сохранившемуся материалу, наибольшее место в ней было уделено биологии, физиологии, медицине и астрономии, словом, тому, что греки называли *περί φύσεως ἱστορία*. Мы не можем, конечно, утверждать, что интересы названных выше пифагорейцев и Алкмеона полностью совпадали — последний, например, не проявлял заметной склонности к математике, но маловероятно, чтобы он посвятил свое сочинение людям, совершенно чуждым его идеям и занятиям.

Большинство исследователей греческой медицины отмечают несомненное влияние пифагорейских идей как на итальянскую школу врачей, так и на авторов гиппократовского корпуса¹¹¹. В числе первых пифагорейцев называют знаменитого врача Демокеда (18 А 5, 19 А 2с), в следующем поколении известен врач Иккос из Тарента (25 DK). Эпихарм и Эмпедокл наряду с философией занимались и медициной, находились в тесном контакте с пифагорейской школой. О занятиях медициной самого Пифагора говорится во всех трех его биографиях, равно как и в специальных медицинских сочинениях¹¹². Отчетливо виден интерес к медицине и близким к ней областям у пифагорейцев Гиппона и Филолая. Опубликованная недавно табличка из Метапонта говорит о существовании в конце IV в. целой корпорации пифагорейских врачей¹¹³. Современник Эмпедокла, пифагорец Менестор считается основателем греческой ботаники (22 А 1—4). Все это показывает, что в течение VI—IV вв. в пифагорейской среде сохранялась непрерывная традиция эмпириче-

ривает старое мнение о том, что фр. В 1 Алкмеона говорит о посвящении его книги пифагорейцам (см. *Gomperz. Ук. соч.*, с. 127; *Burnet. Op. cit.*, p. 194; *Wellman M. Die Schrift des Corpus Hippocraticum. — Südhoffs Arch. f. Gesch. d. Med.*, 22, 1929, S. 311). Безусловно, посвящение «не подразумевает согласия с идеями адресата» (добавим: со в с е м и идеями), но предполагает известную близость интересов автора и его адресата. Обращение Эмпедокла к Павсанию, приведенное Властосом в качестве примера, говорит как раз против него, ибо Павсаний был врачом и вполне мог разделять как медицинский, так и натурфилософские взгляды Эмпедокла, по крайней мере, проявлять к ним интерес. Хотя о взглядах Павсания мы ничего не знаем, все остальные известные нам врачи итальянской школы в той или иной степени связаны с пифагорейским учением.

¹¹⁰ Этот фрагмент дает нам все основания считать и самого Алкмеона младшим современником Пифагора. Аналогичное указание в «Метафизике» (986a27f): «Алкмеон был молод, когда Пифагор был [стариком]», — если и не принадлежит самому Аристотелю, то, во всяком случае, дает верную хронологию. Таково мнение А. Росса, наиболее авторитетного издатели «Метафизики», которое разделяют и большинство исследователей (ср. *Longrigg J. Philosophy and Medicine. — HSCP*, 67, 1963, p. 167—169).

¹¹¹ *Oeuvres complètes d'Hippocrate/Ed. Littré E. T. I. P.*, 1839, p. 14, 16, 562; *Houdart M.-S. Histoire de la médecine Grecque. P.*, 1856, p. 116—123, 231—235, 243—244; *Hauser H. Lehrbuch der Geschichte der Medizin. B. I. Iena*, 1886, S. 77—78; *Neuburger M. Geschichte der Medizin. Stuttgart*, 1906, S. 154—173; *Pohlenz M. Hippokrates und die Begründung der wissenschaftlichen Medizin. B.*, 1938, S. 82 f.; *Edelstein L. The Hippocratic Oath. Baltimore*, 1943; *Jones W. S. H. Philosophy and Medicine in Ancient Greece. Baltimore*, 1946, p. 1—5, 44—45; *Schumacher J. Antike Medizin. 2. Aufl. B.*, 1963, S. 34—85; *Vogel, de. Op. cit.*, p. 232—244.

¹¹² *D. L. VIII*, 12; *Porph. Vit. Pyth.* 33; *Iambl., Vit. Pyth.* 110, 163—164, 208; *Cels., Praef. 2; Galen., De dieb. crit. III*, 8; *Caes. Aurel., De morb. acut. III*, 18; *IV*, 47; *De morb. chron. V*, 23 Drabkin.

¹¹³ *Lo Porto F. G. Medici pitagorici in una defixio greca da Metaponto. — PdP*, 193, 1980, p. 282—288.

ских естественнонаучных изысканий, на фоне которой заинтересованность Бронтина, Леонта и Батилла этими проблемами не может казаться странной.

Не углубляясь в существо споров о том, принадлежал или нет Алкмеон к пифагорейскому союзу, следует вместе с М. Веллманом признать совершенно невозможным, «чтобы Алкмеон, будучи философом и младшим современником Пифагора и живя в цитадели пифагореизма, не находился под влиянием этого сообщества»¹¹⁴. Но используя в своих рассуждениях философские и научные идеи пифагорейцев, Алкмеон как врач-эмпирик и естествоиспытатель стремился показать, что сомневается в безусловной истинности их положения: «лишь боги обладают истинным знанием». В этих словах, по меткому замечанию П.-М. Шюля, слышен протест против смелости астрономических и акустических концепций пифагорейцев¹¹⁵, опиравшихся на крайне незначительный эмпирический материал. Вместе с тем не следует и преувеличивать расхождение их научных позиций. Алкмеон, едва ли располагая большим количеством фактов, выдвигал не менее смелые идеи, например, те, что касались причин здоровья и болезни человека. Различие лежит скорее в специфике их занятий. Математическое доказательство и акустический эксперимент, практиковавшиеся в пифагорейской школе, видимо, обладали большей убедительной силой, чем наблюдения и опыты Алкмеона.

Итак, мы разобрали свидетельства V в., в которых упоминается Пифагор или пифагорейцы. Поскольку нас интересовала преимущественно научно-философская сторона раннего пифагореизма, ряд аспектов ранней традиции остался лишь бегло затронутым. Но, ограничив исследование самыми ранними свидетельствами, едва ли вообще возможно создать на их основе сколько-нибудь полный образ. Свидетельства авторов IV в. неизмеримо полнее освещают философию пифагорейцев и их достижения в математике, астрономии, физике и других науках. Однако они не могут полностью разрешить сомнения по вопросу о степени участия в этой деятельности самого Пифагора. Ответ на этот вопрос дает именно ранняя традиция, которая рисует Пифагора глубоким мыслителем и проницательным исследователем; вместе с тем она наделяет его чертами религиозного реформатора и политического деятеля. В соединении таких столь различных проявлений человеческой деятельности, как религия, политика и наука, безусловно, сказалась социальная и культурная обстановка того времени, ведь кроме Пифагора нам известны и другие примеры подобной разносторонности: в первой половине V в.— Эмпедокл, на рубеже V—VI вв.— пифагорец Архит.

Традиция V в. не подтверждает часто высказываемое мнение о том, что пифагорейский союз постепенно перерастал из религиозно-политического в научно-философское сообщество. Ни один автор V в. не рисует Пифагора (или кого-либо из ранних пифагорейцев) только или по преимуществу религиозным и политическим деятелем¹¹⁶. Скорее наоборот: философский и научный элемент чаще всего оказывается на первом месте, например, в свидетельствах Алкмеона, Гераклита, Эмпедокла, Демокрита, Главка Регийского, анонимного автора «Двойных рассуждений», либо выступает наравне с другими — у Иона, Геродота, Исократа.

Другой важной чертой этой традиции является то, что ее свидетельства исходят в большинстве своем от философов. Именно они восхищаются мудростью Пифагора и полемизируют с его взглядами, критически восприни-

¹¹⁴ Wellman. Op. cit., S. 311. Ср. Heidel W. A. Hippocratic Medicine, its Spirit and Method. N. Y., 1941, p. 43, ff.; Vlastos. Op. cit., p. 334 ff.; Longrigg. Op. cit., p. 167 f.

¹¹⁵ Schuhl P.-M. Les premières étapes de la philosophie biologique.— Rev. hist. scienc., 5, 1952, p. 213.

¹¹⁶ Ксенофан едва ли может быть исключением, особенно если учитывать его полемику против пифагорейской космогонии.

мают его проповеди и учатся у его учеников, что опровергает попытки ряда исследователей причислить Пифагора к чудотворцам и теологам типа Эпименида Критского, Аристеея из Проконнеса или Абариса. Едва ли не все значительные философы того времени оказываются в той или иной степени связанными с пифагорейской школой. Каждый из них по-своему отзывался на учение этой школы, но в целом значимость ее философских и научных достижений не вызывает сомнения. Трудно поверить, что у истоков такого движения стоял человек, чье имя лишь по недоразумению попало в историю рациональной мысли. Со второй половины VI в. по первую половину IV в. рационализм в пифагорейской философии усиливается (как и вообще в греческой философии того времени), однако было бы ошибкой считать, что он начал развиваться в школе, в которой не было ничего, кроме туманных арифмологических спекуляций и «шаманистской» практики. В том, что касается наличия философского и научного аспекта в деятельности Пифагора, свидетельства ранней традиции не только красноречивы, но в некотором смысле избыточны.

Другое дело, что из них довольно трудно извлечь сведения о том, чему именно учил Пифагор, — а ведь это, пожалуй, и представляет наибольший интерес. Но и здесь положение не безнадежно. Хотя ранняя традиция и не содержит прямых доксографических указаний, она может служить основанием для реконструкции раннепифагорейской мысли. Так, например, очевидна близость Пифагора к ионийским предшественникам (Hegea1. В 129) и современникам (Hegea1. В 40), что подтверждается анализом древнейшего пласта пифагорейской философии. В этом плане постулируемая некоторыми исследователями противоположность пифагорейской и ионийской школ¹¹⁷ нуждается, вероятно, в основательном пересмотре.

Весьма ценны косвенные указания Исократу на важность математических дисциплин (геометрии, арифметики, астрономии) в школе Пифагора. Вместе со свидетельствами Демокрита они позволяют с большей определенностью говорить о сфере интересов Пифагора, а соответственно и с большим доверием относиться к поздним свидетельствам на этот счет. Поскольку попытки связать пифагорейскую математику с Востоком не выдерживают критики¹¹⁸, следует полагать, что Пифагор и в этом продолжал ионийскую традицию (Eud. fr. 133 Wehrli). Пифагор как математик — тема отдельного исследования, но уже сейчас видно, что предпосылкой для такого исследования гораздо больше, чем можно было думать раньше.

Свидетельства Алкмеона, Исократу, а отчасти и автора «Двойных рассуждений» относят к сфере компетенции коллег и учеников Пифагора естественнонаучные изыскания и соответственно основанные на них натурфилософские концепции. По сравнению с математикой их влияние на пифагорейскую космологию менее заметно, но отнюдь не настолько, чтобы им можно было пренебречь. В самой науке о природе, в частности в одном из разделов физики — акустике, пифагорейцы раньше других школ стали на прочную основу эксперимента и количественного подхода. Не случайно даже такой скептически настроенный по отношению к Пифагору исследователь, как Б. Л. ван дер Варден, признает, что открытие зависимости высоты звука от длины струны было достигнуто благодаря экспериментам Пифагора¹¹⁹, которые затем продолжил Гиппас (Aristox. fr. 90 Wehrli). Важно отметить, что хотя до этого нам не известен в Ионии ни один научный эксперимент, ни один математически сформулированный физический закон, все же при всем разнообразии направлений, школ и

¹¹⁷ *Heidel.* Pythagoreans, passim; *Gigon.* Op. cit., S. 142.

¹¹⁸ *Жмудь Л. Я.* Греческая математика и Восток. — В кн.: Историко-математические исследования. Вып. XXVIII. М.: Наука, 1984.

¹¹⁹ *Waerden, van der.* Op. cit., S. 370 f.

личностей преемственность научных занятий пифагорейцев от гонимых исследователей природы бесспорна, равно как и преемственность построенных на этой основе философских теорий.

Л. Я. Жмудь

PYTHAGORAS IN THE EARLY TRADITION

L. Ya. Zhmud'

The author presents a study of evidence contained in the literary sources of the 5th century B. C. on Pythagoras and his close associates. This early tradition, free from the bias of the Pythagorean school, provides arguments capable of settling the dispute over the importance of the contribution made by Pythagoras to the development of Greek philosophy and science. The 5th century evidence, both direct and indirect, shows that the philosophers of that time were well acquainted with the philosophical and scientific aspects of Pythagoras's work. Consequently there are good grounds for taking seriously the later tradition which credits Pythagoras with considerable achievements in those spheres. Close analysis of the 5th century material makes it clear that assertions about a journey by Pythagoras to Egypt, and so also that part of the tradition which connects him with transmission of learning from the East, is not to be trusted. On the contrary, the author emphasises Pythagoras's connections with the scientific discoveries and natural philosophy of the Ionian school.

ТЕМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОФОКЛА

Великий греческий драматург Софокл не принадлежит к тем, кого обычно называют, перечисляя античных авторов, писавших о Северном Причерноморье. В известном издании В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» есть лишь один маленький отрывок из сохранившихся до настоящего времени трагедий Софокла. В «Царе Эдипе» вестник говорит: «Я думаю, что ни Истр, ни Фасис не смогут смыть очистительной водой этого дома» (1227—1228). Софокл причисляет здесь Истр к одной из величайших и полноводных рек, известных грекам, и это все, что можно почерпнуть из его сообщения. В. В. Латышев указывает также в произведениях позднеантичных авторов еще три небольших цитаты из утраченных трагедий Софокла, где упоминаются Танаис, Боспор и один скифский обычай.

Между тем некоторые эпизоды биографии Софокла и фрагменты из не сохранившихся трагедий позволяют думать, что в его пьесах тема Северного Причерноморья зрелищнее, чем у других известных афинских драматургов. Обратимся в связи с этим к важным для дальнейшего изложения фактам биографии поэта. В состязаниях трагиков Софокл ни разу не занимал места ниже второго и двадцать четыре раза завоевывал первенство. Он сочинил более ста двадцати трагедий и сатировских драм — из них полностью сохранилось семь трагедий, а от прочих известно более тысячи в большинстве своем коротких фрагментов; значительное число стихов включает лишь отрывок из сатировской драмы «Следопыты». Поэтическое творчество полностью не поглотило Софокла. Ему было знакомо искусство врачевания, и в конце жизни он занимал жреческую должность, связанную с культом Асклепия. Наконец, Софокл был деятельным участником общественно-политической жизни своей родины, и его не раз

избирали на высокие государственные должности¹. В 443 г. до н. э. Софокл был главой комиссии союзной казны (IG, I², 202. 36), в чьи обязанности входило распределение взносов между союзными государствами; известно, что он внес изменения в систему взимания взносов. Афиняне не раз избирали его стратегом². В 441 г. до н. э. Софокл участвовал вместе с Периклом в длительной осаде Самоса, граждане которого желали выйти из Афинского морского союза. Во время самосской экспедиции Софокл вел успешные переговоры на Лесбосе и на Хиосе.

Софокл жил в период знаменитой в афинской истории пентеконтаэтии, начавшейся в 479 г. после поражения персов и завершившейся в 431 г. Пелопонесской войной. Он был одним из тех, кто внес немалый вклад в расцвет литературы, науки и искусства в Афинах V в. до н. э. В круг ближайших друзей Перикла, который возглавил не только политическую, но и художественную жизнь Афин, входили прославленные философы, ваятели, писатели. Наряду с Фидием и Анаксагором Софокл занимал в нем видное место. В афинский период своей жизни к этому кругу примкнул Геродот³. О дружеских связях поэта и историка говорит сохраненное Плутархом начало стихотворения Софокла в честь Геродота, переселившегося в Фурии (Plut., Mor. 785 B). Живой интерес Софокла к труду Геродота отразился в трагедиях, куда поэт включил ряд сведений, почерпнутых из «Истории»⁴.

Вот несколько примеров, неоднократно приводимых в трудах современных исследователей. В «Антигоне» (905—912) героиня, превознося братскую любовь, повторяет рассуждения персиянки, записанные в «Истории» Геродота (III, 118—119)⁵; в «Александрее» рассказ о детстве Паркса в ряде подробностей совпадает с геродотовским описанием детства Кира (I, 113—116); сон Клитемнестры в «Электре» (417—424) сходен со сном Астиага (I, 108); в «Эдипе в Колоне» Софокл упомянул египетский обычай, описанный у Геродота (II, 35), а в «Следопытах» (294—298) назвал кошку и ихневмона — животных, не известных афинянам до рассказа о них у Геродота (II, 67). В творчестве Геродота также получили отражение трагедии Эсхила и Софокла⁶. С точки зрения греков, вставка сведений из произведения какого-либо автора была данью уважения к нему, причем называть имя упоминаемого писателя считалось вовсе необязательным.

Труд Геродота привлекал внимание Софокла в течение всей его творческой жизни. Об этом говорят намеки на «Историю» в самой ранней из известных пьес Софокла «Следопыты» и в последней его трагедии «Эдип в Колоне»⁷.

Остановимся более подробно на подобной реминисценции из скифского логоса Геродота. Афиной (IX, 79) в «Пире софистов» привел цитату из трагедии Софокла «Эномай», поясняя слово *χειρόμακτρον*: *Σοφοκλῆς Οἰνομάφῃ σκιδιστὶ χειρόμακτρον ἐκχεχαριμένως*. Все, кто занимается историей Северного Причерноморья, обращаются обычно за сведениями античных писателей о прошлом нашей страны к своду В. В. Латышева.

¹ Все отрывки из сочинений античных авторов, касавшихся биографии Софокла, собраны в четвертом томе свода: *Tragicorum Graecorum fragmenta*. В. IV. Ed. S. Radt. Göttingen, 1977 (далее — TGF), p. 27—82.

² TGF, p. 44—46.

³ *Jacoby F. Herodotus*. — RE, Supplbd. 2. Stuttgart, 1913, S. 241.

⁴ На это обратили внимание еще в древности (см. Schol. ad Trach.; *Clem Alex.*, Strom. VI, 19). И. Раш написал специальную работу о характере влияния «Истории» Геродота на творчество Софокла (*Rasch J. Sophocles quid debeat Herodoto in rebus ad fabulas exornandas adhibitis*. — *Commentationes Philologiae Jenenses*, V. 10. Fasc. 2. Lipsiae, 1913, p. 1—125).

⁵ Это сопоставление сделано уже Климентом Александрийским (Strom. VI, 19), который, возможно, заимствовал его из сочинений более ранних грамматиков.

⁶ *Fohl H. Tragische Kunst bei Herodot*. Rostock, 1913, S. 115; *Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 279.

⁷ *Зелинский Ф. Ф. Софокл и Геродот*. — *Гермес*, 1912, № 15, с. 379 сл.

В этом издании переводчик Афиная не понял смысла этого места и со знаком вопроса дал буквальный, но непонятный перевод: «Ручником называется кусок сурового полотна, которым вытирали руки... Софокл в „Эномае“, говорит: остриженный по-скифски как ручник»⁸. Между тем в отечественной литературе есть верный перевод Ф. Ф. Зелинского и его же толкование рассматриваемого фрагмента: «По-скифски волосы содрав у них на утиральники»⁹. Слова Софокла надо сопоставить с рассказом Геродота (IV, 64) о том, что скифы снимают скальпы с поверженных врагов, привешивают к уздечке своих лошадей и пользуются для вытирания рук; чем больше таких скальпов у скифа, тем большее уважение испытывают к нему соплеменники¹⁰. Следует отметить, что Геродот дважды в своем рассказе называет подобные скальпы словом *χειρόμακτρον*, которое употреблено в рассмотренном фрагменте сочинения Софокла.

Сюжет трагедии «Эномай» был заимствован из широко известного в Греции мифа. Царь Эномай получил предсказание, что погибнет по вине своего зятя. Поэтому царь предлагал женихам его дочери Гипподамии непосильное испытание. Обладая чудесными конями, которых никто не был в состоянии догнать, он обещал выдать дочь замуж за того, кто победит его в беге на колеснице. В случае поражения жених должен был заплатить жизнью. Таким образом Эномай умертвил тринадцать женихов и голову каждого прикреплял к архитраву своего дворца (Apollod., Epit. 2, 3). В мифе об Эномае отразился уходящий в глубокую древность обычай единоборства вождя племени с претендентами на его место. Параллели к этому мотиву можно найти в сказаниях различных народов¹¹.

Софокл, разрабатывая этот сюжет, оживил его картиной из реального описания обычая далекого народа, с которым афиняне V в. до н. э. были знакомы главным образом потому, что корпус полицейских, охранявших общественный порядок в Афинах, состоял в основном из скифов¹². Глагол *σχιθίζω* (букв. «оскифиться») вошел в V в. до н. э. в язык населения Аттики и означал «рвать волосы на голове» (жест выражения глубокого горя). В этом смысле глагол дважды употреблен Еврипидом: Гекуба говорит Елене, что она должна стоять перед Менелаем в разодранной одежде и с вырванными волосами (*χρᾶτ' ἀπεσχιθισμένη* — Тго. 1026); в «Электре» героиня в горе вырывает себе волосы (*ἐσχιθισμένος* *ἔρῳ* — 241). Значение глагола *σχιθίζω* происходит из представления об обычаях скифов снимать скальп с волосами и не означает какого-то вида стрижки или бритья волос, как полагали позднеантичные авторы (Athen., XII, 27, p. 524 c) и как толкуют обычно этот глагол современные словари и переводчики. Что касается причесок самих скифов, то по их изображениям на предметах греческой торевтики хорошо известно, что мужчины по большей части носили волосы до плеч или иногда подстригали их в кружок на уровне мочки уха¹³.

Один фрагмент из неизвестной трагедии Софокла следует причислить к отражению круга мифов, связанных с областями, примыкавшими к Северному Причерноморью. Высмеивая мифические рассказы о гипербореяцах, Страбон (VII, 3, 1) привел цитату из Софокла, который писал, что

⁸ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1899, с. 626; перепечатка перевода — ВДИ, 1948, № 2, с. 288.

⁹ Софокл. Драмы. Т. III. М., 1914, с. 256.

¹⁰ Издатели фрагментов из Софокла приводят обычно в качестве параллели к этому фрагменту названную главу из «Истории» Геродота и статью из «Словаря» Гесихия (1157). Ср. Pearson A. The Fragments of Sophocles. Cambr., 1917, p. 127; TGF, p. 382.

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1948, с. 298, 310—312.

¹² Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — ВДИ, 1939, № 3, с. 232. В одной из своих трагедий Софокл упоминал такого скифского полицейского (TGF, fr. 427).

¹³ См., например, изображение различных причесок скифов на пекторали из Толстой могилы, на Чертомлыцкой вазе, на сосудах из курганов Куль-Оба и Гайманова могилы (Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973, с. 45, 48, 50, 64—67).

Орифия, похищенная Бореєм, была унесена им «за Понт к крайним границам земли, к источнику ночи и небесным воротам, к древнему саду Феба»¹⁴ (фрагмент отсутствует в корпусе В. В. Латышева). Античные авторы по-разному определяли место обитания гиперборейцев. Цитата Страбона показывает, что Софокл, как и Геродот (IV, 13, 33), помещал их на севере, за пределами обитания известных грекам народов, населявших Северное Причерноморье.

Участие Софокла в государственных делах, его дружба с Периклом заставляет с достаточной уверенностью считать, что поэт был хорошо осведомлен о греческих колониях в Северном Причерноморье и что не только сочинения Геродота служили Софоклу источником сведений об этой области. Ведь V в. до н. э. — время оживленных связей Афин с городами Северного Причерноморья, откуда доставлялась основная масса хлеба для населения Аттики. Археологические данные свидетельствуют о большом объеме импортных аттических изделий на северных берегах Понта, особенно в Ольвии и на Боспоре¹⁵. Укрепление экономических связей Афин с ними во второй половине V в. до н. э. рассматривается современными исследователями как следствие похода Перикла в Понт. Вследствие скудости наших источников остается широкое поле для догадок, в каких городах побывала афинская эскадра и какие понтийские города вошли в состав Афинского морского союза с обязательством платить определенный взнос. В отечественной научной литературе высказывалось мнение о том, что Нимфей и Ольвия какое-то время были членами этого союза и что смена династии правителей Боспора в V в. до н. э. связана с экспедицией Перикла¹⁶. Как бы ни решались вопросы о конкретных формах зависимости городов Северного Причерноморья от Афин, надо помнить слова Плутарха о том, что афиняне при Перикле держали весь Понт в своей власти (Plut., Pericl. 20). Это дает основание думать, что в кружке Перикла неоднократно шла речь о понтийских греческих колониях и их северных соседях. Там должны были обсуждаться конкретные сведения, полученные от тех, кто посетил северный край греческой ойкумены.

Конечно, не все жизненные впечатления нашли отражение в творчестве поэта. Однако изучение фрагментов из утраченных сочинений Софокла дает основание полагать, что тема Северного Причерноморья занимала заметное место в его сочинениях. Невосполнимой лакуной для нашего исследования является утрата трагедии «Скифы». О ее существовании упоминается в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (IV, 284) и к «Периэгесе ойкумены» Дионисия (§ 7). Судя по свидетельствам этих схолий, Софокл в «Скифах» писал, что аргонавты возвратились на родину тем же путем, которым приплыли в Колхиду (т. е. через Понт), и что трагик назвал Танаис рекой, разделяющей Европу и Азию. Сохранившиеся трагедии показывают, что они получали название либо по имени главного героя (например, «Прометей» Эсхила, «Антигона» Софокла, «Геракл» Еврипида), либо по хору (например, «Персы» Эсхила, «Трахинянки» Софокла, «Троянки» Еврипида). Таким образом, название «Скифы» говорит о том, что скифы составляли хор трагедии и действие происходило в Ски-

¹⁴ Перевод А. Ф. Лосева (*Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии*. М., 1957, с. 411). Здесь правильное, чем у других издателей (A. Pearson, S. Radt) и переводчиков (*Зелинский*. Ук. соч., с. 372; *Страбановский Г. А.* — В кн.: *Страбон. География в 17 книгах*. М., 1964, с. 295) понято слово *πόντος* не как море вообще, а как Понт (Понт Евксинский). О правильности такого понимания говорит контекст: начиная с Гомера (Od. XI, 14—19) существовало представление о вечном мраке («источнике ночи» — у Софокла), царящем над странами, лежащими за Понтом; «древний сад Феба» находился в стране гиперборейцев, которых ежегодно посещал лучезарный (φειβοῦς) Аполлон.

¹⁵ *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, с. 86.

¹⁶ *Жебелев С. А.* Афины, Нимфей и измена Гилона. — В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 181; *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз. — МАСП, III, Одесса, 1960, с. 81; *Брашинский*. Ук. соч., с. 56 сл.

фии. Содержание трагедии частично воспроизведено в IV книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского: аргонавты плывут на родину вдоль северного побережья Понта, их нагоняет колхидский царь Ээт со своими спутниками, и аргонавты ищут убежища у скифского царя; Ээт же требует выдачи своей дочери Медеи и золотого руна. Сюжет о пребывании аргонавтов у скифов, по-видимому, — вымысел Софокла. «Можно представить себе, — пишет Ф. Ф. Зелинский, — как охотно поэт, друг Геродота, пользовался этнографическими материалами IV книги, чтобы познакомить своих сограждан со столь интересным для них северным народом»¹⁷. Выше говорилось о том, что сведения о скифах Софокл мог почерпнуть не только из сочинений Геродота. Надо полагать, что трагедия «Скифы» была поэтическим откликом на демонстрацию Периклом мощи и неустранимости афинян варварским народам на Понте. Ведь давно замечено, что античные трагедии, написанные в подавляющем большинстве на сюжеты древних героических сказаний, были теснейшим образом связаны с современными им событиями. Например, в трагедии Софокла «Финей Первый» на материале мифа о соперничестве жен Финея — Клеопатры, афинянки по матери, и Идеи из Малой Азии — оправдывались притязания Афин на Фракию. В названной трагедии в неизвестном контексте говорилось о «боспорской воде у скифов», т. е. о Боспоре Киммерийском (совр. Керченском проливе). Фрагмент сохранен Стефаном Византийским (s. v. Βόσπορος), которого интересовало в данном случае лишь написание дифтонга в слове *βασπέρειον*.

«Скифы» Софокла были среди тех греческих трагедий, которые перелagали на латинский язык ранние римские трагики. Во II в. до н. э. Акций на сюжет «Скифов» написал трагедию «Медея, или Аргонавты», от которой, к сожалению, сохранилось только несколько незначительных фрагментов¹⁸. Для нашей темы интересен один фрагмент, приводимый Цицероном (*De nat. deor.* XXXIV, 89). Оратор привел речь изумленного скифского пастуха, впервые увидевшего движущийся по морю корабль. Здесь Софокл сделал верное историческое умозаключение: греки действительно были первыми мореходами, с которыми познакомились скифы, кочевавшие в восточноевропейских степях.

Трактовка сюжета об аргонавтах, искавших прибежища у скифского царя, не имела корней в устном предании и является целиком плодом творческой выдумки Софокла¹⁹. В ряде других своих произведений Софокл не использовал разработанную сюжетную линию, а помещал известных героев сказаний в выдуманные им самим ситуации. Сведения о Северном Причерноморье включены были также достаточно подробно в трагедии «Алет» и «Хрис», сюжет которых был связан с мифом о пребывании Ифигении в Тавриде. В «Алете» рассказывалось, как Электра, сестра Ореста и Ифигении, получила ложное известие о том, что Орест и Пилад были принесены в жертву в Таврике. Электра отправилась в Дельфы запросить оракул о смерти брата и встретила там Ореста и Ифигению. Их рассказ о злоключениях в таврической земле включал, безусловно, описание жестоких обычаев тавров, приносящих в жертву всех чужеземцев. Тот же сюжет затрагивался и в трагедии «Хрис». Действие происходило на острове Хриса, где на пути из Таврики были вынуждены высадиться Орест, Пилад и Ифигения. Здесь их настиг царь тавров Фоант, который требовал их наказания за похищение священной статуи Артемиды из храма, где жрицей в Тавриде была Ифигения.

Источником этнографических сведений о таврах, по-видимому, служил труд Геродота, который уделил описанию этого племени несколько глав IV книги. Софокл, возможно, использовал не только эти сведения, но и то, что историк рассказывал своим друзьям. Ведь Геродот сам утверждал,

¹⁷ Зелинский Ф. Ф. — В кн.: Софокл. Драмы. Т. III. М., 1914, с. 214.

¹⁸ Ribbeck O. Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik. Lpz, 1875, S. 531.

¹⁹ Зелинский. Ук. соч., с. 214.

что он не всегда включал в свое произведение все, что знал. Некоторое представление о том, как разрабатывался сюжет о таврах и Таврике у Софокла, можно получить, читая трагедию Еврипида «Ифигения в Тавриде». Но это лишь самое общее представление, потому что Еврипид — поэт совершенно иного склада, чем Софокл.

Подводя итог, можно сказать, что подробнее всего о Северном Причерноморье у Софокла говорилось в трагедии «Скифы». Таврика и обычаи ее населения были изображены в «Алете» и «Хрисе». В других трагедиях существовали отдельные упоминания о Северном Причерноморье: например, миф о гиперборейцах или скифский обычай снимать скальпы с врагов. В трагедиях Софокла неоднократно звучали и конкретные географические названия, связанные с этой областью: Истр как олицетворение огромной и полноводной реки, Танаис — граница двух материков — Европы и Азии, Боспор Киммерийский.

Рассмотренные фрагменты позволяют заключить, что тема Северного Причерноморья играла достаточно видную роль в творчестве Софокла. Популярность его трагедий была велика и при жизни поэта, и после его смерти. В отличие от исторических, географических и этнографических сочинений, с которыми знакомились лишь те, кто интересовался специальными вопросами, трагедии знали практически все граждане, посещавшие театр. Нам известно о великолепной тренированности памяти древних, о том, что знание наизусть многих сотен стихов и в частности из трагедий было рядовым явлением²⁰. Представление основной массы греков о далеких странах на северных берегах Понта складывалось во многом благодаря театральным постановкам, и, насколько мы можем судить, значительную роль здесь сыграло творчество Софокла²¹.

Вероятно, римляне впервые услышали о берегах Таврики благодаря Софоклу. В начале II в. до н. э. Пакувий переложил на латинский язык трагедию «Хрис», а затем в конце того же века Акций переработал «Скифов». Для римского слушателя Таврика была тогда далекой неведомой страной, но через столетие римляне уже появились на северных берегах Понта, а затем поставили свой постоянный гарнизон там, где происходило действие трагедий Софокла.

Театральные представления — необходимая составная часть эллинской культуры — давались и в греческих городах Северного Причерноморья. Документально наличие театров засвидетельствовано в Ольвии и Херсонесе. Нет оснований сомневаться в том, что театры были построены и в крупных городах Боспора.

Древнейший эпиграфический памятник, где упоминается театр в Северном Причерноморье, относится к IV в. до н. э.²² Однако запись Геродота о том, что ольвиополиты во времена царя Скила, т. е. в 70—60-е годы V в. до н. э., справляли праздники в честь Диониса (а театральные действия были связаны именно с его культом), дает основание думать, что в Ольвии уже в V в. до н. э. был театр и в нем разыгрывались трагедии²³. Как и в других греческих колониях²⁴, в Северном Причерноморье были

²⁰ Утченко С. Л. О некоторых особенностях античной культуры. — ВДИ, 1977, № 1, с. 9.

²¹ Хотя из трагедий, действие которых было связано с Северным Причерноморьем, полностью сохранилась лишь «Ифигения в Тавриде» Еврипида, однако свидетельства о Северном Причерноморье в пьесах Софокла гораздо многочисленнее, чем в сочинениях Еврипида. Как полагал Ф. Ф. Зелинский (Ифигения Таврическая. — Известия Российской Академии наук, 1918 т. XII, вып. II, с. 1140), в трагедии «Ифигения в Тавриде» Еврипид разрабатывал «таврические» сюжеты из трагедий «Хрис» и «Алет» Софокла.

²² IOSPE, I², 25.

²³ Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии. — ВДИ, 1969, № 3, с. 146.

²⁴ Ср. свидетельство Плутарха (Nic. 29) о популярности трагедий Еврипида в конце V в. до н. э. в греческих городах Сицилии и Малой Азии.

известны трагедии прославленных афинских драматургов. И, вероятно, особым вниманием пользовались те трагедии, действие которых было связано с новой родиной греков на берегах Понта Евксинского.

М. В. Скржинская

THE NORTH BLACK SEA THEME IN SOPHOCLES

М. V. Skrzhinskaya

Study of the fragments leads the author to conclude that plots connected with the North Black Sea area played a notable role in the dramatic art of Sophocles, who took a greater interest in this theme than did the other Athenian tragic poets. The author discusses fragments from the *Scythians*, *Oinomaos*, *Chryses*, *Aletes*, *Phineus*, and also the *Oedipus Tyrannus*. The ancient biography of Sophocles (*Bios*) supports the thesis that he was well informed about the Greek colonies and their neighbours on the north coast of the Black Sea.

СОСТАВ ХАЛКИДСКОГО СОЮЗА в V в. до н. э.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы попытаться определить, какие города на Фракийском побережье были халкидскими колониями и входили в состав Халкидского союза в V в. до н. э. Но прежде всего нужно сказать несколько слов об истории вопроса.

Интерес к истории Халкидского союза возник давно. В начале XIX в. В. Лики, путешествуя по Северной Греции, пытался локализовать среди прочих и халкидские города, расположенные на полуострове Сифония¹, основываясь на данных древних авторов. В конце XIX в. В. Диттенбергер опубликовал греческие надписи, среди которых были и надписи, касающиеся истории Халкидского союза, а А. Уэст в 1918 г. выпустил работу, посвященную истории этого союза², в которой он подробно рассматривает его образование, роль в Пелопоннесской войне, борьбу со Спартой в 382—379 гг., экспансию Филиппа и падение Олинфа, главного города союза, в 348 г.

1928 г. в Олинфе начались раскопки, которые проводила Американская школа классических исследований в Афинах под руководством Д. М. Робинсона. Результаты раскопок регулярно публиковались в виде отдельных томов. В 1933 г. вышла в свет работа ученицы Д. М. Робинсона М. Гьюд, посвященная истории Олинфа. По ее мнению, владения Халкидского союза включали Олинф с прилегающими к нему территориями³. М. Царнт в монографии «Олинф и халкидяне» рассматривает историю Олинфа и всех городов, расположенных на полуострове Халкидика, в связи с чем ставит некоторые вопросы истории Халкидского союза⁴. Однако ни в одной из этих работ не затронут вопрос о составе Халкидского союза, так же как и в общих трудах по истории Греции, где даются только отдельные этапы истории Халкидского союза в связи с другими событиями на Фракийском побережье.

¹ Leake W. M. *Travels in Northern Greece*. V. III. L., 1835.

² Dittenberger G. *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Lipsiae, 1883; West A. B. *The History of the Chalcidic League*. Madison, Wisconsin, 1918.

³ Gude M. *A History of Olynthus*. Baltimore, 1933, p. 18 ff.

⁴ Zahrnt M. *Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel in 4. und 5. Jahrhundert*. München, 1971.

В советской историографии специальных работ по истории Халкидского союза нет. Рассуждения общего характера об этом союзе излагаются в литературе без ссылок на источники. Что касается последних, то они весьма ограничены и скудны. Наша информация о составе Халкидского союза основывается на фрагментарных данных Геродота, Фукидида, Полибия, Страбона, а также поздних авторов — Стефана Византийского, Суды и других. Немалые сведения по интересующему нас вопросу можно извлечь из податных списков Афинской архэ, а также из нумизматических данных.

Прежде чем говорить о составе Халкидского союза, следует сказать несколько слов о происхождении фракийских халкидян, обосновавшихся на Халкидском полуострове, который привлек к себе внимание многих греческих городов в период колонизационного движения. Сюда обратили свои взоры Коринф и Андрос, Афины и Эретрия, Мегары и Халкида. Последняя избрала для заселения средний из трех мысов Халкидского полуострова, а именно Сифонию, на что прямо указывает Страбон (VII, fr. 11): «халкидяне с Эвбеи прибыли в страну сифонов и основали там около 30 городов... они стали называться фракийскими халкидянами».

Кто же они были, эти халкидяне Фракийского побережья? (οἱ Χαλκιδεῖς ἀπὸ Θράκης). Вопрос этот вызвал большую полемику у исследователей. Впервые о них сообщает Геродот (VIII, 127), называя их τὸ Χαλκιδικὸν γένος, который снабжал войска Ксеркса во время его похода в Грецию.⁵ Ничего не говорит о происхождении халкидян из Фракии и Фукидид, описывая ход событий Пелопоннесской войны на Халкидике. Он называет их οἱ ἐπὶ Θράκης Χαλκιδεῖς или просто Χαλκιδεῖς (I, 57 et al.). Аристотель упоминает о фракийских халкидянах, пришедших на помощь эвбейским халкидянам во время Лелантской войны, что явно свидетельствует о наличии родства между ними⁶. В другом отрывке он рассказывает о законодателе Андродаманте из Регия, колонии Халкиды, который был приглашен фракийскими халкидянами⁶. Самым ранним автором, определенно указавшим на колонизацию Фракийского побережья Халкидой, был Полибий, который прямо говорит о том (IX, 28, 2), что на Фракийском побережье были города, основанные халкидянами. Имеются разбросанные упоминания о халкидских городах Фракии у более поздних авторов.

Таким образом, наши представления о происхождении фракийских халкидян в основном опираются на позднюю традицию, а именно на данные Полибия и Страбона. Их сведения, а также свидетельства других авторов позволяют говорить о том, что фракийские халкидяне были колонистами с о-ва Эвбея, что колонизационный процесс происходил одновременно или чуть позже колонизации юга Италии и Сицилии и что жители многих городов Фракийского побережья были выходцами из Халкиды⁷.

Эту точку зрения, господствующую в науке, взял под сомнение Е. Харрисон. Его концепция сводилась к двум моментам: во-первых, фракийские халкидяне, по его мнению, были не колонистами с о-ва Эвбея, а северным греческим племенем, подобным их соседям боттиям, а во-вторых, название «Халкидика», согласно древним авторам, относилось не ко всему полуострову, как в настоящее время, но было ограничено его центральным мысом и частью внутренней территории⁸. Свои аргументы он основывает на двух положениях: 1) на факте, что только поздние авторы свя-

⁵ *Fragm.* 98 apud Plutarch., *Amator.*, 17.

⁶ *Arist.*, *Pol.* II, 1274b, 23—25.

⁷ См. *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecque jusqu'aux guerres Médiques. Aubier, 1960, p. 66; *Boardman J.* The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973, p. 223; *Bradeen D.* The Chalcidians in Thrace. — *AJPh*, 1952, 73, № 4, p. 364; *Graham A. J.* Patterns in Early Greek Colonization. — *JHS*, 1971, 91, p. 47; *Head B. V.* *Historia numorum*. Oxf., 1911, p. 203; *Murray O.* *Early Greece*. N. Y., 1980, p. 100; *Toynbee A.* *Some Problems of Greek History*. L., 1969, p. 16.

⁸ *Harrison E.* Chalcidice. — *Classical Quarterly*, 1912, p. 93—103, 165—178.

зывают фракийских халкидян с Халкидой на Эвбее, 2) на употреблении Геродотом и Фукидидом выражений τὸ Χαλκιδικὸν γένος и οἱ ἐπὶ Θράκης Χαλκισεῖς, по его мнению, доказывающих, что их авторы думали об этих халкидянах как об отдельном племени.

Концепцию Е. Харрисона поддержала М. Гьюд. По ее мнению, она «кажется весьма вероятной и должна быть принята»⁹. Кроме того, ее разделил и У. Карштедт¹⁰. М. Кэри пытался найти компромисс, полагая, что колонисты из Халкиды встретились во Фракии с племенем под названием «халкидяне», говорящим на греческом языке¹¹. Однако теорию Е. Харрисона и присоединившихся к нему ученых подверг резкой критике Д. Брэдин¹². Он аргументированно доказал, что нет оснований считать фракийских халкидян северным греческим племенем. Для доказательства он привлек материалы античных авторов, археологических раскопок, в частности монеты и керамику, а также эпиграфические данные. Д. Брэдин считает, что все эти свидетельства не опровергают, а подтверждают сообщение Страбона о том, что фракийские халкидяне были колонистами из Халкиды. Однако его мнение не разделил М. Царнт, который пошел дальше Е. Харрисона в развитии теории происхождения фракийских халкидян. Он пришел к выводу, что «ни литературные источники, в которых упоминаются фракийские халкидяне, ни их эпиграфические и нумизматические памятники не дают нам оснований рассматривать их как колонистов Халкиды на Эвбее; с другой стороны, язык их надписей и обозначенные в них названия месяцев (ионийских) не позволяют нам говорить об их македоно-фракийском происхождении»¹³. А отсюда вытекает вполне закономерный вопрос: как можно объяснить существование в этом районе ярко выраженного ионийского населения? М. Царнт считает, что в XIII—XII вв. до н. э., во время передвижения племен с севера «вместе с другими переселившимися тогда в Грецию племенами на юг могла попасть и ионийская фила под названием Χαλκιδεῖς. Это могло произойти двумя путями: с одной стороны — через Пинд в Этолию и Элиду, с другой — на восточное побережье Греции по направлению к югу, при этом часть данной племенной группы осталась на Халкидском полуострове, другая же перешла на Эвбею, оставшиеся группы в период так называемого ионического переселения попали в Малую Азию»¹⁴. Подобный вывод М. Царнт основывает, во-первых, на тех же почти данных, что и Е. Харрисон, а именно — на употреблении Геродотом и Фукидидом выражений τὸ Χαλκιδικὸν γένος и οἱ ἐπὶ Θράκης Χαλκισεῖς, а во-вторых, на расхождении в названиях месяцев у халкидян из Фракии и Халкиды на о-ве Эвбея. Однако, основываясь лишь на том факте, что Геродот и Фукидид умалчивают о происхождении фракийских халкидян, нельзя делать вывод о том, что они ничего не знали об этом.

Не исключено, что в V в. до н. э. это было общеизвестно и поэтому Геродот, а за ним и Фукидид не заостряют на данном вопросе внимание. Далее, расхождения в написании месяцев у фракийских халкидян и в Халкиде на о-ве Эвбея ни в коей мере не могут служить доказательством того, что они не были колонистами из Халкиды, так как у нас нет хронологически совпадающих надписей из этих двух регионов. А то, что язык надписей фракийских халкидян, хотя и принадлежит к ионической группе диалектов, отличается все же от языка эвбейских, можно объяснить тем, что первые в течение нескольких столетий жили отдельно от других ионических поселений, на что указывает и сам М. Царнт¹⁵. Далее, одним из аргумен-

⁹ Gude. Op. cit., p. 4, not. 11. ■

¹⁰ Kahrstedt U. Chalcidic Studies.— AJPh, 57, 1936, p. 416.

¹¹ Cary M.— САН, 3, 1929, p. 618.

¹² Bradeen. Op. cit., p. 356—380.

¹³ Zahrnt. Op. cit., S. 23.

¹⁴ Ibid., S. 25.

¹⁵ Ibid., S. 26.

тов, говорящих против их происхождения из Халкиды, М. Царнт считает тот факт, что фракийские халкидяне выступали постоянно как единое целое в отличие от колоний, которые оставались обычно назависимыми полисами¹⁶. Здесь уместно сослаться на мнение советских исследователей греческой колонизации. Так, И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов считают, что греческая колонизация представляет собой «...сложное явление, которое не может изучаться и интерпретироваться однозначно. Вызванный общими закономерностями развития древнегреческих полисов, колониционный процесс приобретал различные проявления и характер в разных регионах и конкретных местах расселения греков в зависимости как от реальной истории метрополий, так и в такой же, если не в большей, мере от конкретных экологических, демографических, а также социально-экономических и прочих ситуаций в колонизируемых районах»¹⁷. Наличие сильных фракийских племен заставило, вероятно, колонистов из Халкиды выступить единым фронтом против них, и хотя они основали несколько городов, все же перед лицом общей угрозы со стороны фракийцев они действовали совместно. Не исключено, что процесс консолидации сил был обоюдным как у колонистов с Эвбеи, так и у местных фракийских племен¹⁸.

Итак, с нашей точки зрения нет оснований считать фракийских халкидян северным греческим племенем, как это делают Е. Харрисон, М. Царнт и присоединившиеся к ним исследователи. Во-первых, нет оснований не доверять Страбону, использовавшему источники, надежность которых не вызывает сомнений (Артемидор, Посидоний, Эратосфен и др.). Во-вторых, сам характер расселения фракийских халкидян по побережью указывает на колониционное движение: города основывались в удобных гаванях, что было важно для торговли, и размещались подальше от местных племен. В-третьих, тезис М. Царнта о халкидянах как о северном греческом племени неправилен еще и потому, что сама Халкида была колонией Афин, основанной еще до Троянской войны¹⁹, — этот факт общепризнан. Что же касается наличия большого числа городов и мест под названием «Халкида»²⁰, то причину этого, вероятно, следует искать не в расселении некоего мифического северного греческого племени, а в этимологии самого слова «Халкида». Не исключено, что названия с корнем *χαλκ-* встречались в тех местах, где имелась медь.

Есть еще одно прямое указание на колониционный процесс: Дионисий Галикарнасский сообщает о том, что мать Аристотеля была потомком одного из тех, кто руководил колонистами из Халкиды в Стагире²¹.

Таким образом, следуя Страбону и Полибию, а также другим авторам, мы можем заключить, что фракийские халкидяне были колонистами с о-ва Эвбея, а именно из Халкиды. Вероятнее всего, колонизация Фракийского побережья халкидянами происходила в конце VIII — начале VII в. до н. э. Халкидика географически была естественно важным районом греческой колонизации. Однако не исключено, что она была колонизована халкидянами после выведения колоний на Запад²². Надо полагать, что

¹⁶ Ibid., S. 14.

¹⁷ Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Проблема греческой колонизации. — В сб.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств в Северном и Восточном Причерноморье. Цхалтубо, 4—11 мая 1977 г. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1977, с. 8.

¹⁸ Ср. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 24.

¹⁹ Strabo, X, 8; Liban., ad Dem. Olynth. I, 1.

²⁰ Были также города с таким названием в Элиде, Этолии, Сирии.

²¹ См. Dion. Hal., Ad Amm. 5.

²² Нельзя согласиться с Г. Глотцем в том, что Халкидика насчитывала 32 города с конца VIII в. до н. э. (Glötz. Op. cit., p. 129). В данном вопросе Г. Глотц полностью следует за Страбоном, положение которого относится к более позднему времени.

освоение халкидьянами п-ова Сифония проходило в два этапа. Сначала было основано несколько городов, которые впоследствии основали новые²³.

Следующей вашей задачей и будет выяснение вопроса о том, какие же города на Халкидике были именно халкидскими и входили в состав Халкидского союза в V в. до н. э. Но прежде чем говорить о составе союза, необходимо рассмотреть расстановку сил, которая сложилась на Фракийском побережье к 30-м годам V в. до н. э. Обстановка в этом регионе накануне Пелопоннесской войны была очень сложна, так как халкидские города оказались в центре интересов не только Афин, но также Македонии и Фракии. С одной стороны, они входили в состав Афинской архэ и некоторые платили удвоенные взносы, с другой — они испытывали влияние Македонии, вступившей в конце V в. до н. э. в борьбу за господство на фракийском побережье, а затем и фракийских племенных союзов.

Македонский царь Пердикка, стремясь к объединению Македонии под своей властью, а также к расширению своих границ и захвату выходов к морю, пытается использовать антиафинское движение на Халкидике в своих интересах. Он, как сообщает Фукидид (I, 57), желая спровоцировать Афины на войну со Спартой, стремился привлечь на свою сторону Коринф, который враждовал с Афинами. А через Коринф он хотел заставить Потидею, колонию Коринфа на п-ове Паллена, отпасть от Афин. С другой стороны, Пердикка стал вести переговоры с халкидьянами об организации единой антиафинской коалиции.

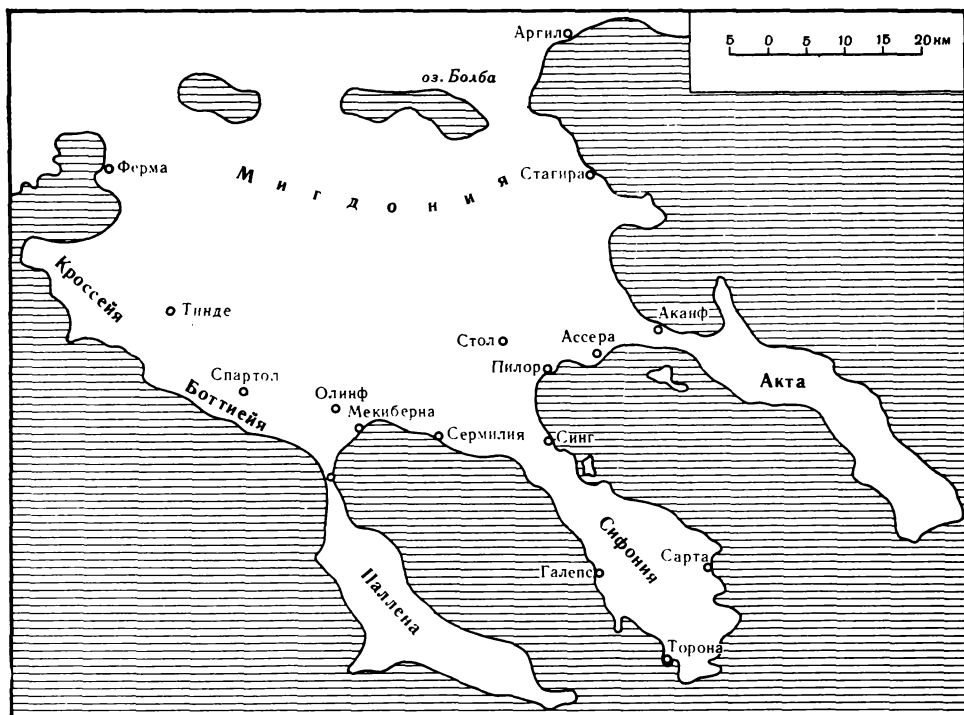
С этой целью Пердикка убеждает халкидьян покинуть приморские города, разрушить их и переселиться в Олинф (Thuc., I, 56, 2). Халкидьяне стали переселяться в глубь материка и готовиться к войне. Часть жителей приморских городов переселяется в Олинф, а часть расселяется на собственной земле Пердикки в Мигдонии, в окрестностях озера Болба (Thuc., I, 58, 2). Эту землю македонский царь уступил халкидьянам на время войны. Вероятно, Пердикка предпринимает такие меры для того, чтобы афиняне не могли найти союзников в этих городах. Кроме того, он, по-видимому, прекрасно сознавал, что небольшие прибрежные города Халкидики не смогут дать должного отпора сильному афинскому флоту. Поэтому он хотел создать в Олинфе укрепленный лагерь, защищавший не только халкидские города от афинских войск, но способный в любое время оказать помощь Македонии и Потидее.

Что же побудило халкидьян приморских городов покинуть свои дома и переселиться в Олинф и на земли Мигдонии? По нашему мнению, основной причиной этого процесса была общность их происхождения и их принадлежность к Халкидскому союзу, который возник у них очень рано (см. ниже).

Внешне выступление халкидских городов против Афин выразилось в том, что они почти все прекратили выплату фороса. Податные списки фракийского округа за 432 г. до н. э. очень хорошо сохранились, поэтому отсутствие того или иного города в списках за этот год ярко свидетельствует о том, что данный город примкнул к мятежу против Афин. Правда, следует оговориться, что сам факт отпадения от Афинского морского союза еще не может служить доказательством этнической принадлежности, так как к мятежу примкнули и боттией, но в сопоставлении с литературными, археологическими и нумизматическими данными он приобретает важное значение.

Итак, какие же города на Фракийском побережье были халкидскими? В этом вопросе приходится опираться на весьма скудные литературные и нумизматические источники, а также на податные списки Афинской архэ. Наша задача заключалась в том, чтобы собрать фрагментарные и

²³ Колонизация Халкидики — предмет особого исследования. Здесь даны только ее общие контуры в связи с вопросом о происхождении фракийских халкидьян.

Карта Халкидского полуострова

разбросанные источники и попытаться определить этническую принадлежность городов, расположенных на п-ове Сифония.

Бесспорно, самой древней колонией халкидян была Торона (Τορώνη)²⁴, расположенная на юге Сифонии (см. карту). Город находился примерно на расстоянии 1 мили от залива²⁵. О том, что Торона была халкидской, ясно говорит Фукидид, когда называет ее Τορώνην τὴν Χαλκιδικὴν, и указывает, что ее крепость Лекиф принадлежала халкидянам²⁶. Вероятно, Торона была одной из первых колоний, основанных халкидянами, и долгое время занимала руководящее положение среди остальных поселений²⁷. Найденные тетрадрахмы, выпуск которых относится к VI в. до н. э.²⁸, чеканились по эвбейскому стандарту, что может свидетельствовать в пользу ее халкидского происхождения. Ее фдорос составлял 6 талантов, в 430/29 г. он был увеличен до 12 талантов (ATL, I, 427), что вызвало недовольство местного населения. Возможно, это увеличение было вызвано военными расходами Афин на осаду Потидеи. В Тороне находился афинский гарнизон, который, вероятно, контролировал весь юг п-ова Сифония. Именно по этой причине город не мог присоединиться к мятежу других халкидских городов, и вынужден был платить фдорос в 432 г. до н. э. По Никиеву миру Торона была оставлена Афинам (Thuc., V, 18, 8),

²⁴ См. Thuc., IV, 110,1 — Τορώνην (acc. s.); Herod., VII, 122 — Τορώνην (acc. s.).

²⁵ Head. Op. cit., p. 203. Расположение Тороны подробно рассматривается в статье: Meritt B. D. Scione, Mende and Torone. — AJA, XXVII, № 4, 1923, p. 452—460.

²⁶ Thuc., IV, 110, 1; 114,2.

²⁷ См. Bérard. Op. cit., p. 67; Bradeen. Op. cit., p. 376; Boardman. Op. cit., p. 223; Botsford G. W., Robinson Ch. A. Hellenic History. N. Y., 1956, p. 62, not. 1; Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Parts I—XII. Baltimore, 1929—1946; part III, p. 11; Zahrt. Op. cit., S. 248.

²⁸ Seltman C. T. Greek Coins. Oxf., 1955, p. 67.

но в начале IV в. до н. э. город определенно входил в состав Халкидского союза (Хен., *Hell.* V, 3, 18).

Что касается других колоний, то мы имеем прямые указания древних авторов относительно некоторых из них. В области Сифонии были расположены кроме Тороны следующие города: Ассера²⁹, Пилор, Синг, Сарта, Галепс, Сермилия, Мекиберна, Олинф. Геродот перечисляет их на пути следования персидского флота Ксеркса.

Постараемся определить этническую принадлежность этих городов. Что касается Ассеры (Ἀσσηρα), то Стефан Византийский называет ее πόλις Χαλκιδέων³⁰. Правда, к слову «халкидский» у поздних авторов следует относиться очень осторожно, так как это понятие у них распространяется уже на весь полуостров с его тремя рукавами (Палленой, Сифонией и Актой), в то время как у авторов V и IV вв. понятие «халкидский» указывало на этническую принадлежность. Однако рассмотрение податных списков позволяет нам согласиться со Стефаном Византийским, который к тому же ссылается на Феопомпа, и прийти к выводу, что Ассера была действительно халкидским городом. В списках она представлена 14 раз. Причем чаще всего она уплачивает единую сумму вместе с Олинфом (одним из важнейших городов Халкидики) и Скаблой. Объединение этих городов для уплаты общей суммы форося, вероятно, было вызвано наличием общих черт у них. Не исключено, что одной из самых главных черт являлась их принадлежность к Χαλκιδικὸν γένος. До 445/4 г. форося Ассеры составлял 2400 драхм, с 438/7 г. подать повышается до 3000 драхм (ATL, I, p. 238—239). Такую стабильность М. Царнт объясняет тем, что город занимался исключительно земледелием³¹. Ассера не представлена в податных списках за 432 год, а это свидетельствует о том, что она вместе с остальными халкидскими городами отпала в это время от Афин. Имеются данные (Theopomp., fr. 147) о вхождении этого города в состав Халкидского союза в IV в. до н. э. Все эти сведения позволяют нам утверждать, что Ассера была халкидской колонией. Что касается локализации этого города, как, впрочем, и почти всех остальных халкидских городов, то мы будем следовать данным М. Царнта, который, неоднократно бывая на Халкидике, занимался этим вопросом и выводы которого являются на сегодняшний день самыми убедительными. Он локализует Ассеру к западу от Афонского канала на одном из холмов побережья на землях современной равнины Гомацион³².

Следующим городом на пути следования персов был Пилор (Πίλωρος—Herod., VII, 122). Сведений об этом городе у нас практически почти нет, кроме упоминания Геродота и данных податных списков. Пилор появляется в списках только в 434/3 г. как результат отделения (ἀπόταξις), возможно, от Ассеры или от Синга, как считают издатели податных списков Афинской архэ (ATL, I, 474). А. Уэст полагает, что отделение произошло от Сермилии, а М. Царнт — от Стола³³. В 432 г. Пилор вместе с другими халкидскими городами отложился от Афин и прекратил платить форося, поэтому с некоторой долей вероятности его можно считать халкидским. У. Карштедт полагает, что он был членом Халкидского союза³⁴. М. Царнт размещает этот город западнее Ассеры, на побережье Сингейского залива.

Далее на восточном побережье Сифонии был расположен Синг (Σίγγος—Herod., VII, 122), который дал название целому заливу, как считает Страбон (VII, fr. 31). В податных списках город представлен 18 раз, причем размер его форося составлял в основном два таланта. Жители

²⁹ Ассера в податных списках=Ассе (Ἀσσα) у Геродота (VII, 122).

³⁰ Steph. Byz., s. v. Ἀσσηρα.

³¹ Zahrnt. Op. cit., S. 166.

³² Ibid.

³³ West. Op. cit., p. 16, not. 7; Zahrnt. Op. cit., S. 212.

³⁴ Kahrstedt. Op. cit., p. 423.

этого города, как и других халкидских городов, в 432 г. не только примкнули к мятежу против Афин, но участвовали в переселении в Олинф. Факт, который явно свидетельствует об этнической принадлежности жителей Синга к халкидянам. В 20-х годах V в. город выплачивал, так же как Мекиберна и Галепс, только чисто символическую сумму форося в 10 драхм³⁵.

На восточном берегу Сифонии расположен также город Сарта (Σάρτη — Herod., VII, 122), из которого Ксеркс во время похода взял корабли и команды. Так же как и Пилор, Сарта появляется в податных списках впервые в 434/3 г. в результате отделения (ἀπόκρισις) от Тороны. Оба эти города, Торона и Сарта, сохранили свою верность Афинам в 432 г. и продолжали выплату своих взносов по той причине, о которой говорилось выше. Сарта регулярно выплачивала форося в размере 1500 драхм до 429/8 г., в 421 г. она платит только 100 драхм. Сарта была отделена от остальных халкидских городов широким горным массивом и поэтому оставалась больше в зоне влияния Тороны и Афин. Если рассматривать Сарту как отделившуюся от Тороны, то ее можно также считать халкидским городом, так как сама Торона была одной из самых первых халкидских колоний, о чем уже говорилось выше.

На западном побережье Сифонии были расположены следующие города: Галепс, Сермилия, Мекиберна и Олинф. В податных списках упоминаются Γαλαῖοι, которых Б. Меритт идентифицирует с жителями Γαληφός у Геродота (VII, 122)³⁶. Жители Галепса не только прекратили платить форося в 432 г., но и переселились в Олинф по совету Пердикки, что может служить ярким свидетельством их принадлежности к халкидянам. Так же как Синг и Мекиберна, в 20-х годах V в. он платит более чем скромную сумму форося в размере 10 драхм³⁷. М. Царнт локализует город на западном побережье Сифонии между Тороной и Сермилией³⁸.

Сермилию (Σερμυλίη), которая была расположена юго-восточнее Олинфа, Геродот также включает в число городов, которые оказали Ксерксу помощь (VII, 122). Пс.-Скилак, перечисляя греческие города Сифонии, называет Сермилию (Σερμυλία) между Мекиберной и Тороной³⁹. В схолиях к Фукидиду (I, 65,2) этот город называется Χαλκιδική πόλις. Старое название до сих пор сохранилось в названии деревни Ормилия⁴⁰. Сермилия, вероятно, как и остальные халкидские города, примкнула к мятежу 432 г., так как ее название за этот год также отсутствует в податных списках. Размер ее взносов колебался от 3 до 7 талантов — это свидетельствует о том, что Сермилия была вторым по величине после Тороны халкидским городом. Уже в VI в. до н. э. Сермилия имела собственный монетный двор и выпускала серебряные монеты по эвбейскому типу⁴¹, что также указывает на ее халкидское происхождение. Все это вместе взятое позволяет нам рассматривать Сермилию как халкидский город.

Недалеко от Олинфа находилась Мекиберна (Μεκύβερνα)⁴², которая была его портом. Геродот (VII, 122) и Пс.-Скилак (66) считают ее самым близким к Олинфу городом. Суда, следуя за Гарпократионом, полагают, что она находилась в 20 стадиях от Олинфа. Раскопки, проведенные Д. Робинсоном, позволяют точно установить местоположение Мекибер-

³⁵ ATL, I, p. 156, 158, 402, 403.

³⁶ Meritt B. D. — AJA, 1925, № 29, p. 27.

³⁷ ATL, I, p. 156, 158, 253.

³⁸ Zahrnt. Op. cit., S. 178.

³⁹ GGM, I. Skylax-66. Геродот (VII, 122) дает форму Σερμύλην. Геблер считает, что это ошибка и должно быть Σερμυλίην (Gaebler N. — Zeitschrift für Numismatik, XXXIX, 1929, S. 257, Anm. 3). Ср. Robinson. Excavations at Olynthus. Part VI, p. 35.

⁴⁰ См. Leake. Op. cit., p. 154; Zahrnt. Op. cit., S. 225.

⁴¹ Seltman Ch. M. A. Greek coins. L., 1933, p. 66.

⁴² Herod., VII, 122 — Μεκύβερναν; Thuc., V, 39 — Μεκύβερναν (acc. s.).

ны около современной деревни Моливопирго⁴³. Однако выяснить характер происхождения самого города пока не удалось: была ли Мекиберна с самого начала халкидской колонией или, как и Олинф, она до 479 г. принадлежала боттиям. Как полагает Д. Брэдин, «ее положение на побережье указывает на ее греческий характер»⁴⁴. В податных списках Мекиберна представлена 18 раз, причем в 454/3 г. она платит общую сумму в 2,5 таланта со Столом и Полихном⁴⁵. В 425 и 421 гг. сумма ее взноса была чисто символической в размере 10 драхм⁴⁶. В 432 г. Мекиберна, как следует из податных списков, прекратила выплату фороса, что ясно указывает на ее участие в мятеже против Афин. В последующие годы Мекиберна выступает вместе с халкидскими городами, что также позволяет отнести ее к категории последних. Выплата фороса в размере 10 драхм Мекиберной, Галепсом и Сингом наводит на мысль, что жители именно этих городов переселились в Олинф накануне Пелопоннесской войны. Мекиберна, вероятно, так же как и Олинф, была застроена в конце V — начале IV в. до н. э. по гипподамовской системе перекрещивающихся под прямым углом улиц, как показали раскопки, проведенные в Мекиберне Робинсоном⁴⁷.

Таким образом, все перечисленные города с большой долей вероятности мы можем рассматривать как халкидские колонии. Свидетельства древних авторов, анализ податных списков, нумизматические данные, локализация городов по побережью п-ова Сифония, участие в мятеже против Афин — все это позволяет нам судить об этих городах как о халкидских.

Кроме того, у древних авторов имеются упоминания о халкидских городах, расположенных во внутренней части п-ова Сифония. Из них к халкидским относится также город Стол (Στόλος). Во-первых, в податных списках он представлен вместе с халкидскими городами: в 454/3 г. он платил форос совместно с Мекиберной и Полихном (ATL, I, p. 414 f.). Во-вторых, он постоянно фигурирует в литературе среди халкидских городов. Можно предположить, что Стол был основан не непосредственно Халкидой, а халкидскими колониями Сифонии. Это подтверждается еще тем фактом, что он локализуется не на побережье, что характерно для греческих колоний, а на некотором расстоянии от моря. Именно поэтому, вероятно, его опустил Геродот, когда перечислял города, которые оказали Ксерксу помощь. В списке Геродота представлены только прибрежные пункты, которые лежали на пути флота персидского царя. М. Царнт размещает его на материке к северо-западу от Пилора⁴⁸. В податных списках Стол представлен 14 раз (ATL, I, p. 414), его название отсутствует в списках за 432 г., что свидетельствует о его мятеже против Афин, — еще одно доказательство в пользу его халкидского происхождения.

Вместе со Столом в податных списках за 454/3 г. представлены жители Полихны. Город известен только из податных списков (ATL, I, 384 f). Вместе с Мекиберной и Столом Полихна платила 2,5 таланта. Если вычесть долю этих городов, то окажется, что Полихна платила $\frac{2}{3}$ таланта, т. е. столько же, сколько и Стол. Поэтому по значению ее можно приравнять к Столу. В списках она представлена только три раза. Вероятно, она находилась недалеко от Стола, так как в ATL говорится Πολιχύνται παρὰ Στόλον.

⁴³ Mylonas G. E. Excavations [at Mesityberna in 1934, 1938.— AJA, 47, 1943, p. 78—87.

⁴⁴ Bradeen. Op. cit., p. 368, not. 62.

⁴⁵ ATL, I, p. 414 f., 340.

⁴⁶ ATL, I, p. 156, 158, 340, 341.

⁴⁷ Robinson D. M. The Third Campaign at Olynthus.— AJA, 39, 1935, part 2, p. 229.

⁴⁸ Zahrlnt. Op. cit., S. 245.

Стефан Византийский называет халкидскими еще два города: Тинде ⁴⁹ и Скапсу ⁵⁰. Д. Брэдин, следуя за ним, пытается доказать, что они действительно были халкидскими. На наш взгляд, в данном случае термин *Χαλκιδική* относится к более позднему времени, когда весь полуостров фигурирует под этим названием. Эти города были расположены в области, которую Геродот (VII, 123) называет Кроссейа. Этот район был в основном боттиейским, находясь на значительном расстоянии от собственно Халкидики. Таким образом, если допустить, что Тинде и Скапса — халкидские города, то они были отделены от остальных халкидских колоний боттиейскими владениями. Этот факт Д. Брэдин пытается объяснить нашествием боттиеев в VII или VI в., которое, по его мнению, было позже халкидской колонизации Фракии ⁵¹.

По нашему мнению, нет оснований причислять эти города к халкидским. Во-первых, не известно, что было раньше: нашествие боттиеев или халкидская колонизация. Во-вторых, Страбон (VII, fr. 11) говорит вполне конкретно о том, что халкидяне прибыли в страну сифонов и их изгнали, и ничего не сообщает об области Кроссейа. В-третьих, нам хорошо известно, что боттией в 432 г. до н. э. приняли участие в мятеже против Афин, поэтому нет оснований причислять эти города к халкидским на одном только основании, что они отсутствуют в податных списках за этот год. И, наконец, сама локализация городов, в частности города Тинде, который расположен на большом расстоянии от моря и от других халкидских городов, говорит не в пользу халкидской колонизации. Не исключено, что эти города входили на каком-то этапе в состав Халкидского союза, когда он включал в себя не только собственно халкидские, но и другие города. Это, по-видимому, произошло в начале IV в. до н. э., когда Халкидский союз захватил боттиейские владения и включил их в свой состав (Isae., V, 42). И, возможно, именно в этом смысле, в плане политическом, а не этническом, и употребляет Стефан Византийский слово *Χαλκιδική*.

Таким образом, все выше перечисленные города — Ассера, Пилор, Стол, Синг, Сарта, Торона, Галепс, Сермилия, Мекиберна и Полихн — локализируются на п-ове Сифония и могут считаться, как уже было показано, халкидскими колониями. Попытка Д. Брэдина выделить еще 18 городов и присоединить их к числу халкидских, по нашему мнению, лишена всяких оснований и не подтверждается источниками. Кажется, что Д. Брэдин стремится отыскать те 30 городов, о которых говорит Демосфен, а за ним и Страбон. Но на данном этапе это пока не представляется возможным.

Наконец, самым важным городом Халкидского союза был Олинф (*Ὀλυνθος* — Herod., VII, 122). Хотя он не был халкидским с момента возникновения, но точно известно, что он стал таковым после 479 г., когда Артабаз, персидский полководец, передал его для управления Критобулу из Тороны и халкидянам (Herod., VIII, 127). Олинф был главным городом Халкидского союза в V и IV вв. до н. э. Его роль была настолько велика, что литературная традиция IV в. до н. э. заменяет понятие «халкидяне» словом «олинфяне». К тому же он пока единственный город Халкидики, где были проведены археологические раскопки (если не считать Мекиберну), поэтому более подробно остановимся на истории города, его местоположении (которое определено уже совершенно точно), планировке и характере застройки. Определены размеры города и выяснено время первого поселения на месте будущего Олинфа. Центр города был расположен на южном холме, который простирался с севера на юг приблизительно на 1200 м, а в ширину — около 100—200 м. С юга холм был очень удобен для поселения: раскопки показали, что

⁴⁹ Steph. Byz., s. v. Τίνδη Ἐράκης Χαλκιδική πόλις.

⁵⁰ Steph. Byz., s. v. Κάφα πόλις Χαλκιδικῆς.

⁵¹ Bradeen. Op. cit., p. 370.

сначала была заселена южная часть холма и долгое время оставалась центром политической, религиозной и торговой жизни, первое поселение было основано в конце IV тыс., т. е. в неолитический период⁵². Судьба поселения в последующее время неизвестна, так как памятников материальной культуры последующих веков не сохранилось. В период между X и VII вв. до н. э. город бы занят греко-македонскими племенами, которых в VII в. сменили боттией, изгнанные от Фермейского залива македонскими царями. Они занимали южный холм вплоть до 479 г. до н. э., когда Артабаз, как уже было сказано выше, передал город халкидянам. Именно с этого времени город становится халкидским, резко возрастает его благосостояние, и он постепенно превращается в главный город Халкидского союза.

Раскопки показали, что Олинф был разделен на две части: старый и новый город. Старый город был расположен на южном холме, новый — на северном. Улицы старого города были узкими и кривыми, дома — слишком маленькими и убогими. Полы в этих домах — земляные, изредка встречается булыжное замощение или простой галечный пол. В этой части города были сосредоточены и все общественные здания. Правда, было обнаружено всего только три общественных здания. Остатки в виде нескольких фрагментов стен и расположенных во внутреннем помещении трех баз без колонн определяются Д. Робинсоном как пританей или булевтерий⁵³. На южном холме было найдено около 30 подземных складов, где обнаружено много местных олинфских ваз⁵⁴. Складами пользовались только до 479 г. Следует отметить, что южная часть города исследована недостаточно. Богатые дома северного холма привлекли внимание археологов в первую очередь, а относительно южного холма указывается, что материал будто бы малоинтересен⁵⁵.

Образование Афинского морского союза привело к резкому подъему экономики в греческих городах-государствах, в том числе и в Олинфе. Будучи членом Афинского морского союза и находясь на торговом пути из Афин в Причерноморье, Олинф превратился к концу V в. в экономически развитый и богатый город. Развитие хозяйства и торговли привело к накоплению богатств в руках зажиточных слоев. Запросы и потребности их возросли. «Поселение на южном холме показалось слишком тесным, грязным и убогим для возросших потребностей верхушки олинфских граждан»⁵⁶. Только тогда появились постройки (сначала единичные) на северном холме. Северный холм застраивается по системе перекрещивающихся под прямым углом улиц, среди которых выделялись две важнейшие, наиболее широкие пересекающиеся оси города. Главные, более широкие улицы шли точно в направлении север — юг, остальные улицы — в направлении восток — запад⁵⁷. Ширина улиц составляла 5—7 м. Дома городских жителей составляли секции по 10 и 6 домов с каждой стороны квартала, при этом они представляли собой единый блок, так как имели общие боковые стены. Таким образом, перед нами город, построенный по Гипподамову плану. Д. Робинсон придает очень большое значение открытию этой системы планировки в Олинфе⁵⁸. Применение ее в Олинфе показывает, что она была распространена и в классический период⁵⁹, тем более что все дома на северном холме были построены в основном в последней четверти V — первых двух четвертях IV в. до н. э.

⁵² *Mylonas G. E. Excavations at Olynthus. Part I. Baltimore, 1928, p. 96; Robinson D. Olynthus. — RE, V, 1939, p. 331; Gude. Op. cit., p. 3.*

⁵³ *Robinson. Excavations at Olynthus. Part II, p. 16—35.*

⁵⁴ Описание этих ваз можно найти в V томе публикаций Д. Робинсона.

⁵⁵ См. *Кауфман С. А. Вилла Доброй судьбы в Олинфе. — В сб.: Вопросы всеобщей истории архитектуры. I. М., 1961, с. 75.*

⁵⁶ Там же, с. 76.

⁵⁷ *Robinson. Excavations at Olynthus, part II, p. 39.*

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Кобылина М. М. Открытия в Олинфе. — ВДИ, 1939, № 3, с. 201.*

Городские дома на северном холме имели от 6 до 12 комнат. Многие из них были двухэтажными. Однако не все дома были одинаковы и стандартны. При всем кажущемся единообразии планировки и застройки существует значительная дифференциация домов по величине, этажности, богатству внутренней отделки, а иногда и по площади участка. Зажиточные олинфяне имели роскошные виллы. Так, раскопаны две виллы: вилла «Доброй судьбы» и «Дом комического актера»⁶⁰. Вилла «Доброй судьбы» выделяется среди других домов, раскопанных на северном холме, по своему расположению, величине и богатству отделки. Она названа так из-за мозаичной надписи Ἀγαθῆ τύχη. Площадь застройки виллы в полтора раза больше обычной для северного холма. Передняя сторона дома составляла 26 м, в ширину дом имел 17 м. В центре дома находился дворик с алтарем. Вилла представляла собой жилой дом богатого олинфского гражданина. Очень хорош по отделке и «Дом комического актера», расположенный недалеко от виллы «Доброй судьбы». По мнению Д. Робинсона, самым замечательным в этом доме был внутренний дворик, выложенный мозаикой. Д. Робинсон придает мозаикам, найденным в Олинфе, особое значение. Они встречаются во многих домах и сделаны с большим мастерством, некоторые из них можно датировать концом V в. до н. э. Открытие олинфской мозаики очень важно, так как она является «самой ранней греческой мозаикой с фигурами людей и животных»⁶¹.

Уровень благоустройства в Олинфе был невысок. Замощены были, по-видимому, только главные магистрали на северном холме. При раскопках найдены терракотовые трубы и цистерны. В городе существовал городской колодец, от которого отходили водопроводные трубы, в некоторых домах были резервуары для воды.

Укрепления, обнаруженные в Олинфе, напоминают древнейшую греческую оборонительную систему. В 1934 г. были открыты крепостные ворота; примыкающие к ним стены домов были усилены до толщины 0,8 м; на северном краю холма была обнаружена сырцовая стена с башнями. Крепостные стены из сырца имеют очень древнее происхождение — такие стены были открыты еще в Трое, затем в Коринфе, Дипилоне, Афинах⁶². Таким образом, в отношении укреплений Олинф связан с очень древними традициями. Большое количество ремесленных изделий говорит о развитии в городе ремесла в V в. до н. э. Среди ремесленной продукции, относящейся к этому времени, мы видим терракотовые изделия, вазы, лампы, различного рода скульптуры, бронзовые ручки дверей. Все они отличаются высокой техникой изготовления.

С 454 г. до н. э. Олинф представлен в податных списках Афинской архэ, что свидетельствует о принадлежности Олинфа к этому союзу. Форос составлял два таланта (ATL, I, p. 362, 529). Сумма фороса позволяет нам сказать, что Олинф платил довольно-таки скромную долю. Так, во Фракийском округе Абдеры платили 15 талантов (ATL, I, p. 216 f.), Потидея — 6 талантов (ATL, I, p. 386), Менда — 8 талантов (ATL, I, p. 340), Скиона — 6 талантов (ATL, I, p. 410), Торона — 6 талантов (ATL, I, p. 426). Это и понятно. К середине V в. до н. э. Олинф представлял собой еще небольшой город, только недавно (в 479 г.) переданный халкидянам. Сумма фороса в два таланта не изменилась на протяжении многих лет. К тому времени, когда Олинф превратился уже в большой и богатый город, он был на стороне оппозиции против Афин, и поэтому, вероятно, вопрос о повышении его доли, естественно, не поднимался. Податные списки позволяют нам утверждать, что Олинф не участвовал в Самосском восстании, а оставался верен Афинам и исправно платил форос: название города хорошо сохранилось в податных списках от

⁶⁰ Robinson D., Graham A. Excavations at Olynthus. Part VIII. Baltimore, 1938, p. 55—68.

⁶¹ Ibid., p. 65.

⁶² Кобылина. Ук. соч., с. 201.

440/39 г., т. е. времени Самосского восстания. К концу V в. до н. э. Олинф выделяется уже из числа халкидских городов как крупный торгово-ремесленный центр.

Таким образом, все вышеперечисленные города, а именно Ассера, Стол, Полихн, Пилор, Синг, Сарта, Торона, Галепс, Сермилия, Мекиберна и Олинф (после 479 г.), были халкидскими городами. Все они, возможно, в V в. до н. э. входили в состав Халкидского союза, образование которого восходит к эпохе колонизации⁶³. Вероятно, основной причиной образования союза и его основной задачей была защита от местных племен, которых колонистам пришлось изгнать, когда они осваивали полуостров Сифония (Strabo, VII, fr. 11). Не исключено, что рост и развитие халкидских колоний постепенно приводили к ослаблению связей между ними и к экономической их самостоятельности, однако формально союз не переставал существовать. В V в. до н. э. в состав союза входили только собственно халкидские города, которые были связаны общностью происхождения и жителей которых Геродот называет τὸ Χαλκιδικὸν γένος, а Фукидид — οἱ ἐπὶ Θράκης Χαλκιδεῖς. Принадлежность халкидских городов к Халкидскому союзу определяется именно употреблением этих терминов у Геродота и Фукидида. Последний, описывая ход Пелопоннесской войны на Халкидике, постоянно употребляет слово Χαλκιδεῖς там, где действуют соединенные силы халкидских городов вместе со спартанским полководцем Брасидом. Поэтому, если мы примем во внимание, что все города, рассмотренные в данной статье, были халкидскими, то в гипотетической форме мы можем предположить, что все они в V в. до н. э. входили в состав Халкидского союза. Если на ранних этапах существования союза руководящая роль принадлежала, вероятно, Тороне, то после синойкизма 432 г. она окончательно и бесповоротно перешла к Олинфу, что нашло яркое отражение в чеканке монет в Олинфе с надписью ΧΑΛΚΙΔΕΩΝ с изображением Аполлона, покровителя города, а официальным названием союза было οἱ Χαλκιδεῖς.

Е. И. Светилова

ON THE FORMATION OF THE CHALCIDIC CONFEDERACY

Ye. I. Svetilova

At the time of the colonization movement the Chalcidic Peninsula attracted the attention of many Greek cities. Corinth and Andros, Athens and Eretria, Megara and Chalcis all sent colonies there. Chalcis colonized Sithonia, the middle one of the three «fingers» into which the lower part of the peninsula is divided. The Chalcidian colonization process took place in the late 8th and early 7th centuries B. C. The oldest and largest of the colonies founded from Chalcis were Torone and Sermilia, which were minting their own coinage by the 6th century. The scarcity and scattered nature of the sources makes it impossible to determine with certainty which of the other Greek cities in Sithonia were Chalcidian foundations. The formation of the confederacy goes back to the original colonization period. It is probable that in its early stages the leading city was Torone and that after 479 this role passed to Olynthus when that city was taken from the Bottiaei and handed over to the Thracian Chalcidians. The confederacy minted coins with the inscription ΧΑΛΚΙΔΕΩΝ and a figure of Apollo, the protector of Olynthus; its official name was οἱ Χαλκιδεῖς.

⁶³ Ср. de Salvo L. Le origini del koinon dei Chalcidesi.— Athenaeum, 1958, № 1, p. 53. Вопрос об образовании Халкидского союза будет рассмотрен автором в другой работе.

ГИППАРХ В АНТИЧНОЙ НУМИЗМАТИКЕ

В 1808 г. в Париже была издана in-folio «Греческая иконография», составленная знаменитым французским искусствоведом и археологом Энио К. Висконти (1751—1818)¹. Только успеху этой прекрасно написанной и богато иллюстрированной книги мы обязаны тем, что в следующем, втором ее издании 1811 г. впервые появилась иконография Гиппарха. «Изображение Гиппарха, — писал Висконти, — отсутствовало в иконографии, и только в эти последние годы хранители императорской библиотеки приобрели монету, гравированную под № 3, табл. 57. Она бронзовая, чеканена в Никее (Вифиния) — на родине астронома и в царствование Александра Севера, портрет которого дан на аверсе этой монеты»² (см. рис. 1а).

Так, в 1811 г. был сделан первый вклад в иконографию древнегреческого астронома, математика и географа Гиппарха, который с древних времен получил всеобщее признание как основоположник научной астрономии. Еще в I в. н. э. Плиний Старший писал о нем: «Гиппарх еще не оценен в полной мере, ибо никто лучше него не показал родства человека со звездами...» (HN, 2, 26 — перевод Н. А. Поздняковой). В наши дни историк астрономии Г. Дж. Тумер не менее эмоционально замечает: «Гиппарх — уникальная фигура в истории астрономии. Хотя все признают, что его деятельность имеет фундаментальное значение, мы необычайно плохо информированы о нем. Из его многочисленных работ выжила только одна (Комментарий к „Явлениям“ Евдокса и Арата), и та сравнительно слабая, хотя и ценная в отсутствии других. Мы выводим большинство наших сведений о достижениях Гиппарха из „Альмагеста“. И хотя Птолемей, очевидно, тщательно изучал труды Гиппарха и с глубоким уважением относился к ним, тем не менее его основной задачей было не передать потомству их содержание, а использовать их, улучшив, где это было возможно, для построения своей собственной астрономической системы»³.

Никейская монета в честь Гиппарха, описанная Висконти в 1811 г., способствовала дальнейшим поискам в иконографии Гиппарха. Уже в 1830 г. Т. Е. Мионне описывает еще четыре никейские монеты в честь Гиппарха⁴, чеканенные при Антонине Пие, Коммоде, Макрине и Александре Севере соответственно (см. рис. 1б — 1д). На реверсе каждой из пяти названных монет (рис. 1а — 1д) с небольшими вариациями изображен сидящий полуобнаженный бородатый мужчина, одетый в древнегреческий плащ (pallium), — типичное изображение философов в произведениях искусства того времени (ср. изображение Анаксагора на рис. 2а и Пифагора на рис. 2б — 2в). Перед мужчиной на маленькой колонне помещен глобус — атрибут ученых, занимавшихся астрономией и философией, но на монете, чеканенной при Антонине Пие (рис. 1б), самой древней и наименее сохранившейся, глобус, по мнению Мионне, находится в правой руке Гиппарха, хотя это не вполне очевидно; в других случаях правая рука протянута либо к глобусу, лежащему на колонне, либо к колонне; левая рука во всех случаях опирается на сиденье. В этих изображениях Гиппарха, если учесть греческие художественные традиции, очень многое говорит за то, что резчики штемпелей копировали существовавшую в их время статую

¹ *Visconti E. Q. Iconographie Grecque, in-folio. P., 1808.*

² *Ibid., in-4°. T. 3. P., 1811, p. 298—301. То же повторено в третьем изд.: in-8°. T. 1. Milan, 1824. p. 302—305.*

³ *Toomer G. J. «Hipparchus» in Dictionary of Scientific Biography. V. 15. Suppl. 1. N. Y., 1978, p. 207—224.*

⁴ *Mionnet T. E. Descriptions des Médailles antiques, grecque et romaines. Supplement. T. V. P., 1830; t. VI. P., 1833, № 473, 582, 741, 783. Мионне ошибочно считает, что на монете № 741 изображен Пифагор. Монета, чеканенная при Коммодe, имеется также в коллекции Г. фон Аулокка (см. далее прим. 11, монета № 7028).*

знаменитого астронома, воздвигнутую в одном из общественных мест Никеи⁵. К сожалению, качество исполнения изображений на этих монетах невысокое, за исключением монеты эпохи Макрина (рис. 1г), заметно выделяющейся в художественном отношении. Но даже в этом последнем случае о портрете Гиппарха можно говорить лишь в общих чертах.

Однако к концу XIX в., во всяком случае уже после публикации в 1882 г. нумизматического обзора греческой иконографии, Л. Бюрхнера⁶, где им описаны те же пять монет в честь Гиппарха, известные к 1830 г., и даже после выхода книги Ф. Имхоф-Блумера⁷ о портретных бюстах на античных греческих монетах, где вообще не дано изображения Гиппарха, нумизматика обогатилась еще двумя никейскими монетами в честь Гиппарха (см. рис. 1е, 1з). Обе эти монеты вместе с пятью предыдущими были включены в корпус малоазийских древнегреческих монет В. Ваддингтона, Е. Бабелона и Т. Рейнака⁸. Представленный на монете (рис. 1е) эпохи Антонина Пия бюст Гиппарха — это выразительный нумизматический портрет. Мы видим энергичное, характерное лицо в профиль с высоким лбом и крупным носом, отлично переданы черты его творческой личности⁹. В период с 1910 по 1978 г., как это следует из статьи В. Руге¹⁰ и упомянутой выше работы Г. Дж. Тумера, была найдена только одна новая монета в честь Гиппарха (рис. 1ж), чеканенная при императоре Валериане (253—260 гг.)¹¹.

Итак, в течение около 100 лет, от Антонина Пия до Галлиена, родина Гиппарха — Никея в Вифинии — произвела ряд выпусков бронзовых мемориальных монет в его честь (см. табл.). В таблице монеты М6¹² и М6¹³ немного различаются в рисунке типа реверса, что свидетельствует об их чеканке разными штемпелями, но неизвестно — в один или разные годы правления Александра Севера. К сожалению, никейские монеты, чеканенные в императорский период, не содержат знаков датировки их выпусков, как это делалось в некоторых городах Малой Азии (см. прим. 11, вып. 1, № 99—118 и др.) и Александрии¹⁴. Поэтому даты выпусков монет в честь Гиппарха надо относить не к какому-то году, а к целому периоду правления императора, изображенного на аверсе.

Однако небезынтересно знать, не связаны ли выпуски монет в честь Гиппарха с какими-то событиями, побудившими городской совет (Βουλή) Никеи отчеканить эти монеты? Хорошо известно, что древний мир не знал медалей как мемориальных памятников в современном смысле этого слова. Выпуски мемориальных монет по разным поводам, чаще в связи с текущими событиями большого общественного значения, были тогда обычным делом. Греческие полисы в императорское время получили разреше-

⁵ *Waddington W.-H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. Part 3. P., 1910, p. 396, not. 6.*

⁶ *Bürchner L. Griechische Münzen. — ZfN, B. IX, H. 2, 1882, S. 127 f.*

⁷ *Imhoof-Blumer F. Porträtköpfe auf antiken Münzen. Lpz, 1885.*

⁸ *Waddington, Babelon, Reinach. Op. cit., № 113, 114, 293, 554, 608, 609, 843.*

⁹ С середины XIX в. получило распространение фантастическое изображение Гиппарха, приведенное впервые в кн.: *Фигье Д. Светила науки от древности до наших дней. Т. 1. Спб. — М., 1869* (вклейка между с. 260 и 261). Этот псевдопортрет Гиппарха воспроизводит до сих пор. См.: *Колчинский И. Г. и др. Астрономы (биографический справочник). Киев 1977, с. 76; Энциклопедический словарь юного астронома. М., 1980, с. 84. В зарубежной литературе можно встретить иные, но столь же неаутентичные изображения Гиппарха (Grand Larousse encyclopédique. T. 5, P., 1962, p. 899). В Афинах по случаю XVI Международного астронавтического конгресса в 1965 г. была выпущена почтовая марка с «портретом» Гиппарха (марка воспроизведена в кн.: *Гурштейн А. А. Извечные тайны неба. М., 1984, с. 113).**

¹⁰ *Ruge W. Nikaie 7. — RE, v. XVII, № 1. Stuttgart, 1936, col. 226—237.*

¹¹ *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung von Aulock. B., 1957, Heft 3, № 717 (Tafel 22); Heft 15, B., 1967, № 7097. Приношу благодарность Ю. Г. Виноголадову, который обратил мое внимание на эту коллекцию и предоставил возможность ознакомиться с указателями к ней (Index. B., 1981).*

¹² *Wroth W. Catalogue of greek coins. Pontus. L., 1889, tabl. 33, 9.*

¹³ *Waddington, Babelon, Reinach. Op. cit., tabl. 83, 2.*

¹⁴ *Head V. V. Historia numorum. Oxf., 1911, p. XXXV — XXXVII.*

Хронологическое перечисление семи выпусков монет *

№	Диаметр в мм	Тип аверса и примерная датировка	Легенда и тип реверса (краткое описание)	Местонахождение монет на 1910 год
M1	26	Бюст Антонина Пия (138—161)	ΙΠΠΑΡΧΟΣ ΝΙΚΑΙΕΩΝ Бюст Гиппарха, обращенный направо	г. Винтертур, коллекция Ф. Имхоф-Блумера
M2	25	Голова Антонина Пия (138—161)	ΙΠΠΑΡΧΟΣ ΝΙΚΑΙΕΩΝ Сидящий Гиппарх с глобусом на правой руке (?)	Париж, Кабинет медалей Национальной библиотеки
M3	26	Бюст Коммода (180—192)	ΙΠΠΑΡΧΟΣ ΝΙΚΑΙΕΩΝ Гиппарх, сидящий перед колонной с глобусом	Берлин, Кабинет медалей, а также коллекция Г. фон Аулокка
M4	27	Бюст Макрина (217—218)	ΝΙΚΑΙΕΩΝ Гипарх, сидящий перед колонной с глобусом	Вена, Художественно-исторический музей
M5	23	Бюст Александра Севера (222—235)	ΙΠΠΑΡΧΟΣ ΝΙΚΑΙΕΩΝ Гиппарх, сидящий перед колонной с глобусом	Париж, Кабинет медалей Национальной библиотеки; Афины, Национальный музей
M6 M6'	21	Бюст Александра Севера (222—235)	ΙΠΠΑΡΧΟΣ ΝΙΚΑΙΕΩΝ Гиппарх, сидящий перед колонной с глобусом	Лондон, Британский музей; Париж, Кабинет медалей Национальной библиотеки
M7	24	Бюст Галлиена (253—268)	ΝΙΚΑΙΕΩΝ Гиппарх, сидящий перед колонной с глобусом	Вена, Художественно-исторический музей
M7'	?	Бюст Валериана (253—260)	ΙΠΠΑΡΧ. ΝΙΚΑΕΩΝ Гиппарх, сидящий перед колонной с глобусом	Берлин(?), коллекция Г. фон Аулокка

* Таблица составлена по материалам изданий, указанных в прим. 5 и 11.

ние на автономную (муниципальную) чеканку почти исключительно медных (бронзовых) монет, имевших преимущественно местное хождение, хотя их случайный вывоз в другие города и провинции Римской империи всегда имел место, что подтверждается археологией.

Но были ли выпуски монет систематическими или спорадическими? Как полагает Б. Хед¹⁵, во многих греческих городах муниципальные деньги чеканили только в связи с наступающими празднованиями игр и фестивалей, и каждая следующая чеканка производилась спустя много лет. Неизвестно, в каком количестве чеканились монеты вообще, а тем более мемориальные, типа монет M1—M7 в честь Гиппарха. Но можно предполагать, что их количество находилось в каком-то соответствии с потребностями населения города и его окрестностей, участвующего в местной торговле. В большинстве случаев неизвестны также поводы, которым обязаны конкретные мемориальные выпуски монет и их последующие повторения¹⁶.

Гиппарх для Nikeи не был единственным лицом (не считая императоров и традиционных местных богов), которому воздавались такие почести, как чеканка портрета на монетах. Nikeйцы много раз чеканили монеты в честь Гомера¹⁷ и Александра Македонского¹⁸. Производя чеканку мо-

¹⁵ *Head. Historia numorum*, p. LXIV.

¹⁶ Проблему количества, качества и повода чеканки муниципальных монет я обсуждал с Д. Б. Шеловым (Институт археологии АН СССР). Выражаю ему искреннюю благодарность за ценные замечания.

¹⁷ *Waddington, Babelon, Reinach. Op. cit.*, № 190, 285, 286, 821, а также одна монета с изображением Александра Севера на аверсе из коллекции Аулокка (*Sylloge Nummorum graecorum. Deutschland. Heft 2, № 622, Tafel 19.*)

¹⁸ *Waddington, Babelon, Reinach. Op. cit.*, № 191, 287—292.

нет в честь Гиппарха, Никея уверенно могла ставить себя в один ряд с известными греческими городами, которые чеканили мемориальные монеты в честь своих выдающихся сограждан (см. рис. 3).

График, представленный на рис. 3, позволяет оценить в целом историческую ситуацию, связанную с чеканкой мемориальных монет греческими городами в императорский период. Когда дата чеканки монеты определена годами правления императора, изображенного на аверсе, на графике эта дата задана отрезком линии, соответствующим периоду правления, в принятом масштабе¹⁹. В график не включены те мемориальные монеты, которые не имеют на аверсе изображения императора. По горизонтальной координатной оси графика отложены годы в масштабе 1 мм : 1 год. На вертикальной координатной оси указаны имена лиц, в честь которых чеканены монеты с их изображением. Все монеты даны по приводимым в статье нумизматическим изданиям. К именованным монетам добавлены монеты с реверсом астрономического характера: изображением зодиака, отдельных созвездий, планет. Кроме этого, на графике даны пунктиром семь вертикальных линий: две связаны с датами прохождения перигелия кометой Галлея (КГ на рис. 3) в 141 и 218 гг. н. э., три — с празднованием 800, 900 и 1000-летья города Рима в 47, 147 и 248 гг. н. э. и еще две — с секулярными играми (СИ на рис. 3) в 88 и 204 гг. н. э.²⁰ Эти семь линий даны с целью уловить связь выпусков мемориальных монет с указанными астрономическими и общественными событиями.

Из графика видно, что монеты в честь Гиппарха в Никею начали выпускать, когда стало обычаем чеканить мемориальные монеты в честь великих людей в их родных городах. В таких местах, как острова Лесбос и Иос, в честь Сапфо и Гомера соответственно чеканили монеты (даже серебряные) еще в IV в. до н. э.²¹ И если вспомнить, что в начале императорского периода, т. е. в I в. н. э., уже более 100 городов Азии чеканили собственную бронзовую монету, а во II—III вв. к ним добавилось еще около 30 городов²², то нет ничего удивительного, что к II в. н. э. чеканка мемориальных монет стала популярным методом выражения местного патриотизма. Как видно из графика на рис. 3, никейцы своими монетами в честь Гиппарха успешно соперничали даже с многочисленными выпусками монет на о. Самос в честь Пифагора. Другие греческие города чеканили мемориальные монеты, может быть, и не реже, но многие из таких монет не имеют изображений императора на аверсе или другой формы датировки их выпусков, и хотя по характеру надписей (легендам), одежде, прическам и т. д. нумизматы уверенно относят большинство из них к императорскому времени (I—III вв. н. э.), но это слишком неопределенно для внесения их в наш график (имена лиц, которые изображались на такого рода монетах, в графике отмечены звездочкой). Но на их фоне наличие в общем небольшого числа датированных (хотя бы с точностью до периода правления императора) мемориальных монет в честь великих людей заставляет задуматься над фактом: случайно ли, что одни мемориальные монеты датированы, а другие — нет? Б. Хед полагает, что «...голова императора помещалась на аверсе просто как комплимент царствующему монарху»²³. Это вероятное объяснение отмеченного факта не кажется ни вполне удовлетворительным, ни единственно возможным. Учитывая специфику эпохи II—III вв. н. э., состояние науки того времени, широкую распространенность тогда астрологии, множества разных традиций, и в частности, тра-

¹⁹ Все годы правления императоров даны по кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, табл. IX. Под отрезками линий, соответствующих времени правления того или иного императора, указан его порядковый номер в приведенном на графике хронологическом порядке выпуска монет.

²⁰ Эти данные взяты из статьи: Kometen (RE, v. 21. Stuttgart, 1921, col. 1188—1189) и из кн.: Базинер О. Древнеримские секулярные игры. Варшава, 1910.

²¹ Imhoof-Blumer. Op. cit., taf. VIII.

²² Head. Historia numorum.

²³ Ibid., p. LXIV.

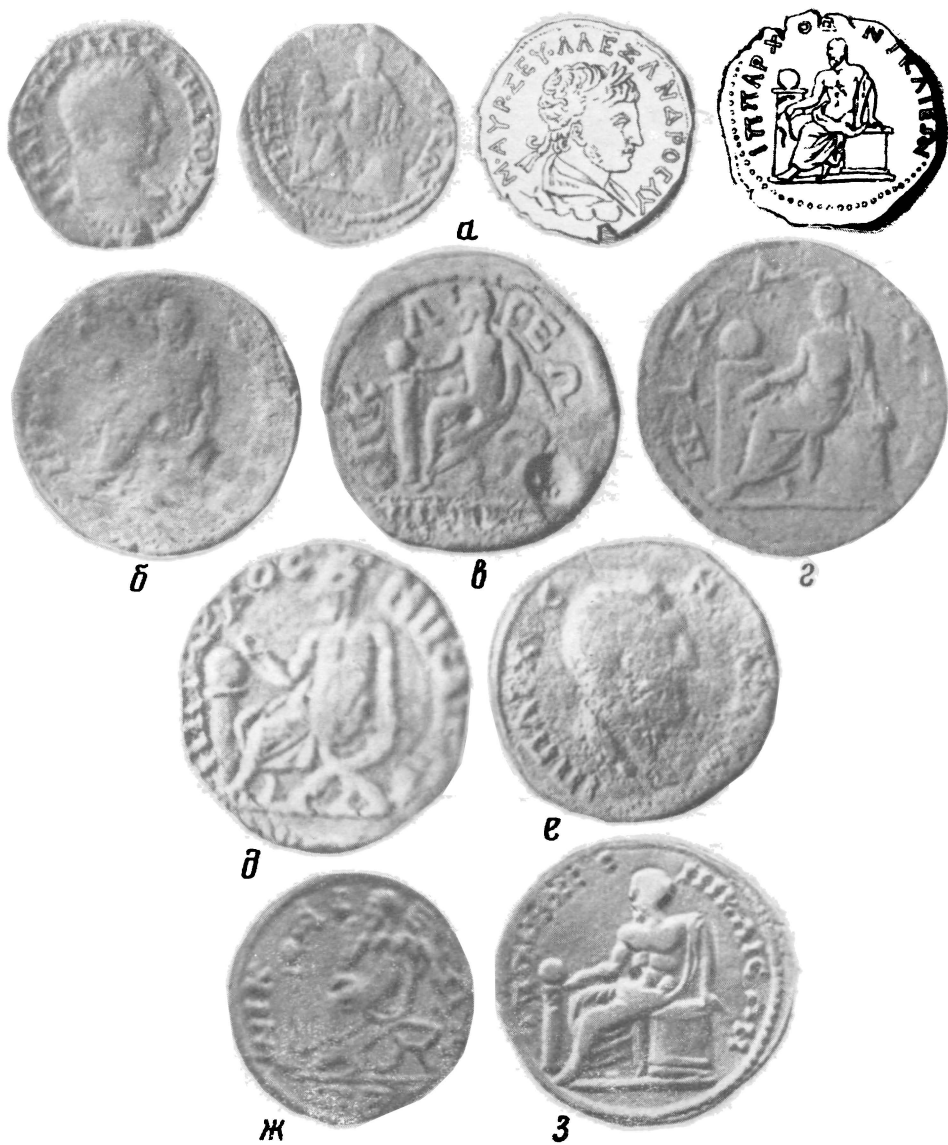

Рис. 1. Монеты, чеканенные при императорах: а — Александре Севере; б — Антонине Пие; в — Коммодe; г — Макрине; д — Александре Севере; е — Антонине Пие; ж — Валериане; з — Галлиене

Рис. 1е. Монета в честь Гиппарха, чеканенная при Антонине Пие (увеличено)

Рис. 2. Монеты, чеканенные в честь: а — Анаксагора; б, в — Пифагора

диции почитания и поклонения предкам, можно предложить иное объяснение указанному факту.

Во второй половине II в. — первой половине III в. н. э. старые научные центры в Афинах, Александрии, Родосе, Пергаме, Эфесе и других городах все еще продолжали свои научные традиции, выдвигая порой ученых такого масштаба, как Клавдий Птолемей (ок. 100—170 гг. н. э.). Хорошее образование все еще продолжало цениться, поэты и философы все еще могли быть друзьями императоров, а Марк Аврелий и Александр Север сами серьезно занимались философией и наукой. Но Греция, бывшая «учительницей» Рима в эпоху эллинизма, теперь сама во многом испытывала влияние Рима²⁴. Здесь кстати вспомнить, что в императорскую эпоху Рим, следуя древней традиции, пышно праздновал среди прочих так называемые секулярные (вековые) игры в 17 г. до н. э., 88 и 204 гг. н. э., а также 800, 900 и 1000-летние юбилеи Рима в 47, 147 и 248 гг. н. э. Каждое из этих празднований сопровождалось чеканкой в Риме мемориальных монет в память игр и юбилеев²⁵. Эти монеты, без сомнения, в небольшом числе попадали в римские провинции, которые по обычаям того времени отправляли в Рим на торжества делегации с поздравлениями и подарками. Мемориальные римские монеты в честь вековых дат могли стать предметом для подражания в греческих городах. Хотя, возможно, у греков была уже традиция отмечать вековые (круглые) даты независимо от римлян, но, не имея литературных свидетельств о такой традиции, у греков, можно выдвинуть гипотезу о подражании в этом римлянам в императорское время, и с целью проверки этой гипотезы попытаемся проанализировать ряд датированных монет, перечисленных в графике на рис. 3.

К сожалению, мы не знаем точных дат жизни лиц, указанных в графике на рис. 3, кроме Александра Македонского. Чаще всего известен лишь период расцвета их литературной или научной деятельности. Но в эпоху чеканки в их честь мемориальных монет их родными городами скорее всего дело обстояло иначе. В этом убеждает, в частности, известная традиция семейных ассоциаций²⁶, которые стали основываться отдельными лицами в греческих городах еще около 200 г. до н. э. для увековечения памяти предков. Поэтому очень вероятно, что потомки, жившие в I—III вв. н. э., могли не только видеть бюсты и статуи своих выдающихся и знаменитых предков-сограждан, но и знать, когда они родились и умерли, а значит, могли вычислить и отметить выпуском юбилейных монет круглую (многовековую) дату со дня их рождения, подобно вековым датам от основания Рима. И действительно, нижеследующий анализ убеждает нас в правдоподобности гипотезы о юбилейных выпусках некоторых мемориальных монет.

Прежде всего обратим внимание на имена тех лиц, которым в графике на рис. 3 соответствует по одной датированной монете и чьи годы жизни приблизительно известны. Это — Филемон (ок. 361—263 гг. до н. э.), Евклид из Мегары (ок. 450—380 гг. до н. э.), Гиппократ (ок. 460—370 гг. до н. э.) и Анаксагор (ок. 500—428 гг. до н. э.). Если предполагать, что в год чеканки ($\Gamma_{\text{ч}}$) такой монеты²⁷ потомки-сограждане отметили ею какую-то многовековую юбилейную дату ($\Delta_{\text{ю}}$) со дня рождения данного лица, то вычитанием из юбилейной даты года чеканки мы можем получить нумизматическую оценку! года рождения ($\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}}$), сравнимую с годом рождения по литературным источникам ($\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}}$). Для Филемона: монета в его честь,²⁸

²⁴ *Тарн В. В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 19—20.

²⁵ *Базинер.* Ук. соч. Приложение и табл. VI—XII.

²⁶ *Тарн.* Ук. соч., с. 102.

²⁷ В случае датировки монеты годами правления какого-то императора за год чеканки далее принимается средний год правления с указанием величины неточности, равной половине периода правления.

²⁸ *Schefold K.* Die Bildnisse der antiken Dichter, Redner, und Denker. В., 1943, S. 221; *Imhoof-Blumer F.* Coin-types of some Kilikyan cities, — Hel. Stud., v. XVIII, 1898, № 22; *Head B. V.* Catalog of the Greek coins of Caria... L., 1897, № 84.

Рис. 3. График хронологического распределения мемориальных монет тринадцати греческих городов по датам их выпусков в императорское время от 47 до 268 гг. н. э. Аверс: 1 — Нерон (54—68 гг. н. э.); 2 — Траян (98—117 гг. н. э.); 3 — Адриан (117—138 гг. н. э.); 4 — Антонин Пий (138—161 гг. н. э.); 5 — Марк Аврелий (161—180 гг. н. э.); 6 — Коммод (180—192 гг. н. э.); 7 — Каракалла (198—217 гг. н. э.); 8 — Гета (209—212 гг. н. э.); 9 — Макрин (217—218 гг. н. э.); 10 — Элагабал (218—222 гг. н. э.); 11 — Александр Север (222—235 гг. н. э.); 12 — Максимин (235—238 гг. н. э.); 13 — Гордиан III (238—244 гг. н. э.); 14 — Филипп Ст. (244—249 гг. н. э.); 15 — Деций (249—251 гг. н. э.); 16 — Галлиен (253—268 гг. н. э.); 17 — Валериан (253—260 гг. н. э.)

точно датирована, $\Gamma_{\text{ч}} = 241$ г. н. э., так что, полагая $D_{\text{ю}} = 600$ лет, находим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = D_{\text{ю}} - \Gamma_{\text{ч}} = 600 - 241 = 359$, что в согласии с годом его рождения ($\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 361$) из литературных источников. Для Евклида из Мегары: монета в его честь²⁹ имеет $\Gamma_{\text{ч}} = 127 \pm 10$, так что, полагая $D_{\text{ю}} = 600$, получим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 473 \pm 10$, что находится в удовлетворительном согласии с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 450$. Для Гиппократата: монета в его честь³⁰ имеет $\Gamma_{\text{ч}} = 170 \pm 10$, так что, полагая $D_{\text{ю}} = 600$, получим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 430 \pm 10$, что относительно близко к $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 460$. Для Анаксагора: монета в его честь³¹ имеет $\Gamma_{\text{ч}} = 186 \pm 6$, так что, полагая $D_{\text{ю}} = 700$, получим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 514 \pm 6$, что согласуется с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 500$. В случае Ариона (ок. 625—585 гг. до н. э.) на рис. 3 даны две монеты с $\Gamma_{\text{ч}} = 186 \pm 6$ и $\Gamma_{\text{ч}}^* = 210 \pm 2$, т. е. разделенные интервалом около 25 лет. Поэтому можно предполагать, что одна из монет юбилейной чеканки, а другая — выпущена по случаю какого-то иного события, связанного с юбилеем. Тогда для Ариона: полагая юбилейной монету³² с $\Gamma_{\text{ч}} = 186 \pm 6$ и $D_{\text{ю}} = 800$, получим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 800 - 186 = 614 \pm 6$, что в согласии с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 625$.

Аналогично в случае двух датированных монет в честь Анакреонта (ок. 580—500 гг. до н. э.) с $\Gamma_{\text{ч}} = 127 \pm 10$ и $\Gamma_{\text{ч}} = 260 \pm 7$, разделенных интервалом около 140 лет, полагаем юбилейной только первую. Тогда для Анакреонта: монета³³ с $\Gamma_{\text{ч}} = 127 \pm 10$ при $D_{\text{ю}} = 700$ дает $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 573 \pm 10$, что согласуется с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}} = \text{ок. } 580$. В случае трех датированных монет г. Смирны в честь Гомера с $\Gamma_{\text{ч}} = 61 \pm 7$, $\Gamma_{\text{ч}} = 127 \pm 10$ и $\Gamma_{\text{ч}} = 260 \pm 7$ первая и третья³⁴ разделены интервалом в 200 лет, что само по себе наталкивает на мысль о юбилейности обеих монет. Однако огромная неопределенность $\Gamma_{\text{р}}^{\text{л}}$ не позволяет сделать разумное предположение о величине $D_{\text{ю}}$. Но в случае Сапфо (род. между 612 и 609 гг. до н. э.) и Геродота (ок. 484—425 гг. до н. э.) с тремя датированными монетами у той и другого предположение о юбилейном характере одной монеты подкрепляется гипотезой о юбилейности другой. Для Сапфо: монета в ее честь³⁵ с $\Gamma_{\text{ч}} = 260 \pm 7$ при $D_{\text{ю}} = 900$ дает $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 640 \pm 7$. Чеканку двух других монет³⁶, представляющих Сапфо на одной стороне и головы неизвестных женщин, названных в легенде Юлия Прокла (№ 109, 111) и Насикая (№ 112), на другой, нумизматы относят по характеру причесок последних к периоду времени от Антонина Пия до Коммода. Такую большую неопределенность даты чеканки этих монет можно значительно снизить, если предположить их чеканку

²⁹ *Visconti*. Iconographie Grecque, 1 ed., p. 114, tabl. 26, 3.

³⁰ *Babelon E.* Inventaire sommaire de la collection Waddington... P., 1898, № 2763.

³¹ *Bürchner*. Op. cit., S. 124; *Schefold*. Op. cit., S. 220.

³² *Mionnet T. E.* Descriptions des Médailles antique, grecques et romaines. T. III. P., 1808, p. 40, № 60.

³³ *Ibid.*, p. 263, № 1503.

³⁴ *Mionnet*. Op. cit., t. VI, № 1647, 1850.

³⁵ *Ibid.*, t. III, p. 60, № 186.

³⁶ *Ibid.*, p. 47, № 109, 111, 112.

по случаю юбилея Сапфо $D_{\text{ю}} = 800$ лет; используя найденную выше $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}}$, получаем $\Gamma_{\text{ч}} = D_{\text{ю}} - \Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 800 - 640 \pm 7 = 160 \pm 7$, т. е. монеты чеканены либо при Антонине Пие (138—161 гг.), либо при Марке Аврелия (161—180 гг.). Но эпоха Марка Аврелия кажется более вероятной, ибо при чеканке в годы его правления, а значит, с $\Gamma_{\text{ч}} = 170 \pm 10$ и $D_{\text{ю}} = 800$, мы находим $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 630 \pm 10$, что неплохо согласуется с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = \text{ок. } 610$. Для Геродота: монета в его честь ³⁷ с $\Gamma_{\text{ч}} = 127 \pm 10$ при $D_{\text{ю}} = 600$ дает $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 473 \pm 10$, тогда как монета ³⁸ с $\Gamma_{\text{ч}} = 241 \pm 3$ при $D_{\text{ю}} = 700$ дает $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 459 \pm 3$, так что совместимый с юбилейностью обеих монет год рождения Геродота будет равным $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 462$, что сравнимо с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = \text{ок. } 484$.

Большое число датированных монет в честь Пифагора (ок. 580—500 гг. до н. э.), Гераклита (ок. 530—470 гг. до н. э.) и Гиппарха (ок. 180—120 гг. до н. э.) затрудняет, хотя не делает невозможным определение их $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}}$ с помощью гипотезы о чеканке некоторых из этих монет по случаю круглой даты ($D_{\text{ю}}$) со дня рождения этих лиц. Для Пифагора: монета ³⁹ с $\Gamma_{\text{ч}} = 108 \pm 9$ — первая из длинной серии посвященных ему монет — дает при $D_{\text{ю}} = 700$ дату рождения $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 700 - 108 = 592 \pm 9$, что находится в согласии с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = \text{ок. } 580$. Поэтому не должно удивлять то, что через 100 лет, при Каракалле, была чеканена еще одна юбилейная (с $D_{\text{ю}} = 800$) монета с $\Gamma_{\text{ч}} = 208 \pm 10$ (см. рис. 3) ⁴⁰. Для Гераклита: последняя из датированных монет, с головой Филиппа Старшего на аверсе ⁴¹, т. е. с $\Gamma_{\text{ч}} = 246 \pm 2$, дает при $D_{\text{ю}} = 800$ дату рождения $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 554 \pm 2$, что сравнимо с $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = \text{ок. } 530$.

Для Гиппарха: монета в его честь с $\Gamma_{\text{ч}} = 218$ при $D_{\text{ю}} = 400$ дает $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 182$. Эту дату в общем не с чем сравнивать, поскольку надежный литературный источник («Альмагест») сообщает лишь годы его астрономических наблюдений: 147—127 гг. до н. э. ⁴², хотя чаще называют ⁴³ 161—126 гг. до н. э. Исходя из этого, следует относить дату рождения Гиппарха к первой четверти I в. до н. э., т. е. полагать $\Gamma_{\text{р}}^{\text{н}} = 185 \pm 10$. Но в таком случае, кроме M4 с $\Gamma_{\text{ч}} = 218$, никакую другую из M1 — M7 нельзя совместить с какой-либо круглой юбилейной датой ($D_{\text{ю}}$). Интересно, что M4 выделяется из M1 — M7 особой тщательностью художественной отделки изображений на обеих сторонах этой монеты, как будто никейцы придавали большое значение поводу ее чеканки. Заметим, что чеканка других монет в честь Гиппарха, по-видимому, связана с событиями, общими для многих греческих городов (см. график). Действительно, монета M3 была выпущена при Коммодe наряду с монетами в честь Гомера и Александра Македонского в самой Никее и монетами в честь Анаксагора, Пифагора и Ариона в трех других городах (хотя в условиях соперничества городов таким поводом для чеканки могли послужить юбилейные выпуски монет в честь Анаксагора и Ариона). Аналогично M7 вышла при Галлиене наряду с монетами в честь Гомера в самой Никее и в Смирне, а также в честь Пифагора, Анакреона и Сапфо в трех других городах. Такие единовременные мемориальные выпуски монет, конечно, могли быть независимыми друг от друга (подражательными), но более вероятно, что

³⁷ Ibid., t. VI, № 302; *Head. Catalogue...*, p. 110, № 84, pl. XIX, 3.

³⁸ *Babelon. Op. cit.*, № 2390.

³⁹ *Mionnet. Op. cit.*, t. VI, p. 415, № 186.

⁴⁰ Ibid., t. III, p. 288, № 197.

⁴¹ *Visconti. Iconographie Grecque*, 3 ed. T. 1, p. 298—301, pl. XXVI, 4.

⁴² *Toomer. Op. cit.*, p. 208.

⁴³ *Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin—Heidelberg—New York, 1973, part 1, p. 275, tabl. 28.*

они обязаны какому-то общеэллиническому празднику или событию (например, приезду императора)⁴⁴.

Проведенный анализ ряда мемориальных монет позволяет сделать предположительный вывод, что в императорское время в греческих городах существовала традиция отмечать чеканкой мемориальных монет 400, 500, 600, 700-летние годовщины (юбилей) со дня рождения великих сограждан. Гипотеза о юбилейности некоторых из дошедших до нас мемориальных монет позволяет вычислить по нумизматическим данным дату рождения юбиляра, которая часто оказывается очень близкой к приближительным данным литературных источников. Особенно интересны случаи, когда имеется только одна мемориальная монета (Филемон, Анаксагор). В случаях, когда имеются две или три мемориальные монеты (Саффо, Геродот) и гипотеза о юбилейности одной из монет совместима с гипотезой о юбилейности другой, мы также получаем дату рождения юбиляров, согласующуюся с данными литературных источников. Поэтому и в случае монет М1 — М7 в честь Гиппарха можно предположить, что монета М4, чеканенная при императоре Макрине (217—218 гг. н. э.), связана с празднованием на его родине 400-летия со времени рождения великого астронома. Не исключено, что непосредственным поводом для выпуска этой мемориальной монеты послужило поразительное зрелище явления кометы Галлея 218 г. н. э.: это явление могло быть для никейцев «небесным» напоминанием о юбилее их великого соотечественника, что они и поспешили отметить выпуском тщательно исполненной монеты. В таком случае мы получаем посредством вычисления по нумизматическим данным дату рождения Гиппарха: $\Gamma_p^H = 183/182$ г. до н. э.

А. В. Шпилевский

HIPPARCHUS THE ASTRONOMER IN ANCIENT NUMISMATICS

A. V. Shpilevsky

With the aim of establishing the year of Hipparchus's birth, the author examines several coins minted in the Imperial period in honour of Hipparchus and other eminent scientists and poets. He puts forward, and supports by calculations, the hypothesis that in the 2nd and 3rd centuries A. D. the Greeks were in the habit (perhaps of Roman origin) of noticing their great and famous fellow citizens by issuing memorial coins in celebration of the 400th, 500th, 600th (and so on) anniversary of their birth. This hypothesis allows us to arrive at satisfactory numismatic estimates of the years in which the people so honoured were born. For Hipparchus in particular, it puts his birth in 183/182 B. C., which fits in well with the *Almagest's* reliable dating of his floruit in 147—127 B. C. The author cites seven Nicaean coins honouring Hipparchus, issued in A. D. 138—268, as providing the most probably authentic portrait of the great astronomer.

⁴⁴ В нумизматической серии «*Sylloge Nummorum Graecorum*», v. IV Fitzwilliam Museum, Leake and General Collection, part VIII (L., 1971), имеются две датированные монеты (№ 6109, 6110), чеканенные соответственно в 130/1 и 136/7 гг. н. э. в г. Газа (Финикия) по случаю посещения города императором Адрианом, что прямо указано в легенде реверса словом ЕΠΙ (т. е. ἐπιδημία). Очень вероятно, что приезды императоров были причиной чеканки муниципальных монет и другими греческими городами. При этом мемориальные монеты с изображением великих сограждан по случаю приезда (или, скорее, к приезду) императора чеканились, возможно, с целью получить какие-то привилегии, материальную помощь для общественного строительства и т. д.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. А. ГИНДИН. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София: Изд-во Болгарской Академии наук, 1981, 239 с.

Антиковедами теперь в полной мере осознано первостепенное значение языкового материала и лингвистических штудий для изучения древнейшего прошлого Балкано-Эгейского региона. Только данные языка позволяют конкретизировать факты этнической истории определенных территорий, намечаемые в самом общем виде археологией. Дальнейшая же разработка вопросов глотто- и этногенеза народов Балкан ныне особенно важна по двум причинам: 1) в данном регионе берет свое начало магистральная линия развития европейской культуры в целом, вполне ясно обозначившаяся уже в ранней античности, но более отдаленные истоки ее еще предстоит определить; 2) эта часть Европы включается в ту территорию, в пределах которой ученые помещают прародину индоевропейцев; локализация последней остается и по сей день одной из актуальнейших задач для сравнительно-исторического языкознания и археологии.

Рецензируемая монография Л. А. Гиндина, видного специалиста в области исследования древних языков Балкано-Эгейского региона, затрагивает так или иначе все главные аспекты указанной выше проблематики. Поэтому значение данной работы выходит далеко за рамки, очерченные ее заглавием.

Наличие в Эгеиде (включая юг и восток Балкан, малоазийское побережье и острова Эгейского моря) мощного догреческого языкового субстрата установлено уже давно. В настоящее время все больше внимания уделяется его более дробной стратификации и генетическому отождествлению отдельных выявленных в нем слоев. Ранее Л. А. Гиндиным был детально изучен догреческий слой анатолийского происхождения и одновременно намечена общая языковая стратиграфия для юга Балкан¹, а затем уточнена относительная хронология всех прослеживаемых подобных наслоений. В результате стратиграфическая схема древнейших лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова и острова Эгейского моря приобрела такой вид: 1) доиндоевропейский «эгейский»; 2) индоевропейский «пеласгий»; 3) индоевропейский анатолийский; 4) греческий². При этом подтверждена тождественность в генетическом отношении «пеласгского» («пеласгийского») языка с фракийским³.

В рецензируемой работе проанализирован фракийский языковой материал, который оказался достаточно большим и принципиально значимым. Первостепенная роль фракийского элемента на Балканах в догреческий период, а для большей части полуострова — и в античную эпоху, выдвигает язык фракийцев на передний план как предмет изучения для античной лингвистической балканистики. В первой главе монографии (с. 7—19) Л. А. Гиндин останавливается на проблемах, стоящих перед этой научной дисциплиной. Сам термин «античная балканистика», введенный в обиход сравнительно недавно⁴, завоевал теперь широкое признание (в частности, под этим назва-

¹ Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.

² Ср. *он же*. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, с. 54, прим. 15.

³ *Он же*. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. — ВЯ, 1971, № 1; Гиндин Л. А. Le «pélasgique» et le thrace. — In: L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques, Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971.

⁴ О его значении применительно к лингвистике см.: Гиндин Л. А. Проблемы античной балканистики: лингвистический аспект. — ВЯ, 1973, № 1. Более широко ком-

нием с 1972 по 1984 г. состоялись уже пять межинститутских симпозиумов с участием ведущих отечественных специалистов в области лингвистики, истории и археологии). Он прилагается в лингвистическом плане к той, ныне заметно обособившейся части классической филологии, предметом которой являются реликтовые языки Балкан, как существовавшие в греко-римское время, так и более ранние, но получившие фиксацию исключительно в античных письменных источниках.

Группировка этих языков по территориальному признаку произведена Л. А. Гиндиным следующим образом: на востоке Балканского полуострова — фракийский (на северном диалекте которого говорили, по-видимому, придунайские племена мизийцев и даков), на западе — иллирийский (в данном районе жили помимо иллирийцев родственные им далматинцы и паннонцы, а крайнюю западную периферию занимали либурны и истрийцы, близкие по языку венетам Северо-Восточной Италии), в центрально-южном районе — македонский (здесь же, по мнению автора, локализуется территория первоначального расселения носителей фригийского, армянского и греческого языков), на юге (включая Крит и другие острова Эгейского моря) — «пеласго-фракийский и распространившиеся из Анатолии какие-то раннехетто-лувийские диалекты; где-то на рубеже III—II тыс. до н. э. сюда пришли носители греческого языка. Целый ряд древнебалканских языков и диалектов, соотносимых с упоминаемыми в античных источниках этническими группами (дарданами, пеонами, мигдонами, киконами, кавконами, кидонами), из-за крайней скудости их достоверных следов только перечислены.

К сожалению, по непонятной причине не упомянут Л. А. Гиндиным минойский (догреческий критский) язык, с носителями которого без особых затруднений отождествляются хорошо известные эллинской мифолого-исторической традиции этеокритяне. Его факты, накопленные уже в достаточно большом количестве (как благодаря прочтению текстов линейного письма А и критской иероглифики, так и в результате анализа догреческой реликтовой лексики, ономастической и апеллативной), безусловно, нуждаются в дальнейшей проработке и интерпретации. Изучение языка минойцев — создателей минойской цивилизации Крита бронзового века и древнейших в Эгееде письменностей — имеет и еще один важный аспект. Речь идет об установлении действительного соотношения двух выявляемых различными путями элементов доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан — минойского и «эгейского»⁵. Такого рода штудии несомненно также входят в круг проблематики античной лингвистической балканистики.

Характеризуя источниковедческую базу исследования языков древнейших обитателей Балкан, Л. А. Гиндин констатирует относительное обилие вопреки устоявшимся представлениям исходного материала. Автор книги выделяет пять видов источников информации о реликтовых языках и древнейшей этнической истории Балканского полуострова: 1) прямые этнологические свидетельства и ономастика, сохранившиеся в трудах античных авторов, а также средневековых комментаторов и лексикографов; 2) эпиграфические памятники (в подавляющем большинстве греческие и латинские); 3) отдельные элементы современной топонимии Балкан и сопредельных регионов (в том числе славянской и балтийской); 4) субстратная лексика в составе ныне существующих балканских языков; 5) глоссы, приводимые в трудах ученых древней Греции, Рима и Византии. Все эти источники в общей сложности дают исследователю довольно значительную сумму фактов фракийского языка, главным образом ономастического характера, которые и служат объектом рассмотрения в рецензируемой монографии.

Используемая Л. А. Гиндиным методика проработки исходного лингвистического материала основывается на «принципе сплошного этимологизирования единиц ономастического континуума, ограниченного определенным географическим ареалом»

петенция данной отрасли науки, охватывающая все неклассические древности Балкано-Карпатского ареала, очерчена в статье: *Гиндин Л. А., Мерперт Н. Я.* Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований). — В кн.: *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология.* М., 1984.

⁵ Ср. *Молчанов А. А.* Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и «эгейский»). — В кн.: *Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму.* М., 1984.

(с. 5) ⁶. Отвергая устаревшую практику чисто внешнего сопоставления ономастических лексем и отдельных формантов (часто случайно созвучных друг другу), неспособную дать объективную картину сложной языковой ситуации, Л. А. Гиндин делает красноречивым камнем своей процедуры исследования этимологический анализ. При этом автор не сопоставляет непосредственно какую-либо ономастическую лексему с апеллятивом другого [языка,] но ищет сначала параллели на уровне ономастики. Таким образом, установление историко-культурной связи обязательно предшествует дальнейшей сплошной этимологической проверке второй части того или иного лексико-ономастического тождества и поиску его апеллятивного значения. В результате все полученные в дальнейшем чисто лингвистические выводы обретают большую надежность.

Во второй главе книги (с. 20—29) говорится о реконструкции фракийского языка в ареальном аспекте. Автор отмечает, что именно «успехи ареального подхода в этимологии обычной лексики и его особая продуктивность в истолковании ономастикона полно засвидетельствованных языков с необходимостью повлекли за собой распространение методов ареальной лингвистики и на исследование фракийских и других балканских ономастических и редких апеллятивных реликтов» (с. 22). При этом наиболее существенным для прогресса в реконструкции фракийского на основе остатков его ономастики следует признать предложенное Л. А. Гиндиным широкое привлечение балкано-малоазийских, точнее фрако-хетто-лувийских, тождеств из области ономастической лексики. Таким образом, вполне надежные и многочисленные данные хетто-лувийских языков удаётся использовать для построения своего рода искусственной билингвы при дешифровке фракийского ономастикона ⁷.

В данной связи автором ставится вопрос о появлении хотя бы части балкано-анаатолийских сходжений вследствие ареальных соприкосновений соответствующих лингвоэтнических общностей еще в преанатолийский период существования хетто-лувийских племен, когда последние по целому ряду соображений лингвистического порядка можно помещать только в северопричерноморских степях, между обитателями северо-восточной периферии Балкан и индоарийцами ⁸. Отсюда следует, что хетто-протофракийские контакты должны были происходить в балкано-североповтийской пограничной зоне. Автор монографии склонен думать о «широко простирающихся ареальных взаимодействиях хетто-лувийских языков с протофракийским во второй половине III тыс. до н. э. подкрепляемых генетической близостью контактирующих языков» (с. 29).

В краткой третьей главе (с. 30—32) Л. А. Гиндин акцентирует внимание на чертах древнебалканской индоевропейской переходной зоны в фонетике фракийского языка. Здесь им предлагаются очень важные уточнения фракийской фонетической системы. Прежде всего указывается на нерегулярность реализации во фракийском как сатемной закономерности, так и передвижения согласных. Это явление объясняется Л. Г. Гиндиным статусом «переходности» реликтовых языков Балкан, где отмечается затухание обеих указанных изоглосс в направлении с востока на запад. Отсюда же следует вывод об искусственности существующего разделения фракийского и дакийского языков по принципу наличия/отсутствия передвижения согласных.

Четвертая глава (с. 33—116) целиком посвящена рассмотрению конкретных фрако-хетто-лувийских изоглосс. Она состоит из 16 отдельных этюдов. В качестве исходного

⁶ Как известно, она успела найти применение и в отношении иных сюжетов у лингвистов, занимающихся древней европейской ономастикой (ср. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968).

⁷ Сходным образом, используя иранский «ключ», В. И. Абаев дешифровал в свое время скифский язык (ср. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.—Л., 1949).

⁸ Ср. имеющиеся точки зрения на возможности локализации носителей индоевропейских диалектов по материалам дискуссии о прародине индоевропейцев: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным.— ВДИ, 1980, № 3; *они же.* Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии.— ВДИ, 1981, № 2; *они же.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления.— ВДИ, 1984, № 2; *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов.— ВДИ, 1982, № 3—4.

пункта для исследования берется каждый раз фракийская ономастическая лексема в греко-римской передаче, которой отыскиваются соответствия среди хетто-лувийских языковых фактов сначала на уровне ономастики, а затем с возведением к апеллативу. Проводится тщательный этимологический анализ цельных апеллативных лексем в сочетании с полной филологической обработкой сопоставительного материала. Путем последовательного осуществления всех этих процедур удается получить целую группу фрако-хетто-лувийских соответствий, например, Ἄρμουληγή (фрак. эпikleза богини Геры) ~ лид. Armāvli- (личное имя, восходящее к хет.-лув. Arma- — имя бога Луны, арма ~ «луна, месяц»); Τάρκ(υ)ς и другие родственные фрак. ономастические формы ~ Τάρκ/χων и прочие малоазийские теофорные антропонимы, восходящие к хет.-лув. Tarḫu — имя бога грозы, tarḫu — «сильный, победоносный»; Τία-μαους (фрак. композитное личное имя) < лув. *Tiḫa-maouḫ — «принадлежащий богине Мав(а)» (от *tiw- «божество» и *Maw-, имя богини-матери), при параллельном фрак. топониме Siamaus, где первая часть восходит к хеттскому варианту той же анатолийской основы — *siw-; Ma-gava (фрак. личное имя) < хет.-лув. Ma-kawa-«жрец богини-матери Ма», на основании чего постулируется существование во фракийском апеллативной основы хους- (*koḫs-) со значением, близким др.-инд. kaví- и лид. kave- — «прорицатель, жрец» и т. д.

В результате анализа большого числа привлеченных фактов исследователь смог заметно продвинуть вперед реконструкцию фракийского языка сразу в нескольких направлениях: уточнении его фонетических характеристик (помогающем, в частности, фиксации различий, например, между диалектами фракийцев, обитавших на побережье Эгейского моря и в более северных районах Балканского полуострова), пополнении набора надежно интерпретированных апеллативных основ и элементов морфологии, установлении ареальных связей.

В пятой главе (с. 117—168) собраны фрако-малоазийские изоглоссы, показывающие движение ономастических форм с территории Фракии в северо-западную часть Анатолии, и конкретно в Троаду, что хорошо соответствует имеющимся на этот счет историческим и археологическим данным. Среди них особо выделены Л. А. Гиндиным следующие примеры: 1) Σκαίοί (фрак. племя, ср. река Σκαίος и Σκαίων τεῦχος во Фракии) ~ Σκαίαι πόλαι (главные ворота в Трое); 2) Εἰάνθιοι, Εἰάνθοι (фрак. племя) ~ Εἰάνθος (гидроним в Троаде и Ликии); при этом для греческого апеллатива εἰάνθος предполагается «пеласгийское», т. е. догреческо-фракийское, происхождение; 3) Κεβρήνιοι (фрак. племя) ~ локализуемые в Троаде Κεβρήν (город и река), Κεβρηνία (область города Кебрена), Κεβρηνοί/Κεβρηνιοί (этникон); 4) Ῥῆσος (имя царя стримонских фракийцев, а по сути дела теоним, тождественный апеллативу со значением «царь»⁹ ~ Ῥῆσος (река в Троаде); 5) Ῥαίεζος (фрак. гидроним) ~ Ῥαίεζη (город в Троаде); 6) Πέρκη (одно из названий Фракии, буквально «дубовая страна») ~ Περκώτη (город на малоазийском берегу Геллесπονта в Троаде).

Отталкиваясь от соответствий, убедительно показывающих фракийскую принадлежность всего комплекса троянской топонимии, автор монографии переходит к рассмотрению двух важнейших топонимов данного региона — Τροία (название страны, в которой царствовал Приам, и ее главного города) и Ἰλιος (другое название города Трои). Реконструируя туземную форму первого из них, искаженную греческой передачей, Л. А. Гиндин затрагивает по необходимости круг вопросов, связанных с той полемикой, которая развернулась вокруг известной гипотезы Э. Форрера о тождественности Taguiša, Aššuwa и Ḫḫijawa хеттских анналов второй половины XIII в. до н. э. соответственно Τροία, Ῥασία и Ῥαχαιοί. Анализ антропонимов и топонимов, фигурирующих в пассажах об Аххийяве, приводит исследователя к мысли о независимом отражении в хеттских и греческих транскрипциях ономастических единиц некоего иного языка, в данном случае (с учетом установленной фракоязычности населения малоазийской Троады с древнейших времен) фракийского.

Решающим подтверждением правильности данной точки зрения служат, по мнению Л. А. Гиндина, результаты произведенного им рассмотрения топонимических параллелей Τροία и т. д. ~ T(a)guiša и Ἰλιος и т. д. ~ Wiluša, Wilušija. Гомеровское

⁹ Ономастические дериваты данной основы *ges- (ср. и.-е. *rēgʰ-, др. инд. gāj- и т. д.) были достаточно широко распространены во Фракии.

Τρωες (как и изначально равнозначные этнонимы Τρωοί и Θρωίτες) с хеттским T(a)ruša и ʾIluos с Wiluša] восходят, по мнению автора, к несомненно фракийским прототипам *Trous- и *Wilus. Упоминание в списке владений, входивших в конфедерацию Aššuwa и покоренных царем хеттов Тудхалиясом IV (около 1250—1220 гг. до н. э.), обозначений Wilušija и Taruša как самостоятельных топонимов находят себе аналогии в несинонимическом употреблении географических названий Илион и Троя в древнейших частях гомеровского эпоса: первое — всегда имя города; второе служит только названием области, куда он входил ко времени Троянской войны. Поэтому Л. А. Гиндин приходит к выводу о том, что «анналы Тудхалияса в любом случае отражают реальную автономию объектов, получивших в греческой традиции отражение в виде Τρωία и т. д. и ʾIluos/ʾIliou, и, возможно, объединенных в одно владение царем Приамом» (с. 147).

Признание достоверности свидетельства о подчинении Трояды с Илионом верховной власти хеттского царя во второй половине XIII в. до н. э. помогает объяснить факт оказания помощи Приаму в его войне с коалицией ахейских вождей не только соседними хеттоязычными племенами меонийцев, ликийцев, карийцев и лелегов, но и самими хеттами, с которыми отождествляются гомеровские кетейцы¹⁰.

Установление фракийского происхождения топонима ʾIluos/ʾIliou (ср. ʾIliou — город во Фракии), упоминаемого в форме Wiluša, Wilušija хеттскими письменными источниками в связи с событиями, которые происходили в Малой Азии в царствование Лабарны (около 1680—1650 гг. до н. э.), позволяет Л. А. Гиндину отнести его появление в Трояде, а следовательно, и приход туда фракийцев, по меньшей мере к первой четверти II тыс. до н. э. или — по археологической датировочной шкале — не позднее чем к началу Трои VI (окол 1800 г. до н. э., по К. Блегену). Основанное на изучении всего комплекса троянской топонимии представление о явном преобладании фракоязычного элемента среди населения данной территории в описываемые Гомером времена хорошо согласуется с соответствующими выводами археологов.

В шестой главе (с. 169—188) суммированы все основные результаты выполненного исследования. Еще раз сформулировав принципиальные положения, выражающие суть примененной им методики, Л. А. Гиндин в сжатом виде излагает здесь содержание всех 24 этимологических этюдов, составивших содержание двух предыдущих глав. Среди рассмотренных им фрако-хетто-лувийских тождеств большая часть интерпретируется в рамках индоевропейской этимологии. Возникновение многих из этих изоглосс могло относиться, по мнению автора, еще к преданатолийскому (европейскому) периоду существования хетто-лувийских языков, т. е. к III тыс. до н. э., и, таким образом, отражает ареальные связи двух родственных лингвистических общностей. Некоторые же из них появились, несомненно, благодаря влиянию анатолийской хетто-лувийской ономастической лексики, шедшему во Фракию уже непосредственно из Малой Азии, в ходе этнокультурных контактов на протяжении II тыс. до н. э. (это относится и к тождествам, восходящим к доиндоевропейским основам различного происхождения).

Балкано-малоазийские изоглоссы второй группы определяются более конкретно и компактно как фрако-троянские. Их появление после установления изолированности топонимии Трояды и ее генетической зависимости от ономастики Фракии объясняется вполне однозначно. При этом отмечается преимущественная зависимость троянских топонимов (реально фиксируемая в одном случае уже для первых веков II тыс. до н. э.) от фракийских этнонимов, прямо указывающая на направление миграций племен фракийцев в северо-западную часть Анатолии, которое на более позднем этапе засвидетельствовано сообщениями античной традиции (ср., например, переселения мизийцев в малоазийскую Мизию, вифинцев — в Вифинию, а также родственных фракийцам фригийцев — во Фригию), а теперь документируется сопоставлением лингвистических и археологических данных, как минимум, для начала периода Трои VI (около 1800 г. до н. э.).

¹⁰ Ср. Гиндин Л. А. Гом. ΚΗΤΕΙΟΙ в конкретно-исторической интерпретации. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983.

Обобщая свои наблюдения по поводу выявляемых в топонимах Фракии отдельных формантов, Л. А. Гиндин справедливо отмечает, что определенный прогресс может иметь место благодаря тщательному этимологическому анализу ономастического материала и в морфологической характеристике фракийского языка. В рецензируемой монографии он неоднократно при разборе конкретных примеров из ономастики фракийцев успешно детализирует значения ряда суффиксальных элементов ¹¹.

В заключение автор сопоставляет итоги своих лингвистических штудий с имеющимися археологическими материалами из Балкано-Карпатского региона, Северного Причерноморья и Анатолии в их современной трактовке. Его наиболее точные этнолингвистические выводы, касающиеся времени и направления ранних (не позднее первых веков II тыс. до н. э., а возможно, и намного раньше) балканских, герм. фракийских, инвазий в Троаду, четко координируются с данными археологии об обособленности в эпоху ранней бронзы культуры Северо-Западной Малой Азии (Троя I—IV) от остальной территории полуострова и ее тесной связи с Балканами, особенно с Юго-Восточной Фракией. Отсюда следует крайне важный вывод исследователя: «Если учесть давно установленную балканскую, в более узком смысле фракийскую, этническую принадлежность предэллинистического города Троя VIIb2, построенного на руинах гомеровской Трои, а также этническую ситуацию на Балканах, реконструируемую на базе исторических, общелингвистических (ономастических) и археологических свидетельств, выразившуюся в массовой миграции в Анатолию балканских племен, главным образом фрако-фригийских, на протяжении всего II тыс. до н. э., то позволительно предположить, что близкая культурно-историческая общность юго-востока Балкан и северо-западного угла Анатолии никогда не прерывалась» (с. 188).

Выявление подобной преемственности, существующей параллельно с непрерывностью развития археологических культур на территории исторической Фракии на протяжении III—II тыс. до н. э. и позднее, позволяет Л. А. Гиндину предложить совершенно однозначную этническую атрибуцию как раннебронзовых поселений Болгарии (Эзеро и др.), так и Трои (начиная с ее I слоя), в обитателях которых он видит фракийцев, продвинувшихся к югу от Карпат, судя по последним диалектографическим данным, где-то на рубеже IV—III тыс. до н. э. В обнаруживающемся совпадении полученных совершенно независимо друг от друга — на чисто лингвистическом материале и исходя из одних только археологических данных — выводов ¹² нельзя не видеть важный критерий достоверности достигнутых обоими путями одинаковых результатов.

Весьма показательно также, что осуществляемая исследователем на основе синтеза данных лингвистики (как определяющих при идентификации этноса) и археологии реконструкция находит подтверждение в данных такого важного источника по истории и праистории Эгеиды, как античная традиция, несущая в себе ценнейшую информацию о далеком прошлом многих стран и народов Средиземноморья и в особенности Балкано-Малоазийского региона.

В данной связи наибольший интерес представляют, на наш взгляд, сохранившиеся в эллинской мифолого-исторической традиции сведения о предшественниках греков в Греции — пеласагах ¹³. Древнегреческие историки и мифографы единодушно утверждали, что пеласаги являлись здесь автохтонами по отношению к пришедшим позднее грекам-ахейцам ¹⁴. А поскольку приход первых греческих племен на юг Балканского полуострова датируется археологически примерно рубежом III—II тыс. до н. э.,

¹¹ Нельзя не обратить внимание на то, что один из них — -ul-, будучи достоверно засвидетельствован во фракийском языке, оказывается внешне совершенно сходным с выявленным Г. Нойманом продуктивным минойским суффиксом -ul-. Это лишний раз подтверждает справедливость высказанного и в рецензируемой монографии (с. 13) мнения о недопустимости абсолютизации форматного анализа при работе с реликтовой лексикой Эгеиды, для которой характерна омофония формантов самого разного происхождения.

¹² Ср. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хеттолувийские и фрако-малоазийские изоглоссы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1974, с. 38—39; Эзеро. Раннебронзового селище. София, 1979, с. 523.

¹³ Наиболее полно эти сведения собрал Ф. Лохнер-Хюттенбах: *Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger*. Wien, 1960.

¹⁴ Ср. *Apollod.*, II, 1, 4; III, 8, 1; *Strabo*, V, 2, 4; VII, 7, 10; *Paus.*, VIII, 1, 4—6.

«пеласгийская», т. е. догреческо-фракийская, эпоха легендарной праистории будущей Эллады должна соответствовать среднеэлладскому периоду (III тыс. до н. э.).

Следует заметить, что, хотя окончательно доказать тождественность пеласгов и фракийцев стало возможным лишь в ходе исследования «пеласгийско»-фракийских языковых реликтов¹⁵, серьезные основания для такой идентификации давала уже античная традиция. Оба эти этнонима, как мы покажем ниже, подчас дублируют друг друга в различных версиях одних и тех же исторических преданий, причем такие примеры имеются и для Северной Эгейды, т. е. непосредственно в пределах фракийского ареала исторического времени, и для собственно Греции. Так, догреческие обитатели острова Лемнос оказываются у эллинических авторов то пеласгами¹⁶, то фракийцами (Strabo, VII, 45—45а; XII, 3, 20)¹⁷. Пеласгийским называли также население заведомо фракийских островов Самофракия и Имброс¹⁸. То с пеласгами¹⁹, то с фракийцами²⁰ соперничают и борются в Аттике греческие правители древнейших Афин. Те и другие вместе появляются в Беотии (Strabo, IX, 2, 3—4; 2, 25) и т. д.

Эти и им подобные примеры не дают, однако, ответа на вопрос: служило ли наименование Пеласγοι! всего лишь условным фольклорным обозначением южнобалканских фракийцев вообще, и притом только у греков, или оно являлось этнонимом в полном смысле, т. е. регулярно применялось по отношению к определенному древнему народу, точнее, к группе близкородственных фракийских племен? Зато в этом помогает обращение к древнейшей топонимии материковой и островной Греции, по всей территории которой разбросаны географические названия, непосредственно связанные с именем пеласгов. По свидетельствам эллинической традиции, Пеласгией называли когда-то всю будущую Элладу (Herod., II, 56), Пелопоннесский полуостров (Strabo, V, 2, 4), центральную часть Пелопоннеса — будущую Аркадию (Paus., VIII, 4, 1), остров Лесбос (Strabo, V, 2, 4). Пеласгиотидой именовался северо-восточный район Фессалии (Strabo, IX, 5, 3), известной также под названием Пеласгийского Аргоса²¹. В Афинах был известен Пеласгикон (иначе, по народной этимологии, Пеларгикон) — крепость на акрополе и примыкающая к ней с северо-запада местность²². Имя пеласгов было хорошо знакомо и жителям древней Италии²³. Возможно, оно же фигурирует в форме *пелешет* среди прочих обозначений «народов моря» в древнеегипетских источниках. Поэтому есть все основания видеть в пеласагах античной мифолого-исторической традиции большую группу фракийских племен, населявших в III—II тыс. до н. э. юг Балканского полуострова с некоторыми прилегающими островами и объединявшихся под общим этнонимом.}

Констатируя в целом тот факт, что данные всех трех видов источников по древнейшей истории Эгейды] (античная традиция, археологические материалы, интерпретируемые языковые реликты) одинаково непротиворечиво укладываются в предложенную Л. А. Гиндиным схему последовательности этнолингвистических слоев на юге Балкан, мы должны отметить отсутствие желаемой детализации конкретных вариантов этой схемы по отдельным, более компактным территориям внутри указанного большого региона, объясняемое прежде всего скудостью и некоторой противоречивостью соответствующих сведений в мифах общегреческого или локального характера. Исключе-

¹⁵ Предложенная для этого ранее Л. А. Гиндиным система доказательств в рецензируемой монографии дополнена новыми фактами (с. 72).

¹⁶ Herod., IV, 145; V, 26; VI, 136—140; Thuc., IV, 109, 4; Strabo, V, 2, 4; VII, 37; Paus., VII, 2, 2.

¹⁷ В свете этих прямых свидетельств не дешифрованные пока догреческие лемносские тексты VI в. до н. э. могут оказаться «пеласго»-фракоязычными. Предполагаемое же сходство их языка с этрусским, если оно подтвердится, может быть легко объяснено в рамках выдвинутой А. И. Немировским теории этногенеза этрусков: данная теория отводит важнейшую роль в формировании этрусского этноса пеласгийскому элементу (ср. Немировский А. И. Этрусски: от мифа к истории. М., 1983).

¹⁸ Herod., II, 5; V, 26; Strabo, V, 2, 4.

¹⁹ Ср. Herod., II, 51; IV, 145; VI, 137; Thuc., IV, 109, 4; Strabo, V, 2, 4; IX, 1, 18; 2, 3.

²⁰ Ср. Apollod. III, 14, 8; 15, 4; Strabo, VII, 7, 1; VIII, 7, 1; Paus., I, 38, 2—3.

²¹ Hom., II, II, 681; Strabo, V, 2, 4.

²² Herod., V, 64; Thuc., II, 17, 1; Strabo, IX, 2, 3.

²³ Разбор различных версий исторических преданий о пеласгийских переселенцах на Апеннинском полуострове см.: Немировский. Ук. соч., с. 22—30.

чение здесь составляет, пожалуй, только Крит. Но пример этот весьма показателен в отношении потенциальных возможностей использования данных античной мифолого-исторической традиции.

Относящиеся к ранней этнической истории Крита сведения, которые содержатся в трудах античных авторов, говорят о сложном составе населения острова уже в догреческую эпоху. Согласно «Одиссее» (XIX, 175 сл.), в гомеровские времена здесь помимо более поздних греческих пришельцев — ахейцев и дорийцев жили этеокритяне, кидоны и пеласги. То, что греки не входили в состав древнейшего критского населения, подчеркивает Геродот. По его словам (I, 173), «...весь Крит в древности целиком занимали варвары», а появление здесь первой греческой миграционной волны Геродот относил (VII, 170—171) к периоду, последовавшему за крушением «талассократии Миноса».

Этеокритяне (Ἐτεόκριτες — «истинные критяне») признавались эллинами коренными обитателями Крита. Местная критская традиция, сохраненная Диодором (V, 64, 1; 80, 1), прямо называет их автохтонами. Пребывание этеокритян — подданных царя Миноса и их потомков — отмечается древними авторами (Гомером, Геродотом, Стафилом, Страбоном) по всему острову: на севере (Кносс и его округа), на востоке (Прес), на западе (Полихна) и юге. В качестве господствующей этнической группы догреческого Крита они должны быть, несомненно, отождествлены с минойцами (т. е. с носителями минойского языка, создателями критской иероглифики и линейного письма А, распространителями «Миносовой талассократии»). Критскими автохтонами наряду с этеокритянами-минойцами традиция считала кидонов (Κίδωνες), живших на западе острова, в районе реки Ярдана и города Кидонии²⁴. Эпонимом-основателем Кидонии почитался Кидон, внук Миноса²⁵, что, возможно, указывает на происхождение кидонов от рано обособившейся части этеокритян-минойцев (примечательно, что личное имя Ku-do-ni встречается в минойских текстах на табличках линейного А) или по крайней мере подразумевает их родство.

О пребывании на Крите пеласгов вслед за Гомером говорят и другие античные авторы²⁶. Диодор²⁷ упоминает о пеласгийском вторжении на остров, ранее населенный этеокритянами. Античная традиция отмечает присутствие в догреческом этническом субстрате Крита и еще одного компонента — того, который мы теперь обобщенно именуем анатолийским (хетто-лувийским). По сообщению Геродота (I, 173; VII, 92)²⁸, термилы — предки современных ему маловазийских ликийцев — жили когда-то на Крите. «Отцу истории», происходившему из полукарийской среды граждан Галикарнасса, было известно (I, 172; ср. Strabo, XIV, 2, 3) и о том, что карийцы, населявшие область вокруг города Кавна в Малой Азии, считали себя критскими выходцами. Однако анатолийский элемент к началу I тыс. до н. э., вероятно, уже полностью растворился среди других групп разноэтничного населения Крита (он не отражен в перечне критян из «Одиссеи»).

Приведенные свидетельства античной мифолого-исторической традиции об этническом составе критского населения до прихода на остров греков успешно сопоставляются и с данными, полученными лингвистами при изучении языковой ситуации на юге Балканского полуострова в древнейший период, и с археологическими материалами. Работа над дешифровкой открытых археологами памятников линейного письма А и анализ догреческой реликтовой лексики приводят к аналогичному выводу о существовании на Крите] ранее середины II тыс. до н. э. трех (соответствующих трем выделенным выше по сумме всех сообщаемых античной традицией сведений разноэтничным группам населения) различных языков — доиндоевропейского, минойского, «пеласго»-фракийского и анатолийского²⁹.

²⁴ Hom., Od. III, 292; XIX, 176; Strabo, X, 4, 6; 4, 12.

²⁵ Paus., VIII, 53, 4; Schol. Apoll. Rhod., IV, 1492; Schol. Theocr., VI, 12; Schol. Hom. Od., XIX, 176.

²⁶ Ср. Strabo, V, 2, 4; X, 4, 6; Dion. Perieg., 349; Etym. M., 768, 25.

²⁷ IV, 60, 2; V, 8, 1; ср. Dion. Hal., I, 18, 1; Plut., Moral. 247D, 296B; Steph. Byz., s. v. Dorian).

²⁸ Ср. Strabo, XIV, 3, 10; Paus., VI, 3, 7.

²⁹ При этом минойский как язык автохтонного большинства населения острова на протяжении раннеминойского и среднеминойского периодов (III — первая полови-

В других областях материковой и островной Греции картина лингвостнических изменений и наслоений столь же четко по данным мифолого-исторической традиции не прослеживается. Поэтому роль лингвистических штудий для них особенно возрастает. Рецензируемая работа Л. А. Гиндина безусловно дает для них новый стимул, расширяя и конкретизируя фракийский, герр. «пеласгийский», материал, доступный для сравнительного изучения, и служит образцом в методическом отношении.

Этому капитальному труду, однако, недостает более полного использования данных микенологии. Так, к тщательно подобранному балкано-малоазийскому сопоставительному материалу можно было бы добавить больше фактов (ср. с. 214) из древнейших греческих письменных памятников — документов линейного письма В второй половины XV — XIII в. до н. э. Оттуда, в частности, извлекаются следующие подкрепления балканской части рассмотренных Л. А. Гиндиным изоглосс: 1) $\tau\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$, Тарае — личные имена Та-ра-да-по (KN As 625), Та-ра-по (KN F 153, Sc 240, X 7795) и Та-ре-го (KN Da 1343); при этом как ближайшие параллели догреч. $\theta\acute{\eta}\beta\alpha\iota$, $\theta\acute{\eta}\beta\eta$ заслуживают внимания антропонимы табличек линейного В — Те-ре (PY Jn 725) и линейного А — Те-ро³⁰; 2) $\tau\alpha\rho\pi$ -/ $\tau\alpha\rho\rho$ — личное имя Та-га-ре-се (PY Vn 865); 3) $\iota\delta\eta$ — личные имена I-da-i-jo (KN K 875, PY An 661, TH Of 28), I-do-me-ne-ja (PY Eb 498, Ep 212), I-do-me-ni-jo (PY Gn 428) и I-du (KN Ap 639); $\rho\acute{\eta}\sigma\omicron\varsigma$ — антропоним Re-si-wo (PY An 1281) и топоним Re-si-we-i (форма локатива, PY An 18).

Интересные дополнительные примеры можно извлечь и из текстов критского линейного письма А. Достаточно вспомнить краткую надпись, вероятно владельческую, на серебряной чаше из Рас-Шамры (древнего Угарита, где существовала колония эгейцев): go-da ka-wa³¹. В обоих ее словах допустимо предполагать наличие основ — god-/gud- и kaw-/gaw-, имеющих индоевропейскую этимологию (ср. и.-е. *rudh- и *kou-) и отраженных равным образом в ономастической и апеллативной лексике как фракийского, так и анатолийских языков (ср. с. 51—56, 131).

Однако все эти наши замечания носят сугубо частный характер и сводятся всего лишь к уточнению некоторых деталей в общей картине географического и хронологического распределения ономастических единиц, подлежащих изучению на предмет выявления связей ареально близких языков древней Эгеиды. Поэтому они, естественно, никак не могут отразиться на отношении к тем важнейшим обобщающим выводам этногенетического характера, к которым приходит Л. А. Гиндин в рецензируемой монографии. Без учета содержащихся в ней итоговых положений невозможна дальнейшая успешная разработка таких фундаментальных проблем древней истории, как проблема этногенеза народов Балкано-Малоазийского региона и проблема индоевропейской прародины.

А. А. Молчанов

* * *

Рецензируемая монография посвящена исследованию реликтов одного из древнейших языков Восточных Балкан — фракийского — в широком культурно-историческом и этнолингвистическом контексте.

Монография включает шесть глав. Три первые вводят читателя в проблематику и методику исследования, ареальные и фонетико-морфологические характеристики фракийского языка (с. 7—32). Фактически это введение в античную балканистику. Дается определение понятия «античная балканистика», содержание которого расширено

на II тыс. до н. э.) всегда сохранял преобладание (он один имел развитую письменную традицию), но наибольшее его распространение, в том числе и за пределы Крита — через критские алойки и торговые фактории в разных пунктах Эгеиды, происходит к XVI в. до н. э., когда окончательно складывается Кносская морская держава.

³⁰ Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958, S. 271.

³¹ Ср. Evans A. J., Myres J. L. Inscriptions in the Minoan linear script of class A/Ed. by Brice W. C. Oxf., 1961, pl. XXXI—XXXIa; V, 16. Скорее всего в ней указаны имя (ср. различные дериваты, основы $\rho\acute{o}\beta$ - в догреческой ономастике Эгеиды) и титул (типа «жрец, прорицатель» — ср. лид. kave-, др. инд. kaví-) владельца предмета.

Л. А. Гиндиным сравнительно с традиционным пониманием слова «античный» и распространяется также на догреческий период, к которому относятся ономастические и лексические данные субстратного характера, сохранные греческими и латинскими источниками. Помимо сведений античных авторов, а также греческой и парегреческой эпиграфики, данные о реликтовых языках Балканского полуострова черпаются из современной его топонимики и субстратных слов, сохранившихся в письменной и устной традиции балканских языков. Л. А. Гиндин замечает при этом, что возможности реконструкции субстратных языков Балкан ограничены восстановлением фонетики, набора апеллятивов и словообразовательных элементов лишь в том объеме, в каком они принимали участие в создании ономастического фонда данного субстратного языка.

Принятая автором методика исследования зиждется на безусловном предпочтении формантному анализу этимологического и шире — ареально-этимологического. Л. А. Гиндин отмечает, что исследование субстратных балканских языков актуально в силу расположения их в центре индоевропейского языкового пространства, где они образовали вместе с некоторыми современными языками так называемую центрально-европейскую балтийско-балканскую переходную зону. Одной из самых важных Л. А. Гиндину представляется проблема фрако-хетто-лувийских лексико-ономастических отношений как часть более широкой темы балкано-анатолийских языковых связей. Значение ее состоит прежде всего в том, что «посредством этимологического анализа древнебалканской ономастики в сравнении с ранне- и позднехеттской, геогр. анатолийской, может быть выявлен древнейший из доступных исследованию слой фракийской и, шире, балканской ономастики» (с. 19), поскольку хетто-лувийские имена собственные зафиксированы в памятниках начиная с XIX в. до н. э.

Реконструируя ареальную ситуацию на Балканах, Л. А. Гиндин исходит из автономности там фракийского языка и непосредственной близости к нему ареала распространения хетто-лувийских языков, причем на основании изоглосс, сближающих хеттский с италийскими и германскими языками, «преданатолийский» ареал хетто-лувийских языков размещается на территории к северо-востоку от Балкан.

Особо следует отметить коррективы Л. А. Гиндина в отношении фонетики фракийского языка, а именно — проявления сатемной закономерности и передвижения согласных. По его мнению, фракийский язык реализует обе закономерности нерегулярно — в нем много лексем с неассимилированными индоевропейскими палатальными и отсутствием сдвига смычных согласных. Это предполагает искусственность разграничения фракийского и дакийского языков, предложенного В. Георгиевым на основании присутствия в первом и отсутствия во втором передвижении согласных. Такая исходная позиция Л. А. Гиндина значительно расширила его базу исследования ономастических данных.

Основную часть монографии составляют главы четвертая «Фрако-хетто-лувийские изоглоссы» (с. 33—116) и пятая «Фрако-малоазийские изоглоссы» (с. 117—168). Результаты исследования суммированы в заключительной шестой главе «Лингвистические результаты и экстралингвистические выводы» (с. 169—188). Л. А. Гиндин этимологизировал около 20 фрако-хетто-лувийских гетерогенных изоглосс, из которых лишь две три имели прежде хорошую этимологию. Двенадцать из них имеют надежную или предполагаемую индоевропейскую этимологию — это теофорные эпитеты Ἄρμοληνή , Ἦρως , местные названия Tagrodizos , Πέργαμον , Ἰβη , личные имена Τορκος , Τιαμαυς , Μαγαβα , этнонимы Costoboci , Saboces , основы $-\text{πο-ς}$, $-\text{δων}$ ($-\text{δων}$)¹. Не имеют индоевропейской этимологии четыре изоглоссы — ΜΗ Παρωβστα , Τάπα , ΛΙ Ἰμβρασίδης , Ελτα .

Далее Л. А. Гиндин выделил восемь фрако-малоазийских (фрако-троянских — гомеровских) изоглосс — этнонимы Σκαίοί , Ἐάνθιοι , Κεβρήνιοι , ΛΙ , ΤΗ Ῥῆσος , топонимы Περρώτη , Τροία , Ἰλιος , Ἄρισβος . Местные названия, по его мнению, принесены в Анатолию из Фракии, а этнонимы имеют параллели, засвидетельствованные для Фракии другими античными источниками. Тожество гомер. Ἰλιον с хет. Wiluša договора Муватталиса и Алаксандуса, заключенного на рубеже XIV—XIII вв., и упоминание Вилусы в этом документе в связи с правлением царя Лабарнаса (XVII в.

¹ Разумеется, здесь приведены только «заглавные» репрезентации имен и названий, собранных автором при каждой изоглоссе.

до н. э.) позволяет Л. А. Гиндину отнести появление фракийцев в Троаде ко времени не позднее первой четверти II тыс.

В заключение Л. А. Гиндин сопоставляет полученные им лингвистические результаты с археологическими данными. Фрако-хетто-лувийские изоглоссы, считает он, в принципе могут соответствовать гипотезе Дж. Мелаарта о продвижении лувийских племен в Анатолию из центрального северобалканского региона, но в целом и лингвистические и археологические данные расплывчаты. Более вероятной представляется точка зрения исследователей (В. Попов и др.), отмечающих, что в эпоху энеолита и бронзы Балканы и Малая Азия входили в одну географическую зону, в которой осуществлялись передвижения¹ отдельных этнических групп в обоих направлениях и их регулярные контакты с местным населением. Об этом же могут свидетельствовать и фрако-тройские (гомеровские) изоглоссы, которые соответствуют новым данным о тождественности материальной культуры бронзового века Северо-Западной Анатолии и Фракии на протяжении III—II тыс. Фракийское происхождение троадской топонимики II тыс. позволяет Л. А. Гиндину ввиду этого континуитета связывать с фракийским же этносом памятники раннебронзового века (III тыс.) Восточных Балкан и Северо-Западной Анатолии.

Таково в общих чертах содержание рецензируемой книги. Ряд отдельных ее положений был развит Л. А. Гиндиным дополнительно в специальных статьях (книга была закончена в 1974 г.)². Она дает много новых материалов для характеристики фракийского языка, по существу впервые выявляет его взаимоотношения с хетто-лувийскими языками. Существен тезис о древнебалканской языковой среде как о переходной зоне членения индоевропейского ареала, где закономерности проявления сатемности и передвижения согласных срабатывали нерегулярно. По мнению Л. А. Гиндина, это зачастую обусловлено не фонетическими особенностями фракийского языка, но тем, что в греческой и латинской передаче глухие аспираты варьировались с простыми глухими вследствие большей склонности греческого к аспирации сравнительно с фракийским языком. Этот тезис, развитый Л. А. Гиндиным на большом материале, можно дополнительно проверить на примерах третьей фракоязычной области (помимо Фракии и Дакии) — Северного Причерноморья, где выделяется существенный, но еще слабо изученный слой названий фрако-дакийского происхождения. Здесь одни названия имеют соответствия в ономастике Дакии, другие — Фракии. Если следовать тезису В. Георгиева, разделяемому некоторыми лингвистами, о различии фракийского и дакийского языков³, то в силу чересполосного расположения этих названий в Северном Причерноморье приходилось бы думать о дискретном размещении здесь то фракийцев, то дакийцев, что вряд ли состоятельно. Следовательно, надо говорить о различных проявлениях фонетических закономерностей в пределах единой языковой системы, что можно иллюстрировать на примере названия города $\text{Tur}\acute{\alpha}\mu\beta\eta$ (< * $\text{Tur}\acute{\alpha}\mu\beta\eta$) в Восточной Меотиде и его синкопированного аналога $\text{Θ}\acute{\rho}\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\varsigma$ (вариант: $\text{Θ}\acute{\epsilon}\rho\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\varsigma$) на Халкидике, в которых и.-е. * t первой основы (фрако-дак. * tur - «сильный» из и.-е. * $t\acute{r}$ - или * $te\acute{d}$ -/* tu -) отразился как t и th .

Книгу отличает строгость в отборе материала для этимологического анализа, иной раз, может быть, в ущерб полноте материальной базы. Так, рассматривая гнездо названий Σαρπηδών (город, побережье, возвышенность; личное имя, производное от ΜΗ), Л. А. Гиндин ограничился сопоставлением первой основы Σαρπη- с позднехетто-лувийским наречием * $s(a)g-ra/i$ «(с)верх, верхний» (с. 72—75). Однако материальная и семантическая база этого гнезда названий шире, поскольку часть ΜΗ может быть связана с опущенной им фракийской глоссой Гесихия $\acute{\sigma}\acute{\alpha}\rho\pi\omicron\varsigma$ — «деревянный дом» ($\acute{\sigma}\acute{\alpha}\rho\pi\omicron\varsigma$ $\mu\iota\beta\alpha\tau\omicron\upsilon\varsigma$, $\text{Βίθυνοι δὲ ξυλίνους οἰκίας}$ «сундуки, вифинцы же так называют дере-

² Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, с. 272—317; то же, II. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 148—159; он же. Проблемы античной балканистики: лингвистический аспект. — Вопросы языкознания, 1973, № 1, с. 64—78; он же. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 48—67; он же. Лингвистический комментарий к упоминанию двух групп фракийских племен в «Илиаде». — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 117—124.

³ Георгиев В. Траките и техният език. София, 1977, с. 183 сл.

вянные дома»). Поскольку Л. А. Гиндин выяснил, что $\delta\omega\nu$, второй компонент пучка названий $\Sigma\rho\pi\eta\delta\omega\nu$, означает «земля, местность, город», это МН может означать не только «высокая местность», как он полагает, но в свете приведенной глоссы Гесихия также и (по меньшей мере применительно к городу) «деревянный город», «город с деревянными домами» (ср. древнерусский *Деревичь*). Соотношение фракийских основ $\Sigma\rho\pi\eta$ - (как тождества хетто-лувийского *s(a)r-pa/i) и $\Sigma\rho\pi\omega$ -с («деревянный дом») неясно ⁴.

Особо следует остановиться на методологических предпосылках и результатах применяемого автором ареально-этимологического метода, который предполагает сопоставление фракийских лексем с ономастическим и апеллятивным материалом языков, хронологически и ареально близких древнебалканским ⁵. Исходя из наличия множества фракийско-анатолийских топонимических изоглосс (см. выше), на которые в разное время уже обращалось внимание и которые не могут быть объяснены только лишь контактами данных языковых групп начиная со II тыс. до н. э., автор высказывает идею о возможности ареальных соприкосновений этих «лингво-этнических регионов в преанатолийский период». В пользу этой точки зрения свидетельствуют, по мнению автора, наряду с лексическими сходжениями, также и некоторые сходные процессы, затронувшие звуковой строй данных языков. К числу этих процессов автор относит ассибиляцию палатального *k̄ перед *i (сатемная изоглосса) и тенденцию к передвижению согласных (с. 30 слл.).

Если первое положение действительно для ранне- и позднеанатолийских языков, относительно второго требуется сделать существенную оговорку. В компаративистике под традиционным передвижением согласных понимаются процессы типа оглушения старых звонких смычных (*b, *d, *g > p, t, k), перехода звонких придыхательных в чистые звонкие (*bh, *dh, *gh > b, d, g) и т. п. Эта особенность развития смычных согласных присуща германскому, древнеармянскому, тохарскому, отчасти кельтскому и, как показал Л. А. Гиндин, фракийскому консонантизму. В анатолийском, однако, ситуация не столь очевидна, как это представляется автору. В тех хетто-лувийских языках, где сохранились три ряда смычных, отмечается интересная графическая закономерность: старые глухие смычные передаются как глухие либо напряженные p(p), t(t), k(k), старые звонкие обозначаются как звонкие либо ненапряженные (b, d, g, r, k; старые звонкие придыхательные и в клинописном хеттском языке, и в алфавитных языках (например, в ликийском) передаются знаками как для глухих/сильных, так и для звонких/слабых согласных, что может объясняться приспособлением графики к фонетической природе этих согласных, занимающих промежуточное положение между глухими и звонкими. У нас есть, таким образом, основание считать, что передвижение согласных для анатолийских языков не характерно, и от этой фракийско-анатолийской изоглоссы следует отказаться.

Гораздо важнее, как нам представляется, морфологические изоглоссы, объединяющие рассматриваемые ареалы. К их числу относятся словообразовательные элементы, выделяемые во фракийских лексических единицах, к каждому из которых находим хорошие хетто-лувийские параллели, уточняя и дополняя сопоставления Л. А. Гиндина: фрак. суффикс -al/-el- родствен хет.-лув. адъективному суффиксу *-l- (ср. хет.-ала-, лув. -alli-, лид. -al и др.); фрак. -ul- содержит предыдущий суффикс и элемент *wa (по Л. А. Гиндину — форматив этниконов). Фрак. -an/-en-, судя по семантике, непосредственно связан с позднелувийским (ликийским) относительно-определятельным суф-

⁴ Не исключена и генетическая связь: крыша дома («верх») обычно деревянная, и целое могло получить название по части — «верх» > «(деревянный) верх, крыша» > «деревянный дом».

⁵ В реконструкции фракийского автор исходит из основных положений сравнительно-исторического метода, включающих, в частности, установление системы соответствий между сопоставляемыми формами. При этом отмечается, что этимологическая реконструкция праязыковых форм — это «в значительной мере формульное выражение сети соответствий» (с. 20). Такое понимание лингвистической реконструкции не является общепринятым: для большинства языковых семей восстановленные факты могут быть интерпретированы как фрагменты системы, хотя и имеющей лакуны, но в реальности которой нет оснований сомневаться (см., в частности, *Иванов В. В.* Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 181 слл.).

фиксом $-ēni$, $-ē/āi$ (а не с хет.-лув. суффиксом этниконов $*-w-$, как это считает Л. А. Гиндин, с. 35), хотя нельзя исключить возможности их исконного родства.

Фрак. суффикс $-bo-$, сопоставляемый автором с хет.-лув. этническим суффиксом $*-wa-$, демонстрирует одну особенность фракийской фонетики, находящую аналогию в позднеанатолийском. В ликийском, как и во фракийском, отмечаются случаи варьирования интервокальных b/w , восходящих к $*\tilde{d}$. Это имело место и в лик. суффиксе $-ba/-wa-$, для которого более вероятно не абстрактное или адъективно-притяжательное (как иногда считают ⁶), а собирательное значение, ср. лик. (мил.) $pas (b)ba$ «воин(ство)», $xīta\tilde{b}a/xīta\tilde{w}a$ «предводительство» и др. Возможно, фрак. элемент $-bo-$ сохранил сходную семантику, в частности, в этниконах типа $Ko\sigma\tau\tilde{o}-\beta\tilde{w}\tilde{o}\tilde{t}$, где присутствует значение собирательности.

Для высказываемого в монографии предположения о фракийском характере части населения Северо-Западной Анатолии небезынтересен фрак. суффикс этниконов $-ko-$ ($\Sigma\alpha\beta\tilde{o}\tilde{t}$ - $\kappa\tilde{o}$ и др.), который сопоставим с палайским относительно-определятельным суффиксом $-k/-g-$, продолжающим и.-е. адъективный (а не диминутивнопейоративный, как считает Л. А. Гиндин) суффикс $*-k-$ (ср. др. инд. $\acute{a}nta-k-a\tilde{h}$ «конечный» от $\acute{a}nta\tilde{h}$ «конец», ст. слав. *кратъ-к-ъ* и др.). К числу возможных фрако-палайских изоглосс надо отнести и фрак. основу $ti\tilde{u}$ - «бог», по вокализму и отражению начального согласного параллельную пал. $ti\tilde{u}$ - $na-$ «бог»⁷. Вариант данной фрак. основы $ti(\tilde{u})a-$ соотносим скорее с лувийскими формами типа $Ti\tilde{c}att-$ «бог солнца»⁸. В целом допущение контактов фракийцев с северо-западными анатолийцами в первой половине II тыс. до н. э. (к этому времени предположительно относится продвижение палайцев в более западные районы Северной Анатолии из восточных областей⁹) пока остается гипотетичным из-за малого объема языкового материала и его недостаточной изученности, тем не менее приведенные здесь и некоторые другие палайско-фракийские схождения требуют дальнейшего изучения.

Анализ словообразовательных моделей фракийских лексем, несмотря на крайнюю ограниченность материала, позволил автору отчасти заполнить пробел в морфологической характеристике фракийского языка. Очень важно то, что грамматические изоглоссы охватывают тот же ареал, что и лексические, а именно — анатолийскую языковую область. Представляется, однако, что возможности анатолийских языков в этом отношении далеко не исчерпаны. Так, исследование фракийских составных имен собственных продемонстрировало их особую близость к ликийским моделям. Наиболее распространенными типами основоположения являются в обоих случаях структуры 'определение + определяемое', ср. фрак. $Salmor-ude$ (IA 226) «соленая вода», лик. ЛИ $E\tilde{g}i-m\tilde{h}nu\tilde{h}a$ = греч. $\pi\epsilon\rho\tilde{i}-o\tilde{i}\kappa\tilde{o}\varsigma$ ¹⁰; посессивные composita, ср. фрак. мужское ЛИ $\Delta\omega\tilde{u}\tilde{r}\alpha-\zeta\epsilon\rho\tilde{i}\varsigma$, возможно, «сильно-рукий»¹¹, лик. мужское ЛИ $U\tilde{r}\alpha\tilde{z}i(j)-\tilde{e}\tilde{p}\tilde{e}$ «принадлежащий Великой (богине) матери». Тип греч. $\Pi\tilde{a}\tilde{t}\tilde{r}\tilde{o}\tilde{x}\tilde{l}\tilde{o}\varsigma$ (предыдущая структура с обратным поряд-

⁶ Королев А. А. Хетто-лувийские языки. — В кн.: Языки Азии и Африки. I. М., 1976, с. 80; см. рецензируемую монографию, с. 173.

⁷ В историческое время палайцы, говорившие на одном из ранних хетто-лувийских языков (начало II тыс. до н. э.), локализируются на севере Анатолии, на берегу Черного моря (Камменхубер А. Очерк палайской грамматики. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 198).

⁸ При указании анатолийских соответствий этой фракийской основы в книге допущены некоторые неточности: мил. $zi(u)$ означает не «день», а «бог» (с. 47); это же значение имеет лид. $si\tilde{v}a-$ (а не «богиня» — там же, категория женского рода в хетто-лувийских языках отсутствует); эта лид. форма в тексте относится к Аполлону и Артемиде.

⁹ О пребывании палайцев в более восточных районах Анатолии свидетельствуют лексико-грамматические параллели палайского с хуррито-урартским, которые могли возникнуть не позднее середины III тыс. до н. э. поэтому маловероятно одно из основных положений рецензируемой книги о древнейших фрако-анатолийских контактах в области к востоку от Балкан (Северное Причерноморье?).

¹⁰ Значение «город» у лик. $m(e)\tilde{h}pe$, выводимое нами комбинаторно (это слово часто сопровождает перечни городов), подтверждается сопоставлением с лув. иерогл. URU $m\tilde{h}na$ «город».

¹¹ Но В. В. Георгиев: «Этимология не надежна» (Трактате и техният език, с. 77). Существенно то, однако, что первый компонент является определением ко второму; значение всего комплекса сходно с тем, что у греч. Κλεοπάτρη («имеющая» славного отца).

ком элементов), насколько можно судить по дошедшим до нас именам, абсолютно не типичен ни в ликийском, ни во фракийском, так же как и тип 'глагол + объект' (греч. Φερβ-νικος). Напротив, в сравниваемых языках обнаруживаются сложные имена со вторым глагольным компонентом (обычно причастием), ср. лат. *Luci-fer*: лик. Ли *Wax-se-pddimi*, возможно «знаменосец», фрак. Ли *Εβρου-ζενις* = греч. *Εβρου-γενης*, и др. Приведенные здесь фракийско-ликийские параллели, число которых можно было бы умножить, позволяют сделать выводы относительно типов синтаксических структур во фракийском словосложении и восстановить еще один фрагмент фракийской грамматики.

В области лексики фракийско-анатолийские изоглоссы, выявляемые автором, выглядят вполне надежными¹². Список их можно дополнить еще несколькими сопоставлениями.

1. Фрак. *-ζε|ητα* (второй компонент женских имен *Ετα-ζετα*, *Βενδι-ζητα*) совершенно очевидно родствен общелув. **ziti*, который в западнолувийском (милиийском) имел значение «человек», выполняющий ритуальные функции», «жрец» (ТЛ 44 d 8, 47); значение «мужчина» засвидетельствовано только в части лувийских диалектов (центральных и восточных), поэтому нельзя согласиться с отказом автора от данной параллели на том основании, что названные фракийские имена принадлежат женщинам (с. 77). Напротив, анатолийский материал помогает уточнить внутреннюю форму фрак. теофорных имен *Εταζετα* и *Βενδιζητα*, которые интерпретируются как «жрица (богини) Э(п)ты», «жрица (бога) Бендиса»¹³.

2. Распространенное фрак. ЛИ *Σεβθης*, *Σεβθας* и т. п., возводившееся еще Р. Реслером к и.е. **ǵheǵ-t-* «жрец» (др. инд. *hótar* «жрец» и др.) родственно лик. названию жреца *ut(a)* (ТЛ 55,6), *utāna* (ТЛ 44 с 5), *utene* (ТЛ 55,1) из и.-е. **ǵheǵt-*. Лик. формы также подтверждают возможность развития фрак. *z* из и.е. **ǵh*, обусловленного последующим гласным (?).

3. К малоазийским параллелям фракийского *Τάπα* (анализ на с. 90 слл.) надо добавит лик. *Tabāna* (ТЛ 44 а 52, 55), который, несомненно, является топонимом (в тексте сообщается, что «к Табане» — *ese Tabāna* — теснят войско ионийцев), ср. еще карийский ТП.

Приведенный автором рецензируемой книги материал вместе со сделанными дополнениями по ареально-генетическим связям хетто-лувийских и фракийского языков показывают масштаб этих связей, которые трудно было бы объяснить одними лишь поздними контактами и, кроме того, представляют интерес в плане решения ряда проблем индоевропейстики. Следует отметить вместе с тем, что исходная идея автора об автохтонности фракийского языка на Балканах и расположении балтийцев к северу от них в III тыс. до н. э., на чем основан тезис о так называемой балканско-балтийской центральноевропейской переходной зоне, нуждается в аргументации. Применительно к III тыс. до н. э. ареалы семей индоевропейских языков ни в одном случае не могут быть локализованы точно, особенно при учете многочисленности археологических культур одной только Европы. И уж тем более гипотетично предположение Л. А. Гиндина о том, что часть вскрытых им фрако-хетто-лувийских изоглосс может быть отнесена к преданатолийскому периоду хеттов, когда они обитали на северо-востоке от Балкан (с. 29). Влияние так называемой балканско-балтийской переходной зоны на фонетику хетто-лувийских языков (сатемизация гуттурального **k* перед **u*) могло осуществляться и посредством воздействия на них фракийского в зоне их контакта на северо-западе Анатолии.

Книга содержит немало «информации к размышлению» и для историка-археолога. Вывод Л. А. Гиндина о фракийском происхождении гомеровской топонимии Трояды, хронологическим репером появления которой здесь служит ему XVII в. до н. э. как *terminus ab quo*, предполагает принадлежность Трои VI (ок. 1800—1300) фракийцам, так же как и соответствующих ей в материальном отношении памятников бронзового века

¹² Лишь некоторые из них вызывают возражения; например, сомнительна связь фрак. *-γενης* с хаттским неиндоевропейским (в книге опечатка — «хеттским») — с. 64 *katte* «царь». Для фрак. *-γενης* можно предположить более близкие балканские (греческие) параллели.

¹³ Для общелув. **ziti* есть балтийские, германские (древнеисландские) и некоторые другие параллели: лит. *saisti*, *saiciū* «гадать, пророчествовать», *sātas* «привязь, амулет»; др. исл. *seiðr* «чары»; вопрос, однако, требует специального исследования.

Болгарии (с. 162, 182). Между тем упоминание Вилусы в договоре Алаксандуса и Муваталиса в связи с правлением царя Лабарнаса необязательно означает, что Вилуса имела в XVII в. то же название, что и на рубеже XIV—XIII вв. Хотя это вполне вероятное предположение, построенная на одном этом аргументе гипотеза о фракоязычии населения Трои VI и соответствующих центров бронзового века Болгарии вряд ли основательна. Одно присутствие «минийской» керамики как в Трое VI, так и в среднеэладских памятниках материковой Греции XVIII—XIII вв. до н. э., определенно связанной с греческим этносом, заставляет думать о полиэтничном характере населения Трои VI. Не случайно, конечно, владыка Вилусы Алаксандус носит греческое имя. И уж тем менее убедителен аргумент о континуитете материальной культуры III и II тыс. до н. э. в Трое и Южной Болгарии, послуживший Л. А. Гиндину основанием для тезиса о фракоязычии этих областей и в III тыс., поскольку представление о преемственности слов Трои или Эзеро, как и во многих подобных случаях раскопок многослойных центров, не лишено субъективизма.

Несколько замечаний относится к конкретному языковому материалу, приводимому в рецензируемой монографии. Лик. хїпа означает не «мать» (с. 92), а «бабка»; лик. *kawaḡи никак не может быть связано с лид. kaveḡ «жрец», так как это — старая транскрипция (Калинка, Окрайт) ликийского kawaḡи (с начальным ларингалом, не сводимым к лид. k). Нежелательно также использование старой системы транслитерации лувийского иероглифического, от которой отказалось сейчас подавляющее большинство исследователей¹⁴.

Приведенные замечания касаются лишь отдельных частных и ни в коей мере не умаляют больших достоинств монографии в целом. Остается отметить высокий полиграфический уровень издания, предпринятого болгарскими коллегами.

Л. С. Баян, В. П. Яйленко

¹⁴ Meriggi P. Schizzo grammaticale dell'anatolico.— Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. V.XXIV, f. 3. Roma, 1980, p. 243 ff.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ РОМАН: НОВОНАЙДЕННЫЕ ПАПИРУСНЫЕ ФРАГМЕНТЫ *

В последние полтора десятилетия благодаря усилиям папирологов и текстологов в сфере внимания антиковедов оказался значительный текстуальный материал новых находок древнегреческой художественной прозы; публикации новонайденных текстов последовали почти через четверть века после издания обнаруженного еще в 1932 г. Э. Бреккиа Оксиринхского папируса I в. н. э. с 50 строками третьего по счету отрывка из анонимного «Романа о Нине». С тех пор и до начала 70-х годов в научной литературе обсуждались главным образом эта находка¹ и немногочисленные предложения по дополнению или улучшению чтения отдельных мест сохранившихся романов. Поэтому и сегодня не утратило своего значения собрание прозаических фрагментов, отнесенных Ф. Циммерманом к жанру античного романа², хотя некоторая смелость реконструкции и интерпретации издателем этих — часто весьма поврежденных — отрывков вынуждает исследователей подходить к изучению отраженных в них сюжетных по-

* В основу обзора положен доклад, прочитанный на семинаре «Новые папирусные находки и новые проблемы изучения античной культуры» Комиссии по античной культуре при научном совете АН СССР по истории мировой культуры. Автор выражает глубокую благодарность руководителю семинара В. Н. Ярхо (Москва) за помощь в подготовке данной публикации, выразившуюся не только в ценных советах, но и в предоставлении ряда новых текстов папирусов, полученных им от В. Луппе (ГДР), П. Парсонса (Великобритания), Э. Дегани и Д. Дель Корно (Италия) и др. Аналогичная помощь оказана автору и И. Ф. Фихманом (Ленинград).

¹ Norsa M. Un frammento del romanzo di Nino.— In: Scritti... dedicati I. Rosellini, Firenze, 1945, p. 191—197; Zimmermann F. Das neue Bruchstück des Ninos-Romans (PSI 1305).— Wiss. Zeitschr. der Univ. Rostock, 1953/1954, 3, Jg., S. 175—181; Jeništova R. Neistarši roman svetove literatury.— Listy filol., v. 76, p. 30—54, 210—228.

² Zimmermann F. Griechische Roman-Papyri und verwandte Texte. Heidelberg, 1936.

ложений с большой осторожностью. Собранные Ф. Циммерманом фрагменты дают все же основание полагать, что все они в какой-то мере передают содержание примерно десятка романов неизвестных авторов, однако жанровая принадлежность некоторых из них и сегодня остается неясной — с равным основанием опубликованные в разное время папирусные фрагменты с описанием всякого рода мистериальных обрядов, с отрывками из писем или риторически украшенных монологов также могут рассматриваться как остатки неизвестных романов. Ведь и находки недавнего времени дают примеры изменения устоявшихся воззрений на жанровую принадлежность некоторых давно известных текстов.

Послевоенное двадцатипятилетие отмечено также появлением ряда весьма основательных исследований по теории и истории античного романа. Их заслуженно венчает монография Б. Э. Перри³, выводы которой поддерживают и развивают в появившихся позже работах А. Скоби, Э. Чизек, Т. Хэгг, Ст. Стабрыла, А. Папаниколау, Р. Ди Вирджилио, М. Пакчинска и многие другие зарубежные ученые⁴. Для советской классической филологии этапным стал 1969 год, когда вышла в свет подготовленная в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР коллективная монография об античном романе⁵, которая обобщила исследования античного романа советскими учеными за многие годы и является сегодня по существу единственным в отечественном антиковедении как справочным, так и методологическим руководством. К этому же времени в нашей стране была завершена работа по переводу сохранившихся античных романов на русский язык; важно подчеркнуть, что в большинстве случаев труд переводчиков успешно сочетался с исследовательской деятельностью (И. И. Толстой, А. Н. Егунов, С. П. Кондратьев). Достоянием широких кругов читателей стал и сборник лучших переводов античной художественной прозы⁶; античный роман в СССР продолжает свое существование не только на русском языке — в самое недавнее время увидели свет на украинском языке романы Харитона и Апулея, переведенные И. У. Кобовым и Ю. Цимбалюком.

В настоящее время изучение античного романа в нашей стране продолжается; важным научным событием стали труды С. В. Поляковой и А. Д. Алексидзе, посвященные исследуемому на широком фоне — от античности до европейского средневековья — византийскому роману⁷. В последние 15 лет, кроме того, успешно дебютировала в этой области группа молодых ученых — отметим здесь работы о «Вавилонской повести» Ямвлиха Л. И. Шевченко, статьи Н. М. Ботвинник о романах об Александре Македонском.

Новая волна открытий палеографического характера, существенно пополнившая исходный материал для изучения античного романа, пока остается вне сферы внимания советских исследователей; поэтому представляется важной задача настоящего обзора не только максимально полно информировать широкий круг антиковедов о новейших папирусных находках, но и наметить, где это представляется возможным, некоторые аспекты изучения важнейших проблем древнегреческой художественной прозы на основе нового сюжетного материала. Представляется целесообразным разделить обзор нового текстуального материала на две группы, рассмотрев сначала находки, относящиеся к совершенно неизвестным до сих пор произведениям, а затем существенные приращения к опубликованным ранее отрывкам.

³ *Perry B. E. The Ancient Romances: A Literary-Historical Account of their Origins.* Berkeley-Los Angeles, 1967. Обстоятельная рецензия на эту книгу Н. А. Поздняковой (ВДИ, 1974, № 4, с. 150—160) имеет характер аналитического обзора проблемы античного романа.

⁴ *Scobie A. Aspects of the Ancient Romance and Its Heritage.* Meisenheim am Glan, 1969; *Cizek E. Evolutia romanului antic.* Bucureşti, 1970; *Hagg T. Narrative technique in Ancient Greek romances.* Stockholm, 1971; *Stabryla S. Powieść starożytna.* Krakow, 1971; *Papanikolaou A. Chariton-Studien: Untersuchungen zur Sprache und Chronologie der griechischen Romane.* Göttingen, 1973; *Di Virgilio R. Dall'epos al romanzo: introduzione alla narrativa greca antica.* Bari, 1978; *Pakcińska M. Antyczny romans grecki wczesnego okresu.* Warszawa, 1981.

⁵ Античный роман. Сб. статей под ред. М. Е. Грабарь-Пассек и Т. И. Кузнецовой. М.: Наука, 1969.

⁶ Античный роман: Ахилл Татий, Лонг, Петровий, Апулей. Вст. ст. С. В. Поляковой. М.: Худ. лит.-ра, 1969.

⁷ *Полякова С. В. Из истории византийского романа.* М.: Наука, 1979; *Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа.* Тбилиси, 1979.

Предпринятое в 1969—1972 годах издание фрагментов «Финикийской повести» некоего Лоллиана с полным правом претендует на роль историко-литературной сенсации⁸: в распоряжении текстолога Альберта Генрикса оказался папирусный текст из Кельнского собрания (часть кодекса II в. н. э.), получивший номер 3328. Из более чем сорока разной величины и различной степени сохранности фрагментов только два фрагмента — *A* и *B* — поддаются чтению и реконструкции, представляя собой два листа папируса необычно большого формата (примерно 25 × 40 см) с непривычным для текстов романной формы расположением текста — не узкими, шириной до 20 знаков, колонками, но во всю ширину листа, до 60 знаков в строке. Листы с обеих сторон (*recto* и *verso*) заполнены текстом, при этом две страницы (фр. *A recto* и *B verso*) заполнены целиком, а две оставшиеся — частично: фр. *A verso* лишь на треть в верхней части листа, а фр. *B recto* — сверху на две трети. Фр. *A verso* под текстом сохранил имя автора произведения — Λολλιαν[ο]ς и его название — Φοινικικῶν, а также порядковый номер 1-й книги — α; фр. *B recto* имеет под текстом корониду (знак концовки книги) и номер 10-й книги — ι; здесь же — остатки имени автора и названия произведения — -ο и -ν. Столь большие пробелы на страницах античного кодекса, необычный для книги II в. н. э. формат, наличие знаков препинания, ударения, элизии позволяют предполагать, что мы имеем в данном случае дело со своеобразным, издательски украшенным памятником античной книги. Текст написан одной рукой, а небольшие различия в графике объясняются просто переменной пишущего инструмента. На всех четырех страницах имеются лакуны — одна, две и даже три, располагающиеся вертикально и достигающие иногда ширины в 20 знаков. Это, конечно, затрудняет чтение, но выполненная А. Генрихом и его консультантами (Р. Меркельбах, В. Буркерт, М. Рив, Л. Кенен и др.) реконструкция делает чтение фр. *A recto*, *B recto* и *verso* достаточно надежным. В последнее время несколько существенных предложений по улучшению чтения текста внесли Дж. Броуни и Дж. Сэнди⁹, основываясь на издательской интерпретации текста; итак, можно считать, что нам известны сегодня концовки 1-й и 10-й книг и начало 11-й книги «Финикийской повести» Лоллиана — нового произведения романной формы. Принадлежность новонайденного текста к художественной прозе несомненна: в тексте обнаруживается повествование от 1-го и от 3-го лица, есть остатки диалога, а самое важное доказательство заключается в том, что при реконструкции текста фрагментов привлекаемые языковые параллели выявили совпадение элементов традиционной романной топики «Финикийской повести» с отдельными местами в греческих и римских романах, особенно у Ахилла Татия, Апулея и Петрония. Такого рода параллели проявляются даже при беглом ознакомлении с содержанием восстановленных фрагментов.

Очень плохо сохранившийся фр. *A recto* (уцелела лишь средняя часть папирусной страницы — 24 строки шириной от 3 до 24 знаков) вводит читателя в атмосферу праздника, возможно, посвященного Адонису: на крыше дома пляшут какие-то женщины, здесь же присутствуют мужчина по имени Главкет (ст. 14) и женщина по имени Персида (ст. 18). Фр. *A verso* содержит повествование от лица некоего юноши, который впервые познает женщину, проведя ночь с Персидой в ее доме. В знак утраты юношей его непорочности Персида, сняв с себя золотое украшение, пытается подарить его юноше, но тот отказывается (ст. 9 слл.). Тогда Персида, призвав уже упоминавшегося Главкета, поручает ему продать это украшение мөньям за две тысячи драхм. Оставшуюся часть ночи Персида и юноша проводят в любовных утехах, пока на рассвете не раздастся стук в дверь — приходит, надо полагать, мать Персиды: в невосстановленных ст. 13—34 читаются лишь отдельные слова — «любовники», «мать», «клятва», «наставление», «наложница».

⁸ *Henrichs A. Fragmente eines neuen griechischen Romans.* — ZPE, 4, 1969, S. 205—215; ZPE, 5, 1970, S. 22; ZPE, 7, 1970, S. 42—43; *idem. Die «Phoinikika» des Lollianos. Fragmente eines neuen griechischen Romans.* Bonn, 1972.

⁹ *Browne G. M. Ad Lolliani «Phoenicica».* — ZPE, 46, 1982, S. 134—143 (cf. ZPE, 10, 1973, S. 77); *Sandy G. N. Notes on Lollianus' «Phoenicica».* — AJPh, 100, 1979, p. 367—376.

Фр. *V verso* (это уже 10-я книга романа) переносит читателя в совершенно иную обстановку: некий Андروتим, оказавшийся, вероятно, плененным разбойниками, присутствует при створе каких-то людей (разбойников? сотоварищей по заключению?), вознамерившихся принести в жертву мальчика (ст. 5). Андروتим в ужасе отказывается от предложения «угораздить» или «успокоить словами» (ст. 7) намеченную жертву, и ритуальный обряд совершает некий обнаженный человек в пурпурном переднике: он рассекает грудь убитого, извлекает его сердце, которое, полив маслом и посыпав мукой, помещает в пламя очага или жертвенника (ст. 10—13). Надлежащим образом приготовленное сердце жертвы разрезается и разделяется между участниками обряда, которые приносят клятву «не покидать и не предавать» (предводителя? сообщников?), даже если им будет грозить заключение в темнице (ст. 14—16). Сцена продолжается и во фр. *V verso*: Андروتим пытается уклониться от участия в ритуальном пиршестве, заявляя, что его «кушанье еще не готово» (ст. 9 сл.), в то время как остальные едят, пьют (попойка сравнивается с битвой кентавров и лапифов, ст. 14), на глазах Андروتима предаются оргиастическим крайностям с какими-то женщинами (ст. 10—21). Когда же наступает полночь, участники оргии обнажают тела убитых ими женщин (ст. 24 сл. содержит упоминание о женских нагрудных повязках) и сбрасывают их (женщин? их одежды?) куда-то вниз через маленькое окно или дверцу (ст. 25 сл.). После этого часть мистов облачается в черные одежды, часть — в белые; раскрасив лица соответственно сажей или белой краской, они начинают ритуальное шествие — одни «под светом луны», другие под светом (знаком?) солнца (ст. 30 сл.). Андروتим, судя по всему, является наблюдателем происходящего; вообще роль его в этой сцене совершенно не ясна, и можно лишь предполагать, что он — пленник, так как ст. 21 сл. и 32 сл. упоминают об 11 стражах, охраняющих то ли живых пленников, то ли тела убитых женщин и не принимающих участия в оргии. Комментируя этот эпизод, А. Генрихс приводит ряд параллелей из романа об Иосифе и Асенет, где перемена одежд и выбрасывание снятого платья за окно являются частью ритуала обращения Асенет в веру ее жениха. Еще более разительную аналогию сцене из фр. *V verso* представляет приведенный А. Генрихсом текст папируса из Парижской национальной библиотеки¹⁰. Вполне понятно поэтому, что основную часть своего комментария (с. 28—80) к «Финикийской повести» издатель посвящает рассмотрению обрядов греческих и восточных мистерий, поскольку они включают в себя человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм и мистерияльные шествия; эта же проблема исследуется и в статьях А. Генрихса и других исследователей, рассматривающих Кельнский папирус № 3328 как иллюстрацию к мистериям Диониса, Адониса, Аттиса и других объектов культового поклонения¹¹. Между тем для уяснения подлинного характера произведения более важны, как уже отмечалось, приведенные издателем лексические, грамматические и ситуационные параллели между этим произведением и сохранившимися античными романами; в этом аспекте не лишены интереса последние, сильно поврежденные и не реконструируемые строки фр. *V verso*, где упомянуты инструменты какого-то «золотых дел мастера», какой-то «старик», «кузница», так как они используются издателем в целях воссоздания типического романного сюжета «Финикийской повести».

Развитие сюжета «Финикийской повести» А. Генрихсу представляется следующим: участником любовной сцены в доме Персиды (1-я книга) является Андروتим, главный герой романа, который затем (в 10-й книге) оказывается, что вполне обычно для греческого романа, в плену у разбойников; возможно, что эти разбойники — волопасы Нильской дельты, которые изображены в романе Гелиодора и для которых исторически засвидетельствован обряд, связанный с каннибализмом (Dio Cass., 71, 4, 1—2). Относительно начала 11-й книги А. Генрихс замечает: «Андротим и его товарищи по заключению продолжают находиться под охраной, так что о побеге не может быть и речи;

¹⁰ P. Paris. biblioth. nat. Suppl. Graec. 1294 ined. (Pack² 2641; Henrichs. Die «Phoinikika»..., S. 28): τὸν παῖδα ἔθυσαν/τὸν ὄρκον ὁμοσα/τῆς καρδίας ἐγευσάμην/ἐκ τῆς κύλιχος ἔπιον/τῆς συνουσίας ἀπέλαυσα/τοὺς νεκροὺς ἐφύλαττον/τὸν χιτῶνα ἐνεδυσάμην/τὸ πρόσωπον ἐχρισάμην/διὰ σελήνης ἐβάδιζον.

¹¹ Henrichs A. Pagan Ritual and the alleged Crimes... — In: Kyriakon. Festschrift J. Quasten, I, Münster, 1970, S. 48—35; Cazzaniga I. Eco di riti e culti orientali... e i frammenti... del romanzo «Phoinikika» di Lollianos. — Vetera Christ., 1973, 10, p. 305—318; Winkler J. J. Lollianus and the Desperadoes. — JHS, 1980, 100, p. 155—181.

при разработке плана побега какую-то роль должны сыграть орудия труда некоего золотых дел мастера, как следует из текста, — пожилого человека» (с. 7).

Ориентируясь на имя Главкета из 1-й книги романа, издатель предполагает включить в состав «Финикийской повести» так называемый «Фрагмент о Главкете», ранее вообще не рассматривавшийся как отрывок из романа и отнесенный к романной форме в сборнике статей «Античный роман» (см. прим. 5, с. 131), где дан пересказ его содержания¹². Этот Р. Оху. XI, 1368, опубликованный Б. Гринфеллом и А. Хантом еще в 1915 г., является частью папирусного ролика II в. н. э. с обычным расположением текста — узкими колонками; конечно, это не может быть препятствием для отнесения его к «Финикийской повести» — в этом случае мы просто имели бы дело с двумя разными изданиями одного произведения. И А. Генрихс основанием для отнесения Р. Оху. XI, 1368 к Кельвскому папирусу № 3328 считает лингво-стилистические особенности обоих отрывков и в равной степени им присущий «мрачный, мистический, ночной колорит» (с. 8 сл.). Но, сколь ни заманчиво такое предположение, которое подтвердило бы самим фактом двух изданий «Финикийской повести» ее популярность, объединение двух находок создает дополнительные трудности в восстановлении линии развития сюжета и в определении функций различных персонажей. Попытки восстановить сюжет произведения, опираясь лишь на три имени и две-три сохранившиеся сцены, малоубедительны даже несмотря на привлечение известной романной топики: античный роман изобилует, кроме того, разрывами прямого повествования с помощью рассказов второстепенных персонажей, разного рода реминисценций, в его сюжетную ткань могут вплестаться письма. Не помогает реконструировать сюжет и мистический характер «Финикийской повести»: смешение крайних проявлений различных мистериальных ритуалов создает впечатление, что автор романа изначально ставил своей целью создание античного прообраза «готического романа» нового времени. Решительно отказывается видеть в этом произведении только мистический «роман ужасов» и Т. Сепеши¹³, резонно полагая, что лишь по произволу случая до нас дошел эпизод такого характера. Античный роман вообще может дать десятки примеров изображения мрачных ритуалов, сцен жестокости и насилия, и едва ли верным было бы наше представление о романах Харитона, Апулея или Гелиодора, если бы от них сохранились только сопоставимые по объему и характеру описания эпизоды с погребением заживо Каллирои, отрывки из 11-й книги «Метаморфоз» или сцена заклинания трупа воина его матерью-колдуньей. Отметим также обычный для античного романа мотив мнимой смерти и мнимого человеческого жертвоприношения на примере отрывка из романа Ксенофонта Эфесского.

Соглашаясь с такой трактовкой характера «Финикийской повести», мы неминуемо вступаем в противоречие с предложением А. Генрихса считать автором романа хорошо известного афинского ритора II в. н. э. Публия Гордеония Лоллиана, по происхождению италика, жившего какое-то время в Эфесе, но затем занявшего в Афинах пост главы риторической школы и даже избравшегося на высокие муниципальные должности. Риторические упражнения Лоллиана цитирует Филострат в «Жизнеописаниях софистов»; афиняне почтили его деятельность двумя статуями, надпись на одной из них отмечала его заслуги как софиста и писателя; еще одна афинская надпись упоминает жреца Гордеония Лоллиана, притана 142 года. В одной из эфесских надписей упоминаются его супруга — Антония Квинтилла, а также дочь — Гордеония Пульхра, жрица храма Артемиды. Словарь Суды сохранил о Лоллиане краткое замечание: «Написал много» (ἔγραψε πολλά). Кроме того, художественные особенности «Финикийской повести», равно как и фрагмента о Главкете, делают предложенную

¹² Приведем полный перевод уцелевшей кол. II Р. Оху. XI, 1368: «Главкет, путешествуя верхом, внезапно увидел перед собой призрак неизвестного юноши, который стал умолять его, чтобы он похоронил тело юноши в одной могиле с телом прекрасной девушки, убитой и лежащей под платаном на обочине дороги. Испуганный Главкет кивнул как бы в знак согласия головой и пришпорил коня; оглянувшись через некоторое время, он увидел, что призрак юноши растаял. К ночи добрался Главкет до деревни на берегу реки, переправился через реку и, увидев открытую дверь пустой конюшни, привязал к ней коня. Улегшись спать на охапке соломы, он вдруг увидел, что сверху по лестнице спускается некая женщина...».

¹³ Szepessy T. Zur Interpretation eines neu entdeckten griechischen Romans.— AAHung., 26, 1978, № 1, p. 29—36.

кандидагуру в авторы весьма и весьма сомнительной — лапидарная краткость фраз, простота синтаксиса, удручающие прямолинейность и монотонность повествования, отсутствие описания деталей и рефлексии в монологах персонажей ставят этот роман гораздо ниже более ранних произведений — романа Харитона и даже фрагментов анонимного романа о Нине. Трудно представить себе известного софиста и ритора, истинного представителя «эллинского возрождения» столь беспомощным и бледным в отношении языка и стиля, столь безнадежно проигрывающим во многих отношениях по сравнению с многочисленными писателями, его современниками.

Тема ритуального человеческого жертвоприношения и каннибализма затронута, как известно, в 141-й, последней из сохранившихся, главе «Сатирикона» Петрония, римского романа в просиметрической форме. Поэтому с огромным и вполне понятным интересом были восприняты первые известия о находке папирусного текста из Оксиринха с греческим просиметрическим текстом. Этому в немалой степени способствовало и интригующее заглавие первой его публикации¹⁴ — «Греческий „Сатирикон“?», от которого, впрочем, первоиздатель П. Парсонс вскоре вынужден был отказаться: в 42-м томе Оксиринхских папирусов вновь найденный фрагмент получил более нейтральное название — «Повествование об Иолае»¹⁵.

Термин «новонайденных» к Р. Оху. XLII, 3010 следует применять с известными оговорками, так как обнаружен он был еще на рубеже века Б. Гринфеллом и А. Хантом, однако до П. Парсонса не был объектом текстологического изучения и не издавался. Нелегкая задача подготовки его публикации была решена П. Парсонсом при содействии Х. Ллойд-Джонса, Дж. Ри, М. Рива, М. Уэста и других виднейших современных текстологов, но даже усилия группы столь авторитетных специалистов не привели к устранению всех загадок и неясностей этого сравнительно небольшого фрагмента неизвестного произведения.

Отнесенный по палеографическим признакам ко II в. н. э., фрагмент представляет собой заполненный только с лицевой стороны лист папируса размером примерно 13 × 23 см, правая сторона которого сильно повреждена. Художественная форма повествования предопределила необычную форму расположения текста: прозаический текст располагается двумя узкими колонками (ст. 1—7 и 8—13) в верхней части страницы, затем — в центре страницы — следует поэтическая вставка (ст. 14—33) и, наконец, внизу — снова две колонки прозаического текста (ст. 34—43 и 44—50). Как уже отмечалось, правая сторона листа повреждена, и поэтому ст. 8—13 уцелели лишь наполовину, а от ст. 44—50 сохранились только по две-три буквы в начале строк; повреждена и поэтическая вставка — отсутствуют концовки 15 строк, а в центре ее (ст. 15—23) зияет вертикальная лакуна шириной от двух до одиннадцати знаков. Отмечаю огромную работу П. Парсонса по восстановлению поврежденного текста, обратим внимание на то, что в 50 строках фрагмента сохранилось полностью только 82 слова, 21 слово восстановлено, добавлено для понимания последующих или предшествующих слов — 8, остались невозстановленными 18 слов. В ряде случаев дополнения поврежденных слов слишком значительны, чтобы безоговорочно доверяться их реконструкции (в ст. 1, например, знаки ρ..ων реконструируются в слово ἀπορρήτων, а в ст. 10 на базе сохранившихся букв δ..λ.ρ предлагается читать δὲ πλήρης, или δε πληρωθείς, или δ'ἐπληρώθη; ст. 15, сохранившая знаки λογ... ..ς восстанавливается как; λογ[οισι μυστικο]ς и т. п.). В ряде случаев не разделены и допускают различное истолкование сочетания знаков в части строки; к примеру, сохранившееся на ст. 17 сочетание может делиться по-разному — ἀδιασεναπο допускает деление на -α διὰ σὲν ἀπο-, -α διὰ σὲ ναπο-, -αδιασεν ἀπο-, ῥαδίας ἐναπο-, а сочетание знаков в ст. 26 νεικωναδολον может дать и Νείκων ἄδολον, и Νείκων' ἄδολον, и Νείκωνα δόλον. Реконструкция текста затруднена и наличием, явно искаженных переписчиком слов: ст. 23 — ζμελειν (может быть, σμίλην?), ст. 25 — θηρυκλειαν (может быть, Εὐρύκλειαν?), ст. 36 — μεμαθωκι (может быть, ἐμεμαθήκει?); имеются в тексте и вульгаризмы — σιωπη (ст. 17), βεινειν (ст. 30), χρυβε (ст. 31).

¹⁴ Parsons P. J. *A Geek «Satyricon»?* — BICS, 1971, № 18, p. 53—68.

¹⁵ P. Oxy. 3010. Narrative about Iolaus, ed. by P. J. Parsons. — The Oxy. Pap., L., 1974, v. 42, p. 34—35.

Все это, конечно, весьма затрудняет понимание содержания отрывка, и можно говорить лишь о какой-то общей картине, с известными допущениями предполагающей следующую сюжетную ситуацию: некий «истинный галл», жрец-кастрат культа Кибелы (вероятно, его имя — Никон — засвидетельствовано в ст. 17, 26, 38 сл.), обещает посвятить хозяина дома Иолая в мистерии этого культа. Здесь же кроме Иолая присутствует некий не названный по имени кинед (ст. 14, 26, 27). Первая прозаическая часть фрагмента (ст. 1—13) содержит обещания галла «научить» Иолая, о чем свидетельствуют слова *μανθάνει* и *διδάσκει(ν)* в ст. 3, *διδάχθεντι* в ст. 7, [*δίδα*—/*χῆς δὲ πλῆρης γεγονώς* (ст. 9 сл.)]. Далее в поэтической, выполненной сотадовым стихом вставке (ст. 14—33) галл Никон обращается к Иолаю и кинеду со своей «мистической» проповедью, очень похожей на предсказание будущей жизни выдержавшего обряд инициации истинного галла: несколько раз повторяются слова «знаю» или «знаю все» (ст. 19, 24, 25), упоминаются «клятва» (*ἔρκον* в ст. 20), возможно, «непогребенный мертвец» (*νε[κρὸν] ἄταφον* в ст. 21), «незаконнорожденный» (*νόθον* в ст. 22), «нож» (если только *ζυελεῖν* в ст. 23 соответствует *σμίλην*), «вопли матери» и «плач отца» (ст. 24 сл.). Заключительная прозаическая часть текста дает несомненное свидетельство успеха этой проповеди: «... и вот Иолай воспринял мистическое наставление и, обучившись, стал истинным галлом, последовав своему другу Никону» (ст. 34—39). Со ст. 39 по 44 в тексте следует слегка перефразированная (вставлено *οὐδὲ χρ[υσοῦς]* вместо *ὁ τυραννίς*) и употребленная явно иронически цитата из «Ореста» Еврипида:

О, верного нам друга не заменит
ни золото, ни трон, и предпочесть
толпу участью доблестного сердца
один безумец может...

(ст. 1155 слл., пер. И. Ф. Анненского)

На этом текст фрагмента и обрывается, так как оставшиеся ст. 44—50 сохранили лишь первые буквы в их начале.

Исследовав фрагмент в статье 1971 г. и сопоставив его материал с «Сатириконом» Петрония, П. Парсонс уже в 1974 г. отказался от мысли рассматривать «Повествование об Иолае» в качестве возможного оригинала римского романа; таким образом, сколь ни заманчивым казалось обнаружить греческий прототип столь оригинального произведения римской литературы, как роман Петрония, сенсация не состоялась. Однако кроме просиметрического характера обоих произведений между «Сатириконом» и «Повествованием об Иолае» обнаруживаются некоторые соответствия, главным из которых является, безусловно, их сатирическая направленность. Проповедь Никона напоминает многие речи в «Сатириконе», представляющие собой стилистически возвышенные описания ничтожных или малодостойных вещей и событий, как это характерно, например, для художественной манеры Герода — достаточно вспомнить речь в суде сводника Баттара во II мимиямбе. Не склонен рассматривать Р. Оху. XLII, 3010 как явление сколько-нибудь серьезного жанра и Р. Меркельбах¹⁶, который не только не использует «мистический» характер фрагмента как довод в пользу своей небезызвестной теории о генетической связи античного романа с мистериями, но и прямо указывает на пародийно-сатирический характер отрывка. Приходится констатировать, что новая публикация в большей степени ставит вопросы, чем дает на них ответы, и, может быть, поэтому «Повествование об Иолае» окружено своеобразным заговором молчания — кроме упомянутых статей П. Парсонса и Р. Меркельбаха ему посвящена только одна работа Р. Эстбери¹⁷, предпринявшего исследование фрагмента с точки зрения его сходства с мениппеями и произведениями Варрона; при этом автор отмечает как несомненный факт влияние менипповой сатиры как на «Повествование об Иолае», так и на «Сатирикон» Петрония.

¹⁶ *Merkelbach R. Fragment einer satirischen Romans: Aufforderung zur Berichte (Petronius, P. Oxy. 3010).— ZPE, 11, 1973, S. 81—100.*

¹⁷ *Astbury R. Petronius, Pap. Oxy. 3010 and Menippean. satire.— ClPh, 72, 1977, № 1, p. 22—31.*

Завершая рассмотрение Р. Оху. XLII, 3010, сделаем вывод, что новая публикация позволяет с большей уверенностью говорить о весьма широком распространении просиметрической формы в греческой художественной прозе. Этому есть и иные доказательства: недавно стал известен просиметрический отрывок «Романа о Тинуфисе»¹⁸, а также фрагмент то ли просиметрического, то ли полностью стихотворного рассказа о Памфиле и Эвридике¹⁹.

Эта последняя по времени находка совершенно не обсуждалась в научной периодике, но отнесение ее Т. Риннером к романым формам представляется вполне оправданным. Мичиганский папирус № 3793 (III в. н. э.) имеет размеры 12,5 × 11,5 см и сохранил две весьма поврежденные колонки текста высотой в 13 строк каждая. Ширина колонок — около 30 знаков, что объясняется поэтической формой повествования: читаемые или реконструированные строки дают нам в большинстве случаев ямбический триметр, а в ст. I, 8—9 отмечены спондеи и анапесты, в ст. II, 13 — анапесты и хориямбы. В целом такую систему издатель идентифицирует с ямбическим сенарием, засвидетельствованным, например, в Р. Оху. II, 219. В 26 строках фрагмента ясно читаются имена — Памфил (ст. I, 4) и Эвридика (ст. II, 12); кроме того, издатель убедительно восстанавливает имя Афродиты — [Ἀφρ]οδείτης θεᾶς; менее вероятно, что остатки слов в ст. I, 5 и II, 7 ἀζαλ и ἀνθῆ представляют еще два женских имени — Аталанты и Антии. В целом чтение этого текста столь же затруднено из-за его состояния, как в случае с «Повествованием об Иолае»: здесь повреждены начала строк в кол. I и концовки — в кол. II, поэтому содержание отрывка восстановлению не поддается. Ясно, однако, что некий Памфил отправляется путешествовать (ст. I, 4—5); слово ξενία в ст. I, 7 имеет в данном случае, вероятно, значение «гостеприимство», рядом с ним — определение какой-то женщины — «любимая» или «желанная», которая считает Памфила «прекраснейшим и благороднейшим из всех мужей Кипра» (это — при условии правильного восстановления ст. I, 7—8: [Κύ]πρου κάλλιστον καὶ βελτίονα ἄποβλέπω). Далее, в ст. I, 11—13 речь идет о какой-то женщине, после пешего перехода снимающей с себя пыльную одежду. Первые шесть строк кол. II дают в лучшем случае по половине одного слова, а далее читаются сочетания «к источнику», «он видит верхнюю одежду», «красивые одежды»; в ст. II, 11 — малопонятное приказание: «А ну, давай и куски мяса!...» и, наконец, в ст. II, 12 сл. — «он подумал, что Эвридику растерзали хищники» (δὶ<ε>νοτήθ<η> Εὐρυδίκῃ[v]... θηριόβρωτον γεγον[έναι]).

Элементы сюжета, столь отрывочно излагаемые в кол. I и II текста, очевидно, не могут тесно примыкать друг к другу, поскольку нам неизвестна высота колонок, определяемая длиной листа кодекса или ролика, к которым принадлежал сохранившийся фрагмент. Можно все же согласиться с Т. Риннером, рассматривающим «Повествование о Памфиле и Эвридике» в качестве отрывка из романа, для которого в высшей степени характерны «приключения, инспирированные Афродитой, любовь, путешествия, дикие звери, сцены жестокости...» (op. cit., p. 100). В такого рода повествовании уместна, конечно же, и сцена (возможно, мнимого) растерзания героини хищниками — достаточно вспомнить эпизод из 18-й главы «Вавилонской повести» Ямвлиха, в которой пес терзает труп девушки, которую ошибочно сочли героиней повествования Синонидой. Свидетельством романной формы «Повествования о Памфиле и Эвридике» можно считать и то, что в столь небольшом по объему отрывке есть часть повествовательная (рассказ от 3-го лица) и прямая речь (реплика от 1-го лица в ст. I, 7—8).

Таков рассмотренный в достаточной для обзора степени материал недавних публикаций фрагментов, до сих пор не издававшихся, а также неизвестных по названиям и по именам авторов греческих романов. Из рассмотрения исключен как не имеющий отношения к романым формам новый и весьма любопытный фрагмент засвидетельствованного античными авторами сочинения полуполюгендарной писательницы, жившей

¹⁸ Этот текст, опубликованный в сборнике работ в честь Эрика Г. Тернера, к сожалению, известен нам только по названию: *Haslam M. W. Narrative about Tinnouphis in Prosimetrum.* — In: *Papyri Greek and Egyptian*, L., 1981.

¹⁹ *Renner T. T. A Composition concerning Pamphilus and Euridice.* — In: *Proc. of the XVI Intern. Congr. of Papyrolog.*, Chico, 1981, p. 93—101.

в III в. до н. э. самиянки Филениды, «Об искусстве обольщения»²⁰. В изданном Эдгаром Лобелем фрагменте представлены своеобразные аннотации ко всему произведению и к одной из его глав; Р. Оху. XXXIX, 2891 имеет немаловажное значение для уточнения степени влияния греческих образцов на творчество римских поэтов, и это, а также широта и многогранность связанной с именем Филениды проблематики требуют специального исследования.

Увеличение текстурального материала греческой художественной прозы за счет фрагментов не известных ранее произведений сочетается с приращениями за счет новых находок к уже известным текстам и с попытками улучшить чтение отдельных мест в сохранившихся полностью или эпитомированных романах. Очень часто в последнем случае по-новому изучаются давно опубликованные тексты, и их материал включается в сюжетные схемы известных произведений²¹. Совсем недавно предложено важное дополнение к роману Антония Диогена «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» за счет Р. Оху. XLII, 3012: восстановив в ст. 5 слово [Δ]ερκυλλίς, П. Парсонс получил известное имя героини романа Деркиллиды, что в сочетании с сохранившимся во фрагменте именем ее брата Динии (Δεινία в ст. 3) позволяет принять эту реконструкцию и считать уцелевшие 13 строк фрагмента началом письма, естественно входившего в сюжетную ткань романа²².

С начала века в распоряжении текстологов имеется скопированный У. Вильке-ном текст палимпсеста VII в. н. э. из Фиваиды и изданный как фрагмент утраченного анонимного «Романа о Хионе»; позже Ф. Циммерман включил в свой сборник фрагментов греческих романов²³ Берлинский папирус № 10 535 с новым отрывком из этого же произведения, что дало возможность в общих чертах восстановить вероятный сюжет, вернее — начало романа²⁴. Царскую дочь Хиону отец принуждает (по политическим соображениям) вступить в брак с нелюбимым женихом и устанавливает 30 дневный срок для принятия ею решения. Хиона же хранит верность отсутствующему и ожидаемому жениху и предпочитает смерть браку с нелюбимым; в такой ситуации вполне вероятно бегство девушки, чтобы романист мог применить весь набор чисто романских приключений, либо следует ожидать введения в фабулу романа интриги в духе Новой комедии — эта проблема вызвала оживленную полемику исследователей античного романа еще в 30-е годы. К сожалению, ничего существенно нового не внесла в этот спор и недавняя находка — Берлинский папирус № 21 245, обнаруженный Хервигом Мэлером в одном из музейных хранилищ в Западном Берлине и переданный для подготовки к публикации М. Гроневальду²⁵: новый фрагмент частично «накладывается» на текст Берлинского папируса № 10 535 и продолжает его только в наполовину утраченных ст. 25—34 колонки II. Читается обращение Хионы к царю-отцу (ὦ δέσπο—/[τα], ст. 26) и часть ее монолога: «От тебя зависит, стану ли я счастливой женщиной, или...» (ст. 27—29). Исследуя текст, М. Гроневальд во многих случаях отвергает как слишком смелую реконструкцию Берлинского папируса № 10 535 в издании Ф. Циммермана, в большей степени привлекает лексические и грамматические параллели из романа Ахилла Татия, находя поразительные языковые и ситуационные аналогии также с романом Харитона. Это, впрочем, — не новый взгляд: на тех же основаниях в свое время В. Шубарт высказывал предположение, что Харитон является автором и романа о Хионе, тем более что в нелепо утраченном Фиваидском палимп-

²⁰ Р. Оху. 2891. Philaensis: περὶ ἀφροδισίων, ed. by E. Lobel. — The Oxy. Pap., L., 1972, v. 39, p. 51—54; Tsantsanoglou K. The Memoirs of a Lady from Samos. — ZPE, 12, 1973, S. 183—195.

²¹ Merkelbach R. Achilles Tatios III, 21,3. — RhM, 110, 1967, S. 287—288; Borgogno A. Sopra un ezerptum di Giamblico Siro. — Rend. d'ist. Lombardo, 109, 1975, p. 162—172; Gronewald M. Ein verkannter Papyrus des Achilles Tatios. — ZPE, 22, 1976, S. 14—17; idem. Ein Fragment aus dem «Aithiopika» des Heliodor (Pap. Amh. 160). — ZPE, 34, 1979, S. 19—21.

²² Р. Оху. 3012. Romance (Antonius Diogenes?), ed. by P. J. Parsons. — The Oxy. Pap., L., 1974, v. 42, p. 43—46.

²³ Zimmermann. Griechische Roman-Papyri..., S. 64—68.

²⁴ Wilcken U. <Der Chione-Roman>. — APF, 1, 1901, S. 227—264; Zimmermann F. Der Chione-Roman erneut untersucht. — Aegyptus, 11, 1931, p. 45.56; Zimmermann F. Eine Vermutung zum Chione-Roman. — Hermes, 71, 1936, S. 236—240.

²⁵ Gronewald M. Ein neues Fragment zu einem Roman (PBerol. 10535 + Pack² 2631 + PBerol. 21234 ined.). — ZPE, 35, 1979, S. 15—20.

сесте были обнаружены и отдельные главы «Романа о Херее и Каллирое». Едва ли следует здесь пытаться определить мифологический или исторический прототип Хионы — античность сохранила упоминания о восьми носительницах этого имени, включая и дочь Дедалиона, в продолжение одной ночи ставшую супругой Аполлона и Гермеса и родившую затем от каждого из них сыновей-близнецов. Такое засвидетельствованное в мифологических преданиях имя автор романа взял для своей героини по ассоциации с понятием «снег», стремясь подчеркнуть ее физические или психологические особенности. Странным образом прямо противоположная ассоциация возникает в римской сатирической поэзии — Марциал (I, 34; I, 92) и Ювенал (III, 136) используют это же имя, говоря о лишенных всякого стыда женщинах.

Другая девушка — Парфенопа — была героиней иного, также фрагментарно сохранившегося романа, который в свое время пользовался огромной популярностью: в обнаруженном в 1936 г. археологами Принстонского университета доме вблизи античной Антиохии на Оронте стены были украшены мозаиками на темы «Романа о Нине» и «Романа о Метиохе и Парфенопе»²⁶. До недавнего времени были известны три отрывка из этого романа, в первом из которых — это папирус II в. до н. э. из Фаюма, впервые изданный Ф. Кребсом, Г. Кайбелем и К. Робертом в 1895 г. (Берлинский папирус № 7927), — сохранилась часть речи юноши Метиоха, рационалистически объясняющего сущность любви и доказывающего, что это чувство человек способен преодолеть, как любое иное душевное состояние. Второй отрывок — Берлинский папирус № 9588 — принадлежал к тому же фаюмскому свитку и сохранился очень плохо; его 12 сильно поврежденных строк издал Ф. Циммерман²⁷, с учетом реконструкции которого можно понять, что Метиох просит руки Парфенопы, но получает отказ отца девушки. Реконструируя фабулу романа, Ф. Циммерман исходил из предположения что героиней романа была не одна из сирен — эпоним кампанского Неаполя, а та Парфенопа, о которой сохранилось свидетельство Евстафия²⁸: «Она хранила свою чистоту и отказывала многим женихам, пока не влюбилась в фригийца Метиоха. Тогда, наказывая себя за прежнее безрассудство, она остригла волосы; позже она жила в Кампании». Переводя легенду на рельсы романной топики, Ф. Циммерман включает в состав фрагментов этого произведения опубликованный Б. Гринфеллом и А. Хантом в 1903 г. Р. Оху. III, 435, весьма поврежденные 16 строк которого повествуют о каких-то событиях на Керкире, связанных с выкупом какой-то девушки и ее предстоящей свадьбой²⁹. Имена Метиоха или Парфенопы в этом фрагменте отсутствуют. Ф. Циммерман восстанавливает их из остатков каких-то слов (Δημο —/[χαρη]у. ст. 2—3; Παρθε —/[νόπι]ης, ст. 6—7; Εὐ[φ]ρανίαу, ст. 8; Ἀλεξά[νδρωι], ст. 11), а затем пытается включить в вымышленную им сюжетную схему.

Все эти текстологические и ситуационные предположения сегодня нуждаются в коренном пересмотре в связи с изданием Хервигом Мэлером нового фрагмента романа³⁰, обнаруженного среди папирусов Египетского музея в Западном Берлине и принадлежащего к тому же ролику, что и Берлинские папирусы № 7927 и 9588. Этот листок папируса оказался левой частью страницы и кол. I текста, правой частью (и кол. II) которого является Берлинский папирус № 7927 с речью Метиоха. Начала новых 33 строк текста утрачены (примерно по 10—15 знаков, если сопоставлять ширину обеих колонок). При помощи Р. Меркельбаха, М. Рива и других текстологов Х. Мэлер по возможности восстанавливает поврежденные или отсутствующие слова кол. I и параллельно пересматривает ранее предлагавшиеся варианты реконструкции слов кол. II; в итоге новонайденный фрагмент вводит нас в сцену следующего содержания.

К самосскому тирану Поликрату является сын херсонесского правителя Мильтиада Метиох (ст. 31—32 — σῆμερον.../παίδος ἤκοντος), и Поликрат устраивает в его

²⁶ Morey C. R. The Mosaic of Antioch. N. Y., 1938, p. 34—36.

²⁷ Zimmermann F. Ein unveröffentlichtes Bruchstück des Metiochos-Parthenope-Romans.— Aegyptus, 13, 1933, S. 53—61; *idem*. Δεύτεραι φροντίδες Ein Nachwort zu P. Berol. 9588.— Ibid., S. 277—281.

²⁸ Geogr. Graec. min. I, 1, 158, 13 ff. (ed. G. Bernardy).

²⁹ Zimmermann F. Neues zum Metiochos-Parthenope-Roman (P. Oxy. 435).— Philologus, 44, 1935, S. 194—205.

³⁰ Maehler H. Der Metiochos-Parthenope-Roman.— ZPE, 23, 1976, S. 1—20; 25, 1977, S. 242.

честь пир, на котором присутствуют также Парфенопа (ст. 9) и милетский философ Анаксимен (ст. 30 кол. I и ст. 30 кол. II, т. е. Берлинского папируса № 7927). Сцена диалогического характера открывается речью Поликрата (ст. 2—9), ему отвечает (ст. 19—25) кто-то из присутствующих,— скорее всего Метиох, так как в этой части текста сохранились слова «отец», «великий царь», «пусть боги пошлют ему», «чадолюбивый», «мачеха Гегесипила», а остатки ст. 19—22 дают основание предположить, что речь идет о народном восстании — «топла черни» и т. п. Со ст. 26 начинается вторая речь Поликрата: «Дитя мое, настало время пить... ..следует в опьянении забыть все печальное»; затем к беседе приглашается Анаксимен, в ст. 29—33 предлагается участникам пира провести время в споре о «любовой музе». Таким образом, обрывающаяся здесь кол. I (т. е. Берлинский папирус № 21 179) близка к своему концу, поскольку параллельная кол. II (Берлинский папирус № 7927) как раз и передает содержание этого спора. Отдельные строки фрагмента могут быть истолкованы в том смысле, что Поликрат рассматривает Метиоха как возможного жениха для Парфенопы: ст. 2—5, согласно реконструкции Х. Мэлера, читаются так: «Кто, друзья, может высказаться относительно того...;» «...почему херсонесит совершенно не подходит для брака...», «...если он — друг», «пренебрежение отца». Собственно, о чувствах молодых людей в новом фрагменте нет упоминаний; более того, Х. Мэлер на основе изучения антиохийской мозаики делает вывод, что на картине молодые люди глядят друг на друга скорее с испугом или замешательством, нежели с любовью. Изучение текста и относящихся к нему свидетельств приводит издателя нового фрагмента к заключению, что «Роман о Метиохе и Парфенопе» — роман исторический, в отношении языка, стиля и жанровой топики близкий по времени к роману Харитона ³¹. С таким выводом можно согласиться: содержание отрывка в целом согласуется с сообщением Геродота (VI, 39—41) о Метиохе, его отце Мильтиаде, мачехе Гегесипиле, захвате Мильтиадом власти над Херсонесом, его последующем бегстве и пленении корабля, на котором находился Метиох, финикийцами. Не отражено во фрагментах романа сообщение Геродота о дальнейшей судьбе Метиоха: «Вместе с кораблем финикийцы захватили Метиоха и доставили к царю, ожидая от него великой благодарности. Дарий, однако, не сделал Метиоху ничего дурного, но, напротив, подарил ему дом, поместье и женил его на персиянке» (VI, 41). О наличии у Поликрата дочери, не названной по имени, сообщает тот же Геродот в другом месте (III, 124), где речь идет об убийстве Поликрата сатрапом Оройтом: дочь умоляла отца не ехать в Персию, а когда он пригрозил, что в случае благополучного его возвращения она долго еще не выйдет замуж, ответила, что предпочитает вечно оставаться девушкой, нежели потерять отца. Все эти свидетельства (как и сама фигура Поликрата) обнаруживают немало элементов романной топики, становятся понятными колебания Поликрата относительно Метиоха как жениха в тексте Берлинского папируса № 21 179, его отказ при сватовстве Метиоха в тексте Берлинского папируса № 9588: нежелание Поликрата выдавать дочь замуж могло стать причиной несчастья дочери, Метиох же, если верить Геродоту, вполне утешился браком с персиянкой. В романе же трактовка исторических событий и обрисовка исторических личностей могла быть совершенно произвольной: недавно изданная реконструкция М. Гроневальда надписи на глиняной табличке ³² знакомит нас с речью или письмом Метиоха к Парфенопе: юноша жестоко страдает от любви к девушке (ст. 7—9 — ὄσπερ ἀνα —/[κεχο]λ[λ]ημένων ἰξῶι/τῶν ὀμμάτων/ὑπνον οὐχ[ἔχω]). Появление такого рода текста на подобном материале — также немаловажное свидетельство большой популярности романа, и оно вполне согласуется с сообщением Лукиана, что приключения Парфенопы были излюбленной темой пантомимических представлений (De salt., 54). Заметим в заключение, что совсем недавно внимание исследователей было снова привлечено к папирусному фрагменту исторического или, может быть, романного повествования о счастливой судьбе Поликрата, Гейдельбергскому папирусу № 1740, изданному впервые Ф. Билабелем в 1934 г. Четыре весьма поврежденные колонки текста (всего около 40 строк текста, две трети которого безнадежно испорчены) оказалось соединением и сокращенным пересказом сви-

³¹ Maehler. Op. cit., S. 19—20.

³² Gronewald M. Ein neues Fragment aus dem Metiochos-Parthenope-Roman (Ostrakon Bodl. 2175).— ZPE, 24, 1977, S. 21—22.

детельств Геродота (III, 39—40) и Фукидида (I, 13) о Поликрате, упоминая о власти его над Самосом и Кикладами, об учреждении им игр в честь Аполлона, о сатрапе Оройте³³.

Нам остается рассмотреть последнюю из недавних публикаций — изданный Ст. Уэст новый значительный фрагмент «Романа о Шешонке (Сесонхосисе)»³⁴. Этот роман ранее был известен по двум папирусным отрывкам: Р. Оху. XV, 1826 (издан Б. Гринфеллом и А. Хантом в 1922 г.) и Р. Оху. XXVII, 2466 (издан Дж. Ри в 1962 г.). Новая находка, как и прежние, представляет собой список III в. н. э., выполненный тем же почерком, что и Р. Оху. XXVII, 2466, и сохранивший две последние из трех колонок по 23 строки в каждой. Текст имеет небольшие, легко восстанавливаемые повреждения, и эта работа образцово выполнена издателем, а также В. Луппе, Дж. О'Салливаном и У. Беком³⁵. Некоторые неясности возникают при попытках связать диалогическую часть текста (кол. II) с повествовательной (кол. III), так как речь неизвестного лица в начале кол. II сменяется ответом некоего Памуниса, и возможно, что Памунис отвечает герою романа Шешонку; тогда повествование в кол. III ведется от лица Шешонка. Однако такое предположение влечет за собой новый вывод: Шешонк еще не стал царем, поскольку Памунис говорит о царе, как о третьем лице. В новом фрагменте говорится о сборах в военный поход, о женитьбе на девушке с истинно египетским именем — Меамерис; такая ситуация соответствует содержанию обеих ранее опубликованных отрывков — в первом речь шла о планах царя женить своего сына, во втором — об отражении нападения арабов под предводительством Вебелиса. Следовательно, новый фрагмент следовало бы поместить между первым и вторым отрывками; при этом надо допустить изменение прежнего толкования первого фрагмента — по имени в нем назван не сын, а отец, сына же зовут Шешонком, и действие романа в целом или сохранившихся его частей относится к юности последнего.

Шешонк, один из египетских фараонов XII династии, — личность, несомненно, историческая, однако за 220 лет существования династии было пять носителей этого имени, и наиболее подходящей кандидатурой в герои романа можно считать Шешонка I (950—925 гг. до н. э.), вторгшегося в Иудею и Израиль, о чем сообщает в «Иудейской войне» Иосиф Флавий (VI, 436), называющий фараона именем Ἀσωχαιός; похожее имя дает и свидетельство Геродота — Ἀσουχς (II, 136). Однако легендарная традиция египтян с давнего времени стала приписывать Шешонку I подвиги другого фараона — Сесостриса III (1877—1839 гг. до н. э.), завоевателя Нубии³⁶. Отсюда проистекает великая путаница в именах этого фараона у греческих историков — Сесоосис, Сесонхосис, Сусак и т. п., а также в определении времени его жизни. В египетских же легендах греческий романист нашел, очевидно, все необходимое для изображения своего героя в обрамлении топики любовно-исторического романа и часто включал в прозаическое ведение исторические факты памятного недалекого прошлого — ведь упоминавшееся уже вторжение арабов в Египет под командованием Вебелиса относится примерно к 300 г. до н. э. Легенда (если не роман) повлияла и на греческий роман об Александре Македонском, где Александр именуется «новым Сесонхосисом» (I, 34, 2). Вообще приходится признать, что фигуры египтян — весьма обычное явление для греческого романа, и дело здесь, очевидно, не только в характерной для греков тенденции «идеализации варваров»; можно предположить, что грекам гораздо лучше, чем нам, была известна и художественная и изустная литература Египта, что некоторые сюжеты и образы перерабатывались в эллинистической и более поздней литературной практике и включались в обиход художественной прозы³⁷.

Египетская тема в греческом романе вполне может стать объектом специального изучения, тем более что в советском антиковедении пока что не рассматривались не-

³³ Tozzi P. P. Heid. 1740 (Pack² 2179).— Athenaeum, 58, 1980, p. 153—158.

³⁴ P. Oxy. 3319. Addendum to 2466: Sesonchosis romance.— The Oxy. Pap., L., 1980, v. 47, p. 11—19.

³⁵ Luppe W. Das neue Bruchstück aus dem Sesonchosis-Roman.— ZPE, 41, 1981, S. 63—66; O'Sullivan J. N., Beck W. A. P. Oxy. 3319: The Sesonchosis-romance.— ZPE, 45, 1982, S. 71—83.

³⁶ Helck H.-W. Sesonchosis; Sesostris.— In: Kleine Pauly, B. 5, S. 147.

³⁷ Braun M. History and Romance in Graeco-Oriental Literature. Oxf., 1938, p. 13—18; Brans J. W. B. Egypt and the Greek Romance.— In: Akten des 8. Intern. Kongr. für Papyrologie. Wien, 1955, S. 29—36.

которые новые папирусные тексты — уже упомянутый (см. прим. 18) «Роман о Тинуфисе», греческий перевод с коптского «Романа о Тефнут»³⁸, недавно изданный П. Парсонсом папирусный фрагмент «Повествования об Аменофисе»³⁹, отдельные тексты так называемого «магического содержания», до сих пор не рассматривавшиеся как отрывки из романов.

Закljučая настоящий обзор, отметим, что проблема понимания и реконструкции всех известных фрагментов греческих романов — не чисто текстологическая, и ее можно решить, в конечном счете, на основе теоретических исследований историко-литературного характера. Пожалуй, рано утверждать, что классический труд об античном романе Эрвина Роде в значительной степени потерял свою ценность в связи с открытием произведений этого жанра, созданных до эпохи второй софистики и эллинистического возрождения. Проблема датировки не папирусных текстов, а самих романов остается проблемой проблем: мы с достаточной степенью уверенности можем относить сегодня ко времени создания «Романа о Нине» такие произведения, как «Роман о Шешонке», «Роман о Метгохе и Парфенопе», «Роман о Хионе», в которых хорошо просматривается основной стержень — легенда или трансформировавшийся в легенду исторический факт, где эротическая тема выражена не очень явно и занимательность повествования могла быть обеспечена описанием военных действий, изложением философских споров, изображением различных явлений природы (скажем, чрезвычайно реалистическим описанием бури в известном «Фрагменте о Герпиллиде»). С другой стороны, в более поздних произведениях художественной прозы — «Финикийской повести», «Повествовании об Иолае», «Фрагменте о Главкете» — эротика смешана с мистикой, а стилистические особенности фрагментов создают впечатление, что мы имеем дело с литературными поделками невысокого качества, своеобразными античными бестселлерами «массовой» литературы. Намеченная еще Эд. Шварцем в его «Пяти докладах о греческом романе» линия изучения античной художественной прозы едва ли может вызвать сомнение в ее правильности, и следует более основательно изучать наследие Платона и Ксенофонта, случаи явного вымысла в произведениях историков эпохи эллинизма, материалы периплов и «политических романов» вроде утопий Эвгемера и Ямбула, чтобы были выявлены основные закономерности возникновения и развития «романных форм» в античной литературе. Только оценив исходный материал, оказавшийся в распоряжении второй софистики, можно объективно осветить ее вклад в выработку столь важной и перспективной жанровой формы, как роман, и, очевидно, прав Р. Хельм, заметивший, что «вторая софистика только придала греческому роману образованность, но не создала его»⁴⁰. Достаточно обоснованным представляется также мнение А. Лески о наличии обширного «древнейшего средиземноморского повествовательного наследия», постоянно питающего греческий роман⁴¹; в связи с этим проблема по своей значимости перерастает рамки греческой литературы, выходит на широкий простор истории античных цивилизаций.

Как часть работы по решению этой задачи автор и рассматривает настоящий обзор, посвященный изданию новых папирусных находок.

Л. В. Павленко

³⁸ West St. The Story of Tefnut.— JEA, 55, 1969, p. 161 ff.

³⁹ P. Oxy. 3011. Narrative about Amenophis, ed. by P. J. Parsons.— The Oxy. Pap., L., 1974, v. 42, p. 41—43.

⁴⁰ Helm R. Der antike Roman. Göttingen, 1956, S. 34.

⁴¹ Lesky A. Geschichte der Griechischen Literatur. Bern — München, 1971³. S. 777.

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНА

MARY BOYCE. *A History of Zoroastrianism under the Achaemenians*. V. 2. Leiden/Köln: E. J. Brill. 1982, 306 p. (Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung. Der Nahe und der Mittlere Osten. Achter Band. Religion. Lieferung 2, Heft 2a)

По мнению Мэри Бойс, Зороастр жил в период героического века иранской истории, который в широком смысле совпадает с бронзовым веком, т. е. до 1000 г. до н. э. Но племя самого Зороастра, как полагает Бойс, еще в значительной мере сохраняло культуру каменного века, и общество состояло из воинов-пастухов и жрецов.

Вот уже в течение нескольких столетий в европейской науке высказываются противоречивые мнения относительно того, были ли Ахемениды зороастрийцами или нет. Как считает автор рецензируемой книги, греческие источники достаточно ясно свидетельствуют о том, что последние цари Ахеменидской династии были зороастрийцами, и относительно этого вопроса никогда не возникали серьезные сомнения. Но до недавнего времени трудно было более или менее уверенно судить о том, были ли ранние ахеменидские цари, включая Дария I и его непосредственных преемников, зороастрийцами или нет. Эта неопределенность была вызвана следующими причинами. 1. Зороастрийская традиция хранит полное молчание о Кире II и даже не упоминает его имени. 2. Надписи Дария I и его преемников, хотя содержат созвучные зороастрийскому учению идеи, тем не менее не упоминают его имени. 3. Описание Геродотом персидской религии не соответствует зороастрийской жреческой практике, известной нам из пехлевийских книг. 4. Судя по персидским источникам сасанидского и последующего времени, Кир II был современником Зороастра. Но если принять такой синхронизм, трудно допустить, что зороастрийское учение, возникшее где-то в Средней Азии, могло стать известным и даже получить признание в Иране еще в период царствования Кира.

Однако греческие источники не отмечают каких-либо существенных изменений в персидской религии в течение всего ахеменидского времени и считают магов, жрецов этой религии, последователями Зороастра. Далее, продолжает Бойс, в последние десятилетия появились решающие свидетельства в пользу того, что все Ахемениды действительно были зороастрийцами. Так, в 60-х годах нашего столетия в Пасаргадах были обнаружены высеченные из белого камня алтари огня зороастрийского типа, относящиеся ко времени Кира. Кроме того, Кир дал одной из своих дочерей авестийское имя Хутаоса (Атосса). По-видимому, зороастризм стал быстро распространяться среди мидийцев и персов в течение второй половины VII в. до н. э. Детальное исследование иконографии царских гробниц показывает непрерывную традицию в верованиях начиная со времени Дария I и до конца ахеменидского господства. Кроме того, исследования современных ученых по истории иудаизма и раннехристианской философии выявили значительное зороастрийское влияние на культуру Ближнего Востока начиная еще с VI в. до н. э. Что же касается времени деятельности Зороастра, то недавние труды востоковедов показали, что он жил значительно раньше VI в. до н. э. Наконец, исследователи зороастризма установили, что описание Геродотом персидской религии V в. до н. э. вполне согласуется с зороастрийской ортодоксией.

Принимая большинство приведенных выводов, тем не менее необходимо сделать следующие оговорки. Прежде всего, в настоящее время можно считать бесспорным фактом, что Зороастр жил еще до возникновения Ахеменидской державы. Однако отнесение его деятельности ко времени ранее 1000 г. до н. э. представляется не вполне убедительным. Имея в виду его абстрактные философские воззрения, можно высказать предположение, что он жил приблизительно в VII в. до н. э. Далее, пока не имеется сколько-нибудь убедительных свидетельств, что и Кир, и Камбиз действительно были зороастрийцами, хотя это вполне вероятно. Имя Хутаоса с его этимологией «прекраснобедрая», не имеющей никакого отношения к зороастрийскому учению, никак не может свидетельствовать о том, что уже при Кире зороастризм стал находить приверженцев среди персов. Поклонение же огню было характерно для индоарийских племен еще задолго до возникновения зороастризма, и поэтому алтари огня в Пасаргадах не дают достаточных оснований считать Кира, резиденцией которого являлся этот город зороастрийцем. Кроме того, ученые неоднократно обращали внимание на то, что опи-

сание могилы Кира в Пасаргадах, сохранившееся в трудах греческих авторов, находится в явном противоречии с зороастрийскими предписаниями о запрете осквернения египций. Правда, Бойс полагает, что способ погребения Кира не нарушал зороастрийских законов, поскольку его тело было положено в каменную гробницу с толстыми стенами и двускатной крышей. Однако вход в гробницу не был замурован, и поэтому требование о запрете загрязнения воздуха не соблюдено. Но не исключено, что во времена Кира еще не существовали характерные для более позднего зороастризма законы о выставлении умерших для пожирания хищными птицами.

Пока трудно говорить о бесспорном влиянии зороастризма на культуру Ближнего Востока еще в VI в. до н. э. Элементы дуализма, характерные для библейских произведений этого времени, по всей вероятности, возникли независимо от зороастризма. Нет также достаточных оснований говорить о значительном влиянии зороастризма на греческую философию в Малой Азии в течение мидийского и раннеахеменидского времени, хотя такое влияние на учение Платона и других греческих философов V в. до н. э. вполне вероятно.

Что же касается персидской религии после Кира II, в ранний период, когда зороастризм еще не стал догматическим учением, существовало много его различных модификаций, и именно одной из таких модификаций была религия Дария I и его преемников.

Бойс пишет о поразительной религиозной терпимости Кира и других персидских царей. Некоторые ученые считают такую терпимость отходом от зороастризма. По мнению Бойс, религиозная терпимость ахеменидских правителей была «традиционной дипломатической вежливостью», ибо, как она полагает, признание Киrom чужих богов противоречило его вере в Ахура-Мазду как единственного истинного творца всего сущего. Однако вряд ли можно согласиться с таким предположением. Из многочисленных источников (в том числе из надписей Дария I и официальных эламских документов из Персеполя, написанных на рубеже VI—V вв.) хорошо известно, что даже поздние Ахемениды, не говоря уже о Кире, были политеистами и кроме Ахура-Мазды почитали также другие иранские и не только иранские божества. Более того, поскольку древневосточные религии не были догматическими, они легко допускали существование различных культов и почитание их одними и теми же лицами. Множество примеров свидетельствует о том, что, почитая эламских, вавилонских, египетских, греческих и других чужеземных богов, ахеменидские цари не только руководствовались практической необходимостью терпимо относиться к религиям подвластных им народов, но, прежде всего, верили в могущество этих богов и стремились заручиться их поддержкой. В храмах этих богов приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения с их стороны. Другими словами, хотя Ахемениды считали своего Ахура-Мазду самым могущественным богом, они веровали также в других иранских богов и богов покоренных народов.

Мы остановились лишь на отдельных общих выводах книги Бойс, в которой читатель найдет детальное и вполне достоверное изложение и надежное исследование всех свидетельств письменных и археологических источников об иранских религиях и вообще идеологии ахеменидского периода. Поэтому рецензируемый труд, несомненно, привлечет внимание историков древнего Востока, археологов, специалистов по древним религиям и будет прочтен ими с большой пользой и интересом.

Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979, 162 p.

Рецензируемый сборник содержит статьи, посвященные различным проблемам интерпретации письменных источников по истории Средней Азии и прилегающих к ней областей от ахеменидского времени до арабского завоевания.

Р. Гиршман в статье «Храмы дэвов» (с. 7—18) рассматривает причины разрушения капищ дэвов персидским царем Ксерксом. Как известно, о разрушении этих капищ и о замене культа дэвов почитанием Ахура-Мазды рассказывается в Антидэвовской надписи Ксеркса. Ученые высказывали различные предположения относительно того

храмы каких народов имеются в виду в указанной надписи. Гиршман присоединяется к мнению тех, кто полагает, что уничтожению подверглись святилища древнего мидийского пантеона, поскольку боги чужеземных народов вряд ли могли быть названы специфически иранским термином *daiva*. Как отмечает Гиршман, для мидийского пантеона было характерно сосуществование культов богов типа *ahura* и *daiva*, т. е. как признанных Заратустрой, так и отвергнутых им божеств. Соответственно существовали два типа храмов: *āyadana* с подиумом и помещением для хранения священного огня, в которых почитался Ахура-Мазда, и *daiva-dāna* — культовые места дэвов. Гиршман склонен считать, что к последнему типу принадлежал раскопанный Д. Стронахом на Нуш- и Джан-тепе в Мидии храм, который датируется временем между второй половиной VIII и первой половиной VI в. до н. э. По мнению Гиршмана, религиозная реформа Ксеркса являлась ответом на восстание мидийцев против персидского господства, и древние храмы, выступавшие как центры мятежей, были обречены на уничтожение.

В статье Я. Харматты «Поход Дария против саков-тиграхауда» (с. 19—28) исследован плохо сохранившийся V столбец Бехистунской надписи. Относительно похода, о котором говорится в этом столбце, ученые начиная еще с прошлого века высказывали различные мнения, отождествляя саков-тиграхауда то с причерноморскими скифами, то со среднеазиатскими саками. Но постепенно большинство историков пришли к выводу, что в Бехистунской надписи имеется в виду поход против среднеазиатских саков. Однако сравнительно недавно американский исследователь Дж. М. Балсер попытался доказать, что в труде Геродота и в Бехистунской надписи речь идет об одном и том же походе Дария I против причерноморских скифов. Это мнение было поддержано Дж. Камероном, но Харматта решительно отвергает его.

Отождествлению похода, о котором сообщается в Бехистунской надписи, со знаменитым походом Дария, о котором рассказывает Геродот, препятствуют, в частности, соображения хронологического характера. Согласно Бехистунской надписи, персы воевали с саками-тиграхауда в 3-м году правления Дария I, т. е. в 519 г. до н. э., в то время как источник, известный под названием *Tabula Capitolina*, датирует скифский поход того же царя временем около 513 г. Но Балсер считал ненадежными попытки датировать скифский поход, описанный у Геродота, исходя из указанного текста. Однако Харматта показывает, что этот источник является в достаточной мере достоверным. Кроме того, Харматта отмечает, что в античной литературе название «саки» не употребляется для обозначения европейских скифов, и поэтому попытка Балсера связать рассказ Полиэна о походе Дария против саков с сообщением Геродота представляется неубедительной. К этому можно добавить также, что в перечнях народов Ахеменидской державы саки-тиграхауда всегда помещаются рядом со среднеазиатскими, а не европейскими племенами. Но теперь и сам Балсер в письме к рецензенту отказался от своего мнения, полагая, что в Бехистунской надписи и у Геродота говорится о совершенно различных событиях.

Переходя к анализу V столбца Бехистунской надписи, Харматта отмечает, что западные ученые до сих пор принимают восстановления и перевод этого текста, предложенные Р. Кентом, хотя рецензент «уже более десяти лет назад показал ошибочность этих восстановлений с точки зрения лингвистики, эпиграфики и по существу и неприемлемость их в целом» (с. 24). Автор статьи в основном принимает восстановления, сделанные рецензентом с помощью члена-кор. АН СССР М. Н. Боголюбова¹, но при реконструкции двух строк значительно расходится с нами. Если принять предложенные Харматтой восстановления, получается следующий перевод текста. «Говорит Дарий царь: затем я отправился с войском против Страны саков. После этого саки, которые носят остроконечную шапку, выступили против меня. Затем я прибыл к морю и со всем снаряжением перешел реку по названию Арахша. После этого я разгромил войско саков, а другое (сакское войско) захватили в плен, и оно было приведено ко мне. Захватили и того, кто был вождем у саков, по имени Скувха, и привели ко мне. Там я назначил другого вождя, как на то было мое желание».

По мнению Харматты, сакское племя тиграхауда, по-видимому, совершило набег на территорию Ахеменидской державы, и Дарий, выступив против него, прибыл к

¹ См. Дандамаев М. А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда.— КСИНА, № 61, 1963, с. 176 слл.

Аральскому морю у устья реки Агахсā, которую этот ученый отождествляет с Агахес Геродота и Oxus эллинистического времени, т. е. с Амударьей. Перейдя ее, Дарий совершил неожиданное нападение на сакон-тиграхауда и нанес им поражение. Харматта полагает, что сообщение Бехистунской надписи очень напоминает рассказ Полиэна о походе Дария против трех частей сакской армии, две из которых были взяты в плен, а третья уничтожена.

После издания в 1969 г. более двух тысяч эламских документов крепостной стены из Персеполя, где засвидетельствовано около 1900 собственных имен, значительная часть которых ранее не была известна, интерес ученых к древнеиранской ономастике сильно возрос. Этому вопросу посвящена статья Р. Шмитта «Мидийско-персидские имена у Геродота в свете новых данных из Персеполя» (с. 29—39). Он рассматривает отдельные древнеиранские имена, которые ранее были известны из труда Геродота, а теперь засвидетельствованы и в эламской транскрипции, и предлагает методику их исследования. В связи с этим хотелось бы сделать следующее замечание. При установлении этимологии имен в эламских текстах из Персеполя необходимо учитывать этническое происхождение носителей этих имен, когда на это есть указания текстов. Например, некоторые ученые считают ряд имен иранскими, хотя в документах ясно отмечается, что их носители были индийцами. Эти имена легко поддаются объяснению из иранских языков, так как древнеиндийский и древнеиранские языки были близкородственными, однако в силу различий в идеологических представлениях индийцев и иранцев этимология соответствующих имен должна быть иной, чем предлагалась до сих пор².

Ж. Келленс в статье «Авеста как исторический источник: перечень Кейянидов» (с. 41—53) показывает, что в Авесте содержатся две различные традиции: мифологическая, индоарийская и историческая, зороастрийская. В этом сборнике нет никаких исторических свидетельств о времени до начала деятельности Заратуштры. Яшт 19, являющийся одним из ранних зороастрийских произведений, представляет собой скелет хроники. Далее автор переходит к исследованию термина *kauni*, который, по распространенному мнению, обозначал царей в областях Средней Азии и Восточного Ирана, правивших до Заратуштры и потерявших свою власть в результате ахеменидского завоевания этих регионов. Келленс не согласен с таким мнением и полагает, что указанным словом в Гатах называлась определенная группа жрецов. Виштаспа, один из таких жрецов, принял учение Заратуштры и стал покровителем последнего.

И. Боржак в статье «Семирамида в Средней Азии» (с. 55—56) анализирует сообщения античных авторов о завоеваниях легендарной ассирийской царицы, привлекая для источниковедческого сравнения также рассказы о других мифических персонажах.

И. Вольский, рассмотрев свидетельства античных историков и документов из Нисы, приходит к выводу, что Аршак I был историческим лицом и основателем Парфянского царства, а Аршак и Тиридат, по утверждению Арриана, наследовавшие этому правителю, в действительности вообще не существовали (с. 6—74).

Датировке согдийских «Старых» писем, найденных в начале нашего века А. Стейном в Восточном Туркестане, посвящено исследование Я. Харматты (с. 75—90). Исходя из всего комплекса археологических находок, автор относит эти письма к концу II в. н. э.

В статье Б. Н. Мукерджи пересматривается распространенное в научной литературе мнение, что Кушанская держава в середине II в. н. э. включала, в частности, китайское царство Шан-Шан. Мукерджи полагает, что границы Кушанской державы лежали гораздо западнее указанного региона (с. 91—97).

В. Зундерман исследовал текст согдийской христианской литературы, в котором, по мнению его издателя О. Хансена, излагается церковная история. Автор статьи показывает, что в этом фрагментарном тексте в действительности говорится лишь об основании монастыря в провинции Фарс в конце VII или в начале VIII в. н. э. (с. 99—105).

В статье Ф. Женью рассмотрены филологические и исторические проблемы интерпретации источников о Сасанидах (с. 107—112). Статья Садецки-Кардошша по-

² См. Дандамаев М. А. Индийцы в Иране и Вавилонии в ахеменидский период.— В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 122.

священа проблемам хронологии войн между Ираном и Византией в 70-х годах VI в. (с. 113—118). Бо Утас анализирует свидетельства пехлевийских произведений об истории Средней Азии доисламского периода (с. 119—128). А. Махой исследовал фрагмент византийского автора Приска о передвижениях аваров, сабиров и других степных племен (с. 129—144). В статье М. Марота рассмотрены свидетельства арабских географических источников о Систане (с. 145—151). И. Эчеди собрал и исследовал данные официальных китайских императоров V—VI вв. (с. 153—162).

В заключение следует отметить, что рецензируемый сборник часто будут использовать специалисты по истории и культуре Средней Азии и Ирана.

Persica, № VII. Louvain, 1978, X, 261 p.

Журнал «*Persica*» — ежегодник Нидерландско-Иранского общества по культурным связям. X том открывается некрологом А. А. Кампана, крупного востоковеда и бывшего редактора журнала (с. VII—X). Затем следуют две статьи Р. Боргера, где, в частности, публикуются ранее не издававшиеся письма Г. Раулинсона, отправленные им разным корреспондентам, когда он работал над дешифровкой Бехистунской надписи. Боргер восстанавливает историческую справедливость, отвергая высказывание многолетнего директора Британского музея Э. А. У. Бэджа о том, что ирландец Э. Хинкс «не был крупным ученым». В действительности он относится к числу выдающихся ассириологов. К статьям Боргера по своему содержанию примыкает заметка Р. Вернера «К 200-летию со дня рождения Г. Ф. Гротефенда» (с. 21—24).

И. И. Блекер в исследовании «Кто был Заратуштра?» (с. 25—41) считает неубедительными мнения Э. Херцфельда и Х. С. Ньюберга, соответственно считавших этого религиозного деятеля политиком или жрецом типа шамана. Блекер полагает, что Заратуштра был жрецом, поэтом-пророком и борцом против социальной несправедливости, который создал совершенно своеобразную религию этического дуализма.

Статья В. Х. Ф. Бёмера, посвященная роли «шутника» в клинописных текстах (с. 46—68), представляет значительный интерес для ассириологов и историков литературы, но не имеет отношения к иранистике. Так же далека от иранистики и пространная работа Ф. де Л. Бёла и Х. А. Бронхерса, в которой библейские термины о сотворении мира исследованы в сопоставлении с аналогичным ассириологическим материалом (с. 69—136). Целью небольшой статьи И. П. ван дер Плуга «Христианство в сасанидской Персии» (с. 137—143) является привлечение внимания молодых ученых к данной теме, поскольку основные источники по ней составлены на сирийском языке и редко принимаются во внимание иранистами.

Остальные статьи тома посвящены средневековой и новой истории Ирана. Затем следуют рецензии, обзоры и информация о различных конгрессах. В частности, дан обширный обзор исследований советских ученых по истории Средней Азии и Закавказья. Приблизительно из 80 страниц библиографического раздела $\frac{3}{4}$ места отведено рецензиям на публикации, вышедшие за последние годы в СССР.

«*Persica*» — крупное периодическое издание, и во многих его номерах были опубликованы важные и интересные статьи по истории и культуре Ирана и смежных стран. Но вместе с тем бросается в глаза отсутствие четкого отбора статей при комплектовании отдельных номеров журнала. В нем, как нам представляется, должны публиковаться работы по истории и культуре всех периодов Ирана и соседних ираноязычных регионов.

М. А. Дандамаев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IX АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» (Москва, 28—30 мая 1984 г.)

Проведение авторско-читательских конференций стало традиционной формой работы ВДИ. Они служат важной цели — координации научных исследований в области древней истории, обмена научными достижениями и информацией о планируемых исследованиях. На каждой конференции обсуждаются актуальные научные проблемы. Поэтому по традиции работа IX конференции состояла из двух тесно связанных между собой частей: докладов по проблеме «Государство в древнем мире, его идеология и культура» и подведения итогов научно-исследовательской работы участников конференции. Была обсуждена деятельность журнала в 1981—1984 гг. и определены перспективы его работы на последующие годы. В конференции приняли участие преподаватели вузов, работники научных учреждений и аспиранты из 32 городов Советского Союза. Всего в работе конференции участвовало около 150 человек.

Открывая конференцию, главный редактор ВДИ, член-корр. АН СССР *З. В. Удальцова* в своем вступительном слове охарактеризовала основные направления работы журнала за истекший период и его задачи на ближайшие годы и остановилась на огромном значении для дальнейшего развития исторической науки материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, посвященного вопросам идеологической и массово-политической работы партии, и доклада на нем *К. У. Черненко*, содержащего ряд принципиальных положений, касающихся общественных наук. Она подчеркнула, что указаниями пленума необходимо руководствоваться и при составлении планов научно-исследовательской и издательской работы, и при издании научных трудов, и при оценке уже опубликованных. На пленуме была отмечена важная роль периодической печати в идеологической жизни советского общества, в пропаганде марксистско-ленинской теории, материалистического мировоззрения. Это имеет, сказала *З. В. Удальцова*, прямое отношение к нашему журналу, занимающемуся проблемами становления первой классовой формации, изучением возникновения многих социально-экономических, политических и правовых категорий, ранних форм идеалистического и материалистического мировоззрения. В этом направлении ВДИ проделал большую работу, опубликовав к 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Карла Маркса посвященные его творческому наследию статьи теоретического характера (*В. И. Кузичина*, *Е. С. Голубцовой*, *В. Н. Андреева*, *Г. Ф. Ильина*), а также подготовив статьи (и доклады для данной конференции), посвященные проблемам, рассматривавшимся в работе *Ф. Энгельса* «Происхождение семьи, частной собственности и государства», столетие выхода в свет которой отмечалось в 1984 г.

Подводя итоги работы журнала за годы, прошедшие со времени предыдущей конференции, *З. В. Удальцова* подчеркнула важность в общеисторическом и теоретическом плане развернувшейся в 1981—1983 гг. на страницах ВДИ дискуссии о прародине индоевропейцев, отметив, что едва ли ее можно считать законченной: нужны новые исследования, опирающиеся на материалы этой дискуссии. Говоря о работе отдела критики, она обратила внимание участников конференции на статью *Е. С. Голубцовой* и *В. М. Смирин* «О попытке применения „новых методов статистического анализа“ к материалу древней истории» (ВДИ, 1982, № 1), в которой была доказана научная несостоятельность построений математиков *М. М. Постникова* и *А. Т. Фоменко* в области истории античности.

Переходя к задачам дальнейшей работы ВДИ, З. В. Удальцова от имени редколлегии высказала мнение, что предложенный на предыдущей авторско-читательской конференции перспективный план основных направлений теоретических и конкретно-исторических исследований сохраняет свое значение и в настоящее время. Необходимо продолжить комплексные исследования важнейших теоретических проблем, таких, как типология рабовладельческих отношений, сельских общин, типология древневосточных и античных государств, античной и древневосточной культур, проблема стадийного развития рабовладельческой формации, взаимосвязь античной и древневосточной цивилизаций, неравномерность и асинхронность всемирно-исторического процесса, проблема переходных периодов, вопрос о месте античной цивилизации в истории Европы. Сохраняет свою актуальность задача критического анализа основных направлений и школ в современной зарубежной историографии. В заключение З. В. Удальцова сказала о больших заслугах журнала в развитии советской науки о древности и выразила надежду, что приближающийся 50-летний юбилей ВДИ будет отмечен глубокими исследовательскими работами, опубликованными на его страницах.

Обсуждение научных проблем началось докладами, посвященными 100-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В. И. Кузицин (Москва) в докладе «Некоторые проблемы древней истории в свете идей Ф. Энгельса» отметил плодотворность идей Ф. Энгельса для развития современной историографии античности. Из множества поставленных Ф. Энгельсом проблем докладчик остановился подробно на трех: 1) о роли семейных отношений в историческом процессе, 2) об особенностях раннеклассового общества, возможности разных вариантов его развития, 3) о характере перехода от рабства к феодализму.

С докладом «Проблемы генезиса государства в свете данных современной науки» выступил Л. С. Васильев (Москва), который подчеркнул, что данные современной антропологии (этнологии) свидетельствуют об условиях и обстоятельствах возникновения надобщинных политических структур (протогосударств). Докладчик наметил два пути эволюции протогосударства к раннему государству: генеральный, основанный на власти-собственности, характерный для всех, и уникальный, частнособственнический, наблюдаемый в античном мире. Такое противопоставление вызвало возражения В. И. Кузицина и М. А. Дандамаева. Г. Ф. Ильин предостерег автора от некритического переноса данных этнографии в древность.

Э. Д. Фролов (Ленинград) в докладе «Становление радикальной демократии в Афинах» показал, что традиционное отношение к афинской демократии как к наиболее типичной или совершенной форме античного государства в классический период его существования остается оправданным и сегодня, что не исключает признания за ней целого ряда черт, которые, как это и естественно для раннеклассового общества, могут свидетельствовать о неразвитости фундаментальных социальных принципов, о сословно-классовой и государственной ограниченности античной демократии.

Доклады Е. С. Голубцовой (Москва) «Государство и религия в античном мире» и М. А. Дандамаева (Ленинград) «Государство и религия на древнем Ближнем Востоке», подготовленные для Всемирного конгресса историков в Штутгарте, публикуются в этом номере.

Доклад И. Л. Маяк (Москва) «К вопросу о термине „гражданская община“» был посвящен вопросу о возможности применения данного термина (*civitas*) в отношении древнейшего Рима. Исходя из того, что термин *civis* впервые появляется только в законах XII Таблиц, а раньше народ, организованный в трибы и курии, назывался не *civitas*, а *populus*, а также из доклассового характера общества Рима начала царской эпохи, И. Л. Маяк пришла к выводу о невозможности применения к нему термина «гражданская община».

Дальнейшая работа конференции проходила на секционных заседаниях.

На секции истории древнего Востока было заслушано 12 докладов.

Б. В. Андрианов (Москва) в докладе «Роль ирригации в становлении древних государств» показал, что в зонах Амударьи и Зерафшана выявлена достаточно четкая корреляция между основными периодами истории среднеазиатских народов и

характером ирригационных систем в зоне равнин. В зоне орошаемого земледелия сокращение трудовых затрат и, как следствие, рост производительности труда происходили равным образом в сфере ирригационных работ, поэтому развитие и совершенствование ирригационной техники, появление более рациональных и экономичных оросительных сооружений в Хорезме сыграло определенную роль в крушении общинно-рабовладельческого строя, существенно ограничив область применения рабской силы и ослабив значение централизованной государственной власти.

В. А. Головина (Москва) в докладе «Некоторые аспекты развития додинастического Египта», проследив появление многочисленных «месопотамизмов» в культурном комплексе герзейской культуры Верхнего Египта (3500—3000 гг. до н. э.), предложила искать объяснение этому в торговой деятельности между названными областями. Прямой контакт мог осуществляться через Красное море и иметь своей главной целью вывоз полезных ископаемых из верхнеегипетских рудников.

Г. И. Довгало (Минск) выступил с докладом «Хеттский текст КВо ХХII 2 о предгосударственном состоянии общества и соответствующие ему параллели из других традиций», в котором на основе анализа мифологического хеттского текста о 30 сыновьях царицы города Неса и аналогичных ему ветхозаветных и исландских параллелей сделал вывод о том, что деление территории накануне возникновения централизованных государств на 30 частей — довольно широко распространенное явление.

Возникновение государства в Южной Аравии было темой доклада *А. Г. Лундина* (Ленинград). Отметив, что этот район представляет собой самостоятельный очаг возникновения цивилизации, независимый от средиземноморского, докладчик показал, что здесь наблюдается одновременное самостоятельное сложение небольших городов-государств, формирующихся по типу городской гражданской общины, и обширных «национальных» государств на базе союзов племен. Городская гражданская община существовала и как независимый город-государство, и в пределах «национального» государства при полном сохранении суверенитета, и эта структура сохранялась до IV—III вв. до н. э. На позднем этапе соотношение города и государства аналогично существовавшему в эллинистических державах.

М. Н. Мирзоев (Баку) в докладе «Вавилонское право во время господства касситской династии» отметил большое влияние, которое оказывали Законы Хаммурапи на формирование правовых норм касситского периода, показал, что некоторые статьи этих законов все еще применялись в юридической практике, хотя в судопроизводстве и произошли некоторые изменения.

С докладом «Нефть в представлении древних вавилонян» выступил *А. Л. Вассович* (Ленинград). По его мнению, хотя нефть употреблялась для отопления и освещения, использовалась в строительстве и врачевании и обладала меновой стоимостью, в глубине народной психологии к «вспыхивающей» сохранялось мрачно-суеверное отношение, отразившееся в клинописных предзнаменовательных текстах.

Т. А. Моисеева (Воронеж) в докладе «К вопросу о характере Фригийского государства VIII — начала VII в. до н. э.» пришла к мысли о рабовладельческом характере этого государства, причем, по ее мнению, в VIII—VII вв. до н. э. Фригийское государство являло собой вариант рабовладельческого общества, синхронного по времени, но типологически отличного от греческого полиса.

Основным выводом доклада *А. Н. Темерева* (Москва) «Роль государственных институтов в Ахеменидском Египте в распределении земельного фонда на нужды военно-служилых земледельцев (По данным арамейских папирусов V в. до н. э.)» являлось положение о том, что в это время продолжал сохраняться заведенный издревле порядок наделения военно-служилых земледельцев землями из особого государственного фонда. Докладчик исследовал различные вопросы, связанные с держанием этих участков (земельный налог, передача по наследству, возможность сдачи в аренду и т. п.).

В. А. Якобсон (Ленинград) выступил с докладом «Цари и города в древней Месопотамии». По его мнению, взаимоотношения между царями и городами Месопотамии прошли несколько стадий. В «номовых государствах» царская власть возникает как режим личной власти удачливого полководца, опирающегося на собрание воинов и действующего через голову других традиционных институтов (совет старейшин). В централизованных государствах советы старейшин вновь выходят на передний план, об-

разуя наряду с купеческими и жреческими коллегиями городские органы самоуправления. К этому же времени относится появление привилегированных городов и возникновение конфликтов по поводу объема привилегий и самого обладания привилегиями между городами и центральной властью, причем конфликты, как правило, оканчиваются в пользу городов. К концу рассматриваемого периода месопотамские города ничем (за исключением внешнеполитической самостоятельности) не отличались от античных полисов. Именно поэтому они легко и без малейших трений вошли в экономико-политические структуры эллинизма.

О. В. Томашевич (Москва) в докладе «К вопросу об отождествлении Нэйт и Афины» показала, что в представлениях египтян о Нэйт и греков об Афине много общего: государственный ранг богинь-покровительниц двух древних центров (Саис и Афины), военные функции, мудрость и связь со змеей, покровительство ремеслу, особенно ткачеству, и т. п.

По мнению *А. Ю. Согомонова* (Владимир), высказанному им в докладе «Греческий полис на доэллинистическом Востоке: постановка проблемы», греческая колонизация Восточного Средиземноморья преследовала торговые интересы, и первоначальные греческие поселения на Леванте, вероятно, были основаны как эмпории, что не дает, однако, основания переносить это утверждение на весь ход их эволюции. Основываясь на выделении в современной литературе критериев того, что следует считать полисом (фортификационный, урбанистический, архитектурный, производственный и культово-религиозный показатели), автор выдвинул гипотезу об эволюции ряда левантйских поселений в полисы. Такими полисами доэллинистического периода, были, вероятно, Посидий и Диосполис.

Ю. М. Джафарова (Баку) в докладе «О локализации храмового центра в древней Албании» пришел к выводу, что упоминаемое Дионом Кассием место зимовки римлян во время похода Помпея в Закавказье находилось на территории албанской храмовой области, посвященной культу Луны (Анаит), на правом берегу Куры, в районе современного города Казаха.

Выступая в прениях по прослушанным докладам, *М. А. Дандамаев* подверг критике перевод и трактовку текстов, сделанную *А. Н. Темеревым*. К его мнению присоединился *В. А. Якобсон*, который подчеркнул необходимость выявления юридической природы арендных отношений. В обсуждении докладов также приняли участие *А. Г. Лундин* и *И. Ш. Шифман*.

На секции истории древней Греции было заслушано 13 докладов. Первое заседание было посвящено доклассическому периоду греческой истории. Оно открылось докладом *Н. Н. Казанского* (Ленинград) «Политическое членение Греции в микенскую эпоху». Докладчик привел ряд интересных данных о внутреннем делении Пеллопоннеса (папирус из Ком эль Гетана), Пилоса (топонимы текстов PУ Сп 608, PУ Un 20 и PУ Сп300) и Фиванского царства. Им также было высказано предположение, что изоглосса, противопоставляющая аттический и беотийский диалекты всем остальным — форма типа *θάλαττα* при *θάλασσα* во всех других диалектах — до некоторой степени отражает политическую географию микенского времени и, возможно, свидетельствует о том, что Атика находилась в это время в составе Фиванского царства.

Л. С. Клейн (Ленинград) в докладе «Найдена ли Троя?» попытался по-новому решить вопрос о местонахождении легендарного города. Обращая внимание на то, что автор «Илиады» называет осажденный город тремя именами: Троя, Илион и Пергам, а также на то, что у осаждающих героев три этнонима: аргивяне, ахейцы и данаи, — докладчик выдвигает предположение, что в поэме слиты воедино три версии об осаде ахейцами города в Малой Азии, касающиеся трех разных городов. По его мнению, город, раскопанный *Г. Шлиманом*, — Илион, а гомеровская Троя, существовавшая одновременно с Илионом где-то поблизости от него (возможно, в долине р. Тарсия), еще не найдена археологами.

В. Л. Цымбурский (Москва) в докладе «Строение „каталогов“ из II песни „Илиады“ в ретроспективе этнополитической эволюции позднемикенской и постмикенской Греции» выделил в каталогах гомеровской поэмы семантическое ядро: ряд сообщений, построенных по схеме «племени + вождь», дающих в совокупности картину «списка народов». Докладчик обратил особое внимание на то, что при описании греческих от-

рядов численность кораблей кратна десяти. В результате тщательного анализа реконструируется первоначальная оппозиция двух списков — народов Балканской Греции кроме ее западных и крайне северных районов, вместе с критянами («страна хорошо знакомая») и племен Трояды, к которым могут присоединяться другие малоазийские и северобалканские племена («страна малознакомая») — картина мира, которая как духовная реалья должна восходить к эпохе, предшествующей массовому проникновению греков в Малую Азию, что позволяет связать появление «пракаталога» с позднемикенским или даже субмикенским периодом.

Темой доклада *А. А. Молчанова* (Москва) стали «Этнический состав населения догреческого Крита по данным античной традиции и языковая ситуация в период сложения минойской государственности». Докладчик пришел к выводу, что помимо этео-критян, кидонов и пеласгов на Крите в первой половине II тыс. до н. э. присутствовал еще один этнический компонент — анатолийский (хетто-лувийский), причем сведения Геродота подтверждают работа над дешифровкой линейного письма А и анализ догреческой реликтовой лексики, которые свидетельствуют о существовании на Крите в это время трех различных языков — минойского, пеласгского (фракийского) и анатолийского.

Прослушанные доклады вызвали ряд вопросов и оживленный обмен мнениями. В обсуждении приняли участие Т. В. Блаватская, Н. В. Брагинская, С. М. Перевалов, В. М. Смирин, В. М. Строгоцкий, В. Н. Ярхо, Э. Д. Фролов. По мнению В. Н. Ярхо, точка зрения Л. С. Клейна ставит под вопрос, была ли в действительности война троянцев с ахейцами. В ответе Л. С. Клейн особо подчеркнул необходимость отличать реальные события от данных фольклора и литературы и высказал предположение, что война была, но это была война ахейцев с Виллюсией, происходившая, вероятно, в XIV в. до н. э. Выступая по докладу Н. Н. Казанского, Т. В. Блаватская отметила, что вряд ли стоит так четко определять границы между царствами, и взяла под сомнение рассмотрение изоглоссы как решительного аргумента в пользу отличия аттического и беотийского диалектов от всех остальных. Э. Д. Фролов отметил важность проведенного заседания, где встретились две противоположные тенденции: использование языка и других данных на основе традиции и пересмотр традиционных точек зрения. Приветствуя обе тенденции, он подчеркнул необходимость осторожного подхода к критике традиций, поставив под сомнение обоснованность гипотезы Л. С. Клейна. Следующее заседание секции было посвящено различным вопросам истории древней Греции классического периода. В докладе *А. Н. Анфертьева* (Ленинград) были критически рассмотрены попытки генеалогических реконструкций, нашедших наиболее яркое выражение в «Истории Македонии» Н. Г. Л. Хаммонда. Признавая, что история локальных политических центров — ключ к пониманию этно- и социалингвистической ситуации, докладчик подчеркнул, что необходимо соотносить естественную тягу к реконструкции с состоянием источниковой базы. В качестве примера была использована генеалогия правителей Элимеи.

В. М. Строгоцкий (Горький) в докладе «Особенности внешней политики Афин и Спарты в первый период так называемой Малой Пелопоннесской войны (460—455 гг.)» рассмотрел внешнюю политику этих полисов во взаимосвязи с внутривнутриполитическими отношениями в государствах, учитывая своеобразие их гегемонии в Пелопоннесском и Афинском союзах и особенности экономических, политических и этнических противоречий между ними. Причину стремления к решительным наступательным действиям во внешней политике Афин докладчик видит в возрастающей роли демократических слоев населения и торжестве демократии, лидеры которой, лишенные консерватизма, отказывались от тех полисных традиций, которые мешали росту военного, экономического и политического господства Афин. В Спарте, напротив, традиционализм и консерватизм внутривнутриполитических отношений сковывали внешнеполитическую инициативу, что вместе с фактической разобщенностью пелопоннесских государств имело следствием осуществление главным образом локальных оборонительных мероприятий.

В докладе *М. А. Кондратьев* (Москва) «Афинская архе и греческая культура» было подчеркнуто, что интенсивное развитие экономических и политических связей между полисами, входившими в архе, воздействовало на социальную структуру Афин и союзных государств. Это выразилось прежде всего в быстром росте числа метеков

и иностранцев в демократических полисах, особенно в Афинах, где неграждане внесли весомый вклад в развитие греческой культуры.

В. И. Исаева (Москва) в докладе «Роль договоров в межполисном праве» показала, что в V—IV вв. до н. э. в Греции уже существовала определенная концепция межполисных соглашений, в основе которых лежал принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), причем эти соглашения были важным теоретическим и практическим инструментом межполисных контактов. По мнению докладчика, договоры между греческими государствами не только отражают уровень развития права, но одновременно оставляют как бы моментальные снимки соотношения сил между полисами на разных этапах их столкновения и сотрудничества.

В докладе *С. Г. Карюка* (Москва) «Начало клисфеновских реформ: проблемы хронологии» на основании анализа социально-политических событий 508/7 г. до н. э. была уточнена датировка важного события в демократизации афинского государственного строя.

Филологический анализ двух важных для истории греческой демократии понятий провела *Л. А. Сахненко* (Воронеж) в докладе «Простат народа и демагог». По ее мнению, словоупотребление V—IV вв. до н. э. не позволяет говорить об устойчивом уничтожительном значении слова «демагог», но возможность для его появления была изначально заложена в слове благодаря двойственности значения слова *δημος*, которое означало и совокупный народ, и толпу. А так как в политической лексике к концу V в. до н. э. наметилась отчетливая тенденция к преобладанию второго значения, ничто не мешало противникам радикальной демократии видеть в демагоге только вождя черни.

Влияние хозяйства, связанного со сдачей рабов внаем в Лаврионские рудники, на политическую позицию их владельцев стало темой доклада *М. С. Корзуна* (Минск) «Тип хозяйства и политическая позиция Никия». Противоречие между частными и общеполитическими интересами было, по его мнению, одной из причин колебания Никия между политикой мира со Спартой и участием в Сицилийской экспедиции в качестве одного из стратегов.

В докладе *Б. Б. Виц-Маргулес* (Гродно) «Абдерская демократия в V—IV вв. и ее отражение в идеологии» исследовалась связь между философскими воззрениями и политическими убеждениями Демокрита и Протагора. Докладчик пришел к выводу, что демократические взгляды этих философов влияли на политическую атмосферу в Абдерах. По ее мнению, на периферии греческого мира были демократические полисы, в которых античная демократия имела порой более прогрессивные черты, чем афинская.

Г. Т. Залюбовина (Москва) в докладе «Пантеизм в мировоззрении древних эллинов» выделила две основные тенденции в развитии пантеизма в архаический период: генотеизм и решительный отказ от политеизма и антропоморфизма олимпийской религии. Пантеистические представления оказались, по ее мнению, весьма устойчивыми в мировоззрении части эллинов, сохранившись в эллинистический период в философии стоиков.

В выступлениях по прослушанным докладам при положительных общих оценках был сделан ряд конкретных замечаний. Э. Д. Фролов, А. Н. Анфертьев, В. М. Строгецкий, Л. П. Маринович сочли, что в докладе М. А. Кондратьюк предстает более благоприятная картина взаимоотношений Афин с союзниками, чем это было в действительности. Л. П. Маринович высказала мнение о том, что тезис об отсутствии отрицательного отношения к труду в Афинах неверен. В. М. Строгецкий, А. Н. Анфертьев, Л. П. Маринович отметили необходимость рассмотрения терминов «простат народа» и «демагог» не только в рамках филологии, как это сделано в докладе Л. А. Сахненко, но и в тесной связи с изменением политической обстановки. Л. П. Маринович, подводя итоги заседания, выразила удовлетворение многообразием тем докладов и затронутых в них вопросов.

На заседании секции истории эллинизма было заслушано восемь докладов и одно сообщение. Три доклада были посвящены Полибию. *В. И. Катцев* (Казань) в докладе «Полибий и внешняя политика Рима в конце III — первой половине II в. до н. э.» выделил три аспекта воздействия политической действительности на творчество историка: военные успехи римлян подсказали Полибию тему для его «Истории», повлияли на его концепцию внешней политики Рима (Полибий был, вероятно, сторонником внешне-

политической линии Катона) и способствовали тому, что историк увидел в римском государстве воплощение своего политического идеала.

С. К. Сизов (Горький) сделал доклад «Полибий о причинах Клеоменовой войны». Докладчик взял под сомнение рассказ Полибия о тройственном альянсе (Этолия — Спарта — Македония), имевшем антиахейскую направленность. Вероятно, Полибий использовал в данном случае не мемуары Арата, а устную мегалопольскую традицию и попытался таким образом доказать исконную ненависть этолийцев к Ахейскому союзу из-за жадности и завистливости этого народа.

«Место и роль *αὐτοπάθεια* в историческом методе Полибия» — стали темой доклада *Г. С. Самохиной* (Петрозаводск). По ее мнению, собственный опыт — *αὐτοπάθεια* — ставится Полибием в основу всего метода исторического исследования, всех задач, которые стоят перед историком. Он помогает историку добиться профессионального мастерства, ибо при его помощи ученый решает такие важные задачи, как сбор материала, проверка его, оценка полученных сведений, отбор наиболее ценного из приобретенных знаний, наконец, «живое и наглядное изображение событий». Полибий считает, что история как наука должна опираться в своих выводах прежде всего на практическое, эмпирическое знание.

С. Ю. Климов (Мурманск) в докладе «Экономическая политика Атталидов Пергама» исследовал одно из важных ее направлений — строительство новых и расширение старых городов. По его мнению, даже разрозненные и фрагментарные сведения источников создают впечатление о целенаправленных усилиях центральной власти способствовать процветанию городов и расширить источники дохода, хотя эта политика проводилась не столь планомерно и не принимала таких законченных бюрократических форм, как в государстве Птолемеев.

Мнение о том, что уровень Каспийского моря в начале III в. до н. э. был на 40 метров выше, чем в настоящее время, было высказано в докладе *С. Н. Муравьева* (Москва) «Каспийская экспедиция Патрокла и ее результаты». Приведенная гипотеза объясняет многие «неточности» в описании Каспия и его побережья, восходящие к экспедиции Патрокла, которые в течение долгого времени вызывали многочисленные споры среди историков античной географии.

В докладе *О. Б. Лопуховой* (Москва) «Полисная организация Делоса в период независимости (314—166/5 гг. до н. э.)» был поставлен вопрос о своеобразии Делосского полиса, заключавшемся в большой роли на острове храма Аполлона. Было подчеркнуто, однако, что, несмотря на внешне независимое положение храмовой организации, она была составной частью экономической и политической структуры полиса, о чем, в частности, свидетельствует делосский договор об аренде храмовых земель *ἑρὰ συγγραφή*.

С. Ю. Сапрыкин (Москва) в докладе «Гераклея Понтийская в составе причерноморской державы Митридата VI» исследовал изменение внешнеполитической ориентации гераклеотов. Переориентацию полиса с римлян на Митридата докладчик объяснил интересами и расчетами торгово-ремесленных слоев граждан, занимавших господствующее положение во внутриполитической жизни полиса.

А. Б. Шарнина (Ленинград) в докладе «Союзы технитов Диониса. Их социальный статус и отношения с городами-резиденциями» высказала мнение, что самостоятельность внутри полиса и международный характер деятельности союзов технитов Диониса позволяют рассматривать их как качественно новое явление, порожденное специфической культурной жизнью и межполисных отношений эллинистического периода.

В. Н. Чеченцев (Москва) сделал сообщение «Урожай винограда и оливок в древней Аттике».

В обсуждении прослушанных докладов приняли участие И. С. Свенцицкая, А. Б. Егоров, Г. С. Самохин, С. К. Сизов, отметив значительный интерес рассмотренных докладчиками вопросов.

Заседание секции истории Причерноморья, где было заслушано 8 докладов, открылось докладом *М. В. Скржинской* (Киев) «Храм Ифигении в Тавриде». Изучив сведения о храме Ифигении, сохранившиеся в трудах Геродота, Еврипида, Овидия и Страбона, она пришла к выводу, что храм Ифигении в Тавриде — литературная фикция, ошибочно принята некоторыми современными исследователями за свидетельство о действительно существовавшем святилище.

Доклад *С. А. Газтаджяна* (Ленинград) «Традиция об Анахарсисе (Как возник образ добродетельного скифа)» был посвящен анализу сообщений Эфора о скифах. По мнению докладчика, описание Эфора, идеализирующее жизнь кочевников-скифов, — не случайно. Оно соответствовало общему настрою эпохи, когда в греческой культуре явно выступил идеал добродетельной, воздержанной жизни, нашедший отражение также в творчестве Платона и практике киников.

Ф. Р. Балонов (Ленинград) в докладе «Семантика произведений греко-скифской торевтики и мифологические представления скифских племен о пространстве-времени» пришел к выводу, что произведения искусства (в частности, изображения на серебряной амфоре из Чертомлыка и на золотой пекторали из Толстой могилы) отражают мифопоэтические представления древних народов Причерноморья об устройстве и значении микро- и макрокосмоса. Он подчеркнул сакральный характер данных предметов, использовавшихся в ритуалах, целью которых было пролонгирование всех стадий развития Космоса.

В. П. Яйленко (Москва) в докладе «Внутриполитическая деятельность Ольвийского государства в последней трети IV — первой половине III в. до н. э.» предпринял попытку пересмотреть восстановление ст.к. 8—10 ольвийского декрета в честь Каллиника. Из его чтения следует, что акции, перечисленные в этих строках, совершил не демос, а Каллиник.

В прениях по этим докладам выступили *Д. С. Раевский*, *С. Ю. Сапрыкин* и *Э. И. Соломоник* с некоторыми дополнениями и критическими замечаниями по затронутым докладчиками вопросам.

Э. И. Соломоник (Симферополь) в докладе «Об изменении государственного строя Херсонеса в конце IV — начале III в. до н. э.» на основании анализа недавно найденных при раскопках города остраконов конца IV в. до н. э. и надписи первой четверти III в. до н. э., являющейся, вероятно, обрывком постановления об амнистии политических изгнанников, пришла к выводу, что в конце IV в. до н. э. в Херсонесе произошел временный захват власти антидемократическими элементами. Это подтверждается и непрерывностью политических и торговых связей Херсонеса с Гераклеей, где в это время власть находилась в руках тиранов.

Ю. Г. Виноградов (Москва) в докладе «Варварский протекторат над греческими полисами Причерноморья» выдвинул концепцию, согласно которой взаимоотношения между варварами и греками Западного и Северного Причерноморья в V—II вв. до н. э. представляли собой тип взаимоотношений, условно названный «варварским протекторатом». Под этим докладчик понимает установление определенных форм зависимости греческих полисов от того или иного варварского политического образования без интегрирования их в структуру последнего, выразившихся в контроле варваров — в лице верховного правителя или его наместников] и ставленников — над экономической сферой жизни полисов и во внеэкономической эксплуатации различных видов; взамен этого полисы получали определенные гарантии варварских протекторов по обороне своих границ. Общими моментами проявления протектората в разных частях региона являлись, по мнению докладчика: 1) невмешательство, как правило, во внутреннюю и внешнюю политику полисов, т. е. эксплуатация преимущественно финансов и экономики; 2) стремление привлечь к себе на службу греческих советников, экспертов, военных специалистов и т. п.; 3) выпуск в подвластных полисах монеты от лица варварских правителей как символ подчинения первых последним. Различия между протекторатами наблюдаются в разных формах эксплуатации.

Темой доклада *В. В. Рубана* и *В. Н. Урсалова* (Николаев) являлась «История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени». Выделяя шесть этапов в развитии денежного обращения в этом регионе, авторы подчеркивали, что особенностью состава монет региона было полное отсутствие иноземных денег, что объясняется контролем государства над иностранной валютой и ограждением от нее внутреннего рынка. Отсюда вытекает, что область безраздельного господства ольвийских денег находилась под суверенитетом этого полиса.

Е. А. Молев (Саратов) в докладе «Сармато-боспорские отношения при Спартокидах» пришел к выводу, что уже с конца IV в. до н. э. правители Боспора начинают поддерживать дружеские отношения с сираками, поскольку те всегда могли найти себе

союзников против Спартокидов в лице азиатских племен, подвластных Боспору, что поставило бы государство в очень тяжелое положение.

Выступая в прениях, В. П. Яйленко высоко оценил доклад Э. И. Соломоник, но высказал сомнение в том, что в надписи идет речь об изгнанниках из Херсонеса. Попытку типологии, сделанную в докладе Ю. Г. Виноградова, по его мнению, можно было бы приветствовать, но не следует ее генерализировать. Во всех остальных районах, кроме западнопонтийского, нет никаких оснований говорить о протекторате. В. П. Яйленко также обратил внимание Е. А. Молева на то, что все столкновения варваров с греческими полисами связаны с этническими передвижениями. В. И. Козловская отметила, что предложенное Ю. Г. Виноградовым понятие «варварский протекторат» — третья форма мирных взаимоотношений между эллинами и местным населением Причерноморья наряду с известными формами — стремлением греков к изоляции и их стремлением к господству над автохтонным населением, и привела сходный пример протектората из истории фокейской колонизации. По ее мнению, для полисов, принимавших протекторат, была характерна торговая направленность. И. Т. Кругликова сделала некоторые замечания по характеристике «протектората» Ю. Г. Виноградова: переориентация Ольвии на транзитную торговлю не представляется ей убедительной, ибо Ольвию нельзя представить без земледелия, а редукция сельскохозяйственной территории этого полиса, возможно, была связана с какими-то другими причинами.

На заседаниях секции истории древнего Рима был заслушан 21 доклад. С докладом «К вопросу о характере идеологии великих восстаний рабов в Римской республике 139—71 гг. до н. э.» выступил *Я. Ю. Заборовский* (Ивано-Франковск). По его мнению, неспособность рабов даже во время великих восстаний выступить с собственной политической программой объяснялась полной зависимостью восставших от местного свободного населения как в материальном, так и в идеологическом отношении.

Доклад *В. Т. Звиревича* (Свердловск) «Humanitas Ciceroniana: социально-политический аспект» был посвящен вопросу о гуманизме Цицерона, проявлявшемся во всех сферах его деятельности — как в форме человеколюбия вообще, так и в более узком смысле — воспитанности, образованности.

Оригинальное объяснение тактики антонианцев в битве при Акции прозвучало в докладе *В. Н. Парфенова* (Саратов) «От триумvirата к принципату. Социально-политические проблемы Актийской войны». По его мнению, бегство Клеопатры в действительности являлось частью общего плана прорыва, который удался лишь частично.

В докладе *И. А. Гвоздевой* (Москва) «Организация земель государственного фонда в Риме при Августе» было показано, как Август, проводя политику поддержания социального порядка, заложил основу государственной политики по учету резервного фонда общественных земель, что было необходимо в условиях массового выведения колоний и больших масштабов ассигнаций при Августе как в Италии, так и в провинциях.

Я. Ю. Межеричкий (Воронеж) в докладе «„Милосердие“ Октавиана Августа» на примере одной из основополагающих добродетелей (clementia) показал, сколь большой разрыв существовал между официальным обликом императора и бытовавшими в Риме представлениями.

В докладе *М. С. Садовской* (Горький) «Тибериус Клавдий Когидубн (К вопросу о романизации Британии в I в. н. э.)» были приведены веские аргументы в пользу того, что известная вилла в Фишборне принадлежала не Когидубну, а Агриколе, являлась его летней резиденцией, и, следовательно, не может свидетельствовать о романизации Британии в I в. н. э.

Различным формам внешней политики Римской державы на Востоке были посвящены доклады *А. В. Шмалько* (Харьков) «Рим и царство Понт в I в. н. э.» и *А. Г. Бандеровского* (Львов) «Северо-восточное направление римской экспансии и формы исторических контактов Римской империи с племенами Карпатского региона (I—III вв. н. э.)». В первом докладе речь шла о том, как и почему Понт оказался включенным в состав Римской империи. По мнению второго докладчика, район Карпатских гор после завоевания Дакии превратился в зону непосредственного активного римского влияния, которое проявлялось в строительстве римских кастелей, дорог, торговых стан-

ций, появлении новых ремесленных центров и мест добычи полезных ископаемых, налаживании системы торговли и обмена.

А. Б. Егоров (Ленинград) в докладе «Проблемы титулатуры! римских императоров» показал, как анализ различных элементов этих титулов помогает проследить тенденцию усиления монархического и отступления полисно-республиканского принципа в образе правителя, особенно начиная с III в. н. э. *О. И. Ханкевич* (Минск) выступила с сообщением «К вопросу о характере римских *contiones* в римском государстве во II в. до н. э.».

Целый ряд докладов был посвящен проблемам истории Римской империи III—V вв. н. э. В докладе *Ю. Б. Циркина* (Новгород) «Социальный, политический и идеологический кризис III в. на территории Испании» было показано, что результаты и последствия кризиса III в. в различных областях Испании зависели от уровня романизации отдельных зон. Поэтому новые отношения рождались в Южной и Восточной Испании в результате преобразования античных, а в остальных районах страны в ходе синтеза античных и доримских отношений.

В докладе *А. В. Коптева* (Москва) была показана судьба *SC Claudianum* в эпоху Поздней империи, когда форма и содержание сенатус-консульта пришли в противоречие. Закон требовал обращения женщины, ставшей женой раба, и ее детей в рабство, но обычно этого не происходило. Поэтому его действие обставлялось различными оговорками, и в конце концов он был отменен Юстинианом, что, однако, не означало стирания юридической грани между рабами и свободными.

С. А. Лазарев (Москва) в докладе «*Limitanei* в III—IV вв. н. э.» привел данные, свидетельствующие о том, что эта специфическая категория пограничных войск, близкая к военным поселенцам, получает широкое распространение лишь в начале V в., когда практика владения и обработки земли солдатами становится повсеместной и узаконенной, в то время как в III—IV вв. такая форма пограничной службы была исключением и применялась только к племенам варваров.

В сообщении *И. Е. Ермоловой* (Москва) «Аммиан Марцелин об общественном строе готских племен в конце IV в.» были изложены результаты анализа употребления этим автором различных социальных терминов применительно к готам.

Е. В. Ляпустина (Москва) в докладе «Изменения в социальной структуре муниципиев в западных провинциях Римской империи в IV—V вв.» обратила внимание на противоречивость процесса разложения сословия декурионов и соответственно политики императоров по отношению к нему, а также на влияние социальных изменений на внешний облик городов, в частности галло-римских.

Разбору сведений римских авторов о войнах с Карфагеном был посвящен доклад *К. А. Ревяко* (Минск) «Римские авторы о Пунических войнах». *А. Ю. Чирва* (Ленинград) выступила с докладом «Драматургия Сенеки в идеологической жизни Рима I в. н. э.». По ее мнению, трагедии! Сенеки, взятые в целом, должны рассматриваться как важное звено в идеологической жизни Рима той эпохи. Предполагается, что они имели политико-дидактическую задачу, но ориентировались также на живой театр, учитывали его эстетические возможности.

В докладе *Н. Х. Керасиди* (Симферополь) «Из истории политической борьбы в античных государствах (На материале сочинений Сенеки и Плутарха по поводу изгнанных)» анализировались факторы, определявшие степень тяжести такого наказания, как изгнание, для гражданина и для его родного полиса, терявшего своих лучших представителей.

Н. И. Соловьянов (Москва) в сообщении «Греческие культы в нижнемезийских частях римской армии I—III вв. н. э.» показал, что среди воинов этих частей были распространены лишь те греческие культы, которые официально почитались в Риме, и сам процесс их распространения не являлся результатом прямого греческого влияния, а был опосредован Римом.

Месту творчества Пруденция в процессе развития идеологии в условиях смены государственной религии был посвящен доклад *Л. Е. Семенова* (Йошкар-Ола) «Пруденций и этапы литературной полемики христиан с язычниками».

В докладе *Н. В. Шабурова* (Москва) «Герметизм и гностицизм (К постановке проблемы)» на основе анализа ряда трактатов герметического корпуса было показано, что,

несмотря на несомненную близость к гностицизму, герметизм нельзя рассматривать как одно из его направлений.

В обсуждении докладов по истории древнего Рима приняли участие Е. С. Голубцова, А. Б. Егоров, Я. Ю. Заборовский, Е. В. Ляпустина, И. Л. Маяк, Я. Ю. Межеридский, А. В. Поздняков, Г. С. Самохина, С. Ю. Сапрыкин, В. М. Смирин, В. В. Халдеев, Ю. Б. Циркин, В. П. Яйленко. В прениях был высказан ряд интересных конкретных замечаний и отмечено научное значение рассмотренных в докладах проблем.

На заседании секции филологии и источниковедения было заслушано 4 доклада.

Л. Б. Поплаевская (Ленинград) в докладе «Страсбургские эподы (Fg. 115—117 Westb)» остановилась на вопросе об авторстве двух папирусных фрагментов Страсбургских эподов и на основании анализа лексики и стиля сочла наиболее вероятной гипотезу о принадлежности первого из них Архилоху.

В. Н. Ярхо (Москва) в докладе «Новый папирусный отрывок древнегреческого пародийного эпоса» сообщил о новом папирусном отрывке II—I вв. до н. э., представляющем собой отрывок из поэмы, которая может быть названа «Война мышей с ласками». На основании анализа и перевода фрагмента поэмы в докладе предпринята попытка соотнести его с другими известными нам образцами пародийного эпоса.

Г. П. Чистяков (Москва) в докладе «Где было создано „Описание Эллады?“» указал на ряд аргументов, согласно которым Павсаний завершил работу над своим трудом не в Риме, а в Пергаме; он использовал материалы Пергамской библиотеки, в частности сочинение Неанфа из Кизика.

О. Н. Мамина (Свердловск) выступила с сообщением «„Amicitia“ в сочинениях Сидония Аполлинария», в котором было показано, что, по убеждению Сидония, в его время старинная дружба являлась сословной привилегией исключительно родовитой знати. Вместе с тем концепция дружбы Сидония была далека от официальной правительственной трактовки этого понятия, а также от индивидуалистических и пессимистических мировоззренческих концепций, получивших распространение в Поздней Римской империи.

В обсуждении докладов приняли участие А. Н. Анфертьев, В. Н. Ярхо, В. Н. Илюшечкин, Л. В. Павленко.

Утреннее пленарное заседание в последний день работы конференции открылось докладом *Д. Б. Шелова* (Москва) «Идея всепонтийского единства в древности». Осознание географо-экономической общности государств Черноморского бассейна, по мнению докладчика, привело в конце IV в. до н. э. к возникновению идеи создания единого всепонтийского государства, причем первоначальными носителями ее были правители полуварварских государств, расположенных по бережьям Понта Евксинского (деятельность понтийского царя Фарнака I и его внука Митридата VI). Таким образом, создание Понтийской державы Митридатом VI Евпатором было подготовлено не только предыдущим экономическим развитием региона, но и осознанием закономерности и целесообразности такого объединения жителями региона.

В. Д. Жигунин и *А. С. Шофман* (Казань) в докладе «Становление и развитие эллинистической идеологии (Постановка проблемы)» пришли к выводу, что формы идеологии эллинизма имеют два истока — эллинскую идеологию эпохи кризиса полиса и восточную идеологию I тыс. до н. э. Основной чертой политического сознания стала идея преодоления политической разобщенности народов. В докладе был также проведен анализ правовых представлений, эстетического и религиозного сознания эллинистической эпохи.

И. С. Свенцицкая (Москва) в докладе «Царский культ в эллинистических полисах» рассмотрела это явление как одну из особенностей идеологической жизни эллинистических полисов. Докладчик показала, как в царских культах переплелись различные политические и социально-психологические мотивы: почитание могущественного полководца, желание получить его покровительство в условиях, когда вера в традиционных богов ослабела, установление связи полиса лично с почитаемым правителем. Граждане полисов не подчинялись царю как рабы-варвары, но как бы добровольно признавали его своим божеством-покровителем, устанавливая личную связь с ним, и именно

поэтому каждый город имел свой культ царя, а почетные эпитеты, прилагаемые к царю, могли быть различными в разных городах.

«Предназначение царской власти в оценке общественной мысли древнего Переднеазиатского Средиземноморья» явилось темой доклада *И. Ш. Шифмана* (Ленинград). По мнению докладчика, царь воспринимался как воплощение благополучия общества (болезни и другие аналогичные явления, лишаящие царя возможности эффективно осуществлять свои функции, были достаточным основанием для его смещения, так как воспринимались как угроза благополучию общества) и как гарант осуществления космического порядка и стабильности, прежде всего осуществления справедливости и правосудия (отсюда судебские функции и функции главы всенародного ополчения). С развитием монотеистического учения предназначение царя видится в служении божеству, и он оценивается только с позиций его соответствия этой миссии.

По мнению *А. И. Немировского* (Москва), сделавшего доклад «Из истории римско-эллинистических культурных контактов (Библиотека Персея)», состав библиотеки македонских царей может быть установлен с помощью анализа «Всеобщей истории» Полибия, поскольку характер цитирования позволяет предположить, что книги находились в непосредственном распоряжении историка. С этой библиотекой связано также начало копирования книг в Риме.

При обсуждении докладов *Т. В. Блаватская* высказала сомнение по поводу идеи о всепонтийском единстве, выдвинутой *Д. Б. Шеловым*. *Э. Д. Фролов*, напротив, поддержал точку зрения *Д. Б. Шелова*. В прениях также выступили *Д. Г. Редер* и *В. Л. Цымбурский*.

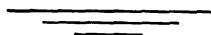
На последнем пленарном заседании конференции обсуждались работа ВДИ за истекший период и направления дальнейших исследований и публикаций. Ответственный секретарь редакции *А. И. Павловская* в докладе «Об итогах работы ВДИ за 1981—1983 гг. и плане на 1984—1985 гг.» охарактеризовала содержание опубликованного за отчетный период материала, отметив, что наряду с указанными *З. В. Удальцовой* статьями общетеоретического характера в журнале публиковались исследования по проблемам типологии государства в древнем мире, социальной структуры и социальной борьбы, культуры и идеологии в древнем мире, взаимоотношений античного мира с племенной периферией, рассматривались некоторые аспекты проблем экономики, рабства, общинной структуры, взаимосвязи античной и древневосточных цивилизаций, континуитета в развитии культуры античного мира и средневековья, некоторые вопросы лингвистики и древневосточного права. В плане работы журнала на ближайшие годы и сохраняет свое значение разработка таких проблем, как прогресс и регресс в истории, типологические особенности в развитии древневосточного города, греческого и эллинистического полиса и римской *cititas*, проблема эллинизма, взаимоотношения греческих полисов Причерноморья с племенным миром, проблемы древнейшей римской государственности, общее и особенное в развитии римских провинций и др. В докладе была поставлена задача приложить максимум усилий для улучшения работы отдела критики и библиографии, который был и остается наиболее трудным участком работы журнала. В современных условиях обострения борьбы с буржуазным мировоззрением, антисоветской и антикоммунистической пропагандой необходимо наряду с рецензированием книг и историографическими обзорами создавать и публиковать исследовательские работы, содержащие критический анализ научного творчества ведущих зарубежных ученых, а главное — анализ основных направлений и школ в современной зарубежной историографии древнего мира. Следует выправить и положение с рецензированием книг советских авторов: оно должно быть планомерным и более критичным. В журнале очень мало оперативной информации о новейших открытиях в области археологии, эпиграфики, папирологии, поэтому докладчик обратилась к участникам конференции с просьбой помогать в сборе экспресс-информации о зарубежных археологических открытиях и своевременно представлять в ВДИ информацию об археологических и эпиграфических открытиях в нашей стране.

А. И. Павловская ознакомила участников конференции с имеющимися заявками на публикацию переводов в отделе «Приложение» и предложила высказаться по тематике этого раздела. В заключение она остановилась на некоторых технических вопросах, связанных с изданием журнала.

Затем состоялось обсуждение работы журнала, в ходе которого выступили В. Н. Ярхо, А. И. Немировский, И. С. Свенцицкая, Я. Ю. Заборовский, А. А. Молчанов, В. М. Смирин, В. П. Яйленко, Э. Д. Фролов, В. М. Строгоцкий, А. В. Подосинов, Э. И. Соломоник, А. И. Болтунова, А. Н. Анфертьев, Л. П. Маринович, Т. В. Блаватская. Были затронуты вопросы о привлечении молодых авторов к написанию рецензий и обзоров, о задачах охраны эпиграфических памятников и роли ВДИ в их публикации, о структуре и назначении «Приложений», о транскрипции греческих имен и названий, о необходимости оперативной информации о важнейших археологических и эпиграфических открытиях. Критикуя отдельные стороны деятельности редколлегии и редакции, участники конференции одобрили в целом направление работы журнала. На этом конференция завершила свою работу.

Прошедшая IX авторско-читательская конференция ВДИ подтвердила плодотворность такой формы работы журнала. Она дала новый импульс исследованиям по древней истории в нашей стране.

О. Б. Лопухова, Е. В. Ляпустина

(1932—1984)

10 сентября 1984 г. в возрасте 52 лет скоропостижно скончался выдающийся специалист по истории, культуре и искусству древнего и раннесредневекового Ирана, востоковед и археолог, заведующий Отделом Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук Владимир Григорьевич Луконин.

В. Г. Луконин родился 21 января 1932 г. в Ленинграде. В 1955 г., окончив Восточный факультет Ленинградского университета, он поступил в аспирантуру Государственного Эрмитажа, где под руководством академика И. А. Орбели и чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Сложение сасанидского государства и формирование памятников официального стиля в искусстве». В течение 30 лет (1950—1980 гг.) он участвовал в археологических раскопках Пянджикента и других памятников Средней Азии. С 1964 г. и до последних своих дней В. Г. Луконин руководил Отделом Востока Государственного Эрмитажа, был членом редколлегии серии «Культура народов Востока», журнала «Эпиграфика Востока». В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию «Раннесасанидский Иран. Некоторые проблемы истории и культуры».

Уже в первых своих работах В. Г. Луконин показал, что для истории Ирана III — начала VII в., изучавшейся ранее главным образом на основе арабских, византийских, армянских и сирийских источников, первостепенное значение имеют сасанидские надписи, наскальные рельефы, памятники глиптики и монеты. Многие из этих памятников В. Г. Луконин тщательно исследовал и опубликовал, в том числе собрания монет, гемм и булл из музеев СССР. Работая в Государственном Эрмитаже, где хранятся уникальные коллекции памятников сасанидского искусства, В. Г. Луконин стал первоклассным знатоком древнеиранской культуры, тонко понимавшим пути ее развития на протяжении тысячелетий, от мидийского периода до конца сасанидского, и своеобразии каждого из этих периодов. В своих трудах он мастерски воссоздавал цельную, живую и в то же время лишенную всяких упрощений картину истории Ирана, его культуры и искусства.

В. Г. Луконин опубликовал более 80 работ, в том числе 14 книг. Среди них: «Памятники культуры сасанидского Ирана» (Л., 1960), «Иран в эпоху первых Сасанидов» (Л., 1961), «Сасанидские геммы» (в соавторстве с А. Я. Борисовым), «Persia» (Paris, 1967, в серии «Archaeologia Mundi» — на французском и немецком языках), «Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры» (М., 1969), «Искусство древнего Востока» (М., 1976, в соавторстве с В. К. Афанасьевой и Н. А. Померанцевой; издана также в немецком переводе в ГДР), «Иран в III в.» (М., 1979), «Культура и экономика древнего Ирана» (М., 1980, в соавторстве с М. А. Дандамаевым) и др. В печати находятся его книги «Ювелирные изделия Востока. Древний и средневековый периоды» (совместно с А. А. Ивановым и Л. С. Смесовой, изд-во «Искусство»), «Памятники Ирана в собраниях СССР» (на английском языке, совместно с А. А. Ивановым, изд-во «Аврора») и ряд крупных статей.

Многие работы В. Г. Луконина опубликованы в ведущих зарубежных журналах. Ему принадлежат главы по истории Парфии и сасанидского Ирана в III томе международного издания «Cambridge History of Iran» (Cambridge, 1984), его книга «Иран в эпоху первых Сасанидов» в переводе на персидский язык опубликована в Иране. В. Г. Луконин был членом редколлегии «Iranica Antiqua» (Бельгия), членом Международной ассоциации «Corpus Inscriptionum Iranicarum», иностранным членом Бельгийской Академии наук и Германского Археологического Института. Начиная с 1960 г. он принимал участие в международных конгрессах по востоковедению, искусству, археологии и культуре Ирана и смежных стран в Москве, Ленинграде, Душанбе, Тегеране, Ширазе, Париже, Оксфорде, был организатором многочисленных выставок Государственного Эрмитажа, которые демонстрировались в Иране, Бельгии, Англии и во многих других странах мира. В. Г. Луконин руководил работой многочисленных аспирантов и младших коллег, выступал с лекциями в университетах Ленинграда, Баку, Еревана, Ташкента, Тбилиси, во многих других учреждениях нашей страны и за рубежом — в Генте (Бельгия), в Метрополитен-музее (США).

Весть о безвременной кончине В. Г. Луконина отозвалась глубокой скорбью не только в научных центрах СССР, но и далеко за пределами нашей страны. Смерть Владимира Григорьевича — тяжелая утрата не только для науки, но и для всех, кто имел счастье знать его и работать рядом с ним на протяжении многих лет. Он был человеком большого дарования, бесконечно преданным науке, самоотверженным по отношению к друзьям и коллегам, щедрым учителем молодежи. Светлая память о нем будет жить в его трудах и сердцах его друзей, учеников и коллег.

*Государственный Эрмитаж
Ленинградское Отделение Института востоковедения АН СССР
Редколлегия и редакция «Вестника древней истории»*

ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ

(1927—1984)

13 августа 1984 г. безвременно скончался видный исследователь истории древней Греции, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена Владислав Николаевич Андреев.

Исследовательская деятельность В. Н. Андреева была сосредоточена на одной из ключевых проблем истории древнего мира — социально-экономической истории Аттики V—IV вв. до н. э. — и нашла свое отражение в написанном им для коллективной монографии «Античная Греция» (т. I, М., 1983) разделе «Аграрные отношения в Аттике V—IV вв. до н. э.», а также в ряде статей, значительная часть которых опубликована в «Вестнике древней истории». Научную позицию В. Н. Андреева характеризовало прежде всего неукооснительное стремление избежать какой бы то ни было модернизации истории античного мира, в частности, глубокое убеждение в своеобразии античных экономических отношений.

Работы В. Н. Андреева основывались всегда на исчерпывающем изучении источников. В ходе исследований им была составлена уникальная картотека текстов, характеризующих социальный статус и имущественное положение всех известным нам жителей Аттики, которая может принести большую пользу исследователям истории Афин классической эпохи.

Уже кандидатская диссертация В. Н. Андреева внесла существенные поправки в традиционную картину быстрой концентрации земельной собственности в Аттике после Пелопоннесской войны. Умение посмотреть по-новому на давно известный материал, интуиция историка, подкрепляемая филологическим анализом текста источников, позволили В. Н. Андрееву определить на основе косвенных свидетельств цену земли в Аттике классической эпохи, дать оригинальную интерпретацию сведений Демосфена о банковских операциях афинского богача Пасиона, по-новому понять важные подробности способа эксплуатации серебряных рудников в Лаврии.

Доклады и статьи В. Н. Андреева всегда встречали живой отклик, нередко становились и объектом споров, и исходным пунктом для дальнейших исследований. Работы его широко известны как отечественным, так и зарубежным исследователям социально-экономической истории, значение их было отмечено в ряде выступлений на международных конгрессах историков. Выходящий в ГДР журнал «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte» начал в 1983 г. публикацию серии статей В. Н. Андреева в переводе на немецкий язык.

В. Н. Андреев подвел итог своим многолетним исследованиям в обобщающем труде «Богатство и богатые граждане в социально-экономической структуре Афин V—IV вв. до н. э.», который был им представлен для защиты в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. К сожалению, он не успел ее защитить; опубликование этого труда послужило бы дальнейшему развитию советской историографии античности.

Начав свою преподавательскую деятельность в 1949 г. в Благовещенском педагогическом институте, В. Н. Андреев более 20 лет проработал на кафедре всеобщей истории Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, где преподавал историю древнего мира. Этой работе он отдавал много труда и душевных сил. Для него важно было не просто привить студентам интерес и любовь к античной истории, раскрыв перед ними ее богатство и неповторимость, но и научить их самостоятельно мыслить. Его лекции и практические занятия благодаря четкой постановке проблем, яркому и выразительному освещению исторических событий всегда давали обильную пищу для размышлений. Долгие годы В. Н. Андреев был бессменным руководителем студенческого кружка по истории древнего мира, привлекая студентов широким историческим кругозором, оригинальностью мышления и необычным тактом по отношению к ученикам.

В. Н. Андреев вел большую общественную работу, сочетая твердую партийную принципиальность с доброжелательностью и к студентам и коллегам. Владислав Николаевич всегда пользовался глубоким уважением товарищей по работе и друзей, для которых его утрата невосполнима и вызывает тем более горькое чувство сожаления, что он ушел из жизни в расцвете творческих сил. Все, кто знал Владислава Николаевича, навсегда сохраняют о нем память как о талантливом ученом и педагоге.

*Кафедра всеобщей истории ЛГПИ им. А. И. Герцена
Редколлегия и редакция «Вестника древней истории»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

STESICHORI FRAGMENTA

СТЕСИХОР. ФРАГМЕНТЫ

Перевод с древнегреческого и комментарии *Н. Н. Казанского*

Под редакцией *М. Л. Гаспарова*

За последние десятилетия благодаря папирусным находкам расширились наши знания о творчестве Стесихора, поэта, которого античная традиция неизменно помещала в число десяти крупнейших греческих лириков. Если прежде можно было лишь догадываться об особенностях его творчества и о том влиянии, какое он оказал на последующую литературу, то сейчас многое прояснилось. Так, если в конце прошлого века У. фон Виламовиц постулировал, что в поэмах Стесихора была прямая речь персонажей, то теперь, после папирусных находок, мы знаем, что это обычный стесихоровский прием¹. Крупицы доступных нам знаний о Стесихоре есть смысл свести воедино в интересах не только историков литературы², но и историков античного искусства, античной культуры³.

Такой свод фрагментов сам по себе, без предварительной обработки, стоил бы немного. Поэтому при издании фрагментов предпринята попытка реконструировать каждую поэму. Это удалось, разумеется, не всюду; но переводчик стремился дать возможно более полную реконструкцию каждого из произведений.

Говорить специально о методах реконструкции здесь вряд ли уместно. Основное помещено в комментарии к фрагментам. Опущены лишь расчеты, показывающие со-

¹ См. *Göttingischen gelehrte Anzeigen*, 164, 1900, S. 42; *Чистякова Н. А.* Древняя поэзия греческого Запада (Возвращение Стесихора). — ВДИ, 1980, № 4, с. 36—52.

² Ср. у М. Л. Гаспарова: «Из всех потерь, которые так болезненно чувствуются при восстановлении истории греческой лирики, потеря сочинений Стесихора — самая тяжелая» (*Гаспаров М. Л.* Древнегреческая хоровая лирика. — В кн.: *Пиндар, Вакхилид.* Оды. Фрагменты. М., 1980, с. 344).

³ При ограниченности наших знаний об эпохе греческой архаики любая сводка фактов, любые новые данные приобретают исключительно важное значение.

отношение метрической схемы поэмы с расположением фрагментов в разрушенном папирусном свитке. Такие расчеты существуют для «Разрушения Трои» и «Гериониды». Некоторые фрагменты отнесены не к тем поэмам, к каким их относит издание Д. Пейджа⁴. Это также регулярно оговаривается в примечаниях, где отмечены также все случаи, когда переводчик отступал от традиционных чтений и реконструкций.

Свидетельства о жизни и творчестве Стесихора — это также фрагменты, на основании которых может быть предпринята реконструкция творческой биографии.

К сожалению, специальные работы о жизни Стесихора почти полностью оказались для нас недоступными. Если результаты исследования Ф. Рафаэле (Raffaele F. Indagini sul problema stesicoreo. Catania, 1937) вошли в общие пособия⁵, то статьи J. L. Calvo Martinez (Estesicoro de Himera. — *Durius*, 11, 1974, p. 311—342) и A. L. Eire (Un poeta llamado Estesicoro. — *Eclás*, XVIII, 1974, p. 27—60) известны нам только по названиям.

Стесихор родился, как сообщает словарь «Свида» в 37-ю олимпиаду (632—629 гг. до н. э.) и умер в 56-ю олимпиаду (556—553 гг. до н. э.). Дотого как он начал ставить хоровые песни, его звали Тисий (Τεσιίας). Прозвище Стесихор буквально значит «устроитель хоров».

О семье, из которой происходил Стесихор, мы почти ничего не знаем. Традиция сообщает несколько имен, упоминая отца Стесихора: Эвферб, Эвклид, Эвфем, а также Гьет («Υετος) и Гесиод. Предлагались доводы в защиту одного из этих имен: отмечалось, что Платон (Phaedr. 244 A) зовет его сыном Эвфема и что имя Эвферб могло появиться в поздней традиции под влиянием стиха Христорора, написавшего, что Стесихора вскормила (ἐφάρβε) сицилийская земля⁶; отмечалось далее, что имя Гесиод могло появиться не случайно: уже в античности отметили преемственность между Гесиодом и Стесихором⁷. Как видно по последнему примеру, в традиции наблюдалось переосмысление имен, а не простая путаница.

Имя матери поэта до нас не дошло, но известны имена двух братьев Стесихора — Гелианакт (Ἡλιανὰξ, в дорийской форме Αλιανὰξ) и Мамертин (Μαμέρτινος). Имена Гелианакт и Тисий — это старшие греческие имена, в то время как имя Мамертин — особое, находящее параллели только в Италии. В основе этого имени лежит теоним Mamert-, ср. лат. Марс; эта же основа отражена и в топонимике: Mamertina civitas = Messana. Даже если данное имя представляет собой итальянскую кальку греческого имени, начинающегося с основы Арей-, все равно есть основание думать, что мать Стесихора не была гречанкой: только ее влиянием можно объяснить негреческое имя сына. Все три брата отличались каждый на своем поприще. Гелианакт стал законодателем, Мамертин — геометром, а Тисий — поэтом.

Семья жила в одном из городов Великой Греции. Обычно Стесихор называется Гимерским, однако по одному из свидетельств он жил в Матавре, локрской колонии на юге Италии (Steph. Byz., s. v. Μάταυρος). Это свидетельство еще раз подтверждает итальянское происхождение имени Мамертин. Традиция связывает Стесихора с Гимерой, городом⁸ на северном побережье Сицилии. Там находилась золотая статуя поэта, которую видел еще Цицерон (Verr. II, 35). Изображение Стесихора украшало гимерские монеты.

Могилу Стесихора показывали в Катане (Phot., s. v. πάντα ὄκτω, Anth. Pa¹. VII, 75). Причиной переселения поэта из Гимеры считали его ссору с тираном Фаларидом Агригентским, происшедшую в последние десятилетия жизни поэта. Предосте-

⁴ Фрагменты Стесихора собраны в основном в двух изданиях Д. Пейджа: *Poetae melici Graeci*/Ed. Page D. Oxf., 1962 (далее — PMG); *Supplementum lyricis Graecis*/Ed. Page D. Oxf., 1974 (далее — S).

⁵ За последние десятилетия публикация найденных в Египте папирусов (древний Оксирих) сильно расширила наши знания о творчестве поэта, но основными обобщениями остаются книги: *Bowra C. M. Greek Lyric Poetry*. Oxf., 1961; *Vürtheim J. Stesichoros' Fragmente und Biographie*. Leiden, 1949; *Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur*. 3. Aufl. Bern. 1971; *Treu M. Stesichorus*. — RE, Suppl. XI, S. 1253—1256.

⁶ Ср. *Vürtheim*. Op. cit., S. 100.

⁷ Есть прямое свидетельство, что Гесиод упоминался у Стесихора; ср. PMG (Argum. a in Hes. Scut. p. 267 Rzach).

регая сограждан от тирании, Стесихор написал басню. Существует попытка реконструкции этого текста, предпринятая Фр. Адрадосом⁸. Против деталей этой реконструкции можно высказать целый ряд замечаний, но то, что Стесихор не был чужд политике, представляется бесспорным.

Даты жизни поэта определенно не установлены: свидетельство словаря «Свида», называющего годы примерно 630 — ок. 555 г. до н. э., наталкивается на противоречие хроники «Паросского мрамора», отмечающей под 485 г. до н. э. первую победу Эсхила, рождение Еврипида и «прибытие поэта Стесихора в Грецию». Та же хроника под 370/369 г. до н. э. указывает прибытие второго Стесихора, победившего в Афинах с поэмой «Циклоп» (PMG 841).

Разрешить эту хронологическую неувязку пытались неоднократно. У. фон Виламовиц пытался показать, что Стесихор просто не вошел в паросскую хроникку⁹, и постулировал в греческой литературе трех Стесихоров из Гимеры. Такое предположение маловероятно и сейчас исследователи склонны видеть в свидетельстве «Паросского мрамора» неточность или путаницу в датах. Нам представляется возможным видеть в этом свидетельстве неточность в форме выражения: отмечать, что «Стесихор из Гимеры прибыл в Элладу», кажется странным. Свидетельство о втором Стесихоре сообщает, что он поставил хоровое выступление и победил в соревновании хоров. Стесихор, нас интересующий, просто «прибыл в Элладу», т. е. не принимал участия в состязании хоров, не привез поэмы для постановки. Наконец, «прибыл в Элладу» при явной направленности «Паросского мрамора» на историю Аттики также не кажется слишком точной формулировкой. За этим текстом должно бы стоять сообщение о постановке поэмы (или поэм?) в хоровом исполнении, причем скорее всего именно в Афинах. Мы знаем, что во времена Писистрата и Писистратидов было распространенным увлечение гомеровским эпосом. Нет оснований думать, что до начала тирании Стесихор уже успел стать популярным в Афинах. Период Греко-Персидских войн также не был благоприятным для хоровых постановок. Одновременно мы знаем, что в последней четверти V в. до н. э. обычай хоровых песнопений выходит из моды¹⁰. Таким образом, если признавать за «Паросским мрамором» достоверность даты, то дата — 485 г. до н. э. — должна восприниматься как дата знакомства афинской публики с произведениями Стесихора, как дата первой постановки его произведений; на состязаниях произведения почти вековой давности никакого места не получали. Дополнительным аргументом позднего знакомства с творчеством Стесихора в Афинах может служить то соображение, что Писистратиды вряд ли могли быть заинтересованы в популяризации творчества Стесихора или же, по крайней мере, той части творчества, которая была направлена против тирании.

Следует, впрочем, отметить, что датировка творчества Стесихора, даже если верна предложенная интерпретация хроники «Паросского мрамора», требует дальнейшего уточнения. О геометре Мамертине известно, что он занимал промежуточное положение между Фалесом (ок. 625 г. — ок. 545 г.) и Пифагором (ок. 540 г. — ок. 500 г.). Разница в возрасте между братьями заставляла исследователей критически рассматривать сообщаемые «Свидой» данные. Так, отмечалось, что дата рождения Стесихора может быть на самом деле датой смерти Алкмана¹¹, поскольку в хронологической последовательности лириков Стесихор следует за Алкманом. Попытки «омоложения» Стесихора предпринимаются и на основании косвенных данных¹².

Есть основание думать, что кроме путешествий по Великой Греции, о чем сообщают античные источники, Стесихор предпринял путешествие в Пелопоннес, где ставил выступления хора¹³. Ряд произведений, например «Орестея», должен быть отнесен

⁸ *Adrados Fr. R. Neue jambische Fragmente aus archaischer und klassischer Zeit.* — *Philologus*, 126, 1982, 2, S. 157—173.

⁹ *Wilamowitz-Möllendorff U. von. Sappho und Simonides. B.*, 1913, S. 233—239.

¹⁰ См. обширную подборку фактов в статье: *Рудулите А. В.* История текста Алкмана в античные времена. — *Literatura (Vilnius)*, XXV (3), p. 10—11.

¹¹ *Värtheim. Op. cit.*, S. 105.

¹² Например, см. *Bicknell P.* The Date of the Battle of the Sarga River. — *Phoenix*, XX, 1966, p. 294—301.

¹³ Подробнее об этом см. *Bowra C. M.* Stesichorus in the Peloponnese. — *ClQ*, 1934, p. 115—119.

именно к этому периоду. Очевидно, что в Пелопоннес Стесихор был приглашен не в начале творческого пути и не в самом конце жизни, когда он жил в Катане.

Прямых свидетельств античных авторов о творчестве Стесихора нет, но тем не менее попытаемся на основании косвенных данных проследить его эволюцию.

Первое, что можно сделать, — это определить, какая часть наследия поэта нам известна. «Свида» сообщает, что наследие Стесихора составляло 26 книг. Несомненно, такое деление принадлежит александрийским ученым и до определенной степени связано с издательской деятельностью александрийцев: можно думать, что книга соответствовала свитку папируса.

До нас дошли названия произведений Стесихора. Посмотрим, как соотносится то, что мы знаем хотя бы по заглавию, с общим итогом творчества Стесихора:

Название произведения	Число книг	Название произведения	Число книг
Игры по Пелию	1	Эриффила	1
Герионеида	1	Эдиподия (?)	1
Цербер	1	Разрушение Трои	1
Кикн	1	Носты	1
Сцилла	1	Орестея	2
Охота на вепря	1	Елена и Палинодия	2
Эвропея	1		

Как можно видеть, мы знаем даже по названиям немногим более половины наследия Стесихора. Даже если включить в число произведений Стесихора приписываемые ему поэмы «Калика», «Радина» и «Дафнис», если предположить, что существовали отдельные гимны и пеаны и отдельная книга ямбов¹⁴, все равно невозможно сказать, что из наследия Стесихора нам известно не более двух третей. Мы знаем, что составляла недошедшая до нас даже в названиях часть наследия. Осторожнее было бы говорить о том, что нам в отрывках известна примерно половина произведений Стесихора.

Прямых свидетельств для составления хронологической последовательности создания даже известных поэм у нас нет. Однако благодаря папирусным находкам появилась возможность распределить поэмы Стесихора в порядке метрической эволюции в сопоставлении с Алкманом и с Ивиком¹⁵.

Автор, произведение	дактиль	ямб	— — — —
Алкман (PMG 1)	30%	70%	0%
Алкман (PMG 2)	50%	40%	10%
Стесихор, «Эдиподия»	68%	20%	12%
Стесихор, «Эриффила»	ок. 85%	0%	ок. 15%
Стесихор, «Носты»	ок. 89%	0%	ок. 11%
Стесихор, «Орестея»	ок. 92%	0%	ок. 8%
Стесихор, «Разрушение Трои»	92%	0%	8%
Стесихор, «Герионеида»	100%	0%	0%
Ивик (PMG 282)	100%	0%	0%

Представленные расчеты сделаны по строкам папируса; от этого принципа мы отступили, лишь выделяя последовательность — — ∪ — — (которая, заметим в скобках, представляет собой вариант эпитрита; в ряде фрагментов то, что у нас попало в ямб, на деле может быть также последовательностью эпитритов: — ∪ —). Папирусная традиция лишь спорадически выделяет последовательность — — ∪ — — в отдельную строку (так, она выделена в Р. Оху. 2619). Таким образом, данные этой таблицы приблизительны. Необходимо отметить, что даже будь эти данные исключи-

¹⁴ Это предположение принадлежит Фр. Адрадосу, ср. уже упомянутую его статью, а также книгу: *Adrados Fr. R. Historia de la fábula Greco-Latina*. Madrid, 1979.

¹⁵ О метрике Стесихора см. *Haslam M. W. Stesichorean Metre*. — *Quaderni Urbinati*, 17, 1974, p. 7—54; *Führer R. Muta cum liquida bei Stesichorus*. — *ZPE*, 28, 1978, p. 180; *Comotti G. Muta cum liquida nel nuovo Stesicoro Pap.* Lille 76 a, b, c. — *Quaderni Urbinati*, 26, 1976, p. 59—63.

тельно точны, нет оснований считать развитие стесихоровского творчества каким-то прямолинейным наполнением метрики дактилем и анапестом с целенаправленным изживанием других размеров. Разумеется, это не так. Но определенную ценность эта таблица сохраняет, относя к полярным по метрике «Эдиподию» и «ГерIONEИДУ». Любопытно, что рядом с «Эдиподией» стоит ее сюжетное продолжение — поэма «Эрифила».

Уже давно было отмечено, что поэмы Стесихора легко группируются по циклам. Конечно, невозможно утверждать, что Стесихор всегда создавал поэмы, сюжетно продолжающие одна другую. Но это в достаточной степени вероятно; по крайней мере вероятно, что близкие по сюжету произведения имели и сходную метрическую схему. Поэмы, относящиеся к фиванскому циклу мифов, как можно видеть, по метрике ближе всего к Алкману, в то время как цикл поэм о Геракле (судить, правда, можно только по метрике «ГерIONEИДЫ») почти полностью основан на дактиле и анапесте.

Троянский цикл мифов и аргосский цикл ближе всего между собой в метрическом отношении. Если иметь в виду, что именно для аргосского цикла поэм Боура предполагал спартанскую аудиторию, можно думать, что представленная таблица в какой-то мере действительно приближает нас к эволюции стесихоровского творчества.

Попробуем теперь верифицировать, насколько это возможно, полученную последовательность поэм. Данных для верификации немного, но все же они существуют.

Некоторые данные содержит языковой материал. Неоднократно отмечалось, что диалект Стесихора — не чисто дорийский. Обращалось внимание на сильное влияние со стороны эпоса. В последние годы высказывалось мнение, будто бы до 504 г. до н. э. Гомер был в Великой Греции неизвестен¹⁶. Это мнение исключает культурный обмен между греческим Востоком и греческим Западом, при том, что путешествия были обычны, Сафо была в Сицилии, торговый обмен с западной частью Средиземноморья шел через Великую Грецию. Мог ли торговый обмен никак не затронуть обмена духовными ценностями? Это кажется маловероятным. Бесспорно другое: эпос на греческом Западе никогда не играл той роли, какая ему была отведена на греческом Востоке.

Стесихор недаром был назван «наигомеричнейшим»: в его поэмах достижения гомеровского эпоса оказались слитыми с хоровой лирикой, придав лирическим произведениям развернутую фабулу эпического повествования; одновременно сохранялось разнообразие мелодий и интонаций, превосходившее то, что можно постулировать для эпоса. Речи персонажей, диалоги, взятые из эпоса, попав в лирический жанр, звучат по-новому, более живо и, если не более индивидуально, то более фольклорно.

Наряду с традиционными, литературными языковыми формами у Стесихора встречаются и формы, которые объяснимы лишь из живой стихии языка полуса. Уже давно отметили как «сицилийскую» языковую черту форму $\epsilon\acute{\iota}\nu$, засвидетельствованную у Стесихора (PMG 261) и Эпихарма. Новые папирусные фрагменты добавили еще две такие формы: инфинитивы от глагола быть $\epsilon\acute{\iota}\nu$ (в «ГерIONEИДЕ») и $\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\upsilon$ (в «Разрушении Трои»). Первая из этих форм находит параллели в говорах Эвбеи, а вторая представляет собой особенность некоторых дорийских диалектов¹⁷. Очевидно, что форма $\epsilon\acute{\iota}\nu$ была рассчитана на аудиторию, в значительной части состоявшую из переселенцев с Эвбеи. Можно думать, что такая аудитория была у Стесихора в Гимере, городе, основанном переселенцами из Халкидики на Эвбее. Можно думать, что «ГерIONEИДА» была написана для постановки в Гимере.

В той же «ГерIONEИДЕ» Геракл путешествует на Крайний Запад к Острову Блаженных в чаше (ладье) Солнца. Сам по себе этот мотив широко распространен. Здесь можно вспомнить и о ладье египетского бога Раи о хеттских представлениях, отражен-

¹⁶ Странники этого взгляда говорят о древней, восходящей еще к микенскому времени традиции, близкой к эпической, но с нею не тождественной: ср. «северную» и «южную» традиции в терминологии К. Павезе (*Pavese C. La lingua della poesia corale come lingua d'una tradizione poetica settentrionale.* — *Glotta*, 45, 1967, S. 164—185). С этим трудно согласиться. Нет сомнения, что хоровая лирика свои традиции имела, но становление хоровой лирики как литературного жанра неразрывно связано со всем ходом развития греческой архаической литературы и без эпического влияния, конечно, не обошлось.

¹⁷ Наиболее полная работа о языке Стесихора принадлежит М. Нетигеру (*Nettger M. Die Sprache des Stesichorus und des Ibycus.* Diss. Zürich, 1971). Здесь использован материал, изложенный далее.

ных в известной хеттской молитве¹⁸, которую долгое время использовали как исторический источник при определении пути, каким хетты пришли в Малую Азию: предполагалось, что только на побережье Каспийского моря хетты могли видеть встающее из моря солнце¹⁹. На самом деле речь идет о распространенных представлениях о мировоззрении. Эти представления отражены и в гомеровских поэмах, ср. *Od.* 3, 1 «Гелиос с моря прекрасного встал...». Насколько можно судить, представление о солнечной чаше ко времени Стесихора отошло на второй план²⁰. Видимо, «философские» и космогонические вопросы волновали Стесихора, в этой связи отметим упоминание им планеты Месонух²¹, занявшей определенное положение в представлениях Пифагора. Столь подробного описания движения солнца, какое демонстрирует «ГерIONEИДА», в греческом эпосе нет. Можно было бы думать, что интерес к этому предмету оживился после солнечного затмения 585 г. до н. э. и что эта деталь также подтверждает сравнительно позднюю датировку «ГерIONEИД».

Этические взгляды Стесихора можно проследить по вновь опубликованным фрагментам.

Во фрагментах «ЭДИПОДИИ» мы находим противопоставление *νεῖκος/φιλότης* «вражда»/«любовь». И одно и другое от богов; то и другое определяет человеческую жизнь. Позднее в философии Эмпедокла это противопоставление станет основой для понимания природы. У Стесихора это скорее психологическое обоснование человеческого поведения²². Более детальное обоснование человеческого поведения, поиск, причины для каждого события можно видеть во многих произведениях Стесихора.

Было бы неоправданным искать в поэмах Гомера, почему погибла Троя. Так решили боги:

«Будет некогда день, и погибнет великая Троя,
с нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама»

(Илиада, IV, 164—165, пер. Н. И. Гнедича)

Для Стесихора этого объяснения недостаточно. Идет смертный бой между греками, ворвавшимися в Троию обманом, и троянцами. Обе стороны имеют равные шансы на победу. Там, где Гомер удовлетворяется объяснением «таково решение богов», Стесихор ищет причину божеского решения и нравственного обоснования победы и поражения своих героев. Не найдя этого обоснования в мифологической традиции, он вкладывает это нравственное обоснование в поступки своих героев, заставляя их совершать действия, которые позднее будут квалифицированы как *ἔβρις*: троянцы гибнут, спасая родину, но гибнут оттого, что им ли бояться владычицы гнева, т. е. от непочтения к божеству. Мотивация действия, нравственная пружина, заложенная в традиционную фабулу, меняет эпическую констатацию факта на объяснение самого факта, нравственное обоснование события.

Приведем еще пример. Почему Герин гибнет от стрелы Геракла? Между Геринном и Гераклом идет смертный бой. Обе стороны имеют равные шансы на победу. Геринн гибнет, спасая свое стадо, но гибнет потому, что захотел стать одним из олимпийских богов, гибнет от своей собственной *ἔβρις*, заставляющей богов приговорить его к смерти в этом поединке.

¹⁸ Русский перевод Вяч. Вс. Иванова см. в книге «Луна, упавшая с неба» (М., 1977), с. 105: «Господин мой, Бог небесный Солнца, / Человечества пастух! Из моря / Ты приходишь в вышину, небесный...».

¹⁹ См., например: *Гамкрелидзе Т. В.* Хеттские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен.— Труды Ин-та языкознания АН ГрузССР. Сер. восточных языков. II. Тбилиси, 1957, с. 48.

²⁰ *Carena C.* La cosmologia di Thaletе e la coppa solare dei poeti ionici.— *Rivista Rosminiana* (Domodossola), 56, 1962, 1, p. 22—32. Речь здесь может идти о простом совпадении независимо от воспринятых взглядов. О восточных истоках представлений Фалеса см. *Лебедев А. В.* Демиург у Фалеса? — В кн.: Текст: структура и семантика. М., 1983, с. 51—66. Там же см. литературу.

²¹ См. *Bicknell P. J.* The Planet Mesonux.— *Apeiron*, II, 1968, 2, p. 10—12.

²² *Godolphin F. R. B.* Stesichorus and the Origins of the Psychological Treatment of Love.— *Capps' Studies*, 1937.

Пройдут десятилетия, прежде чем ὄψρις станет основным объяснением всех несчастий, поражающих как одного человека, так и всю общину. Здесь уже наличествуют зачатки того, что позднее даст ощущение л и ч н о й вины, губящей государство. В гибели Трои повинен предводитель троян, произнесший позорящие Афины слова, в Троянской войне виноваты Елена и отчасти ее отец Тиндарей, совершивший нечестие по отношению к Афродите. Его нечестие отмщается в его дочерях, но отмщается.

Мы видим, что в дальнейшем развитии греческой литературы именно эти нравственные идеи зреют и крепнут, причем характерно, что их расцвет совпадает с расцветом полиса. Вряд ли это совпадение можно назвать случайным: развитие моральных понятий, в том числе понятия о личной вине, губящей государство, идет параллельно с развитием других (в том числе и менее привлекательных) сторон полисной идеологии.

Пройдя несколько десятилетий, и именно в Великой Греции будет предпринята попытка создать государство на основе пифагорейского союза, преследовавшего в первую очередь цели нравственного совершенствования.

Нельзя также не отметить, что у истоков создания полисной идеологии стоит не эпос, а лирика, более чутко, чем эпос, откликавшаяся на сиюминутные вопросы, продиктованные политической ситуацией. В этом отношении поэмы Стесихора принадлежат к лирическому жанру.

Философские воззрения Стесихора по дошедшим до нас свидетельствам не очевидны. Вероятно, есть смысл объединить все, что мы знаем об особенностях его мировоззрения, и посмотреть на эти данные сквозь призму досократовской философии.

Уже упоминалось о противопоставлении νεῖκος/φιλότης как этической основы миропорядка, в смене которых проходит человеческая жизнь; в дальнейшем эти понятия лягут в основу картины мира, созданной Эмпедоклом. Упоминалось и о попытках сопоставить представления о солнечной чаше-ладье с космологией Фалеса и о возможных связях круга идей, лежащих в основе «Палинодии», с предпифагореизмом.

Хочется обратить внимание еще на два обстоятельства. Тема воскрешения из мертвых засвидетельствована в «Эрифиле». Капаней, согласно мифологической традиции, сражен молнией Зевса в момент, когда, взойдя на фиванскую стену, закричал, что и молния Зевса его не заставит отступить. Вероятно, до этого момента рассказ Стесихора во многом традиционен: Капаней гибнет, и вместе с ним гибнет Ликург (другие авторы его не причисляют к участникам похода — в этом первое отступление от мифа). Через некоторое время оба воскресают. Этот мотив был настолько нов, что приковал к себе внимание многих комментаторов: целых пять свидетельств говорят о воскрешении Капаней и Ликурга. До Стесихора греческая литература воскрешения мертвых не знала. Можно, конечно, предположить, что в основе Стесихоровой инновации лежат вполне конкретные наблюдения над шоковым состоянием при близком попадании молнии, с другой стороны, за этим же стоит осмысление обморочного состояния как смерти. Другим наблюдением, принадлежащим Стесихору, является усиленное внимание к снам. Конечно, и до Стесихора знали, что «сны от Зевеса бывают» (Илиада, I, 63), но сон Клитемнестры недаром привлёк внимание такого знатока сакрального, каким был Плутарх.

Можно видеть, что интерес Стесихора к естественнонаучным и психологическим, как мы бы сейчас их квалифицировали, данным проникал и в его произведения. Нельзя исключить, что эти интересы Стесихора хотя бы отчасти были связаны с деятельностью его братьев и что здесь открывается некоторая возможность проникнуть в темы, волновавшие современное Стесихору образованное общество.

В литературе, начиная с Ю. Н. Тынянова, часто делят писателей на архаистов и новаторов²³. Даже бегло оглядев историю античной литературы, можно прийти к выводу, что античные «новаторы» (в тыняновском понимании слова) до нас почти не дошли. Но и Стесихор до нас «почти не дошел». Кто он? «Архаист» или «новатор»?

Большая часть свидетельств, восходящих; к античным грамматикам, отмечает инновации: поэт выступает как новатор в метрике (им составлена триада), в сюжетосложении (многие сюжеты лишь благодаря Стесихору приобрели популярность, например Герион, изображения которого до VI в. до н. э. на вазах не обнаружены), в мотивации поведения героев и пр.

²³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.

Одновременно общими фразами подчеркивается и его приверженность традиции: такие определения, как «наигомеричнейший» (у Лонгина), «поддержал лирой бремя эпической песни» (у Квинтиллиана), подчеркивают преемственность стесихоровского творчества и отсутствие резкого противопоставления предшествующей традиции. Часто и эти свидетельства включают в числе инноваций поэта, замечая, что Стесихор включил эпические средства в арсенал средств лирической поэзии. Однако одни инновации поэта не делают. Во многом Стесихор был традиционен. Традиционны многие названия его поэм; относительно «Орестей» античные грамматикоты отмечали, что она представляет собой переделку поэмы Ксанфа. Самым интересным и доказательным обсуждением стесихоровского метода явилось бы сопоставление поэм Ксанфа и Стесихора. К сожалению, о Ксанфе не сохранилось даже свидетельств. Единственная возможность проверки — это анализ папирусных фрагментов, поэтика которых позволяет установить зависимость Стесихора как от гомеровских поэм (особенно показательны здесь речи персонажей и выражения, вводящие и заключающие прямую речь), так и от традиций хоровой лирики.

Слияние этих двух традиций обогатило хоровую лирику, но нового жанра не создало; Стесихор остался поэтом, создававшим произведения для хора. Именно эти две традиции составили основу его творчества. Стесихор как «новатор» выступает только в поздней античной мифографии, но инновациями творчество его не исчерпывается. Наряду с новыми трактовками мифов им разрабатывались и вполне традиционные сюжеты.

Бесспорно, новой в истории греческой литературы была триада, состоявшая из строфы, антистрофы и эпода. Антистрофа повторяла полностью метрическую схему строфы, метрика эпода была особой. Это членение поэтического текста нашло продолжение в хоровых частях трагедии и в хоровых произведениях таких поэтов, как Пиндар, Вакхилид и др. Триада получила такую известность, что вошла в присловье *οὐδὲ τὰ τρία Στῆσιχόρου γινώσκεις* «ты не знаешь и триады Стесихора».

Обращает на себя внимание свобода, с которой обращался Стесихор с мифами. Не только вариации, не только изменения мотивов, но и создание совершенно противоречащих исконному мифу сюжетов отличают его творчество. Именно в этом качестве Стесихор может быть признан источником и основой для построения ряда греческих трагедий. Отчасти и комедия обогатилась за счет Стесихора, например, образ Геракла-обжоры может представлять собой переосмысление «трехведерной чаши», из которой Геракл пьет у кентавра Фола (ГерIONEИДА).

Влияние Стесихора в греческой литературе более всего можно проследить в трагедии. Помимо того, что значительная часть свидетельств о Стесихоре восходит к схолиям трагедии, новые папирусные фрагменты демонстрируют правдоподобие мнения о влиянии Стесихора на становление и развитие древнегреческой трагедии. Можно утверждать, что в истории древнегреческой литературы Стесихор представляет собой важный этап, определивший во многом развитие всей греческой драмы. В настоящее время доказать это положение можно лишь отчасти и лишь для греческой трагедии. Между тем не следует забывать и о специфически греческом явлении афинской драматургии — о сатировой драме. В становлении этого жанра стесихоровское творчество, вероятно, сыграло также не последнюю роль (подробнее об этом см. прим. к «Палинодии»).

Стесихор занимает прочное место в истории греческой литературы благодаря александрийскому канону десяти лирических поэтов. Канон имел значение не столько научное, сколько педагогическое. Именно с эпохи эллинизма знакомство с произведениями Стесихора считалось обязательным для любой школы²⁴. Из Греции это перешло и в Рим, где при изучении греческих авторов с учениками читали Стесихора. Именно благодаря этому в римской литературе можно обнаружить следы стесихоровского влияния, например у Горация (см. прим. к «Елене»).

В александрийском Музее были собраны сочинения поэта. Над текстами его поэм работали крупнейшие филологи того времени, в том числе Аристоник и Зенодот.

Именно их тексты легли в основу папирусных текстов, причем издания могли быть двух основных типов. Первый тип — тексты, записанные «крупным» почерком

²⁴ *Marrou H.-I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. 6-me éd. P., 1965, p. 247—248.*

(более легким для чтения, а в случае подарочных и заказных экземпляров — каллиграфическим). Такие тексты обнаруживаются чаще, чем тексты второго типа — записанные «мелким» почерком, более трудным для чтения, они чаще, чем папирусы первого типа, содержат на полях схолии, отмечающие различные толкования, нередко снабженные указанием имени филолога (ср. Р. Оху. 2803). Экземпляры, написанные «крупным» почерком, содержат, как правило, только исправления ошибок переписчика. К александрийским грамматикам²⁶ восходят в конечном счете и дошедшие до нас папирусы и рукописи, но влияние Стесихора в античное время не ограничивалось только этой традицией.

Можно думать, что сюжеты, разработанные Стесихором, были популярны в местной вазописи²⁶ и что эта традиция, подкрепленная если не знанием текста, то по крайней мере знанием сюжета, играла значительную роль в распространении знаний о Стесихоре. К концу античности обе эти традиции послужили источником для мифологических разысканий. Большая часть свидетельств, дошедших до нас, восходит именно к этому времени.

С этого момента Стесихор известен только специалистам, хотя дошедшие фрагменты его произведений публиковались начиная с XVI в., когда Этьенн поместил Стесихора в приложении к изданию Пиндара²⁸. К этому изданию восходит единственный случай влияния Стесихора на литературу Нового времени — восходящая к Стесихору версия мифа была использована Расином в «Ифигении»²⁷.

СТЕСИХОР. ФРАГМЕНТЫ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПО ПЕЛИЮ

Пелий убил своего брата Эсона и завладел царской властью в Иолке. Из семьи Эсона избежал гибели один Ясон, ставший воспитанником кентавров. На двадцатом году Ясон вернулся в Иолку искать царства. Пелий отправил его в Колхиду за золотым руном. Ясон со спутниками отплыл на корабле Арго, добыл руно и вернулся в Иолку с женой, дочерью царя Колхов волшебницей Медеей. Медея посоветовала дочерям Пелия вернуть отцу молодость: разрезать его на куски, сварить и оживить волшебным зельем. Когда две первые операции были совершены, Медея не дала волшебного зелья. Сын Пелия Акаст изгнал Ясона и Медею, похоронил останки отца и устроил погребальные игры, в которых приняли участие лучшие герои Греции.]

Были кулачные бои, в начале поэмы упоминалось сваряжение кулачных бойцов:
PMG 180 ...ремни, поглотившие руку...

В колесничных состязаниях участвовали Диоскуры:
PMG 178 чад Подагра резвых — Гарпага и Флогия «братьям»
Гермес для ристания дал,
а Гера — Киллара и Ксанфа.

Соревновались и в метании копья:
PMG 179b Амфиарай в прыжках, а в метании копий
был Мелеагр победитель.

Не ясно, какое место занимали в поэме стихи:
PMG 179a ...деве приносят
полбяной каши с сезамом, печений,
сладких лепешек и светлого меда.

Боура (Bowra С. М. Greek Lyric Poetry. Oxf., 1961, p. 102) полагал, что «дева» — это дочь Пелия Алкестиды, выходящая замуж за Адмета.

²⁶ См., например, *Moret J.-M. L'Ilioupersis dans la céramique italienne: Les mythes et leur expression figurée au IV siècle. V. I—II. Rome, 1974.*

²⁸ Pindari Olympia. Pythia, Nemea, Isthmia, ceterum octo lyricorum carmina... Anno 1560 excudebat Henr. Stephanus. V. II, p. 72—74.

²⁷ *Le Hir J. Ombres et reflets temporels dans l'Iphigénie de Racine. — Les études classiques, 34, 1966, p. 39—50.*

Поэма воспеваёт один из подвигов Геракла — похищение быков Гериона.

S 87 = PMG 186 (Schol. Hes. Theog. 287) Герион — сын Каллироя, дочери Посейдона¹, и Хрисаора. Стесихор говорит, что у него было шесть рук, шесть ног и крылья. PMG 229 (Athen., XII 513 A)... новые поэты изображают Геракла разбойником и говорят, что он странствовал, имея при себе лишь палицу, львиную шкуру и лук, — а впервые изобразил его таким Стесихор из Гимеры².

Стадо Гериона пас Эвритион.

S 7 = PMG 184 ...напротив Эрифии славной³,

где с гор среброносных струятся
токи Тартесской реки
многоструйной, в расселине скал
родила его мать...

В Эрифию или на какой-то другой остров прибыл Геракл:

S 8 он по волнам бездонного моря приплыл
на остров прекрасный⁴. Там боги
населники, там Геспериды в чертогах золотых
обитают!

S 86 = PMG 183 (Schol. Ap. Rhod. I 211) Стесихор в «ГерIONEИДЕ» называет какой-то остров в Атлантическом океане Серпедонией⁵.

Геракл прибыл на запад в чаше (ладье) солнца⁶:

S 17 = PMG 185 Уже сын Гипериона сильный
собирался взойти во златую ладью,

¹ Схолий называет Гериона внуком Океана, но фрагмент S 14 показывает, что Стесихор считал его внуком Посейдона.

² Геракл занимал значительное место в творчестве Стесихора; помимо «ГерIONEИДЫ» была ещё поэма «Кикн», о которой мы знаем из схолия к Олимпийским песням Пиндара X, 19 (PMG 207) «Кикнова битва: Стесихор в произведении, озаглавленном „Кикн“, говорит, что Геракл победил, но потом убил Кикна, сына Арея... Кикн, сын Арея, жил у прохода в Фессалию и отрубал головы проходящим чужестранцам, желая из голов соорудить храм Аполлону (Арею?). Поэтому он злоумыслил проходящему Гераклу, а когда произошла битва, Геракл обратился в бегство (Арей пришел на помощь своему сыну Кикну). Но позже, когда Кикн оказался один, победил Геракл». Подробнее об этой поэме см. *Dawe R. D. Stesichorus, fr. 207 Page. — Proceedings of the Cambridge Philological Society, 198, 1972, p. 28—30.* С подвигами Геракла связаны и поэмы «Цербер» (PMG 206) и «Сцилла» (PMG 220), судить о содержании которых можно лишь по заглавию. В какой-то поэме упоминалась смерть детей Геракла; ср. PMG 230 (= *Paus. IX, 11, 2*). «Они <фиванцы> показывают могилу детей Геракла и Мегары и рассказывают об их смерти то же, что и Стесихор Гимерский». Характерно, что Геракл ни в одной из поэм не проявляется у Стесихора черт, противоречащих образу героя, созданному в других поэмах. Это можно видеть не только по отсутствию свидетельств, но и в прямом указании на традиционность Стесихорова Геракла; ср. PMG 231 (= *Plut. de malign. Herod. 14*) «Но из древних мужей, занимавшихся словесностью, ни Гомер, ни Гесиод, ни Архилох, ни Писандр, ни Стесихор, ни Алкман, ни Пиндар ни слова не сказали о египетском Геракле или о Геракле финикийском, но все почитали Геракла беотийца и одновременно аргосца». Сравнению образа Геракла у Стесихора и Пиндара посвящена статья: *Barmann F. Zur Geryoneis des Stesichorus und Pindars Herakles-Dithyrambos. — ZPE, 31, 1978, S. 33—35, а также Cajati G. Il mito di Ercole in Stesicoro. Roma, 1941.*

³ Эрифия — мыс и острова, закрывающие Гадитанский залив. Тартесская река, позднее Бегий — совр. Гвадалквивир. Знакомство греков с этими землями относится к детству Стесихора. Предполагается, что западный цикл подвигов Геракла сформировался в VIII—VII вв. до н. э., причем в традиционно греческие представления о Геракле органически вошли подвиги финикийского Мелькарта.

⁴ География западной окраины Средиземноморья представлялась ещё достаточно туманно. В Атлантическом океане помещали Остров богов, вход в Аид (последнему могла способствовать и близость названий Тартесс ∞ Таргар).

⁵ Серпедон — герой, павший под Троей и по традиционным сказаниям связанный с малоазийским побережьем; перенесение его на запад не имеет удовлетворительного объяснения.

⁶ Представление о ночном пути Солнца по Океану засвидетельствовано и у других поэтов архаической Греции; ср. *Carena C. La cosmologia di Thalete e la coppa solare dei poeti ionici. — Rivista Rosminiana (Domodossola), 56, 1962, 1, p. 22—32.* Возможно, к этому же кругу представлений относится и хеттская молитва, в которой говорится, что «солнце встает из моря».

чтобы в ней, низойдя Океаном,
 побывать бы в пустынности черной ночи
 заповедной
 подле матери, подле супруги честной,
 подле милых детей.
 А сын Зевса направился в рощу священную,
 в кущи лавровые.

Возможно, что воспользоваться солнечной чашей Геракла надумили кентавры. Во всяком случае, Геракл пировал у кентавра Фола ⁷

S 19 = PMG 181 (Athen., XI 499 A) Стесихор называет кубком чашу, бывшую у кентавра Фола, вместо того чтобы сказать «кубковидная». О Геракле он говорит:

...кубок взяв — преогромную чашу в три
 меры, он выпил
 поднесенное Фолом с водою вино...

Папирусные фрагменты позволяют наметить еще одну сюжетную линию ⁸. Как показывают следующие два фрагмента (предполагается, что это диалог Герiona с Меноитом, пастухом Аидова стада), Герion посвящает на то, чтобы стать одним из олимпийских богов ⁹. Боги, собравшись на Олимпе, назначают ему смерть.

S 10 (речь Меноита) Но, мой друг, помяни и мать Каллирою и пылкого в бранях Хрисаора.

S 11

...в ответ же ему
 Произнес многомогущий потомок
 Хрисаора бессмертного и Каллирои:
 «Не смущай мне отважную душу словами
 о хладе смертельном Аида
 и не...
 Ибо если бессмертен мой род, то, вовек не старея,
 пребуду всегда сопричастником жизни Олимпа

стр.

.....
 Если же я обречен достигнуть до старости
 страшной,—
 мимолетным жильцом, не причастным к уделу
 блаженных богов,—
 то не лучше ли ныне и сразу мне все претерпеть,
 что судьбою дано...»

ант. 3

..... (Меноит)
 возразил Хрисаорову сыну:
 «Но блаженным богам да не будет любовно
 такое
 <слово твое...» ...про наших коров

Далее происходил диалог Герiona с Каллироей. Сохранилась речь Каллирой к Герionу:

S 13

эп.

«... несказанно страдав, несказанно терпев,
 родила я тебя ...
 <И теперь>, Герion, я твои **обнимаю** колена.
 Моею грудью ты вскормлен...»

Вероятно, Герion остается непоколебим в своем решении. Собравшись на Олимпе, боги решают его участь:

⁷ Высказывалось предположение, что Геракл нашел кентавров около Паллантия в Аркадии, ср. S 85 = PMG 182 (= *Paus.*, VIII, 3, 2) «также и Стесихор Гимерский в „Герiоиде“ упомянул город Паллантий».

⁸ Последовательность фрагментов в папирусном свитке восстановить не удастся, ясно лишь, что поэма заключала более 1300 стихов, ср. *fr.* S 27.

⁹ Этот мотив вины Герiona перед олимпийскими богами представляет собой, возможно, собственно стесихоровскую инновацию.

.....
 . . . у Зевса-царя.
 стр. Светлоокая дева Афина-богиня
 прорекла Герионову деду, отваж-
 ному духом: «Коней повелитель,
 памятлив будь о своем обещаньи!
 Раз обещав,
 не желай Гериона от смерти избавить...»

Геракл убил Эвритиона и угнал стадо. Герион наступает его ¹⁰. Происходит битва:

.....
 стр. 60,5 . . . <Геракл> холод смерти ужасной
 уже ощущал у себя на челе.
 убийцы мужей,
 пестрой Гидры взял яд
 . . . кровью и желчью, которые та
 ант. 60 изрыгнула в миг смертных страданий,
 он стрелу напитал и нежданно врагу
 изловчился попасть в переносье.
 Божеством предназначенный путь
 совершила стрела,
 лишь у самого темени вышла и мыш-
 цы с кости совлекла.
 Тут на грудь, на покрытые кровью запек-
 шейся члены багряная хлынула кровь.
 эп. 60 Голова Гериона склонилась до-
 лу, как мак, отцветая, когда он
 свою нежную вдруг потеряет красу,
 разом все лепестки осыпая.

Геракл со стадом Гериона прибывает в Тиринф ¹¹.

ЕЛЕНА

PMG 190 (Schol. A. Hom. II. 2, 339) Когда собрались свататься к Елене самые родовитые и прекрасные юноши Греции, Тиндарей, отец ее, стал опасаться, что, объявив жениха, всех остальных сделает своими врагами. Говорят, поэтому он взял с них общую клятву, что, если будет нанесена обида мужу Елены, все немедля за него заступятся. Затем отдал Елену Менелая. Вскоре Елена была похищена Александром и все, кто дал клятву, принял участие в походе. Рассказ у Стесихора ¹².

Значительное место в рассказе Стесихора занимало описание свадебных торжеств. PMG 189 (Argum. Theos. XVIII) Эта идиллия представляет эпитамию Елены. В ней кое-что взято из «Елены» первого Стесихора ¹³.

Сохранилось описание свадебного поезда:

¹⁰ Ср. в стихе 1266 «бегство».

¹¹ Исследователи часто помещают встречу с кентаврами в конец поэмы, полагая, что Геракл пировал с ними на обратном пути, возвращаясь по суше в Тиринф.

¹² К «Елене» относят, как правило, и фрагмент PMG 191 (= *Paus.* II, 22, 6) «рядом с храмом Владык находится посвященный Еленой храм Илифии. Когда Тезей с Перифоем пошли на феспротов, Афиэну взяли Диоскуры и увезли Елену в Лакедемон. Говорят, что она была беременна; родив в Аргосе, основала храм Илифии, а родившегося ребенка отдала Клитемнестре. Клитемнестра уже вышла замуж за Агамемнона, сама же она впоследствии вышла замуж за Менелая. Об этом говорят творцы поэм Эвфорион Халкидский и Плевронский Александр, а прежде еще Стесихор Гимерский именно поэтому согласно с аргосцами говорил, что Ифигения была дочерью Тесея».

¹³ ...из «Елены» первого Стесихора. Т. Бергк (*Bergk Th. Poetae lyrici Graeci* 4. III. Lipsiae, 1882, p. 217) предлагал исправление «...из первой „Елены“ Стесихора». Неизвестно, были ли две поэмы под названием «Елена», но была «Палинодия» (или даже две «Палинодии»), которую могли путать с «Еленой». Был также и второй, младший Стесихор, о котором говорит только Паросская хроника: в год 370—368 Стесихор-Второй Гимерский победил в Афинах с поэмой «Циклоп» (PMG 840, 841).

PMG 187

горсти яблок кидонских¹⁴ бросали царю в колесницу,
сыпали ворохи миртовых листьев,
роз и фиалок венки, пучки ячменных колосьев...

Вероятно, было подробное описание приданого

PMG 188

... для омовения ног из серебра самородного чаша...

Далее описывалось похищение Елены Парисом

PMG 223

...за то, что однажды царь Тиндарей¹⁵

Киприду, дарящую кроткую нежность, забыл, совершая
всем богам¹⁶ приношение. Гневом пылая, она
обрекла дочерей Тиндарея дважды и трижды
замуж! выйти и мужа покинуть¹⁷.

В конце поэмы Елена возвращается к Менелая. Вероятно, была сцена, контрастировавшая с описанием свадебного поезда:

PMG 201 (Schol. Eur. Or. 1287) Подобно и Стесихор пишет о тех, кто собирался побить Елену камнями. Он говорит, лишь увидели лик ее, уронили камни на землю¹⁸.

ЕЛЕНА. ПАЛИНОДИЯ¹⁹

PMG 193 (P. Oxy. XXIX, fr. 26, col. I) ... порицает Гомера за то, что изобразил в Трое Елену, а не ее призрак, а во второй порицает Гесиода. Есть две различные палиодии, как пишет Хамелеон²⁰. Начало одной

«Прииди богиня к хорам благосклонная...»,

а другой

«Златокрылая дева...»²¹

¹⁴ Кидонскими плодами называли айву.

¹⁵ Тиндарей — отец Елены и Клитемнестры. Возможно, в поэме перечислялась полная генеалогия Елены, ср. PMG 227 (= *Ps-Apollod.*, Bibl. III, 117) «Периер был сын Кинорта; он женился на дочери Персея Горгофоне, как говорит Стесихор, родил Тиндарей, Икарция, Афарей и Левкиппа».

¹⁶ Всем богам — это может быть отзвуком микенского культа pa-si te-o-i = (pa-si theoihi).

¹⁷ Как попытку психологического объяснения любви рассмотрел этот фрагмент *Godolphin F. R. B. Stesichorus and the Origins of Psychological Treatment of Love.* — *Capp's Studies*, 1937.

¹⁸ Этот фрагмент обычно вслед за Клейне относят к «Разрушению Трои» (*Kleine O. F. Dissertatio inauguralis de vita et poesi Stesichori. Jenae, 1825; idem. Stesichori Himerensis fragmenta. Berolini, 1828, fr. 27*). Уже Фюртгейм (*Vürtheim J. Stesichoros' Fragmente und Biographie. Leiden, 1919, S. 36—37*) указал, что в пределах одной поэмы и побиение Елены камнями и попытка Менелая убить Елену мечом не могли сосуществовать. Новые папирусные фрагменты «Разрушения Трои» подтверждают эту точку зрения. Есть основания вернуться к точке зрения Сухфорта (*Suchfort Jo. A. Stesichori fragmenta in unum collecta certo ordine digesta et interpretatione illustrata auctore. Gottingae, 1771, fr. IX*), который относил данный фрагмент к поэме «Елена». Подробнее об этом см. *Казанский Н. Н.* Две традиции о встрече Менелая и Елены. — В кн.: *Традиции и новаторство в античной литературе.* Л., 1982, с. 62—68.

¹⁹ Палинодия букв. «Обратная песня». Значение этого произведения для архаической Греции еще не оценено. Между тем именно со Стесихора начинается та свобода психологической вариации мифа, которая и определяет вершины греческого драматического искусства. Характерной чертой этого нового жанра «противопений» (но не пародий!) было обязательное соблюдение основы мифа, т. е. Елену можно заменить призраком Елены, но причиной Троянской войны продолжает быть именно Елена. Сатирическая драма, о которой мы обычно забываем, говоря о греческой драматургии, для классической античности имела чрезвычайную важность; уже в эллинистическую эпоху отношение к ней изменилось и одновременно изменился весь подход к мифологии. Это могло произойти только потому, что в эту эпоху уже л ю б о е произведение на мифологическую тему, к какому бы жанру оно ни относилось, допускало ту степень свободы в трактовке сюжета, какую в классическую (а тем более в архаическую) эпоху могли иметь лишь сатирические драмы и «обратные» драмы с сюжетом, вывернутым наизнанку.

²⁰ Хамелеон из Гераклеи Понтийской — автор утраченных произведений историко-литературного и философского содержания. Принадлежал к школе перипатетиков.

²¹ Свидетельство папируса о двух «Палинодиях» Стесихора вызвало обширную литературу; ср. *Bowra C. M. The Two Palinodies of Stesichorus.* — *ClR*, 13, 1963, p. 245—252; *Doria M. Le due Palinodie di Stesicoro.* — *La parola del passato*, 18, 1963, p. 81—93; *Sisti F. Le due Palinodie di Stesicoro.* — *Studi Urbinati di Storia*, 39, 1965, p. 301—313; *Smotricz A. Utrum Stesichorus duas Palinodias coscripsit.* — *Meander*, 20,

Сам же Стесихор говорит, что в Трое был призрак, а Елена оставалась у Протея²². PMG 192 (Plato Phaedr. 243 A) Есть для погрешающих против мифов о богах древний способ очищения, неизвестный Гомеру, но о котором знал Стесихор. Лишившись за хулу на Елену зрения, он не остался в незнании своей вины, как Гомер, но приобретенный к Музам, узнал вину и сразу исполнил:

Все неправда в рассказе этом:
Ты на борт кораблей не ступала,
Никогда не бывала ты в Трое,

а исполнив всю так называемую «Палинодию», моментально прозрел²³.

1965, p. 445—450; Woodbury L. Helen and the Palinodie.— Phoenix, 21, 1967, p. 157—176; Leone P. La Palinodia di Stesicoro.— Annali della Facoltà di lettere e filosofia della Università di Napoli, 11, 1964—1968, p. 5—28; Eire A. L. Estesicoro, autor de Palinodias.— Eclàs, 18, 1974, p. 313—347; de Martino F. Un proemio secondo e le due Palinodie di Stesicoro.— Belfagor, 35, 1980, p. 72—77. Единого мнения по поводу достоверности данного свидетельства еще нет.

²² Протей — морское божество, связывавшееся с островом Фарос у берегов Египта. Менелай, возвращаясь из Трои, вынудил его дать пророчество (ср. *Hom.*, Od. 4, 351 sq.). Как можно видеть, Стесихор расширил этот гомеровский эпизод. В «Елене» Еврипида героиню доставляет к Протею Гермес.

²³ Популярность этого рассказа в античности была велика: первая строка «Палинодии» стала пословицей; кроме Платона об этом эпизоде упоминают Исократ, Дион Хрисостом, Павсаний, Филострат в «Жизни Аполлония Тианского», Аристид в речах, Максим Тирский, Иоанн Цец, Дионисий Галикарнасский, Словарь Свида. В римской литературе мы находим упоминания у Цицерона и Горация. О последнем см. Lindo L. I. Hogace's seventeenth Epode.— CPh, 64, 1969, p. 176 f. Не меньшей популярностью пользовался рассказ Платона и в новое время (ср. работы, специально ему посвященные: Fritzsche Fr. V. De Palinodia Stesichori.— Index lectionum Universitatis Rostoch., 1837, 4, p. 4 sq.; Geel J. De Stesichori Palinodia.— RhM, VI, 1839, p. 1—15; Pisani V. Elena e l'Εἰδωλον — Rivista di filologia e di istruzione classica, 1928, p. 476—499; Alsina Clota J. La Helena y la Palinodia de Estesicoro.— Estudios classicos, IV, 1957, p. 157—175).

Единого мнения по поводу этого фрагмента также нет. Слишком прямолинейное суждение о «Палинодии» как о произведении, которое должно заглазить невыгодное впечатление об авторе, решившемся порицать Елену, спартанскую героиню, в спартанской же аудитории, сейчас оставлено. Указывалось на возможные связи этой поэмы Стесихора с пифагорейским учением; ср. Detienne M. La légende pythagoricienne d'Hélène.— Revue de l'histoire des religions, 152, 1957, p. 129—152.

²⁴ Общая последовательность фрагментов основана на реконструкции свитка поэмы (см. Казанский Н. Н. Реконструкция поэмы Стесихора «Разрушение Трои». — В сб.: Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 125—126) и подкреплена последовательностью сцен в так называемой «Иллионской таблице», рельефе последней четверти I в. до н. э., носящем заголовок «Разрушение Трои по Стесихору». Вокруг этого памятника, найденного в XVII в. (*Fabretti R. De columna Traiani syntagma accesserunt explicatio veteris tabellae anallythae Homeri Iliaden atque ex Stesichoro Arctino et Lesche Ilii excidium continens. Romae, 1683, p. 315—384*), развернулась широкая полемика, в первую очередь по вопросу о достоверности рельефа и его соответствия поэме Стесихора. Наиболее важные работы конца XIX — начала XX в. опирались на издание О. Яна (*Jahn O. Griechische Bilderchroniken. Bonn, 1873*). Эти работы (*Noak F. Iliupersis. De Euripidis et Polygnoti quae ad Troiae excidium spectant fabulis. Gissae, 1890. Paulcke. De Tabula Iliaca quaestiones Stesichoreae. Diss. Königsberg, 1897; Mancuso U. La «Tabula Iliaca» del Museo Capitolino. Roma, 1911*) построены на той части материала, которая была известна до появления книги А. Садурской (*Sadurska A. Les Tables Iliques. Warszawa, 1964*), которой удалось построить, дополнив новыми находками рельефов бывший в обращении материал, стройную классификацию произведений, вышедших из мастерской работавшего в Риме греческого мастера Феодора. Заслуга А. Садурской состоит также в том, что она доказала, что заказчики произведений Феодора были люди, приближенные к Августу. Как правило, мастер подписывал на обороте свои произведения, составив квадрат, в котором имя скульптора читалось во всех направлениях (см. *Vua M. I giochi alfabetici delle Tavole Iiache. Roma, 1971*). Папирусные находки, можно думать, решили вопрос о достоверности таблиц окончательно. Как показал Л. Ленус (*Lehnus L. Note Stesichoree.— Studi classici e orientali, 21, 1972, p. 54—55*), в качестве стихотворной надписи под рельефом, содержащим также и иллюстрацию к Гомеру, Феодор поместил стихотворную перифразу из поэмы Стесихора:

Здесь Феодора искусство, событий строй по Гомеру,
чтобы увидеть ты смог меру и суть мастерства.

89 + PMG 200²⁵.

- стр. 1, 6 Богиня...
 Дева воспой...
 будь благосклонна.
- ант. 1 Ныне поведай о том, как у ясных стремнин
 10 Симоентских крутящихся волн
 волею грозной Афины-богини
 мужу смертному²⁶ было дано видеть меру и суть
 мастерства...
 Не славою браней и битв, но славою иной
 15 наделенный. Троянскому граду с высокой стеною
 измыслил он плен.
- эп. 1 Трои паденье трудами Эпея свершилось...
 Зевсова дочь пожалела его,
 ахейских царей водоноса.
-

Далее Стесихор пел о том, что троянцы решают, что делать с оставленным греками творением Эпея — деревянным конем. Кассандра пророчит беду (ср. стихи 64-66 = S 133, 4—7 ... подошла... Кассандра...)

PMG 199 (Eustath. Od. 1698, 2)... Стесихор говорит, что вошли в деревянного коня сто человек, а другие — что двадцать.

PMG 199 (Athen., XIII, 610 C) А если кто спросит тебя, кто был заперт внутри деревянного коня, ты правильно назовешь имена одного-двух и то не по произведению Стесихора, ибо это трудно, а по «Разрушению Трои» Сакада Аргосского; этот всех перечислил.

Сохранился фрагмент речи троянского вестника:

- S 105(b) 250 даная²⁷
 горящие яростью бранною ринулись вдруг из коня.
 ...ни земли колебатель,
 Трои священной защитник — Энносид...
 ни Аполлон...
 255 'ни Афродита...
 ни Артемиды святая
 ...не идут нам на помощь.
 Верно Зевс решил город разрушить.
-

Вестник говорил и о вступлении в Трою основного войска греков (S 88, col. I, 6 sq. = стих 302 ... они идут напролом / ...возжям своим повинуюсь. Давайте/...) и об оказанном им сопротивлении, ср. стих 305 «... пеанийцы криволучные» (они сражались на стороне троянцев). Слова «конец войны» (стих 315) и, возможно, упоминание Зевса (стих 314), вероятно, контрастировали со следующей речью троянского предводителя: S 88 col. II, 6 330 Вы, Трои сыны, поспешайте строем сплоченным.

- эп. 13 И вы,
 спешите, союзники Троя,
 в крепость ко храму. Забудем нас обманувшие
 речи!
 Злою коня изваянье

²⁵ Перевод по тексту с отступлением от издания PMG (см. *Казанский Н. Н.* Начало поэмы Стесихора «Разрушение Трои». — Вестник ЛГУ, № 2, 1976, с. 100—107).

²⁶ *Мужу смертному* — Эпею, строителю деревянного коня. Гомер говорит о нем как об отважном герое, отличившемся в кулачном бою; поздняя мифография изображает его трусом; нельзя исключить, что именно эти строки Стесихора подали повод к перетолкованию образа героя.

²⁷ Перевод сделан по тексту с отступлением от издания Пейджа, на основании соединения фрагментов М. Уестом и Р. Фюрером (*West M. L. Further Light on Stesichorus' Iliu Persis*. — ZPE, 7, 1971, 3, S. 262—264; *Furer R. Zu P. Oxy. 2803 (Stesichoros)*. — ZPE, 7, 1971, 3, S. 265 f.), причем ориентирован на восполнения Р. Фюрера. Перевод последнего стиха предположителен.

— идол обетный богине — в дань бесчестью
мы отдадим на позор!
Нам ли бояться владычицы гнева?...

Сражение ²⁸ на акрополе Трои и во дворце Приама закончилось смертью Приама. Гекуба и дочери стали пленницами.

PMG 204 (Paus., X, 26) Среди дочерей Приама можно считать по песне Гимерца и Медузу.

Одиссей ²⁹ берет в плен Поликсену. Менелай у храма Афродиты встречает Елену и хочет заколоть ее мечом. Возможно, сохранился отрывок из речи Елены к Менелаяу: S 104 + PMG 249 стр.

(между 1060 и 1250) так говорю ³⁰

...свидетели мне
... бессмертные боги,
всякую ночь я желаньем томлюсь
непорочную видеть мою
дочь Гермиону...

Пленные троянки и Елена изображены на «Илионской таблице» сидящими у могилы Гектора.

PMG 197 (Paus., X, 26, 1) В «Разрушении Трои» Стесихор упоминает Климену в числе пленниц.

Поликсену приносят в жертву на могиле Ахилла ³¹. Ср. фрагменты S 135 и S 137, где Поликсена и «герой Ахилл» упомянуты в соседних строках.

PMG 202 (Schol. Eur. Andr. 10) Стесихор повествует, что Астианакт умер.

PMG 198 (Paus., X, 27) О Гекубе Стесихор в «Разрушении Трои» пел, что Аполлон перенес ее в Ликию.

Вероятно, это свидетельство связано со следующим:

PMG 224 (Schol. Lycophr. Alex. 265) Стесихор и Евфорион говорят, что Гектор был сыном Аполлона ³².

НОСТЫ

Название этой поэмы единожды засвидетельствовано у Павсания:

PMG 208 (Paus., X, 26, 1) Стесихор пел в «Ностах»³³, что Аристомаха, дочь Приама, была женой Критолая, сына Гикетаона.

Сюжет поэмы должен соотноситься с одноименной поэмой эпического цикла, в которой повествовалось о судьбе греческих героев, возвращавшихся из Трои. Как видно из единственного папирусного отрывка, судьба Одиссея была едва ли не в центре повествования ³⁴. Отправляясь под Трою, Одиссей оставил Телемаха младенцем. Вы-

²⁸ В битве должны были принимать участие многие греческие герои, возможно, что упоминался Оилей; ср. PMG 226 (= Schol. T. Hom. II.) «Зенодот и Стесихор, вслед за Гесиодом (fr. 116 Rzach) называют Оилея Илеем без О-».

²⁹ Ср. PMG 225 (= *Plut.*, *sollert. anim.* 36) «а что щит Одиссея имел изображение дельфина и Стесихор рассказал».

³⁰ Перевод сделан по тексту с отступлением от издания Пейджа (см. *Казанский Н. Н.* Две традиции о встрече Менелая и Елены в поэме Стесихора «Разрушение Трои». — В сб.: *Традиции и новаторство в античной литературе.* Л., 1982, с. 62—68.

³¹ Ср. здесь же PMG 234 (= Schol. A. V. Hom. II. 23, 92) «когда Гефест оказался на Наксосе — одном из Кикладских островов, Дионис принял его как гостя и получил в дар золотую амфору. Позднее, преследуемый Ликургом, он, пройдя морем, отдал созданную Гефестом амфору Фетиде, гостеприимно его принявшей. А та подарила ее сыну, чтобы после смерти в нее сложили его кости. Рассказывает Стесихор».

³² Илионская таблица оканчивается сценой отплытия Энея в Италию. Было ли упоминание об этом у Стесихора, мы не знаем; предполагают, что эта сцена, хорошо соответствовавшая официальной версии происхождения римлян, могла появиться на рельефе в угоду политике Августа (см. *Marcade J.* Рец. на: *Sadurska A.* *Les Tables Iliques.* — REA, 67, 1965, p. 249—250).

³³ Текст несколько испорчен, но восстановление Гейне в «Ностах» можно считать бесспорным.

³⁴ Влияние эпоса на творчество Стесихора иногда пытаются отрицать, опираясь на сомнительное свидетельство о том, что Гомер был неизвестен в Сицилии вплоть до V в. до н. э. Эпическое влияние в этом фрагменте отрицал только *Garzya A.* *La poesia greca nella Magna Graecia.* — *Le parole e le Idee*, 10, 1968, p. 242.

росший сын отправляется на поиски отца и прибывает к Менелая и Елене.

PMG 209 P. Оху. 2360 col. I

...божий знак жена младая зрит — Елена
и, обратясь к Одиссею сыну, такое промолвила слово:
«О Телемах, ты сюда как вестник Олимпа приспел,
пустыней эфира в наш дом с небес снизойдя.
. громко крича,
что на вашем пороге явился сам Одиссей.
. муж
. промыслила дева Афина
. само по себе дверное кольцо закрипело.
. тебя задержу ненадолго.
. ты настолько сын отца твоего
. увидев тебя, Пенелопа»
.

ЭДИПОДИЯ (?) ³⁵

Царь Эдип отрёкся от престола и проклял своих сыновей, Этеокла и Полиника, наследников Фиванского царства. Между братьями возникла вражда, кончившаяся братоубийством. Мать Этеокла и Полиника (традиция называет ее и Иокастой и Эпикастой; ее имя в поэме Стесихора не упомянуто) и прорицатель Тиресий пытаются положить конец возникшей между братьями вражде.

- ант. 10 201 ... страданья не множь сраженной горем,
не! угрожай мне бедой,
грядущую скорбь предрекая.
эп. 10 Нет, не навеки вражду
205 бессмертные смертным дают; на земле священной ³⁶
нет ни [распри неизбывной,
ни неизменной любви; переменчивый ум человеку
даруют боги.
Предвозвещанья твои, Аполлон, сребролукий владыка,
210 пусть не все свершатся.
стр. 11 Если ж судьба мне узреть, как сына сын убивает ³⁷,
если судьбы моей нити так спряли Мойры,
лучше бы сразу кончиною страшной жизнь завершилась,
прежде, чем здесь, во дворце,
215 мне, стонущей тяжко от боли, плача, видеть
мертвыми милых детей
иль град в полоне вражьей рати.
ант. 11 Дети, прислушайтесь к слову разумному матери вашей ³⁸,
Спору детей я нашла исход невраждебный.
220 Жребию! долю доверьте, с волею Мойр согласуясь.
Пусть остается один
в отеческих Фивах ³⁹ царить, владетель дома,
сын же другой пусть уйдет
со стадом, с золотом отцовским.

³⁵ Папирусный текст был опубликован в 1974 г. и в издании Д. Пейджа не вошел. Перевод сделан на основании изданий: *Parson P. The Lille Stesichorus.* — ZPE, 26, 1977, p. 22 ff.; *Bollack J., Judet de la Combe P., Wismann H. La réplique de Jocaste: Papyrus Lille 73 et 76 a, b, c.* — Publications de l'Université de Lille III. Supplement au Cahier de Philologie 2. Avril 1977, p. 1—17. См. также: *Рыжкина Э. А. Новый вариант фиванского мифа: «Фиваида» Стесихора.* — ВДИ, 1984, № 3, с. 112—118.

³⁶ *На земле священной* — чтение Боллака и др.; другая возможность восполнения «день на день не приходится».

³⁷ Перевод по тексту Боллака.

³⁸ Перевод по восстановлению М. Веста (*West M. Stesichorus at Lille.* — ZPE, 29, 1978, p. 3).

³⁹ *В отеческих Фивах* — восполнение Дингла (*Dingle J. Stesichorus P. Lille 76, 220.* — ZPE, 35, 1979, p. 32) (несколько менее удачно приведенное Парсоном восстановление Барретта «у стремнин Диркейских»).

- эп. 11 225 Так, разуменьем моим,
по вещему слову пророка, избежите
предреченных скорбей лютых.
Если же город и отпрысков юных Кадма владыки
Кронид возлюбит ⁴⁰,
230 пусть на долгие годы отдалит несчастья и беды,
всем нам мир даруя».
- стр. 12 Молвила, так говоря, богине подобная, в доме
распря детей прекращая словом ласки.
С нею вместе Тиресий... Они же...
- 235 жребии тотчас встрясли ⁴¹.
По первому жребию — доля домом править,
градом фиванским владеть
и всею областью фиванской.
Жребий другой — уходить, серебром и золотом владен,
240 прочие Кадмова рода взяв богатства.
козьи стада и отары овеची...
. табун коней.

Следующие стихи содержат напутственную речь Тиресия (стих 256 «...слово ска-
зал»):

- 263 многое ради вас
. суждено, чтоб случилось
. владыки Адраста
. пусть отдаст прекрасную деву.
.»

- эп¹⁴ 291 Так многославный прорек ⁴². И тотчас царевич-изгнанник
чертог покинул.¹
Милому вслед Полинику фиванские лучшие люди ⁴³
шли...

Далее следовало описание путешествия Полиника к царю Адрасту (295... вышел к великой стене/, 299... к Истму пришел/, 302... к городам прекрасным Коринфа/). Полиник женится на дочери Адраста Аргее и идет в числе семи героев против Фив. Можно думать, что поэма кончалась братоубийственной смертью ⁴⁴.

ЭРИФИЛА

Пять свидетельств, объединенных в PMG 194, показывают, что в поэме «Эрифилы» Стесихор упоминал о смерти Капанея и Ликурга⁴⁵ при осаде Фив и последующем их воскрешении.

- Единственный папирусный фрагмент содержит описание пира у Адраста.
S 148 ...промолил, к нему обращаясь, Адраст, герой могучий:
«Алкмеон, почему ты застолье оставил, прекрасную песню,
встав, зачем прервал ты?»
Так сказал он. Тут, ему отвечая, промол-

⁴⁰ Перевод по восстановлению: *Sling S. Stesichorus Thebaid 228—231.*— ZPE, 30, 1978, S. 37.

⁴¹ Стихи 235—241 переведены по восполнению Д. Пейджа (опубликовано у Парсона) (см. прим. 35).

⁴² Стихи 291—293 переведены по восполнению Д. Пейджа.

⁴³ В тексте: таги — вожди, возглавлявшие фратрию или военный отряд.

⁴⁴ Если правильно предположение Ф. Адрадоса (*Adrados Fr. Propuestas para una nueva edición e interpretación de Estesicoro.*— Emerita, 46, 1978, 2, p. 251—299; особенно 273), особой поэмы «Эдиподия» не было; данный фрагмент должен быть отнесен к «Эрифиле». Метрика этих двух поэм проявляет действительно большую близость; однако отождествить метрическую схему «Эрифилы» и «Эдиподии» не удается.

⁴⁵ Капаней, один из предводителей похода Семерых против Фив, согласно пространной версии мифа уже поднялся на стены города и закричал, что даже молния Зевса его не заставит отступить; тут же был убит молнией Зевса. Ликург, царствовавший в Немее, обычно не причисляется к участникам похода Семерых.

вил сын Амфиарая, Арею любезный: «Милый, ты пей и свой дух улади пированьем...»⁴⁶.

PMG 228 (Eustath. II. 316, 16) Амфилох у него <Стесихора> говорят: мой дед Мелампод богоравный

Мелампод — это отец Антифата, Оикла и Амфиарая, от которого Амфилох⁴⁷.

ОРЕСТЕЯ⁴⁸

PMG 210

Муза, о войнах забыв,
ты нынче славись со мной
женитьбы счастливых богов,
мужей застолье,
юных блаженных пиры.

PMG 211

ласточки слышен когда
щебет весенней порой

PMG 212

Время пришло оживить
в честь милых кудрявых Харит
фригийскую нежную песнь —
гимн им во славу
спеть: наступила весна.

Действие поэмы происходит в Лакедемонне:

PMG 216 (Schol. Eur. Or. 46) Гомер говорит, что царский дворец Агамемнона был в Микенах, а Стесихор и Симонид (fr. 44) — что в Лакедемонне.

Агамемнон, вернувшийся из Трои, убит женой Клитемнестрой. В обычной версии мифа Клитемнестра мстила за принесение в жертву дочери Ифигении. У Стесихора был, вероятно, иной мотив ее действий:

PMG 215 (Philodem. de pietate, I, 24) Стесихор в «Орестее» следует за Гесподом в том, что Ифигения, дочь Агамемнона, — это та, которую мы теперь зовем Гекатой.

PMG 191 (Paus., II, 22, 6)... еще Стесихор Гимерский одинаково с аргосцами говорит, что Ифигения — дочь Тесея (и Елены).

Орест возвращается на родину отомстить за смерть отца; Аполлон дает ему лук:

PMG 217

«...дам я тебе этот лук —
он моею рукой изукрашен,
мощный, без промаха бьющий».

Орест встречает свою кормилицу.

PMG 218 (Schol. Aeschyl. Cho. 733) Кормилицей Ореста он <Эсхил> называет Килиссу, Пиндар — Арсиною (Pyth. XI, 26), а Стесихор — Лаодамею.

Клитемнестра видит пророческий сон.

PMG 219 (Plut. ser. num. vind. 10, III, 412) Сон Клитемнестры Стесихор передает так:

Ей же пригрезилось: змей к ней ползет
и кусает в самое темя,

⁴⁶ Алкмеон, сын Амфиарая, участник похода Эпигонов. Сохранившийся фрагмент, возможно, относится к одной из двух сцен: либо Адраста уговаривают предпринять новый поход против Фив, либо Алкмеон и Амфилох собираются убить Эрифилу (т. е. фрагмент относится к событиям после второй Фиванской войны).

⁴⁷ Этот фрагмент отнес к «Эрифиле» Т. Бергк. Не исключена принадлежность этого фрагмента к «Ностам» или «Разрушению Трои» (это основной аргумент Д. Пейджа против отнесения фрагмента к «Эрифиле»).

⁴⁸ Античные филологи разделили текст этой поэмы на две книги, о чем свидетельствует папирусный отрывок PMG 214 (= P. Оху. 1087 II, 47), в котором приведена глосса с указанием на вторую книгу «Орестей», и PMG 213 (= Ap. Bekker, II, 783) «во второй „Орестее“ Стесихор говорит, что Паламед избрал буквы». Сюжет этой поэмы разрабатывался и до Стесихора, в том числе и авторами хоровых песен; ср. PMG 229 (= Athen., XII, 513 A) «у Стесихора много переделок из Ксанфа, например так называемая „Орестея“».

вдруг обернулся и стал
рода Плисфенова царь ⁴⁹.

ОХОТА НА ВЕПРЯ

От поэмы, описывавшей охоту на Калидонского вепря, сохранился фрагмент, перечисляющий участников охоты:

PMG 222 (=P. Оху. 2359 fr. 1)

...Фестиады ⁵⁰
...их чада и милые жены ос-
тались сидеть во дворце. Тем временем
доблестный Клитий и с ним Прокаон быстроногий
оба... явились.
Эвритион ⁵¹ же из Фтии пришел,
...в длинной одежде ⁵²...
...Илата ⁵³ разумного сын...
.....
Отсюда локры пришли ⁵⁴...
сели копейщики...
милые дети... любезные
сердцу ахейцы...
и рьяные в битвах Фокеи сыны, и те, кто живет
в изобильно родящей пшеницу
Беотийской земле.
Оттуда дриопы и храбрые в битвах му-
жи-этолийцы...
.....

Собственно к охоте относится только фрагмент:

PMG 221 (=Athen., III 95 D) Стесихор говорит в «Охоте на вепря»:

...он всю мордой
зарылся в землю.

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕСЕН

Вероятно, у Стесихора была поэма с теогоническим сюжетом:

PMG 239 (E. M. 772, 49) Тифон: Гесиод (Theog. 821) производит его генеалогию от Геи, а Стесихор — от Геры, которая якобы, злобясь на Зевса, одна родила его.

PMG 233 (Schol. Ap. Rhod. IV 1310) Первым Стесихор сказал, что Афина явилась из головы Зевса в полном вооружении.

Ср. свидетельство оксиринхского папируса (P. Оху. 2260, II, 18):

...у Стесихора о рождении:
...на землю широкую,
прыгнув, явилась Паллада
доспехом блистая...

Сохранилось несколько обращений к Музе:

PMG 240 Каллиопея приди, звонкоголосая...

PMG 250 Стесихор называет Музу
хороводящая

Остальное представлено разрозненными фрагментами:

PMG 235 (Schol. T. Nom. II, 6, 507) Стесихор говорит о Посейдоне:

гулкокопытных коней повелитель

⁴⁹ Плисфен — отец Агамемнона, дед Ореста.

⁵⁰ Фестиады — Прокаон и Клитий — убиты Мелеагром во время охоты на Калидонского вепря. О них упоминает только один схолий (Schol. T Nom. II, 9, 567).

⁵¹ Эвритион (не путать с упоминаемым в «Гериионеиде») по ошибке был убит Пелеем.

⁵² Судя по эпитету, называлось имя матери Эвритиона.

⁵³ Илатид — Кеней, сын Илата, — лапиф из Гортины в Магнезии, участвовал в Калидонской охоте и в походе аргонавтов.

⁵⁴ Высказывалось сомнение в том, что следующий отрывок относится к той же поэме; вероятность, однако, велика — это две соседние колонки одного свитка.

PMG 266 (Eustath. 1441, 16) Стесихор говорит:

из всех мужей нахрабрейший.

PMG 232 (Plut. de E ar. Delph. 21, III, 24)... а первым еще Стесихор:

хоровода песни,
для Аполлона милы
и пляски хора.

Тяжкие стоны и плач —
Аида доля.

PMG 244 (Stob. Ecl. IV 56, 15) Из Стесихора:

оплакивать мертвых совсем бесполезно, вовсе
ненужно... ⁵⁵

PMG 245 (Stob. Ecl. IV 58, 5) Из Стесихора:

но лишь умрет и благодарность кончилась.

СОМНИТЕЛЬНОЕ

Стесихору приписывают еще три песни: «Дафнис» ⁵⁶, «Калика» ⁵⁷ и «Радина» ⁵⁸. Сохранилось начало «Радины»:

PMG 278 Звонкоголосая дочь Зевеса, Муза,
про детей Самийского града начни
песню под рокот лиры твоей струнной.

⁵⁵ Эти два фрагмента явно связаны с жизнью полиса. Второй из цитируемых Стобеем отрывков — возможно, морализаторское, в стиле Феогнида, осуждение современного Стесихору общества. Первый фрагмент явно носит политическую окраску: начиная с начала VI в. до н. э. почти во всех греческих полисах начинается борьба с излишней пышностью похорон (известна нам из надписей, ср. IG, XII, v. I, 593, Кеос, конец V в. до н. э.) и с, неумеренным выражением скорби, против чего направлен один из законов Солона. Вероятно, оба фрагмента относятся к недошедшей до нас публицистической поэме.

⁵⁶ PMG 279 (= *Aelian.*, Var. hist. X, 18) «Пастух Дафнис, по словам одних, был возлюбленным Гермеса, а по словам других — его сыном. Имя свое он получил вот почему. Дафниса родила нимфа и подкинула под лавровым деревом. Коровы, которых он пас, были, как рассказывают, сродни Гелиосовым, упоминаемым Гомером в Одиссее (XII). Когда в Сицилии юноша пас свои стада, какая-то нимфа полюбила его, так как Дафнис был красив, юн, со щеками, покрытыми первым отроческим пухом, то есть находился, как где-то говорит и Гомер, в самой лучшей для прекрасных отроков поре (*Илиада* 24, 348). Она потребовала от Дафниса залога не любить кроме нее никого и грозила наказать его слепотой, если он нарушит свои обещания. Такой у них был между собой уговор. Спустя некоторое время дочь какого-то царя вспылала страстью к юноше, и он под влиянием опьянения обо всем забыл и сблизился с девушкой. Так возникли пастушеские песни; в них рассказывалось о несчастье потерявшего зрение Дафниса; Стесихор из Гимеры был зачинателем этого рода поэзии» (перевод С. В. Поляковой).

⁵⁷ PMG 277 (= *Athen.*, XIV 619 D) «Аристоксен в четвертой книге об искусстве говорит, что в древности женщины пели какую-то песню „Калика“. Это было произведение Стесихора, в котором девушка по имени Калика влюбилась в юношу Эватла и молилась Афродите, чтобы он женился на ней. Когда юноша презрел ее, она бросилась со скалы. Горе охватило Левкаду. Поэт очень умно и тонко изобразил нрав девушки, которая не любым способом хотела сближения с юношей, но молилась, чтобы стать, если возможно, законной женой Эватла, а если это невозможно, — уйти из жизни».

⁵⁸ Все три поэмы вряд ли принадлежат Стесихору, как показал *Rose H. J. Stesichorus and the Rhadine Fragment.* — *ClQ*, 1932, p. 88—92.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 АМА — Античный мир и археология
 АС — Археологический сборник
 ВМУ — Вестник Московского государственного университета
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 ИНМВ — Известия на Народния Музей. Варна
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 СА — Советская археология
 ААНung.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
 AGPh — Archiv für Geschichte der Philosophie
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 Ann. Math.— Annals of Mathematics
 Ant. clas.— Antiquité classique
 BCH — Bulletin de correspondans hellénique
 CAH — Cambridge Ancient History
 CeM — Classica et Mediaevalia
 ClPh — Classical Philology
 CIR — Classical Review
 CQ — Classical Quarterly
 DISO — *Ch.-F. Jean, J. Hofstijzer. Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest.*
 Leiden, 1965
 GR — Greece and Rome
 HStCPh — Harvard Studies in Classical Philology
 IOSPE, III — *Е. М. Придик, Б. Н. Граков.* Корпус керамических клейм Северного
 Причерноморья.— Архив ИА АН СССР
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 KAI — *H. Donner, W. Röllig.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. B. I—III.
 Wiesbaden, 1964
 PdP — Parola del Passato
 RE — Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 REA — Revue des Études Anciennes
 RhM — Rheinisches Museum
 RPh — Revue philosophique
 Rev. hist. scienc.— Revue d'histoire de science
 ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Государство и религия на древнем Ближнем Востоке	3
<i>Голубцова Е. С.</i> (Москва) — Государство и религия в античном мире	10
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Neoclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. II	16
<i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — Северомесопотамский город Хатра (<i>К истории переднеазиатского эллинизма</i>)	29
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новый папирусный отрывок древнегреческого пародийного эпоса	52

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Колесников А. Б.</i> (Москва) — Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка	67
<i>Горелик М. В.</i> (Москва) — Шлем из станицы Даховской	94

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Джафаров Ю. Р.</i> (Баку) — О локализации храмовой области в Кавказской Албании	97
<i>Каплан Г. М.</i> (Москва) — К истории изобретения античных деревообрабатывающих токарных устройств	108
<i>Жмудь Л. Я.</i> (Ленинград) — Пифагор в ранней традиции	121
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла	142
<i>Светилова Е. И.</i> (Москва) — Состав Халкидского союза в V в. до н. э.	148
<i>Шпилевский А. В.</i> (Москва) — Гиппарх в античной нумизматике	161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Л. А. Г и н д и н. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981	170
<i>Баюн Л. С., Яйленко В. П.</i> (Москва) — Л. А. Г и н д и н. Древнейшая ономастика Восточных Балкан' (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981	178
<i>Павленко Л. В.</i> (Симферополь) — Древнегреческий роман: новонайденные папирусные фрагменты	184
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Новые работы по истории Средней Азии и Ирана (M a r y B o u s e. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden/Köln: E. J. Brill, 1982; Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979; Persica, № VII. Louvain, 1978.	197

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лопухова О. Б., Ляпустина Е. В.</i> (Москва) — IX авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» (Москва, 28—30 мая 1984 г.)	202
<u>Владимир Григорьевич Луконин</u> (1932—1984)	215
<u>Владислав Николаевич Андреев</u> (1927—1984).	216

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Казанский Н. Н.</i> (Ленинград) — Стесихор.	217
Стесихор. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>Н. Н. Казанского</i> под редакцией <i>М. Л. Гаспарова</i> (Москва)	225

CONTENTS

<i>M. A. Dandamayev</i> (Leningrad) — The State and Religion in the Ancient Near East	3
<i>Ye. S. Golubtsova</i> (Moscow) — The State and Religion in the Graeco-Roman World	10
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — Traditio Heraclitea (A). Corpus fontium ueterum de Heraclito	16
<i>I. Sh. Shifman</i> (Leningrad) — The North Mesopotamian City of Hatra	29
<i>V. N. Yarkho</i> (Moscow) — A New Papyrus Fragment of Ancient Greek Mock-Heroic Epos	52

PUBLICATIONS

<i>A. B. Kolesnikov</i> (Moscow) — Ceramic Stamps from Excavations Near the Yevpatoriya Lighthouse	67
<i>M. V. Gorelik</i> (Moscow) — A Helmet from Dakhovskaya Station	94

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>Yu. R. Dzharov</i> (Baku) — The Locality of the Temple Area in Caucasian Albania	97
<i>G. M. Kaplan</i> (Moscow) — On the History of Ancient Woodworkers' Turning Mechanisms	108
<i>L. Ya. Zhmud'</i> (Leningrad) — Pythagoras in the Early Tradition	121
<i>M. V. Skrzhinskaya</i> (Kiev) — The North Black Sea Theme in Sophocles	142
<i>Ye. I. Svetilova</i> (Moscow) — On the Formation of the Chalcidic Confederacy	148
<i>A. V. Shpilevsky</i> (Moscow) — Hipparchus the Astronomer in Ancient Numismatics	161

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A. A. Molchanov</i> (Moscow) — L. A. G i n d i n. Drevneishaya onomastika Vostochnyx Balkan. Sofia, 1981	170
<i>L. S. Bayun, V. P. Yailenko</i> (Moscow) — L. A. G i n d i n. Drevneishaya onomastika Vostochnyx Balkan. Sofia, 1981	178
<i>L. V. Pavlenko</i> (Simferopol) — An Ancient Greek Novel. New Papyrus Fragments	184
<i>M. A. Dandamayev</i> (Leningrad) — New Works on the History of Central Asia, and Iran (М а р ы Б о у с е. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden/Köln: E. J. Brill, 1982; Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979; Persica, № VII. Louvain, 1978	197

SCIENTIFIC EVENTS

<i>O. B. Lopukhova, Ye. V. Lyapustina</i> (Moscow) — Authors' and Readers' Conference of the VDI (May 28—30, 1984. Moscow)	202
<u>Vladimir Grigor'evich Lukonin</u> (1932—1984)	215
<u>Vladislav Nikolaevich Andreev</u> (1927—1984)	216

SUPPLEMENT

<i>N. N. Kazansky</i> (Leningrad) — Stesichorus	217
Stesichorus. Fragments. Translation and Commentary by <i>N. N. Kazansky</i> (Leningrad), ed. <i>M. L. Gasparov</i> (Moscow)	225

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.02.85	Подписано к печати 29.04.85	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 21,0+3 вкл. Усл. кр. отг. 118,7 тыс.	Уч. изд. л. 24,3 Бум. л. 7,5
Тираж 5466 экз. Зак. 1083		

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 2 р. 50 к.

Индекс 70119

Вестник Древней истории, 1985, № 2